

Российские немцы Историография и источниковедение

Материалы международной
научной конференции

Анапа, 4-9 сентября 1996 г,

Москва
«ГОТИКА»
1997

УДК 39
ББК 63.5 (2Рос)
Р76

**Российские немцы. Историография и источниковедение. — М.:
Готика, 1997. - 372 с.**

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Германии*

*Die vorliegende Ausgabe ist durch das Auswärtige Amt
der Bundesrepublik Deutschland gefördert*

ISBN 5-7834-0024-6

© IVDK, 1997

© Издательство «Готика», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
----------	---

Историография

1. <i>Малиновский Л.В.</i> Обзор историографии сельского немецкого населения в России (1762-1917 гг.).....	13
2. <i>Чеботарева В.Г.</i> , Социально-экономические аспекты жизни немецких колоний в российской историографии (40-е годы XIX в. — 1917 г.).....	21
3. <i>Плеве И. Р.</i> Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.: к историографии вопроса.....	44
4. <i>Плохотнюк Т.Н.</i> Отечественная и зарубежная историография о немецких колониях Северного Кавказа.....	66
5. <i>Кулинич И.М.</i> Немецкие колонии на Украине: дореволюционная российская историография.....	74
6. <i>Алиев К.</i> Немцы Закавказья: краткий историографический обзор.....	83
7. <i>Шваб А.</i> Историография музыкальной культуры российских немцев.....	86

Источниковедение. Общие проблемы

1. <i>Герман А.А.</i> Документы партийных архивов как источник изучения истории «советских» немцев: общеметодологический подход.....	97
2. <i>Нелипович С.Г.</i> Источники по истории немецких колонистов России в годы первой мировой войны (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива).....	106
3. <i>Шадт А.А.</i> Материалы о немцах-спецпереселенцах в Государственном архиве Новосибирской области.....	118
4. <i>Курочкин А.Н.</i> «Трудармия»: историография и источники.....	126
5. <i>Энгель-Браунишмидт А.</i> Стихи немецкого иммигранта о России как исторический источник.....	134
6. <i>Иларионова Т.С.</i> Текущая документация организаций и обществ российских немцев: возникновение, состояние и проблемы систематизации.....	140
7. <i>Барбашина Э.Р.</i> Актуальность организации этносоциологического мониторинга по современным проблемам российских немцев.....	147

Москва и Петербург

1. <i>Петров Ю.А.</i> «Московские немцы»: проблема документального наследия германских предпринимателей в дореволюционной России.....	157
---	-----

2. *Шрадер Т.А.* Архивные и печатные источники о немцах Петрограда-Ленинграда с 1917 до середины 1930-х гг.....165

IV. Поволжье

1. *Дубинин С.И.* Воспоминания и дневники как источники по истории российских немцев Самарского региона.....175
2. *Вашкау Н.Э.* Фонды волостных и сельских правлений как массовый источник по истории народного образования немцев Поволжья (1870-1918 гг.)191
3. *Русакова З.Е.* Документы Саратовского губисполкома о противодействии губернских властей становлению Трудовой коммуны немцев Поволжья.....199
4. *Ерина Е.М.* Система среднего специального образования в Немреспублике по документам Наркомпроса АССР НП.....207
5. *Горобцова Е.А.* Материалы архивов и музеев как источник в реконструкции крестьянского костюма немцев Поволжья (конец XVIII — начало XX века).....217
6. *Малова Н.А.* Музейные экспозиции по истории и культуре поволжских немцев как исторический источник.....225

V. Сибирь

1. *Белковец Л.П.* Немцы Российской империи за Уралом: опубликованные источники.....235
2. *Матханова Н.П.* Немцы — деятели восточносибирской администрации XIX в. Источники для изучения проблем менталитета и стратификации.....250
3. *Греков Н.В.* Жандармские архивы как исторический источник по проблеме «немцы в Сибири».....260
4. *Вибе П.П.* Источники по истории формирования немецкого населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.....264
5. *Бетхер А.Р.* Источники по изучению традиционного хозяйства и промыслов немцев Западной Сибири конца XIX — первой трети XX вв.....268
6. *Шайдунов В.Н.* Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года как источник для изучения немецкого крестьянского хозяйства Алтая.....276
7. *Бруль В.* Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920-1950 гг.....284
8. *Гербер О.А.* «Раскулачивание» немецкой деревни в Западной Сибири. 1928-1934 гг. Источники и состояние проблемы.....293
9. *Рублевская С.А., Смирнова Т.Е.* Роль этнографических источников в изучении истории и культуры немцев Сибири.....303

VI. Украина

1. *Мешков Д. Ю.* Докладные регистры и мемории Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев как источник по истории немецкой колонизации Юга России 1800-1810 гг.....315

2. Плеская-Зебольд Э.Г. Архивные источники о «беспорядках» и хищениях в опекунских конторах новороссийских поселенцев Южного края России в 1800-1820 гг.....	328
3. Коновалова О.В. Письма герцога де Ришелье к С.Х. Контениусу (1803-1811 гг.) как источник для изучения процесса колонизации на Юге России.....	334
4. Чепцов В. В. Документы советских органов государственной безопасности как источник по изучению проблемы политических репрессий против немецкого населения Украины в 20-30-е годы.....	347
<i>НАШИ АВТОРЫ</i>	369

ВВЕДЕНИЕ EINLEITUNG

Diesem Sammelband liegen die Vorträge zur Historiographie und zur Quellenkunde der Geschichte der Rußlanddeutschen zugrunde, die auf der 3. internationalen Wissenschaftskonferenz in Anapa (4. bis 9. September 1996) gehalten wurden. An der Konferenz und aus dem Wolgagebiet sowie aus Deutschland, aus der Ukraine und aus Kasachstan teil.

In den Vorträgen zur Historiographie galt das Interesse hauptsächlich der Frage, wieweit das Leben der Kolonisten in den verschiedenen Geschichtsepochen Rußlands bereits erforscht ist. Das Hauptaugenmerk war dabei auf die deutschen Bauern an der Wolga, in der Ukraine und im Nordkaukasus gerichtet.

Die Vorträge zur Quellenkunde waren in ihrer Konzeption und in ihrer Art sehr unterschiedlich, anders als auf den vorangegangenen Konferenzen, gaben diese Vorträge nicht nur einfach einen Einblick in die Archivbestände, sondern boten gleichzeitig eine quellenkundliche Analyse der verschiedenen Probleme in der Geschichte der Rußlanddeutschen.

Das quellenkundliche Herangehen seitens der Konferenzteilnehmer war nicht nur beim Umgang mit traditionellen Archivadokumenten, sondern auch mit Memoiren und Erinnerungen sowie ethnographischen Materialien und aktuellen Dokumenten der deutschen Verbände und Organisationen festzustellen.

Diese Konferenz verdeutlichte anschaulich die große Bandbreite bei der Erforschung der Geschichte der Rußlanddeutschen und das gewachsene wissenschaftliche Niveau vieler Konferenzteilnehmer. Die Konferenzen von

Анапа и die 1995 gegründete Internationale Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen haben Wissenschaftler verschiedener Staaten zur weiteren Erkundung der Geschichte dieses Volkes zusammengeführt.

Die Organisatoren und Teilnehmer der Konferenz danken dem Ministerium für Nationalitätenangelegenheiten und föderale Beziehungen der Russischen Föderation sowie dem Auswärtigen Amt der Bundesrepublik Deutschland für die finanzielle Unterstützung bei der Durchführung der Konferenz und bei der Veröffentlichung der Konferenzbeiträge.

Die Herausgeber

На 3-й Анапской международной научной конференции, состоявшейся с 4 по 9 сентября 1996 г., были сделаны доклады по историографии и источниковедению истории российских немцев, которые легли в основу предлагаемого сборника. В ее работе приняли участие ученые из различных регионов России (Сибирь, Поволжье и др.), Германии, Украины, Казахстана.

В докладах по историографии главное внимание было уделено состоянию изученности жизни колонистов в разные периоды истории России. Особое внимание было уделено сельскому немецкому населению в Поволжье, на Украине и Северном Кавказе.

Разноплановыми и разнохарактерными были доклады по источниковедению. В отличие от предыдущих конференций, практически не было простых обзоров архивных фондов, а давался источниковедческий анализ различных проблем истории российских немцев.

Для большинства представленных исследований характерен источниковедческий подход не только к традиционно изучаемым архивным документам, но и к мемуарам и воспоминаниям, этнографическому материалу, к текущей документации немецких общественно-политических организаций.

Эта конференция наглядно показала широкий диапазон исследований по истории российских немцев, возросший научный уровень многих ее участников. Анапские конференции, созданная в 1995 г. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев объединили ученых различных государств для дальнейшего изучения истории этого народа.

Организаторы и участники конференции выражают благодарность Министерству Российской Федерации по делам национальностей и фе-

деративным отношениям и Министерству иностранных дел Германии за финансовую поддержку в проведении конференции и опубликовании ее материалов.

Оргкомитет

ИСТОРИОГРАФИЯ

Малиновский Л. В.

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ
(1762-1917 ГГ.)

Чеботарева В. Г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (40-Е ГОДЫ XIX В. — 1917 Г.)

Плеве И. Р.

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА ВОЛГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.: К
ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Плохотнюк Т. Н.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Кулинич И. М.

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА УКРАИНЕ: ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

Алиев К.

НЕМЦЫ ЗАКАВКАЗЬЯ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Шваб А.

ИСТОРИОГРАФИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ (1762-1917 гг.)

Л.В. Малиновский

Приступая еще в 60-е гг. к разработке историографических проблем немецких колонистов в России, мы встретили значительные затруднения. Дело в том, что исторические работы о немцах России XVIII — начала XX вв. эпизодичны, не составляют единого массива и не принадлежат к определенным историческим школам, как этого можно было бы ожидать. Они часто вообще написаны не профессионалами-историками, а случайными людьми, по долгу службы или по обстоятельствам жизни оказавшимися в немецкой деревне. Более того, авторы работ, как и соответствующее немецкое население, разделялись по отдельным территориям и конфессиональным группам. Поэтому и работы носят большей частью локальный характер, причем по одной и той же группе населения они выходили на русском и на немецком языках, некоторые на обоих языках, а также публиковались в Германии по-немецки. Большое значение имела при этом конфессиональная принадлежность автора. Так, есть историки католические, лютеранские, меннонитские, которые полностью игнорировали жизнь и историю даже соседней деревни, если ее жители исповедовали другую религию.

Прежде чем приступать к рассмотрению работ по отдельным периодам и территориям, рассмотрим вкратце вопрос об источниках, на которые могли опираться историки немецкой деревни в России. На историографию оказывал в данном случае большое влияние социальный состав населения: в немецкой деревне не было дворян-поме-

щиков, да и землевладельцы из богатых фермеров появились только во второй половине XIX в., национальная буржуазия и светская интеллигенция — в начале XX в. Поэтому монополия на написание истории немецкой деревни долгое время находилась в руках пасторов и проповедников, которые часто не были уроженцами этой деревни или этого округа и рекрутировались из молодых германских либо швейцарских теологов или, еще чаще, из выпускников Дерптского (Тартуского) университета [1]. Часть работ была написана также чиновниками, которые служили в аппарате управления немецкими колониями до 1874 г., либо авторами, которые посещали их эпизодически.

Такой состав авторов влиял и на источниковую базу этих работ — ее основу составляли документы общинных архивов и крестьянские хроники, а также церковные книги. Авторы-чиновники использовали прежде всего Полное собрание законов Российской империи, а также доступные им ведомственные архивы. Государственные, а тем более иностранные архивы ими не использовались.

Локальный характер работ и особенности источниковой базы приводили и к тому, что до 1917 г. исследованиями были затронуты, главным образом, определенные области расселения колонистов в России: Поволжье, Южная Украина и Закавказье. Но они не коснулись Волыни, петербургских колоний и, самое важное — многочисленных дочерних колоний, распространившихся в XIX в. по Северному Кавказу, Дону, Заволжью, Уралу и Западной Сибири (включая и некоторые области Казахстана). Это было связано прежде всего с отсутствием в этих поселениях своей интеллигенции, а также с более коротким сроком их существования.

Почти все старые авторы рассматривали немецкую деревню, все ее крестьянство, как однородную массу привилегированных колонистов. Только иногда из нее выделялись группы «способных к земледелию», или «пользующихся землей», и безземельных. Много писалось о благополучии и богатстве немецкой деревни, однако приводившиеся цифровые данные (например, у Келлера) охватывали населенные пункты суммарно, указывалось лишь общее число домов, скота и пр. Это было следствием того, что колониальную администрацию не интересовала судьба каждого хозяйства, для нее важна была податная способность всей деревни. Вот почему история отдельных социальных и имущественных групп, как безземельных, так и городского населения — отходников, купцов, даже помещиков, оставалась за рамками этих работ.

Первой исторической работой о немецких колонистах была, несомненно, стихотворная хроника Б.Платена «Описание путешествия

колонистов, а также образа жизни русских». Он показывает обстоятельства перевозки и вербовки колонистов, выражает их недовольство насильственным обращением всех новоселов в крестьянское сословие [2].

Вторым автором и очевидцем событий XVIII в. был Х.Г.Цюге. В своей книге «Русский колонист», которая вышла в 1802 г. в Германии, он подробно описывает вербовку колонистов в Гамбурге, путешествие в Россию и условия на месте основания колоний [3]. Особенно ценны его наблюдения над социальным составом переселенцев. Недавно эти два тома были переизданы в Германии.

После этих первых свидетельств о переселении в Поволжье (о других местах и процессах сведения весьма редки) наступает длительная пауза — сами колонисты переживают долгий и тяжелый период освоения целины и обустройства на новых местах. Их прежняя родина, Германия, занята своими проблемами — в Европе бушуют наполеоновские войны, появляется национальное движение в Германии, и жители ее постепенно забывают о бедных эмигрантах. Только русские чиновники из Попечительного комитета иностранных колонистов Южного края России пишут полуофициальные отчеты в петербургских журналах, без стеснения приукрашивая успехи и достижения своих подопечных [4].

Но, несмотря на обилие законов, отчетов и других официальных документов, на протяжении почти 100 лет не появлялось исторических работ о немецких колонистах. Только в 1869 г. один из первых исследователей колоний пастор А.Ф.Шренк опубликовал свою работу «История закавказских немецких колоний», где он изложил историю 11 немецких швабских колоний с 1817 до 1860 г. Он пишет о трудностях освоения новых мест, об эпидемических заболеваниях, о нападениях курдов, турок, но прежде всего об истории сепаратистских религиозных общин, которые долго сопротивлялись попыткам подчинить их официальной лютеранской церкви и Петербургской консистории [5]. В том же году вышла обширная работа Ал.Клауса «Наши колонии», но это, скорее, не история колоний, а описание колониальных округов с многочисленными статистическими материалами, которое позднее широко использовалось различными авторами [6].

Некоторый интерес к немецким колониям в России проявляли и немцы-путешественники, среди них И.Г.Форстер, один из первых посетивший места поселения в Поволжье по поручению Екатерины II [7], а также П.С.Паллас, который посетил Поволжье во время своей экспедиции 1770-73 гг., его описание неоднократно цитируется последующими авторами, хотя оно, на наш взгляд, весьма поверхностно [8].

Известный своими исследованиями русской общины барон А.Гакстаузен приводит в своей трехтомной работе важные материалы и о немецкой деревне, в особенности о развитии там ремесла и сельскохозяйственного производства. Однако он не сравнивает хозяйство русского либо украинского крестьянина с хозяйством немецких колонистов; для середины XIX в. такое сравнение было и вовсе некорректным, учитывая еще существовавшее крепостное право [9].

В связи с предстоявшей крестьянской реформой немецкой деревней заинтересовались и другие германские ученые. Так, Петцольд, посетивший Южную Россию и немецкие деревни там, первым рассказал о попытках перенести хозяйственные отношения немецкой деревни в среду русского и прочего населения. Однако он побывал только у меннонитов, причем лишь в хозяйствах крупных фермеров и землевладельцев, и в своем описании нередко выдает желаемое за действительное [10].

С другой стороны и более критично подошел к жизни колоний Ф.Маттеи в работе «Немецкие поселения в России, их история и их народнохозяйственное значение в прошлом и будущем» [11]. Он рассматривал историю переселения колонистов в Россию и состояние немецкой деревни под углом перспективы новой германской иммиграции. Он уже учитывает результаты крестьянской реформы 1861 года и описывает попытки некоторых помещиков заменить ушедших крепостных иностранными колонистами. Но вывод о перспективах иммиграции он делает отрицательный, особенно перед лицом начавшегося освоения Запада в США.

Работами Петцольда заканчивается дореформенный период истории немецкой деревни, которая до 1871 г. представляла собой «государство в государстве» — привилегированное иностранное поселение под особым колониальным управлением. После реформ капиталистическое развитие немецкой деревни породило наконец свою местную интеллигенцию, появились учителя, писари, фельдшеры, а потом и пасторы из колонистов. Но и среди них не было профессиональных историков, да и интересы этой новой интеллигенции были скорее связаны с настоящим немецкой деревни, а не с ее феодальным прошлым.

Кроме того, положение в деревне все более обострялось. Кризис сельского хозяйства в России в конце XIX в., трудности сбыта и продолжавшийся упадок помещичьих хозяйств, а также появление на рынке конкурирующей русской буржуазии способствовали созданию инспирированных крепостниками и конкурентами новых «исторических» работ, которые были скорее политическими памфлетами против ко

лонистской буржуазии, скупавшей имения и земли разорявшихся русских дворян. На первом месте здесь, несомненно, стоит книга А. Велицына (псевдоним, настоящая фамилия А. Палтов), петербургского чиновника, посланного обследовать немецкие колонии Юга и Поволжья. Он напечатал сначала серию статей, а затем и книгу «Немцы в России» [12]. Кроме своих беглых впечатлений, он использовал литературу колониальных времен, прежде всего работы А. Клауса, но исключительно для дискредитации немецкого крестьянства и нарождавшейся буржуазии. Он обвинял их в преднамеренной изоляции от русского общества (т.е. от дворянства), а главное, в «мирном завоевании России», подразумевая под этим скупку помещичьих земель разбогатевшими колонистами. Его книга вызвала резкую отповедь со стороны немецких газет, а южный помещик П. Каменский специально посвятил выходу книги «Немцы в России» свою работу [13], в которой справедливо критиковал Велицына за предвзятость и некомпетентность.

В конце века открыли наконец немецкую деревню и деятели земства, которых в первую очередь интересовала, конечно, русская крепостная деревня и ее наследие в пореформенные времена. Важнейшей работой, основанной на земской статистике, является книга В.Е. Постникова, высоко оцененная и молодым Лениным в его первой работе. Но Постников не только предварительно написал специальную работу о колонистах [14], но и включил в свою книгу главу «Почему богатеют южнорусские колонисты-немцы?». Правда, его объяснения больше походят на констатацию фактов, он указывает на то, что у колонистов и земли больше, и техника современнее.

Мечты о создании в русской деревне собственности фермерского типа отразились в столыпинской реформе 1906 г., которая не имела большого значения для немецкой деревни Юга — отруба и хутора были там уже привычным явлением. Видимо, поэтому единственной работой о столыпинской реформе в немецкой деревне осталась небольшая диссертация Преториуса, изданная в Германии, где анализируются итоги реформы для немцев Поволжья [15]. Серьезных исследований об этой реформе не появилось ни до, ни после 1917 г. Так, в известной советской работе Шмидта о реформе содержатся лишь очень краткие сведения [15].

Крестьянское движение 1905-1906 гг., революция и реформа повысили интерес русского общества к истории национального крестьянства. На этой волне, в 1909 г. появилось самое значительное исследование по истории колоний — книга проф. Писаревского [17]. Он впервые описал, основываясь не на Полном собрании законов, как это пытались делать ранее, а на архивных материалах, историю вербовки

колонистов, ход переселения и обстановку создания поселений в Поволжье. Но поскольку его работа посвящена только XVIII веку, он вовсе не описывает переселение в Россию колонистов Юга и тем более историю дочерних колоний. Переселению меннонитов он посвятил небольшую работу, вышедшую в 1917 г. [18]

Почти исключительно описательные задачи ставили себе и меннонитские историки, их интересовала история единоверцев, основание новых общин, деятельность проповедников, но отнюдь не социальные и общественные проблемы, даже в применении к меннонитской деревне. Только иногда, как в работах Изаака и Эппа, прорываются на свет такие проблемы, как появление безземельных, выселение их на новые земли, эмиграция меннонитов в США и в Канаду после 1877 г. и т.п. [19]

Пробуждение национального сознания в немецкой деревне под влиянием революции 1905 года и стремление осознать свое прошлое вызвали к жизни несколько работ по истории колоний, написанных местными пасторами по заказам общин. Это прежде всего работы Г.Бераца и Г.Бауэра по истории немцев Поволжья [20], а также двухтомный труд пастора К.Келлера о католических колониях под Одессой [21]. Названные авторы в своих работах ограничились лишь материалами ныне исчезнувших общинных и церковных архивов, а также описаниями деревень, составленными в 1848 г. по указанию Попечительного комитета, не используя документы центральных архивов и печатных изданий. В этом их слабая сторона. Сюда же можно отнести и исследование пастора Бинемана по истории одесской городской немецкой общины, частично состоявшей из бывших колонистов-лютеран, переселявшихся постепенно в Одессу [22].

Те же особенности свойственны историческим работам локального характера и о закавказских колониях: пастора Шренка и П.Гофмана [23]. Только в книге германского дипломата графа Г.Швайница [24] сделана попытка дать некоторый социальный анализ проблем закавказских колонистов-виноделов.

Важнейшим результатом столыпинских реформ для немецкой деревни было переселение десятков тысяч безземельных и некоторых колонистов-предпринимателей на Урал, в Сибирь и в Казахстан. Однако для издания книг об этом переселении времени уже не осталось: в 1914 г. вся немецкая пресса в России была закрыта вместе с книжными издательствами.

Однако свирепые «ликвидационные законы» царского правительства в свою очередь вызвали ряд работ, направленных как на обоснование, так и на опровержение этих законов. С одной стороны, выходят чер-

носотенные писания шовинистов, развивавших идеи Велицына и думской «Комиссии по борьбе с немецким засильем», такие как «Золото Рейна» А.Ренникова, где он писал, что немецкие колонисты скупали земли русских помещиков на деньги германских банков и нарочно селились вокруг русских крепостей и портов, являясь шпионами и агентами Вильгельма [25]. С другой стороны, выходят книги пастора Я.Штаха [26] и проф. Линдемана в защиту колонистов от этих и других несправедливых обвинений (работа К.Линдемана была издана в начале 1917 г. малым тиражом специально для депутатов IV Гос. Думы [27]). В этих книгах авторы приводят многочисленные данные о колонистах-помещиках, доказывая их привязанность к России и русскому дворянству; попутно раскрывается и процесс капиталистического развития в немецкой деревне и выделения нового класса — капиталистических землевладельцев.

Такую же защитную функцию выполняла и недавно переизданная работа члена Гос. Думы Я.Дитца, оригинально поставившего вопрос о национальном своеобразии колонистов Поволжья, о тех изменениях, которые претерпели их образ жизни, их хозяйство и их национальный характер в России до 1914 г., в частности в результате принятия ими русского общинного строя [28].

И наконец, из чисто конъюнктурных соображений во время первой мировой войны появляются книги и брошюры меннонитских деятелей, которые с пеной у рта доказывали, что меннониты — не немцы, а голландцы и, следовательно, не подлежат преследованию и тем более экспроприации согласно «ликвидационным законам». Желание сохранить свои имения и предприятия было вполне понятным источником этих идей, о которых не было и слышно на протяжении 120 лет прежней истории меннонитов в России. Недаром одним из активных распространителей этой идеи был Г.Бергман, выходец из меннонитов, но крупный землевладелец на Юге [29].

Народное движение 1917 г. и Октябрьская революция покончили с войной, с преследованиями немцев и с дискуссиями такого рода. Однако исторических работ о немецких колонистах в России не появлялось еще многие годы, и фактически первой из них стала уже упоминавшаяся нами капитальная работа Д.Шмидта.

Примечания

1. Согласно подсчетам К.Штумппа, 63% пасторов в немецких колониях были выпускниками Дерптского университета // Heimatbuch. 1960. S. 89.
2. Опубликована в приложении к книге А.Клауса «Наши колонии» в 1869 г.
3. Züge Chr. Der Russische Colonist oder Chr.G. Züges Leben in Rußland. Zeitz und Naumburg, 1802; Ed. Temmen, Bremen, 1988.

4. Таким автором был А.Н.Фадеев, чиновник Попечительного комитета и автор позднее изданных мемуаров (Воспоминания, Одесса, 1887) — в 1823 г. он опубликовал анонимно в «Северном Архиве» ряд статей под общим заглавием «Обозрение иностранных колоний...».
5. Geschichte der deutschen Colonien in Transkaukasien. Zum Gedächtnis des 50-jährigen Bestehens derselben, bearbeitet von A.F.Schrenk, Pastor zu Elisabeththal. Tiflis. 1869. 196 S.
6. Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. 456 с; см. также: Klaus A. Unsere Kolonien... Odessa, 1887. 336 S.
7. И.Р.Форстер, отец известного путешественника и революционера Георга Форстера, объезжал в 60-х гг. еще почти незаселенные территории немецких колоний Поволжья. См. нашу статью: «Ein Rätsel der Wolgadeutschen Geschichte» // Heimatliche Weiten. М. 1988. Nr 2. S. 235-244.
8. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1778. Т. III. Кн. 2-я.
9. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Ганновер, 1846-52, рус. перев. СПб., 1870.
10. Petsoldt A. Reise im westlichen und südlichen europäischen Rußland im Jahre 1855. Leipzig, 1864. 498 S.
11. Matthäi Fr. Die deutschen Ansiedlungen in Rußland. Ihre Geschichte und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung für die Vergangenheit und Zukunft. Leipzig, 1866. 406 S.
12. Велицын А. Немцы в России. СПб., 1893. 282 с.
13. Каменский П.В. Вопрос или недоразумение? М., 1895. 136 с.
14. Постников В.Е. Молочанские и хортицкие немецкие колонии. Сельское хозяйство и лесоводство, 1882, февраль, апрель, май; Его же: Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891. 384 с.
15. Praetorius M. Galka, eine deutsche Ansiedlung an der Wolga. Weida in Thüringen, 1912. 96 S.
16. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil I. Pokrowsk, 1930. 386 S.
17. Писаревский Гр. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. 340 с.
18. Его же. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. Ростовна-Дону, 1917. 74 с.
19. Isaac F. Die Molotschaner Mennoniten. Halbstadt, 1908. 383 S.; Epp D.H. Chortiser Mennoniten. Odessa, 1889. 196 S.
20. Beratz G. Die deutschen Kolonien an der Unteren Wolga in ihrer Entstehung und erster Entwicklung. Saratow, 1915. 323 S.; Bauer G. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga. Saratow, 1908. 182 S.
21. Keller C Die deutschen Kolonien in Südrußland. Bd. i-2. Odessa, 1905 u. 1914, 306 u. 376 S.
22. Bienemann F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Odessa. Odessa, 1890. 460 S.
23. Hoffmann P. Die deutschen Kolonien in Transkaukasien. В., 1905. 292 S.
24. Schweinitz H. Helenendorf, eine deutsche Kolonie im Kaukasus. В., 1910. 113 S.
25. Ренников А. (Селитренников А.). Золото Рейна. Пг., 1916. 390 с.
26. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. 266 с.
27. Линдеман К. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников по законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. М., 1917. 384 с.
28. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.
29. Кто такие меннониты? Гальштадт, 1915. 78 с; Эпп Г., Бергман Г. К вопросу о происхождении меннонитов. Пгр., 1915. 34 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (40-Е ГОДЫ XIX В. — 1917 Г.)

В.Т. Чеботарева

Начало изучения истории колонизации в России относится к 30-м гг. XIX в. Авторами первых публикаций по вопросам социально-экономического положения колоний были преимущественно чиновники государственных ведомств, занимавшиеся управлением колоний, их финансовым обеспечением, анализом экономической деятельности, сбором статистических сведений. Основываясь на официальных документах — законодательных актах Сената, царских указах, отчетах контор опекунства иностранных колоний, — они описывали систему землепользования, производственную специализацию, доходность хозяйств, оценивали значение всякого рода нововведений в агрономической культуре, селекционной работе. Научные исследования, монографии, созданные в результате систематических изысканий историков и экономистов, появляются в 70-х гг. XIX в.

Социально-экономическим предпосылкам политики колонизации уделили внимание в своих трудах С.М.Соловьев, А.Клаус, Г.Писаревский, Я.Штах и др.

С.М.Соловьев указывает на главную причину осознанной необходимости колонизации земель — «государство было бедно людьми». С начала нашей истории, пишет ученый, «мы замечаем в России явление, ведущее ко многим очень печальным последствиям, — это несоответствие обширности страны с количеством народонаселения. Небольшое народонаселение разбрасывается в обширной стране... Земля дешева, работник дорог... Крепостной работник бежит... владельцы бежавших вопят, требуя помощи правительства в поимке беглых,

и Россия представляет любопытное зрелище гоньбы за человеком, за рабочей силою...» [1]

Я.Штах, автор ценной монографии по истории немецких поселений, касаясь причин колонизации, писал, что в результате победоносных войн с Турцией Россия присоединила к своим территориям громаднейшие плодороднейшие области, представлявшие собой сплошную бесплодную пустыню; эти области стоили столько жертв и крови, надо было заселить их, чтобы создать там основы оседлой жизни и гражданственности, иначе они никакой пользы не принесли бы [2]. Штах указывает также и на социально-экономические предпосылки переселения иностранцев в Россию: недостаток трудовых ресурсов, необходимость введения в хозяйственный оборот целинных земель.

Изучая первый этап колонизации, историки делают акцент на поспешных, непродуманных действиях вызывателей при найме рабочей силы в зарубежных государствах. Авантюрный характер действий первых вербовщиков, их неумная жажда обогащения имели следствием прибытие в Россию людей, не способных к земледельческому труду. Разорившиеся ремесленники, солдаты, выброшенные за борт военной службы по увечью, вечные студенты, кутилы и всякого рода прожигатели жизни, не умевшие даже запрячь лошадь в телегу, — таков социальный состав первых переселенцев. Попытка приспособить этих люмпенов к сельскохозяйственному труду дала плачевные результаты, лишь немногие всерьез взялись за дело.

Многие из колонистов образом жизни и рачением к хозяйству не соответствовали ожиданиям, какие имели при водворении их в Россию. В 1775 г. Екатерина II повелела трудолюбивым «объявить Монаршее благоволение, а нерадивым и беспорядочным в образе жизни предоставить, по уплате долгов, выехать из России или вступить в военную службу» [3].

Попытки привлечь к освоению новороссийских земель дворян и находившихся на русской службе иностранцев успеха не имели. Г.Писаревский, исследовавший причины приглашения иностранцев к освоению земель, писал: «... в конце XVIII в. право собственности на землю в Новороссийском крае не отличалось устойчивостью; казенные земли отдавались в большом количестве русским дворянам или иностранцам, но через несколько лет отбирались из-за неуплаты поземельного налога, нарушения взятых на себя обязательств по заселению наделов» [4]. Не имея источников рабочей силы в самой империи, Екатерина II использует трудовые ресурсы зарубежных стран, в основном германских

княжеств, где в это время жестокие крепостнические порядки выбрасывали из деревень тысячи крестьян, ограбленных феодалами.

Колонизация земель, одновременное строительство и благоустройство нескольких сотен колоний достигалось дорогой ценой; первые десятилетия огромные инвестиции не окупались доходами, однако целесообразность масштабного освоения территорий в правительстве не подвергалась сомнению. Для пересмотра этой политики, или временной приостановки колонизации, понадобилось событие чрезвычайное — экономический кризис. В начале 20-х гг. XIX в. в результате участия России в континентальной блокаде Англии, прекращения торговых отношений с этой страной, а также вследствие ряда других причин социально-экономического значения, произошла девальвация русского рубля, возник бюджетный дефицит. Специально сформированный «Комитет для сокращения издержек на 1810 г.» ставит перед правительством вопрос о «чрезмерной дороговизне водворения колонистов» иностранных. Г.Писаревский цитирует отчет Комитета. По ведомостям Министерства внутренних дел, говорилось в отчете, «одна колонистская семья, около столицы водворяющаяся, стоит казне на первоначальное обзаведение с лишком 5000 рублей, тогда как крестьяне, природные подданные, переселяясь из губерний многолюдных... и составляя полезнейшие для государства колонии, никакой почти ссуды не имеют, так что пособие, немецкой семье, свободной от рекрутской службы и от других повинностей, даваемое, могло бы с вероятностью обращено быть на переселение семей 50 российских крестьян к существенной пользе самих их и государства» [5]. На основании отчета был издан высочайший указ о временном прекращении выдачи денежных ссуд колонистам.

Следует особо отметить, что в публикациях, посвященных колониям, вплоть до 90-х гг. XIX в. вопрос об экономической эффективности привлечения иностранцев к освоению новых земель не ставился; авторы статей, помещенных в Журнале Министерства государственных имуществ и в Журнале Министерства внутренних дел, как правило, были чиновниками государственного управления и, движимые верноподданническими чувствами, ограничивались констатацией фактов экономического значения, не задумываясь о политической сущности курса правительства, предпочитавшего в освоении земель опираться на иностранцев, а не на «природных подданных» — крестьян.

В историографии политики колонизации преобладают публикации, посвященные экономической деятельности колоний. Их авторами

были в середине прошлого столетия в основном практики. Один из них, И. Корнис, — крупный землевладелец, талантливый организатор колониетского хозяйства на реке Молочной, член-корреспондент Ученого Совета Министерства государственных имуществ. Обобщая опыт молочанских меннонитских колоний, он писал: «Благосостояние колонистов умножается с каждым годом за счет выращивания зерновых, льна, табака, масличных культур, разведения элитных пород скота, тутового шелкопряда. Возрастание валового сбора сельскохозяйственных продуктов обусловило их первичную обработку: около 3 тыс. колонистов занимались прядением шерстяной и льняной пряжи, выделяли сукно; на кирпичных и черепичных заводах изготавливались строительные материалы, что позволяло обновлять старые и строить новые жилые дома, школы». Корнис с удовлетворением отмечал: «Колонии ежегодно украшаются... постройкой красивых, уютных и более безопасных от огня домов, более применимых к хозяйственным потребностям» [6].

Повествуя об успехах колонистов, Корнис вскрывает причины столь успешной деятельности: поселение молочан свидетельствует о том, что «может сделать постоянный и благоразумно направляемый труд для благосостояния человека. Трудолюбие и бережливость произвели здесь, с одной стороны, цветущее положение сельскохозяйственных ремесел, а с другой — положили прочное основание достаточности, даже богатству поселенцев» [7]. Корнис не упоминает при этом, что для достижения высокой степени материального благосостояния одного трудолюбия было бы недостаточно без как финансовой, так и других видов помощи со стороны российского правительства. Более прагматичен в оценке преуспевания меннонитов автор статьи «Описание меннонитских колоний в России»: молочанские меннониты, не довольствуясь 120 тыс. надельной земли, большая часть которой отличалась исключительным плодородием, брали в аренду обширные земельные наделы по баснословно низкой цене, и это-то и было источником их постоянно возрастающего богатства. Имея в своем распоряжении степные просторы, они разводили тысячные стада овец, что приносило огромные прибыли [8].

Публикации И. Корниса [9] дают представление не только о путях достижения материального благополучия, но и о роли колонистов в разработке научных основ агрономии. В первые годы после переселения в Таврическую губернию меннониты, не имевшие ясного представления о местных природно-климатических условиях, были истинными страстотерпцами: неурожаи, засуха, дефицит водных ресурсов, па-

деж скота от эпидемий неясной этимологии, неумение бороться со всем этим злом, приводили в отчаяние даже мужественных, известных твердостью духа меннонитов. Но, идя путем проб и ошибок, они стали обладателями ценного опыта и знаний. И.Корнис писал: «Отрадно видеть, как с каждым годом хозяйство у молочанских меннонитов все более делает успех... хозяйничают не так, как прежде, когда большая часть работ производилась наудачу, как-нибудь; теперь в каждой колонии каждый хозяин убедился опытом или примером, что домоводство и земледелие... требуют старательности, познаний» [10].

Публикации о меннонитских колониях позволяют утверждать, что на первых этапах истории немецких поселений ведущая роль в организации сельскохозяйственного производства принадлежала общине с ее круговой порукой, ответственностью всех за каждого. Ю.Витте, изучавший систему хозяйствования в меннонитских колониях [11], отмечал как особое достоинство систему самоуправления на р. Молочной: деятельность 44 колоний координировалась из одного центра — Комитета, руководимого И.Корнисом. Витте подчеркивает, что колонии находятся в непосредственной связи между собою, все отличаются рациональными приемами в агротехнике, за соблюдением которых следит Комитет [12].

Авторы публикаций по истории колоний наводят читателя на мысль, что круговая порука, господствовавшая в колонии, строгий контроль над каждым членом общины, хотя и сковывали личную свободу колониста, но имели вместе с тем важное социально-экономическое значение, непосредственно влияли на подъем хозяйства. И не последняя роль в этом принадлежала практике распространения среди колонистов передового агрономического опыта посредством публикаций в местных колонистских газетах.

Поэтому не случайно Комитет имел неограниченную, в сущности, власть над членами общины. Ю.Витте сообщает: за беспорядочное ведение хозяйства Комитет мог оштрафовать меннонита в пользу мирской кассы, дать наряд на общественные работы. Отяявленного лентяя, кутилу и мота безжалостно изгоняли из своего круга. В таких случаях Комитет рекомендовал миру отнять у «нечестивца» хозяйство и, уплатив ему стоимость усадьбы, отдать ее молодому, трудолюбивому, не имеющему земли члену общины [13].

Я.Штах подробно характеризует роль общины и избираемых ею руководителей в контроле за жизнью и деятельностью колонистов. «Беда тому хозяину, — пишет он, — у которого инспектор увидел нерадение, грязь и беспорядок на дворе, около дома, в саду... В этом слу-

чае от него уже нельзя ждать пощады! Таким постоянным надзором комитет всегда поддерживал в колониях строгую дисциплину и порядок» [14]. Штах указывает на меры дисциплинарного воздействия: «Нерадивые хозяева понуждались к работе денежными штрафами, арестом и телесными наказаниями» [15].

Тесная спаянность и взаимозависимость меннонитов составляли разительный контраст с обособленностью соседей-помещиков. Владелец имения в Херсонской губернии И. Гулак сетовал на то, что землевладельцы, лично руководившие своими имениями, брели в одиночку по пути овладения тайнами природы: «Мы находимся на первой ступени земледелия, и потому каждый из нас учится собственным опытом. Каждый делает те же ошибки, имеет те же неудачи, испытывает те же потери, без пользы для других. Практические замечания и следствие их — теория, не двигаются вперед, по новости края, по неимению обществ, по разъединению хозяйств» [16].

Помещики терпели колоссальные убытки из-за разрозненности, неосведомленности в области агрономической науки, меннониты же получали высокие доходы благодаря хорошо налаженной системе информации через различные агрономические общества и местные газеты.

Но не только общинные порядки лежали в основе процветания колоний. Важнейшее значение имело привнесение на российскую почву этнических, тесно связанных с конфессиональными, трудовых традиций. Исследователи, посетившие новороссийские колонии, с восхищением писали о твердой приверженности колонистов к национально-этническим традициям — поселения «иностранцев» на российской земле поражали своим немецким обликом. Этническая самобытность колонии Розенталь Хортицкого уезда Таврической губернии привела в восторг профессора из Германии А. Гакстгаузена: «Как будто нас внезапно пересадили в западную Пруссию в долины Вислы, — до того по-немецки было все кругом нас! Не только люди, их манеры, язык, одежда, дома и их устройство... — все было немецкое... Здесь немецкое разделение и обработка полей, поля и луга обнесены немецкой изгородью. Расположение деревень и отдельных дворов, огороды... все, как в Германии!» [17] Наблюдательный ученый, побывавший до этого в Поволжье, увидел различия в этнографическом облике таврических и саратовских колоний: «Этого вовсе нет у немецких колонистов на Волге: там немцы сохранились только по языку, одежде и нравам, все вокруг их носит на себе, скорее, русский характер, разве с примесью некоторых немецких удобств» [18].

Система землепользования в колониях Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний, своеобразие агротехники, применения

орудий труда — тема, получившая отражение во многих публикациях. Одна из первых статей на эту тему принадлежит Д.Н.Струкову[19]— инспектору сельского хозяйства южных губерний России, Земля каждой колонии, пишет он, разделена на усадебную, сенокосную, пастбищную и полевую; последняя находится в непосредственной близости от села и в свою очередь делится на 4 участка (четырёхпольный севооборот). В каждом поле поселянин имеет по 6,4 дес. Опыт 40 лет, приходит к выводу Струков, показывает преимущество такого севооборота: полевые участки находятся у каждого под рукой — число хозяйств в колонии ограничено 19 хозяйствами, и каждый свободный час колонист занимается улучшением своего участка, выигрывая во времени и расстоянии; близость от дома позволяет ему тщательно обрабатывать землю с использованием рабочего скота и усовершенствованных орудий труда, изготовленных своими же сельскими ремесленниками [20].

Обстоятельный анализ экономического развития колоний представлен в фундаментальном труде А.Клауса [21]. Основываясь на материалах государственных архивов, автор нарисовал широкую картину жизни колоний, с приложением многочисленных статистических таблиц, дающих представление о площади земельных наделов, количестве скота, урожайности культур и т.д.

А.Клаус одним из первых выявил процесс социального расслоения в немецкой колонии вследствие концентрации земельных наделов в руках богатых колонистов. Изучив отчеты Молочанской меннонитской сельскохозяйственной комиссии, он пришел к выводу, что увеличение меннонитского населения шло быстро, и вскоре истощились ресурсы «запасных земель»; мирские сходы противились дроблению 65-десятичных подворных наделов так упорно, что уже на исходе 30-х гг. «масса накопившегося у них безземельного населения приводила в раздумье наиболее опытные и проникательные умы» [22]. В 1841 г. в Молочанском округе было 1700 безземельных и 1033 хозяина, но ни одна усадьба не была разделена; в 1867 г. — 1612 хозяев наделных участков, владельцев половинных наделов и безземельных— 1493. [23]

А.Клаус указывает и на другую причинно-следственную связь: в состав мирских сходов входили только распорядители 65-десятичного двора и только они имели право быть избранными на общественную службу; эти хозяева сосредоточили в своих руках всю власть в общественном самоуправлении и, распоряжаясь по своему усмотрению средствами общества, позволяли заселение запасных участков только при наличии 2-3 тыс. руб. на первоначальное обзаведение. В резуль-

тате на запасных участках водворялись родственники этих вершителей судеб колонистов; безземельные оставались ни с чем. Постепенно в руки состоятельных хозяев переходили земельные наделы тех, кто был вынужден дробить землю, будучи обременен многочисленной семьей. В 40-х гг., констатирует А.Клаус, в состав безземельных входило все нарождавшееся население, хотя в Молочанском округе еще оставалось 35 дес. запасных земель [24]. Ученый саркастически замечает, что догматы христианской любви к братьям — членам общины не помешали богатым меннонитам отказаться от евангелических принципов. Законодательная власть, выступавшая в религиозной форме, была узурпирована меннонитским капиталом.

А.Клаус исследовал процесс расслоения немецких колонистских обществ в 60-х гг. Другой ученый, В.И.Петровский, анализировал это явление социально-экономической жизни в конце 80-х на основе тщательного изучения обширной статистики подворного землевладения в Таврической губернии [25]. Петровский показывает эволюцию земельных отношений в немецких колониях: первые поселенцы получили по 65 дес. земли, но уже к середине XIX в. тысячи колонистов утратили землю. В 60-х гг. правительство наделило их 12 дес. на семью, вследствие чего колония «распадается как бы на два общества, интересы которых идут вразрез другому» [26]. К началу 80-х гг. земли не имели 18% меннонитских дворов. В.И.Петровский замечает, что среди меннонитов Бердянского уезда наблюдается сильное движение за общинную форму землевладения — традиционную для русской деревни. Вопрос перехода на чуждую индивидуалистскому сознанию меннонита систему землепользования расколол дотеле спаянное общество на два лагеря: владеющие одним или несколькими половинными наделами стояли за сохранение старой формы, симпатии антагонистов, получивших по 12 дес. наделной земли, — на стороне «общинников». «Эта рознь, — заключает Петровский, — основывающаяся на чисто экономических интересах... подогревается религиозной враждой» [27]. Значительное число мелких собственников и безземельных обратилось в баптизм и «с замечательною энергией и твердостью отстаивает свое стремление, которому, по всей вероятности, не суждено будет осуществиться...» [28] Как уже не раз было в истории, социальный протест проявился у меннонитов в религиозной форме.

Свои выводы о расколе социального мира колонистов А.Клаус и В.Петровский получили на основе изучения документальных источников меннонитских колоний. Более масштабная картина представлена в капитальном труде В.Постникова [29] — чиновника по устрой-

ству казенных земель в Таврической губернии. Скрупулезно изучив земско-статистический материал о землевладении в новороссийских губерниях, а также осуществив специальные исследования, он создал труд, который был признан выдающимся явлением в экономической литературе XIX в.; эта оценка не устарела и в наше время.

Концентрация земли в руках зажиточных колонистов, пишет Постников, достигалась за счет приобретения участков, продаваемых при разделе колонистского хозяйства. Половинный участок, как правило, не обеспечивал средств существования для многочисленной семьи, и колонист вынужден был продавать землю. По данным Постникова, к 1890 г. в Мелитопольском уезде число хозяев, владевших 12-20 дес. земли, составляло 14%; имевших небольшой участок — 27%; безземельных — 13%. В то же время набирала силу новая тенденция — концентрация земли в руках владельцев полных наделов: 66% хозяев имели наделы в 60-65 и более десятин, некоторые владели 2-6 полными наделами — до 360 дес.[30]

Обширный материал по истории формирования немецкого землевладения в России содержится в монографии А.Велицына [31]. Его труд представляет большой интерес, несмотря на тенденциозность и пристрастное отношение к колонистам, их роли в развитии производительных сил страны; в этой книге представлены многочисленные таблицы о народонаселении по губерниям и округам, уровне развития урожайности, сведения о частном землевладении, количестве пашни, общественных капиталах и хлебных запасах, о доходах колонистов. Отдельная глава посвящена системе хозяйствования и налогообложения, наследования собственности, наличию «овчарных земель», их сдаче в аренду, на средства от которой приобретались новые земельные участки для безземельных колонистов. Велицын утверждает, что в 60-х гг. XIX в. общий фонд земли 513 колоний составлял около 5 млн. дес; более 2 млн. находилось в частной собственности и на правах долгосрочной аренды [32]. Перечисление регионов крупного немецкого землевладения Велицын завершает трагическим пассажем: «Густой каймой охватывают владения колонистов берега нашего Черного моря. Целый систематический пояс от Запада на Восток, пролегающий по самым нашим лучшим местам, находится во владении лиц, вполне чуждых нашей национальности» [33].

В росте немецкого землевладения А.Велицын видел лишь роковую случайность, проявление субъективных устремлений отдельных людей определенной этнической принадлежности, но не объективную историческую закономерность и эволюцию экономических отношений.

Создается впечатление, что он не был знаком ни с книгой В.Е.Постникова, ни с трудами других экономистов, которые на конкретном статистическом материале выявили прогрессивно нарастающую тенденцию капитализма — борьбу экономических интересов, сосредоточение производства в руках меньшинства и выталкивание большинства в стихию рынка.

Аграрное перенаселение и социальную напряженность в колониях выявил и С.Д.Бондарь [34]. Анализируя меннонитское хозяйство по группам землевладения, он пришел к выводу, что к 70-м гг. рост крупного землевладения особенно был характерен для меннонитского хозяйства. В пореформенное время они скупают имения разоряющихся местных помещиков; недовольство обедневших членов общины вынуждает их приобрести в Екатеринославской губернии 30 тыс. дес. и поселить там 500 безземельных «братьев», образовав 16 новых дочерних колоний. «Земельная экспансия» меннонитов распространяется и на другие территории: дочерние колонии создаются в Саратовской, Самарской, Оренбургской, Уфимской, Омской и Томской губерниях. Бондарь утверждает, что к 1916 г. во владениях меннонитов находилось более 1 млн. дес. земли по всей Российской империи [35]. Конкретные материалы об организации новых меннонитских поселений содержатся и в книге Я.Штаха [36].

Процесс формирования крупного немецкого землевладения проследил Л.Падалка [37]. Изучив «Материалы для оценки земель в Херсонской губернии», он показал формирование крупных латифундий в этой губернии. Скупка земель, пишет автор, началась в 1839 г. — задолго до реформы 1861 г., но тогда покупательная способность колонистов была еще низкой. Отмена крепостного права дала мощный толчок росту немецкого землевладения во всех уездах губернии. В 60-х гг. колонисты купили 100 тыс. дес., в 1874 г. — около 300 тыс., 1875 г. — 740 тыс.; 80-е гг., подчеркивает исследователь, были временем наибольшего роста землевладения. Л.Падалка указывает на национальное «своеобразие» земельного бума: из 420 тыс. дес., купленных немцами, 78% представляли собой дворянские имения, 7% принадлежали купцам [38]. Наиболее крупное немецкое землевладение сложилось в Херсонском, Тираспольском и Одесском уездах. Кроме скупки земель, колонисты арендовали около 235 тыс. дес. земли, что приносило баснословные доходы.

Как и другие исследователи, Л.Падалка не обходит вниманием проблему обезземеливания разоряющихся колонистов. Он пишет, что традиционный, неукоснительно соблюдаемый принцип неразделенности

надельного участка в 70-х гг. полностью утратил силу. В Одесском уезде разделены были 85% участков; в 11 старых колониях этого уезда на половине надельного участка вели хозяйство 76% хозяев — 1,5 тыс. семей; на долю безземельных приходилось более 50% колонистов [39].

Но обезземеливание не означало полного обнищания. Дробление земельного надела, указывает автор, не имеет существенного значения и не может быть экономическим показателем материального положения, т.к. владельцы половинных, четвертных и прочих раздробленных наделов часто являются пайщиками товариществ по скупке земли. Одни безземельные колонисты пополняли армию кустарей, другие уходили в поисках счастья в Туркестан и Сибирь. Говоря о том, что колонист не впадал в бедность (многие исследователи отмечают, что среди колонистов нищих не было), Падалка упускал из вида важное обстоятельство — колонист, потерявший землю, превращался в пролетария, терял привычный сословный статус собственника, и в лучшем случае становился пайщиком товарищества, в худшем — он и его семья нанимались в работники к богатым собратьям по общине.

Колонии южных губерний, в особенности меннонитские, были самыми богатыми и процветающими в Российской империи не только потому, что при водворении они получали большие земельные наделы, но и вследствие более мягких, чем в других регионах, природно-климатических условий; успеху южнорусских колонистов благоприятствовали и общественно-политическая ситуация, и характер социального состава колонистов. В первых партиях переселенцев на Волге преобладали люмпены, субъекты без определенных занятий; среди колонистов на юге оказалось немало людей с профессиональными навыками, огромное значение имело переселение сюда меннонитов — состоятельных людей с ценным опытом преобразования природы. Все это обусловило высокую эффективность южных колонистских хозяйств, и поэтому именно к ним было приковано внимание специалистов-аграриев; этим и объясняется преобладание в литературе трудов, посвященных истории и экономике Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний.

Историография поволжских колоний не столь обширна. Она включает в себя статьи специалистов по сельскому хозяйству, статистиков, анонимные обозрения по истории колоний, представлявшиеся в Журнал Министерства государственных имуществ конторами опекунов, аналитические записки в сборниках по статистике губерний. В обобщающих монографиях по истории колоний, о которых говорилось выше, жизнь поволжских колоний описана фрагментарно, авторы,

как правило, уделяют внимание первому этапу освоения поволжских земель колонистами; специальные обобщающие исследования появились только на рубеже XIX-XX вв.

Первые работы, отразившие политические и социально-экономические аспекты колонизации на Волге, увидели свет в 30-х гг. XIX в. [40] В этом ряду публикаций особый интерес представляют обширная статья, подготовленная к 90-летию Манифеста Екатерины II и основанная на отчетах Саратовской конторы опекунства, Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края и палат государственных имуществ губерний, в которых существовали колонии. В статье затрагивается вопрос финансирования колонизации; отмечается, что вызов и водворение колонистов на Волге обошлись казне в 5,2 млн. руб., из которых 4 млн. — возвратный долг в бюджет страны, 1,2 млн. указом 1782 г. были признаны безвозвратными [41].

В фундаментальном труде Г.Писаревского [42] на основе изучения впервые вводимых в научный оборот документов государственных архивов показаны первые этапы колонизации на Волге — политика правительства и становление немецких поселений. Автор скрупулезно исследовал систему землепользования и поземельных отношений, запутанные перипетии, связанные с налоговыми обязательствами; со всей полнотой представлена деятельность местной администрации и правительственных учреждений по решению социально-экономических проблем колонистов.

Следует особо отметить, что многие авторы, начиная с А.Клауса, касаясь первых этапов колонизации на Волге, делают упор на люмпенский социальный состав переселенцев, на неэффективное расходование средств, выделенных на устройство колоний. Достойна всяческого уважения трактовка этого вопроса И.Красноперовым, который с большим сочувствием обратил внимание на драму первых двух-трех поколений переселенцев на Волге. В «Историческом очерке колонизации Николаевского уезда» он писал: «...Приспособление первых колонистов к окружающим условиям сельскохозяйственной жизни обходилось слишком дорого: нужно было много нравственной энергии, устойчивого, упорного физического труда для того, чтобы не опустить руки под бременем всевозможных лишений и несчастий, обрушившихся на их голову с первых годов поселения» [43].

Учитывая чрезвычайные обстоятельства водворения колонистов на Волге, правительство неоднократно рассматривало донесения Саратовской конторы опекунства о бедственном положении колонистов. Многие авторы затрагивают эту тему. В царствование Александра I,

пишет А. Леопольдов, колониям Поволжья были сделаны «разные облегчения в уплате числившихся на них долгов, а только с 1816 г. они сравнены в платежах податей с государственными крестьянами»; русское правительство «заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого состояния» [44].

В публикациях по истории поволжских колонистов широко освещается проблема малоземелья, которая стала проявляться уже в первые десятилетия колонизации земель на Волге. Получив по 30 дес. земли на семью, колонисты по мере увеличения народонаселения стали испытывать недостаток в земельных угодьях. Экспедиция государственного хозяйства докладывала в Сенат, что колонисты терпят крайний недостаток в земле, и Павел I в 1797 г. повелел, чтобы не только принадлежащие колонистам владения охраняемы были от всякого незаконного притеснения, но чтобы на каждую душу отмежевано было по 20 дес. из пустопорожних казенных земель. Анонимный автор вышеупомянутой юбилейной статьи сообщает, что указание Павла не было выполнено даже к 1840 г. Поволжские колонисты не получили обещанных 20 дес, а население «чрезвычайно умножилось» и терпело недостаток в угодьях. Правительство постановило наделить их 15-ью дес, с платежом по 8 коп. за каждую десятину. В результате общая площадь колонистских наделов увеличилась с 887,4 тыс. дес в 1838 г. до 1102,5 тыс дес. в 1854 г. [45] Автор статьи подчеркивает, что по обеспеченности землей самарские колонисты находились в лучшем положении, чем саратовские. Самарские получили по 15 дес, а саратовские наделены дополнительными участками только в Новоузенском уезде. Из-за малоземелья правительство, видимо, оказалось не в состоянии обеспечить всех — земельные ресурсы были исчерпаны. Самые высокие наделы — по 10 удобной и более 7 дес. неудобной земли — имели колонисты Панинского и Екатериненштадтского округов Новоузенского уезда; земельные наделы саратовских колонистов ограничивались 4,5 дес удобной и 5 дес. неудобной земли на ревизскую душу [46].

Недостаток земли вынудил колонистов перейти по примеру русских крестьян к общинной форме землевладения. А.Гакстаузен обратил внимание на этот феномен: когда население возросло, пишет он, поселенцы с Рейна и из Вестфалии, Майнца и Трира «добровольно ввели у себя русское деление земли»; каждые 3,4, 6 лет делят землю по душам, измеряя ее шнурами по 10 сажень, а затем разбирают по жребию. Профессор из Германии говорит о покровительственной политике правительства: в 1825, 1828 и 1840 гг. оно прирезывало колонис-

там земли и теперь — конец 60-х — приходится на душу 5 дес. пахотной земли [47].

Поволжские колонисты находились в невыгодном положении по сравнению с колонистами южнорусских губерний, где на каждую семью приходилось в первые годы поселения по 60 и более десятин. Но и при тех наделах можно было обеспечить нормальные условия существования. Поскольку семьи поволжских колонистов были многодетными, а каждый мужчина представлял собой «ревизскую душу», которую правительство наделяло землей, то в итоге семья среднестатистического колониста на Волге имела в своем распоряжении: в Саратовской губернии — 50 дес., в Самарской — 80 дес. удобной и неудобной земли [48].

На Волге из-за отсутствия «овчарных земель» не сформировались такие крупные латифундии, как на юге, но в массе своей колонисты вплоть до 60-х г. имели возможность наладить обеспеченную жизнь своим семьям. В публикациях по истории поволжских колоний немало восторженных описаний немецких колоний на Волге. А.Гакстгаузен так охарактеризовал колонию Шафгаузен: «Цветущая земля с населением далеко за 100 000 душ и с совершенно германской физиономией [49]. В статье, опубликованной в Журнале Министерства государственных имуществ, говорилось: «Все поселения имеют благоустроенный и цветущий вид; они содержатся в чистоте и опрятности, в них строго наблюдается порядок, за этим смотрят как сами домохозяева, так и сельское и окружное начальство... прямые улицы, обстроенные домами красивой наружности, между которыми особенно отличаются приходские школы и вообще помещения общественных заведений» [50]. Но колонии Поволжья имели существенный недостаток с точки зрения организации сельскохозяйственных работ: усадьбы располагались близко одна от другой, а поля при малой ширине были растянуты в длину, что затрудняло работы на дальней стороне усадеб.

Ценнейшим вкладом в историографию поволжских колоний является труд А.Н.Минха [51] — члена Императорского Русского Географического общества, Саратовской и Нижегородской ученых архивных комиссий. В книге представлен материал по южным уездам — Камышинскому и Царицынскому. Издание подготовлено на высоком научном уровне. Очерки, посвященные отдельным колониям, охватывают широкий круг вопросов: географическое описание, история заселения, вероисповедание колонистов, площадь земельного надела на семью и колонию, характер землепользования, система передела зем-

ли, обеспечение водными ресурсами и т.д. Обстоятельное описание колоний Шваб, Денгоф, Бальцер, Крафт, Верхняя и Нижняя Добринки, Илавля, Шух, Пфейфер и др. дает ясное представление о жизни и трудовой деятельности колонистов, о природно-климатических условиях, в которых они жили.

Как и в колониях других регионов, на Волге господствовал мирской сход с его строгим контролем над каждым членом общины. В вышеупомянутой юбилейной статье мы находим сведения о том, что колонисты отличались величайшим трудолюбием. «Весьма редко случается, — пишет анонимный автор, — что кто-либо из колонистов вследствие развратного поведения или лености расстраивает свое хозяйство; такие люди отдаются под присмотр и опеку местного сельского начальства, которое назначает к виновному попечителей с обязанностью заботиться об устройстве хозяйства расточителей и иметь строгий надзор за нравственностью их самих [52]. В 1846 г. опеке был подвергнут 1 колонист, в 1847 — 31, 1848 — 7; за 1846-1853 гг. — 64 чел. Если же мера оказывалась недостаточной, мир принимал приговор об исключении и удалении из колонии; приговор после утверждения местного начальства приводился в исполнение — колонист высылался за пределы империи с обязательством никогда не возвращаться в Россию. Но такие случаи были редки: за период 1846-1853 гг. за границу были выдворены 15 чел., в том числе одна женщина. Следует отметить, что авторы, затрагивающие нравственные основы жизни колонистов, как правило, отмечают, что злоупотребление алкогольными напитками в немецких селениях было исключительным явлением. Эту мысль подтверждает и статистика: на одно питейное заведение в саратовских колониях приходилось 3,5 тыс. чел., а в самарских — 4,3 тыс. Всего в поволжских колониях насчитывалось в середине XIX в. 39 трактиров [53].

Для исследователя, занимающегося историей саратовских колоний, особую ценность представляет «Сборник статистических сведений по Саратовской губернии» [54], в котором имеются сведения о размерах землевладения, распределении земли по угодьям, системе севооборота, технике по обработке земли, арендных отношениях, урожайности посевных культур. Интерес представляет описание отдельных колоний; в этих очерках отражены некоторые исторические сведения, динамика населения, отходные промыслы и т.д. В выпуске, посвященном Камышинскому уезду, автор аналитической записки Н.Н.Черненко дифференцирует население уезда по национальному признаку при выявлении размера наделов. В конце 80-х гг. площадь надела на 1 ревизс-

кую душу в смешанных (малороссы и великороссы) общинах равнялась 8,2 дес. (в этой категории владельцев преобладали бывшие государственные крестьяне); в общинах малороссов — 6,4 дес, великороссов — 5,8 дес. (в этих группах преобладали бывшие помещичьи крестьяне); в немецких общинах — 8,2 дес. Автор приводит статистические сведения по волостям, согласно которым в среднем все бывшие помещичьи крестьяне имели 0-5 дес, бывшие государственные — от 5 до 14, поселяне-собственники (немцы) — от 4 до 19 дес; самые высокие наделы отмечались в илавлинских поселениях [55].

Ученые, исследовавшие немецкое землевладение на Волге, отмечают своеобразие системы землевладения в этом регионе. Если в южных колониях разделение семейных наделов не допускалось вплоть до 60-х гг. — члены общины стойко сопротивлялись такого рода новациям, — то в Поволжье малоземелье и многочисленный состав семейств вынудили колонистов делить землю между наследниками уже в 40-х гг., а затем горькая нужда заставила перейти к «домовой раскладке земли» — к общинной форме владения с ее переделами и переверстками земельных угодий. Эта форма была заимствована немцами у русских крестьян. О технике переделов писал И.М.Краснопёрое. Ученый выявил интересную особенность: «Общинный принцип у немцев имеет более широкое применение, нежели у русских крестьян. Он применяется к пользованию такими угодьями, проникает в такие формы человеческой деятельности, относительно которых у наших крестьян до сих пор еще не выработалось особенных порядков, соответственно принцип уравнительности и справедливости» [56].

Но и общинный принцип не избавил колонистов от земельного голода. И.Красноперов делает на основе изучения статистики удручающий вывод: среди колонистов Николаевского уезда «масса безземельных бесхозяйных семей», которые «находятся кругом в долгах у частных лиц» [57].

Утвердившейся в России практике деления частной земли, независимо от социальных предпосылок, дал отрицательную оценку А.Гакстаузен: «Я считаю делимость земельных владений между несколькими наследниками одним из величайших зол поземельных владений в России. Этим подрывается самое могущество политической основы Русского государства — единство сельских общин» [58].

Ссылаясь на аналогичные факты колонистской жизни в Самарской губернии, В.Постников утверждал, что обеднение поволжских колоний вызвано дроблением наделов. По его мнению, в сохранении большого размера хозяйства заключалась основная причина процве-

тания южнорусских колониетских хозяйств в 40-50-х гг.; колонисты Поволжья, допустившие дробление хозяйств, «обеднели и опустились до уровня наших крестьян. Земско-статистические исследования, проведенные в Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии, рисуют их положение хуже, чем местного русского населения» [59].

Возникшие в результате деления земельных наделов мелкие участки быстро становились добычей зажиточных и богатых колонистов. В.Постников и другие исследователи за фактами обезземеливания одних колонистов и концентрации земли в руках других не видели главной тенденции общественного развития — Россия вступала на капиталистический путь. В.И.Ленин писал в связи с этим: «Вся история пореформенной России состоит в разорении массы крестьян и обогащении меньшинства; началась гигантская экспроприация производителей» [60]. На этом этапе исторического развития разрушалась община, ее патриархальные устои. Население немецких колоний раскалывается на мелкую буржуазию и сельский пролетариат; деревенская буржуазия, скупая землю, выталкивает безземельных из колоний, и потерявший собственность колонист вынужден искать землю в отдаленных районах империи. В конце 80-х гг. начинается «исход» самарских колонистов в далекий Туркестан и Сибирь. Одновременно разрушение крепостных отношений вызвало кризис дворянского землевладения.

Процесс концентрации земли в руках богатых предприимчивых колонистов за счет разорения соседей — членов общины, а также за счет скупки дворянских имений нашел отражение в «Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии». Здесь опубликованы материалы, позволяющие определить характер перераспределения земельных наделов между различными социальными сословиями. В 1867-1883 гг. резко сократилось дворянское землевладение: 20% дворян продали свои имения; одновременно средний надел немца-колониста увеличился на 150%, у купеческого сословия сократился почти на 140%. Число колонистов, владевших землей от 50 до 200 дес, увеличилось с 11 до 23 чел., от 200 до 1 тыс. дес. — с 1 до 14 чел. Поселяне-собственники — бывшие колонисты, — пишет Л.Личков, автор аналитической записки сборника, — «во всех группах владения приобретают землю. Особенно заметно это стремление к приобретению 200-1000 дес. По общему количеству десятин земли они занимали в 1867 г., как и теперь, третье место в ряду всех сословных землевладельческих групп» [61].

По мнению Л.Личкова, разорение дворян шло в основном за счет крупных землевладений: «Наибольшая устойчивость дворянского мелкого землевладения вероятно, объясняется тем, что большая часть дворян — владельцев таких имений — непосредственно ведет свое хозяйство и иногда даже личным трудом участвует и в обработке земли» [62]. Процесс обезземеливания дворян шел стремительными темпами. Пресса публиковала панические статьи о крушении богатейшего в России сословия. В патетической манере писал об этом известный журналист В.А.Грингмут: «А длинные, ужасающе длинные списки дворянских имений, продающихся с публичного торга... Давно начавшийся кризис дворянского землевладения... достиг того кульминационного пункта, после которого возможны два исхода: либо окончательная смерть, либо чудесное спасение» [63]. Но чудесного спасения не произошло, маховик, запущенный историей, сметал с пути тысячи дворянских имений; причину этого кризиса дворянские идеологи видели не в эволюции производительных сил империи и социально-экономических отношений, а в том, что «немец захватывает Россию мирным путем».

В литературе, посвященной истории поволжских колоний, особое внимание уделено меннонитам, которые переселились в Россия в 1858—1865 гг., т.е. 85 лет спустя после начала колонизации. С 1813 г. было запрещено принимать в число колонистов иностранцев, но меннонитов это правительственное решение не коснулось, «По уважению отличного трудолюбия в хозяйствах всех водворенных в Новороссийском крае меннонитов» Кабинет Министров разрешил их единоверцам «выходить из Пруссии» и селиться в России. Меннониты прибыли на Волгу в составе 55 тыс. чел. Обстоятельное описание их хозяйства в Самарской губернии мы находим в статье И.М.Красноперова. Поселившиеся в безводной и безлесной местности, они образовали 10 колоний, составивших органическое целое — Александртальскую волость. Министерство Государственных имуществ с целью заведения в Самарском уезде образцового хозяйства наделило меннонитов по 65 дес. (если в семье два работника) и 32 дес. — если менее двух. (И.Красноперов исправил ошибку А.Клауса, утверждавшего, что в Поволжье меннониты не получали по 65 дес, как на юге [64]). Как и колонистам новороссийских губерний, меннонитам Самарской губернии были предоставлены исключительные привилегии: право аренды свободной земли в регионе, причем после 1871 г. вся свободная земля перешла в их собственность. Меннониты, по свидетельству А.Гакстгаузена, платили царской казне поземельных податей в 6 раз меньше, чем немцы-колонисты, и в 10 раз меньше, чем крестьяне русских деревень [65], они

освобождались от рекрутской повинности на 30 лет, после чего объявлялись вносить в казну 300 руб. за потенциального рекрута. Самарские меннониты при поселении давали подписку, что «постоянно будут иметь в виду цель призвания своего в Россию — служить образцами для других земледельческих сословий» [66].

Получив крупные земельные наделы, самарские меннониты не приняли существующую в соседних немецких колониях общинную форму землевладения, к ней, пишет И.Красноперов, они отнеслись враждебно.

В публикациях, касающихся самарских меннонитов, мы не находим сведений об их творческом подходе к сельскохозяйственному производству. Если в южных колониях талант меннонитов проявился и в селекционной работе, и в совершенствовании технических средств труда, то на Волге развивались лишь традиции трудовой деятельности. По свидетельству И.Красноперова, волжские меннониты в организации хозяйственной деятельности пользовались рутинными методами, нисколько не стараясь совершенствовать их применением рациональных приемов земледелия. «Как вели... хозяйство их предки на прежней родине, как вели его потомки в начале водворения в России, так вели они его и теперь, ничего не читая, ниоткуда ничего не заимствуя» [67]. (Речь идет о начале XX в.)

И.Красноперов не дает объяснения этому факту, можно лишь предположить, что к моменту переселения меннонитов в Самарский уезд в Поволжье начинается лихорадочное освоение заволжской целины; как и другие земледельцы-колонисты, в том числе и меннониты, запахивали крупные участки под хлеб. Экстенсивный характер эксплуатации земли Заволжья давал огромные прибыли, так как спрос на хлеб был велик, российский экспорт зерновых продуктов рос из года в год.

Расширение посевов на целине отражено в «Отчете о степном хозяйстве в Саратовском Заволжье». Автор характеризует формы землепользования в этом районе, трудовые ресурсы, привлекаемые для обработки земли и снятия урожая. Здесь, говорится в отчете, совершается обширнейшее хлебопашество; многие хозяева «без риска и торговых оборотов, одною силою земледельческого расчета, составили в Заволжской степи огромные себе состояния» [68]. В качестве примера приводится предприимчивая деятельность «волжского купца из колонистов» И.Рекка (колония Екатериненштадт), который купил в Заволжье более 2 тыс. дес. земли, нанял 30 работников и завел образцовое фермерское хозяйство по выращиванию зерновых, производству мяса и молочных продуктов. В отчете приводятся цифровые данные, свидетельствующие о высокой эффективности этого хозяйства.

Переход России на капиталистический путь развития не мог не затронуть меннонитские колонии на Волге. «Сборник статистических сведений по Самарской губернии» зафиксировал интенсивный характер скупки богатыми меннонитами земельных наделов разоряющихся членов общины. С 1860 по 1870 г. число домохозяев в меннонитских колониях сократилось на 30%. Анализируя этот процесс в 1912 г., И.М.Красноперое констатировал: «Меннонитское хозяйство теряет свое устойчивое равновесие, более мелкое землевладение заметно уменьшается по числу владельцев и поглощается группой крупных землевладельцев, сосредоточивающих в своих руках все большее и большее количество земли. И замечательно, что никто из безземельных меннонитов не остается в своей колонии, а все разъезжаются в разные стороны, т.к. дома они положительно не нашли бы никакой работы» [69]. Процесс пролетаризации крестьян проявил себя в колониях с не меньшей силой, чем в соседних русских деревнях. Обезземеливание мало-сеющих хозяйств, пишет Красноперое, совершается с удивительной быстротой: из 176 меннонитских дворов-хозяйств, водворившихся в 1858-1865 гг. на Волге, к 1912 г. осталось 127, т.е. сократилось на 28% [70].

Чем дальше проникало товарное производство в земледелие, тем ярче проявлял себя процесс вытеснения нарождающейся сельской буржуазией обедневших колонистов и крестьян соседних деревень, и не только за счет скупки, но и за счет аренды наделных участков.

Изучение отечественной историографии XIX в. по вопросам социально-экономического развития немецких колоний позволяет сделать следующее обобщение.

1. В публикациях преобладала идея национальной исключительности немецких колонистов: возводя в абсолют черты немецкого национального характера — трудолюбие, аккуратность, педантизм, рачительное ведение хозяйства, — живописуя процветающие немецкие селения, авторы лишь вскользь упоминали о возникновении и нарастании социальных противоречий в колонистской среде, о классовой, сословной дифференциации в немецкой общине. Между тем противоречия были настолько сильны, что раскалывали даже монолитную конфессиональную общность, чему мы имеем свидетельства в истории меннонитов.

2. Почти не исследован процесс формирования сословия предпринимателей из колонистской среды — эволюция владельца кустарной мастерской в фабриканта, владельца крупного капиталистического предприятия, который вливался в местную политическую элиту и оказывал влияние на общественно-политическую жизнь региона.

3. Для выявления идеологических и социально-экономических предпосылок антинемецких настроений на рубеже XIX-XX вв. необходимо сравнительное изучение колониального и русского крестьянского хозяйства в рамках отдельных регионов, на документальных материалах губернских, уездных и волостных учреждений, с широким привлечением данных подворных переписей, практиковавшихся в России в указанный период.

4. Социально-экономическая история немецких колоний рассматривается в отрыве от истории России; история отдельного народа империи должна изучаться на фоне общественно-политической жизни страны, во взаимосвязи со всеми коллизиями внутривластного и внешнеполитического порядка, в том числе с важнейшими факторами российско-германских отношений.

5. Для изучения указанных аспектов необходимо освоение не только документов местных архивов, но и периодической печати, в особенности колониальных газет, выходивших во всех регионах проживания немцев начиная с 40-х г. XIX в.

Примечания

1. Соловьев С. История России с древнейших времен. Сочинения. Кн. XIV. М., 1994. С. 93-94.
2. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колоний. М., 1916. С. 7.
3. Цит. по: Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 90.
4. Писаревский Г.Г. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. Ростов-на-Дону, 1917. С. 18.
5. Цит. по: Писаревский Г. Указ. соч. С. 66.
6. Коринс И. О состоянии хозяйства в Молочанских меннонитских колониях в 1842 г. //ЖМГИ. 1845. № 3. С. 76.
7. Там же. С. 64
8. А.З. Описание меннонитских колоний в России // ЖМГИ. 1842. Часть 4. Кн. 1. С.8-9.
9. См. там же: Коринс И. О состоянии хозяйства в Молочанских меннонитских колониях в 1843 г. // ЖМГИ. 1854. Часть XI. № 5.
10. Там же. С. 129.
11. Витте Ю. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях // ЖМГИ. 1844. Часть XIII. № 10.
12. Там же. С. 101-102.
13. Там же.
14. Штах Я. Указ. соч. С. 55.
15. Там же.
16. ЖМГИ. 1842. Часть VI. Кн. 6 (раздел «Смесь»). С. 98.
17. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / Пер. с нем. М., 1869. С. 466-467.
18. Там же. С. 466.

19. Струков Д.Н. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет — 1849-1854 гг. // ЖМГИ. 1855. Часть 56. № 7. С. 18; № 8. С. 40-12.
20. Там же. С. 18-19; Его же. О состоянии сельского хозяйства в Южной России // ЖМГИ. 1854. Часть 52. № 7; 1855. Часть 56. № 3.
21. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб. 1869.
22. Там же. С. 167.
23. Там же.
24. Там же. С. 167-168.
25. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. IX. Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Автор главы о подворном землевладении — В.И.Петровский.
26. Там же. С. 59.
27. Там же. С. 64.
28. Там же. См. также: Клаус А. Община-собственник и ее юридическая организация // Вестник Европы. 1870. Т. 1. № 2.
29. Постников В. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891.
30. Там же. С. 11.
31. Велицын А.А. (Псевдоним А.Палтова). Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения колоний на Юге и Востоке России, СПб., 1893.
32. Там же. С. 63-64.
33. Там же. С. 63.
34. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России): Очерк. Пг., 1916.
35. Там же. С. 50-51, 63-64.
36. Штах Я. Указ. соч. С. 177-179.
37. Падалка Л. Землевладение немцев — бывших колонистов в Херсонской губернии. Херсон, 1891.
38. Там же. С. 19.
39. Там же. С. 17,21.
40. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // ЖМГИ. 1837. Часть 26; Заболоцкий А. Статистические сведения об иностранных поселениях в России // ЖМГИ. 1836. Часть 28; Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии Нейгардта // ЖМГИ. 1838. Часть 28.
41. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Статья 1. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // ЖМГИ. 1854. Часть 52. С. 52.
42. Писаревский Г.Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и в первой четверти XIX века. Ростов-на-Дону, 1916.; См. также: Его же. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). М.,1909; Его же. Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. Варшава.
43. Красноперов И.М. Исторический очерк колонизации уезда / Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд, Т. 6. Самара,1889. С. 11.
44. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 90.
45. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Статья III. Историческое обозрение колоний в царствование Императора Николая I // ЖМГИ. 1855. Часть 54. № 1. С. 75.
46. Там же. С. 87.

47. Гакстгаузен А. Указ. соч. С. 363.
48. История и статистика ... Статья IV. Распределение колоний по губерниям // ЖМГИ. 1855. Часть 55. № 2. С. 62.
49. Гакстгаузен А. Указ. соч. С. 363.
50. Историй и статистика... Статья IV//ЖМГИ. 1855. Часть 55. С. 69.
51. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. I. Вып. I-IV. Саратов—Аткарск, 1898-1902.
52. История и статистика... Статья IV//ЖМГИ. 1855. Часть 55. с. 85.
53. Там же. С. 86.
54. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. XI. Камышинскийуезд. Саратов, 1891.
55. Там же. Автор главы «Землевладение и платежи» Н.Черненко.
56. Красноперов И.М. Глава «Формы землевладения» // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд. Т. VI. Самара, 1889. С. 219.
57. Там же. С. 230.
58. Гакстгаузен А. Указ. соч. С. 431.
59. Постников В. Указ. соч. С. 294.
60. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. I. С. 193.
61. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I. Саратовский уезд. 1883. С. 20. Автор аналитической статьи сборника — Л.Личков.
62. Там же. С. 20.
63. Грингмут В.А. Собрание статей. Вып. II. М., 1903. С. 244.
64. Красноперов И. Меннонитское хозяйство в Самарской губернии // Русская мысль. 1883. Кн. X. С. 53.
65. Гакстгаузен. А. Указ. соч. С. 385, 414-415.
66. Красноперов И. Меннонитское хозяйство... С. 54.
67. Там же. С. 64.
68. Отчет о степном хозяйстве в Саратовском Заволжье//ЖМГИ. 1845. № 1.
69. Красноперов И. Меннонитское хозяйство... С. 58.
70. Там же.

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА ВОЛГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

И. Р. Плева

Практически любая книга, серьезная научная либо научно-популярная статья, сценарий фильма или радиопередачи о российских немцах начинаются с Манифеста Екатерины II и появления первых немецких колонистов в России. Между тем, этот период и первые десятилетия их проживания в России в большей степени обросли полуполюгендарными фактами и событиями, чем достоверно изучены. Кто и каким образом формировал представление об этом периоде истории, которое продолжает и до сих пор культивироваться в нашем сознании?

До 20-х гг. XX в. названные проблемы нашли отражение только в российской историографии. В данной статье незатронутым остается состояние изученности начального периода существования Сарепты, своеобразной, самой южной колонии Поволжья. Это тема специального исследования.

Первыми дали свою характеристику поволжским колониям посетившие эти места ученые-путешественники. Их характерной чертой было то, что они, за исключением Форстера, не были обременены специальной задачей изучения колоний, а как бы между делом бросали свой взгляд на поселения иностранцев. Первые впечатления этих образованных людей заслуживают несомненного внимания.

В числе первых в 1765 г. посетил поселения иностранцев Иоганн Райнгольд Форстер, пастор реформатской церкви из-под Данцига. По просьбе русского посла в Данциге Ребиндера он должен был подготовить беспристрастный доклад о положении колоний. Пастор объехал за лето 1765 г. все существовавшие тогда немецкие поселения и

составил карту региона. Но доклад Форстера не понравился президенту Канцелярии опекунства Орлову, что, возможно, и объясняет, почему этот документ до сих пор не найден, а его критический взгляд на колонии нам остается недоступен [1].

В июне 1769 г. проехал через немецкие колонии правобережья и дал им краткую характеристику доктор Российской академии наук Иван Лепехин [2]. Главное внимание он уделял описанию флоры и фауны, климатических условий. Характеризуя немецкие колонии, Лепехин отмечал, что они имеют ряд преимуществ перед русскими селами в опрятности и чистоте. На огородах можно найти разные овощи, которые редко встречаются не только в Поволжье, но и в других частях государства [3]. Он также обратил внимание на то, что, несмотря на засуху 1769 г., например, у колонистов Сосновки урожай богаче, чем у русских соседей. Его заинтересовала колония Севастьяновка, которую жители называли Пфальцское поселение [4]. Списки первых поселенцев свидетельствуют, что, действительно, большинство колонистов этого поселения были из Пфальца. Другим колониям он не уделял много места в своих записках, обратив только внимание на большую деревянную католическую церковь в колонии Илавля.

Вслед за И.Лепехиным в 1773 г. через поволжские колонии проезжал Иоганн Готтлиб Георги. Описания двух немецких колоний Каменки и Катариненштадта создают впечатление, что сам он там не был. Иначе как объяснить его утверждение о наличии в Катариненштадте ста домов фахверковой архитектуры [5], которой нельзя было найти даже в более позднее время, а при поселении колонистам строили рубленые дома. Спорными также являются утверждения Георги о наличии в 100 немецких колониях 10 тыс. семей.

Практически в это же время в Поволжье находился П.С.Паллас. Он не только сделал описания отдельных колоний, таких как Екатериненштадт, Кочетная, но и привел численность населения каждой отдельной колонии на 1773 г. [6] Эти данные позволяют в сопоставлении с переписями 1767 и 1769 гг. проследить демографические изменения в поволжских колониях в первые, очень трудные годы их проживания в России.

Меньше внимания в литературе о немцах Поволжья уделялось путешествию Палласа двадцать лет спустя, в 1793 г. Если в 1773 г. главное внимание в своих описаниях он уделил левобережным колониям, откуда начался осмотр иностранных поселений, то в 1793 г. Паллас описал увиденное в правобережье. По его мнению, колонии стали более зажиточными благодаря «приросту новой и лучшей молодежи» и

«вымиранию первых поселенцев, большая часть из которых была не из лучших» [7]. Он также отметил, что колонисты считают себя счастливыми, находясь на Волге. Интересными, с нашей точки зрения, являются зарисовки отдельных направлений хозяйственной деятельности немцев Поволжья.

Несмотря на всю субъективность, записки путешественников являлись вплоть до середины XIX в. единственными публикациями в России о начальных годах жизни колонистов на Волге.

С середины XIX в. наблюдается оживление интереса к первым десятилетиям жизни иностранных поселенцев в Поволжье. Одним из первых обратился к этому периоду Н.П.Боголюбов в своей книге «Волга от Твери до Астрахани» [8]. По его мнению, началу колонизации положили не Манифесты Екатерины II, а обращение к ней в 1763 г. вызывателей Декурта и его товарищей. После заключения с ними договоров и начался массовый приезд колонистов в Россию. Какого-либо стройного представления о процессе приглашения и поселения колонистов у автора не прослеживается. Первые десятилетия проживания на Волге рисуются им как годы постоянной борьбы с кочевниками, причем, по его словам, на работу колонисты ходили «вооруженными с головы до ног толпами» [9]. К тому же, приведенные статистические данные требуют серьезной корректировки.

Практически в это же время, в 1866 г., вышла статья пастора Катариенштадта Дзирне [10]. Это была первая попытка в российской историографии создать целостное представление о начальном периоде существования колоний. Он указал государства, в том числе и германские, откуда прибывали переселенцы [11]. Кстати, в более поздних изданиях, как в России, так и в Германии, этот перечень включал лишь район Гессена и некоторые другие земли. Дзирне первым использовал в своем исследовании воспоминания колонистов-пионеров, как, например жителя Тонкошуровки (Мариенталья) Шнайдера. Главное внимание в статье было уделено, в основном, левобережным колониям, что не позволило ему дать широкую картину истории всех поволжских КОЛОНИЙ

Через несколько лет уже более четкое представление о начале немецкой колонизации на Волге было дано А.Клаусом в 1 главе книги «Наши колонии» [12]. В отличие от своих предшественников он взял за основа официальные государственные документы (Манифесты 1762 и 1763 г. и другие документы, регламентировавшие поселение и жизнь колонистов) Благодаря Клаусу стала доступна широкому читателю поэма Платена.

Вместе с тем, увлечение официальными документами повлекло за собой целый ряд ошибочных утверждений, как например, то, что пе-

реселенцы самовольно, т.е. без разрешения властей, заселяли Wiesenseite, т.е. левобережье Волги. Клаус утверждал, полностью поддерживая позицию графа Орлова, высказанную в 60-х гг. XVIII в., что в колонисты набирали всех без разбора, «привлекая массу народа негодного, который положительно не соответствовал условиям успешной колонизации ни по физическому навыку, ни тем более по нравственному складу» [13], что не отражало в полной мере истинного положения с приглашенными иностранцами. Подобный подход был характерен для вызывателей, а что касается государственных чиновников, то с их стороны подбор колонистов был более аккуратный.

Однако, несмотря на отсутствие значительной источниковой базы, определенные неточности, А.А.Клаус первым смог в сжатой форме показать общую картину немецкой колонизации Поволжья. После него, в течение 30 лет к этой проблеме почти никто не обращался.

Поворотным в изучении истории поволжских немцев в целом, и начального периода их существования в частности, можно считать рубеж XIX-XX вв. Причиной тому служит, на наш взгляд, не столько приближавшаяся 150-летняя годовщина первых немецких поселений на Волге, сколько антинемецкая кампания, развернутая в средствах массовой информации националистическими кругами России.

Определенной идеологической основой этой кампании стала серия статей А.А.Велицына (настоящая фамилия А.Палтов), впоследствии объединенных в книгу «Немцы в России» [14].

Изложение начального периода колонизации и первых лет проживания колонистов на Волге не отличалось особой оригинальностью. Основа этого раздела книги была аккуратно переписана у А.Клауса. В то же время, уделяя главное внимание немцам Новороссии, автор постарался выделить два этапа в жизни колонистов на Волге в XVIII в. Его периодизация базировалась исключительно на домыслах и неприязни к немцам-колонистам. На первоначальном этапе, по Велицыну, получив огромные средства и льготы от правительства, «немецкие колонисты, не касаясь плуга, проживали в кутежах и попойках данные от казны деньги» [15]. После этого, распродав все что можно и разрушив жилища, колонисты устремились на родину. Правительство было вынуждено от пряника перейти к кнуту и жестко регламентировать их жизнь. С этого времени, по мнению Велицына, начинается второй этап в жизни поволжских колоний: «Окончилась эпоха своеволия и наглой распущенности, настает время тщательной опеки правительства, время труда и постепенного преуспеяния» [16].

Описывая приглашаемых колонистов, Велицын основывался на стихах-воспоминаниях Бернхарда фон Платена [17], причем выбирал наиболее негативные характеристики. Не только он, но и более поздние авторы к этому произведению относились без должного критического подхода. Не отрицая полностью воспроизведенного в стихах Платеном, надо согласиться, что это художественное, глубоко субъективное произведение. Немаловажное значение имеет и тот факт, что автор поэмы вопреки своей воле ехал колонистом на Волгу. В списках колонистов, прибывших в Россию в 1766 г., составленных И.Кульбергом, только напротив его фамилии была сделана запись «не выказал желанья где-либо жить в России» [18].

Антинемецкая истерия в отношении колонистов в средствах массовой информации была характерна для Петербурга и Москвы. На местах в отношении немцев-колонистов каких-либо негативных действий не отмечалось, тон публикаций не изменился по сравнению с более ранним периодом. В это время в Саратове выходят работы А.Н.Минха, Ф.В.Духовникова и др. [19], в которых нет и намека на определение колонистов, как чужеродного и враждебного элемента для России.

Хотелось бы отметить положительное значение выхода книги Велицына. Она послужила прекрасным катализатором, толчком, вызвав ответную реакцию у немногочисленной прослойки немецкой интеллигенции и предпринимателей, выходцев из колоний, а так же служителей церкви.

Потеряв давно связи со своей прежней родиной, немцы, особенно поволжские, считали себя неотъемлемой частью империи. Подход к немцам России, как к проводникам иностранного влияния и засилья, другие различного рода обвинения в их адрес вызвали естественное стремление наиболее образованных немцев серьезней подойти к своей истории в целом, и особенно к начальному периоду их жизни в России.

Ряд церковных (Бератц, Келлер, Эрбес) и светских (Шааб, Дитц) лиц практически одновременно устремились не только к осмыслению, но и к глубокому изучению и написанию истории поволжских немцев. Период с начала XX в. и до 1917 г. можно считать самым плодотворным за всю историю изучения истории поволжских немцев не только потому, что вышло много интересных публикаций, а потому, что в дальнейшем практически все работы как в российской, так и в зарубежной историографии, вольно или невольно были основаны на источниковой базе книг и статей этого периода. Периодизация исто-

рии немцев Поволжья, отдельные теоретические положения были заимствованы у названных выше авторов.

Большим подспорьем в научной работе того периода стали опубликованные в 1900 и 1901 гг. в протестантском органе поволжских немцев «Friedensbote» интереснейшие, но остававшиеся долгие годы невостребованными материалы — воспоминания первых колонистов [20].

Еще в 1830 г. катариненштадтский колонист Петр Липперт обратился к оставшимся к тому времени в живых первым колонистам с просьбой изложить свои воспоминания о выходе из Германии и поселении в поволжских колониях, а также прислать сохранившиеся записки уже умерших колонистов об этом времени. На этот призыв отозвалось несколько человек, приславших воспоминания о приезде в Россию и первых годах проживания на Волге: Филипп Вильгельм Асмус, Георг Меринг, Генрих Эрфурт, Август Штальбаум. И вот по прошествии 70 лет они были опубликованы. Воспоминания первых колонистов католического вероисповедания, например Брабандера и Шнайдера, так и остались не опубликованными, но они тоже использовались указанными выше авторами.

На рубеже веков стал доступным очень важный источник по изучению начального периода колонизации — корабельные списки прибывавших в Россию колонистов (списки Кульберга) и списки первых колонистов 1767 г. Шааб и Бератц делали копии со списков. Внимательно со списками работал Дитц.

Большую помощь в выявлении источников по истории немцев Поволжья оказывала Саратовская Ученая Архивная Комиссия (СУАК). Часть документов публиковалась в Трудах СУАК [21], а часть отложилась в фондах этой организации и была доступна для исследователей.

Наконец, местный орган саратовских колонистов «Deutsche Volkszeitung» опубликовал в эти годы материалы из жизни колоний конца XVIII в., извлеченные из архивов министерства государственных имуществ.

Таким образом, в начале XX в. вместе с настоятельной необходимостью исследования истории поволжских немцев появилась и возможность это сделать — с введением в научный оборот новых архивных документов и воспоминаний первых колонистов.

В изучении организации приглашения колонистов значительную роль сыграла вышедшая в 1909 г. крупная работа Г.Г.Писаревского «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке» [22]. Отличительной чертой ее было то, что она явилась первым серьезным

исследованием по истории российских немцев, написанным исключительно на архивном материале. Автор смог достаточно полно представить механизм приглашения колонистов: их вербовку, отправку к местам сбора и транспортировку в Россию. Он первым раскрыл существование двух категорий колонистов — «коронных» и «вызывательских». Первые были набраны правительственными агентами и находились в непосредственном ведении правительства, вторые набраны частными предпринимателями, так называемыми вызывателями. Он смог на основе анализа договоров русского правительства с вызывателями рассмотреть роль и место последних в общеколонизационных мероприятиях России. Впервые было показано противодействие большинства германских государств русским колонизационным мероприятиям.

В то же время, вне поля его критики (по вполне объяснимым причинам — это все же 1909 г.) осталась деятельность руководства страны и его представителей в Европе. Для примера можно сказать, что в используемых Писаревским документах встречались сведения о серьезных финансовых махинациях таких деятелей, как переводчик Вихляев, наделенный широкими полномочиями работы с вызывателями (он покончил жизнь самоубийством, когда из Петербурга, с большим опозданием, все же была направлена комиссия по проверке финансовой деятельности государственных чиновников), и некоторых других.

Без должной авторской оценки осталась информация о вызывателях. Находящиеся в его руках документы ярко свидетельствовали об их вине за долгий процесс экономического становления половины колоний, о десятках тысячах рублей, выплаченных правительством им в качестве компенсации за вынужденное расторжение договоров. Но эти моменты не нашли отражения в исследовании.

Значительный вклад в изучение начального периода колонизации Поволжья, помимо Писаревского, внесли еще несколько авторов.

Наибольшей известностью пользуется книга пастора Бератца по истории немецких колоний на Средней Волге [23]. Свое исследование он построил на воспоминаниях первых колонистов. Это и воспоминания Цуге, изданные в 1802 г. в Германии, и поэма Платена, и воспоминания, опубликованные во Фриденсботе. В то же время незамеченной осталась для Бератца работа Писаревского.

Несомненной заслугой Бератца стал показ приглашения и заселения колонистов не схематично, как это делал например А.Клаус, а ярко, через человеческие судьбы. Четко виден маршрут движения колонистов, создание колоний, происхождение их названий, трудности

первых лет, набеги киргизов и крестьянская война под предводительством Е.Пугачева.

Как опытный историк, Бератц не только полемизировал с Г.Бауером, издавшим также в Саратове в 1908 г. книгу по истории поволжских немцев [24], но и стремился представить разные точки зрения по наиболее спорным моментам, например о нападении киргизов на колонию.

Практически не имея в своих руках архивных документов, Готтлиб Бератц (а потом и Якоб Дитц) с высокой степенью доверия, не всегда критично, подходил к мемуарным источникам. Так, следуя им, они рисовали страшные картины нужды, голода, нечеловеческих условий жизни в землянках, беспредел чиновничьего аппарата в первые годы жизни колонистов в районе Саратова, многолетние набеги кочевников.

Оставившие свои воспоминания колонисты писали их уже на склоне лет, когда человеческая память допускает определенные провалы, имея тенденции к приукрашиванию прошлого или, наоборот, рисуя его только в черных тонах. К тому же все они прибыли по линии вызывателей, где были и определенные проблемы с жильем, не всегда вовремя поставлялось продовольствие. В то же время казенные колонисты, а это половина из всех прибывших на Волгу, были вовремя обеспечены жильем, необходимым сельскохозяйственным инвентарем.

С большим доверием они отнеслись и к основоположнику, если можно так сказать, германской историографии, бывшему колонисту Кристьяну Готтлибу Цюге, издавшему в 1802 г. свои воспоминания о жизни в России [25]. Эта, несомненно интересная и ценная для любого историка книга тоже требовала критического к ней отношения. Первый вариант рукописи, подготовленный Цюге после возвращения в Германию, сгорел. Новый вариант был написан заново почти через двадцать лет, что, несомненно, сказалось на достоверности приводимых им фактов.

Введение в настоящее время в научный оборот ранее неизвестных документов, как и предполагалось, в значительной степени опровергает сложившиеся стереотипы.

Небольшая по объему (всего 80 стр.) работа учителя колонии Семеновка Кристофа Шааба [26] не получила такой известности, как книги Бауера и Бератца. Для этой работы характерен ряд черт, отличавших ее от исследований предшественников. Жесткие, не всегда справедливые обвинения были брошены им в адрес Саратовской Конторы опекунства иностранных. По мнению Шааба, она воспитала мо-

шенников, «которые гнусным образом эксплуатировали и обманывали народ. Это (Контора. — И.П.) было ужасное разбойничье гнездо, о подобных организациях, как здесь, в Германии не имели представления» [27]. Не остались вне поля критики и служители церкви. Он во многом был солидарен с позицией Г.Бауера, заявляя, что лучше всех себя чувствуют в колониях «чернорубашечники» (священники) и живут на Волге как князья и графы. Все это не могло не привести к откату в публикации исследований Шааба в периодических изданиях России и в выпуске отдельной книгой.

К.Шааба можно назвать первым историографом поволжских немцев. В резкой форме он дал оценку степени изученности истории немцев Поволжья, заявляя, что «до сих пор нет честной и правдивой истории» [28]. Критике подверглись работы Клауса, Минха и многих др. Он первым высказал мысль, что без архивов настоящей истории поволжских немцев написать не удастся. Будучи членом СУАК Кристоф Шааб внимательно относился к документам, использовал собранные в этой организации архивные материалы по раннему периоду колонизации.

Но в целом источниковая база исследования Шааба, так же как и его предшественников, оставалась крайне слабой. Не продумана и структура исследования, поэтому оно не дает стройного представления об истории немецких колонистов.

К 150-летию юбилею поволжских немецких колоний появился ряд статей в периодической печати, где рассматривался начальный период существования немецких колоний. В этом отношении следует отметить публикацию в одесских немецкоязычных изданиях серии статей Конрада Келлера по истории католических колоний на Волге [29], а также серии статей в саратовских русскоязычных газетах [30]. Каждая из них вносила свой, пусть небольшой, вклад в изучение немецких поселений.

В начале 1917 г., незадолго до смерти, завершил работу над книгой «История поволжских немцев-колонистов» Якоб Дитц [31], которая так и осталась неопубликованной. Она вобрала в себя все лучшее, что увидело свет до этого. Будучи юристом по образованию и историком по призванию, он работал с архивом Конторы опекунов, встречался и записывал воспоминания еще оставшихся в живых работников Конторы. К заслугам Дитца следует отнести и то, что он первым основательно проанализировал все законодательные акты о колонистах. Эта книга, в отличие от работ его предшественников, оказалась многоплановой. Он первым смог непредвзято оценить место и роль церкви в жизни поволжских колонистов, показать ее плюсы и минусы. Не остался без внимания и этнографический материал. Пред-

ставленные в рукописи традиции и обычаи поволжских колонистов восхищают скрупулезностью и точностью изложения.

По начальному периоду колонизации Дитц прекрасно обобщил исследования своих предшественников, но остался в плену сложившихся представлений об этом времени. За эмоциональными описаниями терялся автор-историк.

В любом случае, эту книгу можно рассматривать как самое крупное исследование по истории поволжских немцев в российской историографии как до, так и после 1917 г.

После революционных событий 1917 г. в советской историографии принято говорить о начале нового этапа в изучении тех или иных проблем. В этой связи, по моему мнению, трудно говорить о каком-то новом этапе в изучении начального периода истории немецкой колонизации Поволжья. В это время новые документы в научный оборот не вводились. Это было в большей степени не изучение, а новое изложение, новое видение уже написанной истории поволжских немцев, теперь уже с классовых позиций. Классовый подход диктовал свои правила в изложении материала.

Этот период был непродолжительным — с середины 20-х и до начала 30-х гг. По количеству и качеству изданий по истории немецких колоний он уступает изданиям начала XX в. К наиболее известным можно отнести работы П.Зиннера [32] и Д.Шмидта [33].

Главным виновником трудностей первых лет проживания на Волге, по мнению этих авторов, был, естественно, царский режим. Так, например, П.Зиннер, обвинял царское правительство в заключении с вызывателями тайных договоров, по которым колонисты оказались в крепостной зависимости [34]. Д.Шмидт и Зиннер настойчиво убеждали читателя в том, что правительство не строило для колонистов домов, и они по 2-3 года жили в землянках, постепенно возводя себе постройки [35], что в корне не соответствовало действительному положению дел. Крестьянская война под предводительством Пугачева, затронувшая одну треть немецких колоний и принесящая горе и разорение, рассматривалась Д.Шмидтом исключительно с позиции активного участия колонистов в этом восстании [36]. И подобного рода примеров можно приводить много. В этом же направлении шли публикации по раннему периоду истории поволжских колоний в журнале «Унзере Виртшафт» [37].

Несколько особняком в ряду исторических публикаций послереволюционного периода по истории немцев Поволжья стоит исследование профессора П.Г.Любомирова об экономическом положении колоний в 1791 г. [38]. Он первым обратил внимание на самые ранние

упоминания о колониях в календаре «Любопытный месяцеслов» за 1775 г. и в словаре Н.И.Новикова 1788-1789 гг. Хотя эти данные не могли служить источником для изучения жизни колоний XVIII в., они являлись свидетельством интереса образованной части русского общества к первым немецким поселениям на Волге. Основные причины тяжелого экономического положения колоний в первое десятилетие Любомиров видел в неприспособленности поселенцев к поволжскому климату, к зоне «рискованного» земледелия. По его мнению, из-за высокой смертности в первые годы после поселения значительно сократилось число колонистов. Этот ошибочный вывод был им сделан на основе данных о сокращении численности семей в первые годы и стабилизации их численности в 70-90 гг. XVIII в. Автор не учитывал, что тогда считались за семью одинокие, назамужние и овдовевшие поселенцы. Заключение браков, принятие в хозяйство одиноких привели к сокращению числа семей, но не колонистов, а сложное экономическое положение, наличие большого долга не всегда позволяли выделяться молодым семьям в отдельное хозяйство вплоть до конца XVIII в.

Главное внимание П.Г.Любомиров уделил рассмотрению состояния хозяйства колонистов в конце XVIII в. без политических оценок советского времени, столь характерных для работ 20-х гг. Были показаны основные направления сельскохозяйственной деятельности. Анализируя экономическую жизнь отдельных колоний, он все же не смог рассмотреть ее в развитии, в сопоставлении с более ранним периодом.

Политические процессы в СССР на рубеже 30-х гг. повлияли и на историческую науку. После политических процессов против известных в АССР немцев Поволжья историков и этнографов (Шмидт, Дингес и др.) изучение и публикации по истории колоний прекратились.

Эта тема получила право вновь громко заявить о себе лишь в последние полтора десятилетия. Во второй половине 80-х и в 90-е гг. в СССР и России по истории поволжских немцев вышло много работ. Но к начальному периоду колонизации на Волге специально никто не обращался. В исследованиях Л.В.Малиновского [39], в методическом пособии И.И.Шлейхера [40] история поволжских немецких колоний давалась схематично, как необходимый элемент в представлении о российских немцах в целом.

Таким образом, можно констатировать, что первые годы существования немецких колоний на Волге в российской историографии изучены крайне слабо. Они требуют серьезного, всестороннего исследования, учитывая сложившиеся стереотипы в их освещении, мифологизацию жизни колоний XVIII в.

Не лучше обстоит дело в германской историографии по рассматриваемому периоду истории немцев Поволжья. В основном она начала формироваться после 1917 г. До этого времени о российских немцах в Германии практически ничего не знали, а появление отдельных публикаций было скорее исключением, чем правилом [41]. После революции в России этот народ на долгие годы стал разменной монетой во взаимоотношениях СССР и Германии. В Германии появился не только интерес, но и необходимость в изучении истории и современного положения немцев в России, в частности и поволжских.

В германской историографии можно выделить два основных этапа: первый — это 20-е — первая половина 40 гг., второй — 70-90 гг. XX в.

На первом этапе главное внимание уделялось положению немцев в Советской России тех лет, анализировались различные стороны экономической и политической жизни этого народа. Что касается начального периода истории немецких колоний, то успехи были менее значительны. Неслучайно доктор Айзельборн в вводной статье к работе Ф.Бира и А.Шиха отметил в первую очередь работы, изданные о немецких колонистах в России (Бератц, Бауер, Келлер и др.) [42].

У истоков германской историографии поволжских немцев стояли бывшие жители немецких колоний в России, эмигрировавшие в Германию в соответствии с договором по Брестскому миру: Иоганнес Шленинг [43] и Герхард Бонвич [44]. В главе о немцах Поволжья начальному периоду истории И.Шленинг посвятил лишь несколько страниц, оставаясь в рамках уже сложившегося представления об этом времени.

Более обстоятельной была работа Г.Бонвича. Она вобрала в себя достижения российской дореволюционной историографии. Каждый этап развития колоний выделялся в отдельную главу, а в отдельных параграфах каждой из них рассматривалась экономическая, политическая и духовная жизнь колоний. Целостность в представлении истории поволжских колоний в XVIII-XIX вв., чего не хватало многим авторам, можно отнести к несомненной заслуге Бонвича.

В любом случае, без глубокого изучения первых лет жизни немецких колонистов на Волге трудно было понять происходящее на территории АССР немцев Поволжья в 20-30 гг. Недоступность основной источниковой базы, архивов, находившихся в Советской России, заставила обратиться к сбору и изучению документов, сохранившихся в Германии. В различных научно-популярных изданиях стали появляться статьи об эмиграции из различных германских государств в Россию во второй половине XVIII в.

Значительная их часть носила исключительно информативный характер, поскольку отдельные авторы просто публиковали выявленные в архивах списки колонистов без серьезного научного комментария [45]. В то же время следует обратить внимание на появление статей аналитического характера, где приводимые списки сопровождались анализом причин эмиграции в Россию, социально-экономического положения переселенцев [46].

Источником подобного рода публикаций являлись церковные книги. Хорошо известно, что в городах, где находились сборные пункты колонистов, заключалось много браков, так как семейные люди получали большие льготы при поселении в России. Списки отъезжавших в Россию в органах местного самоуправления были различной информативной наполненности: в одних давались имена всех членов семей, выезжавших в Россию, с указанием места рождения, в других — только имена. Проследить их дальнейшую судьбу, без списков колонистов в России, не представлялось возможным, хотя попытки отдельными исследователями и делались.

Данные исследования утвердили на десятилетия точку зрения, которую наиболее четко оформил К.Штумпп, что основная масса колонистов в 1764-1767 гг. на Волгу прибыла с территории современного Гессена [47]. Объясняется это, по всей видимости, тем, что здесь существовали сборные пункты для переселенцев, как например в Бюдингене, и заключались браки, отмеченные в церковных книгах. Отъезд с территорий, где не было запретов на эмиграцию, осуществлялся русскими комиссарами только после получения будущим колонистом разрешения на эмиграцию от местных органов власти города или деревни. Таким образом, фамилии части эмигрантов также оставались в архивах.

Совершенно по-другому складывалась ситуация на территориях, где эмиграция была запрещена. Здесь наиболее активно действовали агитаторы вызывателей, и выезд колонистов осуществлялся тайно, что, естественно, не отразилось в документах. Списки первых колонистов говорят о большом числе эмигрантов из Пруссии, Баварии, Трира, Гольштинии и других земель.

Во второй половине 30-х гг. было опубликовано несколько статей доктора К. Крамера по истории немцев Поволжья, которые, если можно так сказать, вобрали в себя основные достижения германской историографии в данном вопросе [48]. Он смог в сжатой форме представить основные этапы жизни немцев на Волге, экономическую и политическую жизнь колонистов.

Последней значительной работой первого периода можно считать диссертацию А.Кронберга [49]. На обширном архивном материале он рассмотрел роль города Любека в отправке колонистов в Россию. Несомненной заслугой автора явилось удачное сочетание архивных документов Любекского магистрата с исследованием Писаревского, основанного на российских архивных фондах. Это позволило автору создать целостную картину мероприятий российских дипломатов по набору колонистов в Европе и показать роль Любека не только в транспортировке этих колонистов в Россию, но и в сложных дипломатических отношениях, возникших в связи с колонизационными мероприятиями России.

После поражения Германии во второй мировой войны обращение к истории немцев за ее пределами рассматривалось странами-победителями как проявления шовинизма и реваншизма. Практически единственным изданием 50–60 гг., где публиковались материалы по истории российских немцев, был ежегодник «Хайматбух», издаваемый с 1954 г. Землячеством немцев из России.

В 50-е гг. ежегодник крайне редко обращался к истории поволжских немцев. Одно из наиболее интересных событий — переиздание поэмы Платена [50]. Это объясняется тем, что большинством в Землячестве были немцы Украины. Но уже начиная с 1962 г., в каждом выпуске данного издания стали публиковаться материалы и о поволжских колониях.

Все публикации в «Хайматбух» о немцах Поволжья можно условно разделить на две категории: написанные на основе воспоминаний и научно-популярные статьи. Основное внимание в них уделялось истории поволжских немцев во время существования АССР НП и депортации [51].

История немецких колонистов Поволжья в XVIII в. затрагивалась значительно в меньшей степени. К наиболее интересным можно отнести статью В.Аппеля, в которой он делает попытку исследования тех мест в земле Гессен, откуда выезжали колонисты [52], исследование К.Деккера о Бюдингене и Фаурбахе, как о местах наиболее активной вербовки переселенцев в Россию [53] и В.Вюрца, где на полулегендарном материале рассказывается об основании колонии Ягодная Поляна [54].

Подобного рода публикации, нередко страдающие отсутствием серьезного научного подхода, вносят однако свой вклад в изучение отдельных направлений истории поволжских немцев.

В 70–80 гг. в Германии вышло несколько серьезных исследований. Об истории немцев Поволжья в XX в. писал А. Айсфельд [55], а о нем-

цах Украины Д.Брандес [56]. Но по изучению ранней истории поволжских немцев серьезного скачка в научной литературе в эти годы не произошло. Подобная ситуация связана с тем, что большинство авторов, не имея доступа к архивам СССР, нередко игнорировали и российскую дореволюционную русскоязычную, а иногда и немецкоязычную историографию. Если в статье З.Бастрома [57], изданной в 1972 г., не допущено серьезных искажений истории (хотя его взгляды оставались в рамках традиционной схемы жизни поволжских колоний в первые десятилетия после поселения), то М.Шиппан, С.Штригниц [58] и И.Фляйшауер [59] излишне вольно трактовали отдельные факты, допуская грубые ошибки. Так, Фляйшауер считает, что первой немецкой колонией на Волге был Екатериненштадт, основанный в 1764 г. [60], хотя всем хорошо известно, что первой колонией была Добринка, а Екатериненштадт был основан только в 1766 г. Трудно понять, на основе чего делались утверждения, что первые колонисты «направлялись в Поволжье в рамках административной реформы — в губернаторства Сармары и Саратова» [61], об активном участии колонистов в восстании Пугачева [62] и многое другое.

В 90-е гг. началось активное сотрудничество ученых Германии и России в проведении исследований по различным направлениям истории и культуры российских немцев. Научный потенциал двух государств позволит глубже изучить более чем 200-летнюю историю этого народа.

Американская историография рассматриваемого периода истории поволжских немцев стала формироваться со второй половины 60-х гг. Именно в это время наметился всплеск интереса к своим корням у потомков выходцев из немцев Поволжья, большинство из которых эмигрировали в Америку с 70-х гг. XIX в. до начала первой мировой войны.

К наиболее значительным публикациям американской историографии по проблемам истории поволжских немцев можно отнести крупные исследования Д.Лонга [63], Р.Шейермана [64] и Ф.Коха [65]. Если исследование Лонга посвящено второй половине XIX — началу XX в., то в книгах Коха и Шейермана отдельные главы посвящены немецким колониям на Волге в XVIII в.

Фред Кох одним из первых в США предпринял попытку комплексного исследования, начиная с момента поселения колонистов на Волге и до переезда значительной их части в Северную и Южную Америку. В своем исследовании начального периода жизни колонистов в Поволжье главный упор он сделал на книги Бауера, Бератца и Бонвича, черпая из них не только фактический материал, но и основные концептуальные положения.

Не рассмотренными Ф.Кохом остались причины эмиграции колонистов в Россию, механизм их приглашения, переезд к месту поселения. Практически не раскрытыми остались вопросы экономической жизни колоний в первые десятилетия после основания колоний. В любом случае, своей книгой Ф.Кох пробудил интерес к истории немцев Поволжья среди американцев волго немецкого происхождения.

На более весомой историографической и источниковой основе написана книга Р.Шейермана и К.Трафцера. Впервые в американской научной и популярной исторической литературе о немцах Поволжья был рассмотрен процесс набора колонистов в Европе и отправка их на Волгу. Со знанием дела представлен быт колонистов, структура хозяйственной деятельности.

Что касается первых десятилетий существования немецких колоний, то авторы остались в плену взглядов и фактов, приведенных в работах Г.Бауера, Г.Бератца, Д.Шмидта. В частности, они утверждают, что набеги и грабежи киргизов продолжались на протяжении столетия, отмечают значительное сокращение численности населения колоний к 1775 г. [66]. Иногда встречаются и определенные противоречия. Например, описываются ужасы голода и страшные условия проживания в землянках в первые годы после поселения на Волге [67], а на следующей странице приводятся выдержки из писем колонистов, написанные практически в это же время в Германию, с благодарностью Богу, что «вырвал нас из рук нищеты земной и перенес в места с такими землями и климатом, где нам больше не на что жаловаться» [68]. С учетом того, что главной задачей данного исследования было рассмотрение эмиграции поволжских немцев и освоение ими северо-западных территорий США, рассмотрение начального периода их жизни на Волге можно вполне признать удачным.

В 1968 г. была создана Американская историческая ассоциация немцев из России (AHSGR). На страницах ее журнала [69] много места отводилось причинам эмиграции в Америку, механизму переезда и поселению на новом месте, генеалогическим вопросам, современным проблемам.

Начальному периоду жизни поволжских немцев в России тоже уделялось определенное внимание. Материалы по данному вопросу на страницах журнала неравнозначны. Часто они носят не столько исторический, сколько публицистический характер. Все материалы можно условно разделить на несколько групп.

Первая — это документы, публикуемые в качестве исторических источников. Недоступность в течение долгого времени для исследо-

вателей архивов России подтолкнула американцев к работе с другими документами.

Заслуживает внимания публикация Адамом Гезингером письма путешественника Форстера, одного из первых посетившего немецкие колонии на Волге в 1765 г. [70]. Автор не ограничился публикацией одного из писем Форстера 1768 г., где о колониях говорилось лишь вскользь, а рассказал о его путешествии на Волгу, о посещении конкретных колоний, вводя в научный оборот новый материал.

Определенный интерес представляет публикация в журнале списка из 25 фамилий выехавших из германских земель на Волгу [71]. Ценность этого документа заключалась в том, что здесь давалась характеристика имущественного положения выезжавших, которое было крайне незавидным: они были вынуждены продавать все свое имущество, чтобы расплатиться с долгами и заплатить налоги. Лишь некоторые оставляли свою собственность на попечение родственников, с правом продажи в случае успешного поселения в России. Автор попыталась проследить, в каких колониях на Волге поселились упомянутые в статье немцы.

К этой же группе документов можно отнести перепечатку воспоминаний пастора Каттанео из Норки, написанных в 1786 г. и опубликованных пастором Эрбесом в 1925 г. [72]. Конечно, эти мемуары, как и любые другие, требуют критического подхода, с учетом достижений современной науки, чего в данном случае сделано не было.

Определенный интерес представила публикация на страницах журнала фотокопии Манифеста Екатерины II на английском языке, найденного в американском архиве [73].

Второй большой группой публикаций являются исторические исследования о начальном периоде истории поволжских колоний. Наибольшее их число вышло в свет в конце 80-х — начале 90-х гг. Связано это с возросшим интересом к проблеме эмиграции немцев из СССР и России в Германию. Авторы пытались проводить исторические параллели между днем сегодняшним и XVIII веком.

Основное внимание в исследованиях уделялось причинам эмиграции немцев в Россию. Авторы, рассматривая чаще всего эмиграцию с точки зрения внутреннего положения германских государств, выделяют причины, побудившие людей покинуть родину. Так, А.Флегель главными причинами называет семилетнюю войну, нехватку земли и разорение крестьянства [74], а Бауман одной из первопричин считает перенаселенность германских земель, что заставляло беднейшие слои населения искать счастье на чужбине [75].

На страницах журнала ANSGR поднимались и проблемы, позволяющие понять, почему немцы уезжали именно в Россию, хотя были и другие европейские государства, стремившиеся привлечь колонистов. Среди причин авторы статей называют: неплохую организацию, большие надежды на улучшение своего материального положения именно в России, свободу вероисповедания.

Наряду с этими, традиционными причинами, Верна Горал, чьи предки эмигрировали в США в 1892 г., высказала достаточно спорную причину: что переселенцы ехали в Россию, зная, как хорошо устроились их соотечественники, приехавшие туда в период правления Петра I [76]. Трудно себе представить, что малограмотные крестьяне были осведомлены о немцах на русской службе. Трудно также согласиться с утверждением В.Горал, что «понимание миграции следует искать в немецком характере. Немцы всегда были законопослушными, с хорошо развитым чувством долга служения императору. Возможно, они хотели служить бывшей немецкой принцессе, ставшей русской императрицей» [77].

В целом, для американской историографии характерно стремление понять внутренние процессы эмиграции в Россию и расселение колонистов на Волге. Но недостаточная источниковая база и попытка взглянуть на историю народа через историю отдельных семей тормозят научные исследования.

История немецких колоний на Волге не осталась без внимания у отдельных исследователей во Франции. К наиболее значительной во французской историографии можно отнести работу Буре [78]. Главное внимание в своей книге он обратил на проблемы образования поволжских немцев с момента поселения на Волге и до депортации в 1941 г. Характеризуя школы в колониях, Буре утверждал, что «немцы, приезжавшие в Россию, беспокоились о получении образования своими детьми» и школьный вопрос оставался, по его мнению, основным у первых поселенцев [79]. Излишне идеализируя стремление колонистов к получению образования, автор утверждает, что поселенцы пытались открыть в колониях гражданские школы, взамен церковно-приходских, создание которых навязали пасторы и русское правительство [80]. В действительности, только по настоянию церкви, в первую очередь лютеранской и реформатской, удавалось давать детям колонистов маломальское образование.

Общеисторические проблемы немцев Поволжья второй половины XVIII в. представлены у Буре в общих чертах.

Определенный интерес представляет большая статья Gianluigi Goggi [81]. Он рассматривает немецкие колонии у Саратова через призму цивилизационной теории, популярной в настоящее время среди философов и историков в Западной Европе. Главное внимание автор уделил позиции французского правительства в отношении эмиграции французов в Россию, активной кампании в прессе по дискредитации колониальной политики российского правительства. Обращает на себя внимание тот факт, что Goggi старался представить деятельность Франции по противодействию переселению в Россию исключительно с точки зрения заботы о своих гражданах, поддавшихся на лживую агитацию из России. Между тем хорошо известно, что интересы Парижа, так же как и Вены, были направлены на поддержку собственной колониационной политики и недопущение усиления России. Goggi ввел в научный оборот новые материалы из архива Бастилии.

Подводя итог вышесказанному, можно со всей определенностью отметить, что несмотря на обширную литературу о начальном периоде немецкой колонизации на Волге, многие ее аспекты остались неизученными. Сложившиеся в научной и научно-популярной литературе представления об этом периоде истории немцев в России не всегда соответствуют исторической правде и требуют детального изучения с использованием новых архивных документов.

Примечания

1. Более подробно о путешествии И.Г.Форстера Bartlett Roger P. *Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762-1804* (Cambridge University Press, 1979. S. 97-102,106; Его же. *J.R.Forster's Stay in Russia 1765-1766: Diplomatic and Official Accounts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1975. Vol.23. Heft 4. S. 489-495; Gesinger A. *Back to the beginning a visit to the Volga colonies in 1765 // Journal of ANSGR*. 1993. № 4. S. 15-25; Malinowski L. *Eine Raetsel der Wolgadeutschen Geschichte // Heimatliche Weiten*. М. 1988, № 2. S. 235-244.
2. Лепехин И. Дневных записки путешествия доктора академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 г. Ч.1. СПб., 1795.
3. Лепехин И. Указ. соч. С. 382.
4. Лепехин И. Указ. соч. С. 391.
5. Georgi J.G. *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahr 1772, 1773 und 1774*. Bd. 2. Spb., Leipzig, 1775. S. 792-793.
6. Pallas P.S. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reich in Jahren 1768-1774*. — Teil 3. SPb.,1776. S. 608-624.
7. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die suedlichen Statthalterschaft des Russischen Reich in den Jahren 1793 und 1794*. Band 1. Leipzig, 1799. S. 47.
8. Богомолов Н.П. *Волга от Твери до Астрахани*. СПб., 1862. С. 350-354.
9. Богомолов Н.П. Указ. соч. С.352.

10. Dsirne J. Zur Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga // Die deutsche Ausiedlungen in Russland. Ihre Geschichte und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung für die Vergangenheit und Zukunft. Leipzig, 1866. S. 124-153.
11. Ibid. S.124.
12. Клаус А.А. Наши колонии: Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.
13. Клаус А.А. Указ. соч. С. 34.
14. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893.
15. Велицын А.А. Указ. соч. С. 260.
16. Велицын А.А. Указ. соч. С. 260-261.
17. Platten V. Reisebeschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen von einem Offizier Platten (1764-1770) в приложении книги А.А.Клауса «Наши колонии». — С. 1-8.
18. Списки Ивана Кульберга, № 2536.
19. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т.1. Саратов, 1898-1903; Духовников Ф.В. Немцы, др. иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Вып. I. Саратов, 1893. С. 237-264; О немецких колониях // Саратовский листок, 1893, № 22; Поселение немцев-колонистов в Саратовской губернии. Как развилось сарпинское производство // Саратовский Дневник, 1898 г. № 245, 248, 250; Краткое описание селений Илавлинской волости, Камышинского уезда. Мариенфельд, Иосефсталь, Эрленбах, Обердорф, Новая Норка, Александрталь // Саратовские губернские Ведомости. 1890. № 46. С. 356-358 и др.
20. Assmuss Ph. W. Bemerkungen ueber die Anwerbung und den Transport der Beauregardschen Kolonisten aus Deutschland bis die Steppe bei Saratow und ihren Anfang // Friedensbote. 1900. H.11. S. 742-746; Erfurth H. Beschreibung der kurzen Geschichte der Saratowschen Kolonien an der Wolga seit ihrer Ansiedlung, so viel ich mich erinnern kann. Ibid. S. 628-683 и др.
21. Хованский И.Ф. К истории имперских колоний в Саратовской губернии (Извлечение из Сенатских архивов) // Труды СУАК. 1914. Вып. 31. С. 51-58 и др.
22. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909.
23. Beratz G. Die deutschen Kolonisten an der unteren Wolga in ihrer Entstehung u. ersten Entwicklung. Saratow, 1915.
24. Bauer G. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihre Einwanderung nach Rußland bis zur Einfuehrung der allgemeinen Wehrpflicht (1766-1874). Nach geschichtlichen Quellen und Muendlichen Ueberlieferungen. Saratow, 1908.
25. Zuege Ch.G. Der russische Colonist oder Christian Gottlob Zuege's Leben in Russland. Bremen, 1992.
26. Schaab Ch. Zur Geschichte der deutschen Kolonisten im Saratowschen und Samaraschen Guwernment. Aberdeen o.j.
27. Ibid. S.16.
28. Ibid. S.46.
29. Keller C. Die Kolonie Kamenka (Gouvern. Saratow) // Deutscher Volrskalender fuer Stadt und Land auf das Jahr 1911. Odessa. 1910. S. 87-91; Ders., Materialien zur Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga // Jahrbuch des Landwirts. 1914. 3g. 2. S. 184-198 и др.
30. Файдель А. Как заселялись немецкие колонии. Из воспоминаний колониста // Саратовский Листок. 1914. № 151; Эрн А. Немцы в Саратове (к 150-летию нем. колоний) // Саратовский Листок. 1914. № 149; Дитц Я. К 150-летию юбилею немецких колоний 1764-1914 // Саратовский листок. 1914. № 140; Его же. Первая немецкая колония на Волге // Саратовский листок. 1914. № 58 и др.

31. Дитц Я.Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.
32. Зиннер П. Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. Саратов, 1925.
33. Schmidt D. Studien ueber die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil. 1. Seite der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. Pokrowsk, 1930.
34. Зиннер П. Указ соч., С. 3.
35. Schmidt D. Op. cit. S. 57; Зиннер П. Указ. соч. С. 5.
36. Schmidt D. Op. cit. S. 64.
37. Unsere Wirtschaft. 1924-1925.
38. Ljubomirow P.G. Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower u. Wolsker Bezirks in Jahre 1791 // Unsere Wirtschaft. 1925. №№ 10-22.
39. Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Его же. История немцев в России. Барнаул, 1996.
40. Шлейхер И.И. Посobie по истории российских немцев. Славгород, 1992.
41. Hermann R., Deutsche Kolonisten an der Wolga // Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Muenchen). 1901. a. 105; Ross W. Zur Geschichte der deutschen Wolgakolonien // Heimat und Welt (Berlin), 1910/1911. a. 1. S. 145-149 und a.d.
42. Bier F., Schich A. Aus den Leidenstagen der deutschen Wolgakolonien. Hrsg. v. K. Esse lborn. Dannstadt, 1922. S. 5-6.
43. Schleuning J. Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. Stuttgart, 1919.
44. Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart, 1919.
45. Baecker W. Rußlandfahrer in Friedland 1767 // Volk und Scholle. Darmstadt, 1831. S. 69-71; Funk W., Deutsche als russische Kolonisten. Ausgezogen aus dem Woerhder Traubuch 1766/1767 // Blaetter fuer frankische Familienkunde. 1 Jg. 1926. S. 101-107; Loens G. Auswanderung aus dem ehemaligen Fuerstentum Solms-Braunfels um 1766 ins Wolgagebiet // DPO 11. 1939. H.8/9. S. 32-35; Lippert A. Die Auswanderer aus Anhalt-Dessau in den Jahren 1764/68 // DPO 9. 1937. H. 10. S. 23-25; Haselbach H. Einiges von den Ahnen der Rußlanddeutschen. Verzeichnis der 1765-1766 in Rosslau a.d. Elbe vor der Auswanderung getrauten Kolonisten // Ekkehard. 1937. H. 1-2. S. 18; Hoffmann H. Auswanderungen nach Rußland im Jahre 1766 // Mitteilungen der Hessischen Familien-geschichtlichen Vereinigung, 1. 1927. H. 4. S. 109-123 und a.d.
46. Esselborn K. Die Auswanderang aus dem Gebiet des ehemaligen Grossherzogtum Hessen nach Rußland // Wolgadeutsche Monatshefte. Jg. 2. 1923. Dez.. Nr. 23/24. S. 328-329; Jg. 3. 1924. Jan. Nr. 1/2. S. 17- 19; Jg. 3. 1924. Febr. Nr. 3/4. S. 42-43; Jg. 3. 1924. Maerz. Nr. 5/6. S. 67-68; Boeckerner-Schlitz, Auswanderung aus dem Schlitzerland und anderen oberhessischen Gebieten nach Rußland im Jahre 1766 // Heimat und Bild. Giessen 1928. Nr. 27. S. 147-184; Schneider E. Die Wolgadeutschen // Archiv fuer hessische Geschichte. Darmstadt. Bd.22. S. 270-288 und a.d.
47. Stumpp K. Die Auswanderung aus Detschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. Stuttgart, 1985. S. 77-84, 117-165 a.
48. Cramer K. Die Deutschen Kolonisten an der Wolga // Lutherische Kirche in Bewegung. Festschrift fuer Friedrich Ulmer. — Erlangen, 1937. S. 168-183; Ders. Das Wolgadeutschtum in seiner geschichtlichen Entwicklung bis 1917 // DPO. 1938. Nr. 8. S. 13-15; Nr. 9. S. 14-17; Nr. 10. S. 11-14 und a.d.
49. Kronberg A. Luebek als Sammelplatz deutscher Siedlerzuege nach Rußland zu Ausgang des 18 Jahrhunderts. Inagural-Dissertation. Riga, 1944. S. 62.
50. Das erste Geschichtswerk der Wolgadeutschen // Heimatbuch. 1955. S.52-56.
51. Hagin M. Die Wolgadeutsche Republik // Heimatbuch. 1964. S. 64-76; Ders. Die Hungersnot in den Wolgadeutschen Kolonien von 1920 bis 1924 und die Hilfsleistungen der Wolgadeutschen Vereinigungen und anderer Organisationen in Deutschland und Amerika // Heimatbuch. 1973-81. S. 56-96; P.W. Die Departation aus Friedenheim, Kanton

- Lysanderhoeh / Wolga // Heimatbuch. 1973-81. S. 20-23; J.H. Die Departation aus Bangert, Kanton Kukkus / Wolga. // Heimatbuch. 1973-81. S. 37-38; G.B. Die Aussiedlung der Wolgadeutschen // Heimatbuch. 1966. S. 28-29 und a.d.
52. Appel W. Versuch einer Feststellung der Gruende fuer die nisslanddeutsche Auswanderung aus Hessen // Heimatbuch. 1962. S. 59-64.
53. Decker K.P. Buedingen und Fauerbach bei Friedberg als Werberplaetze der Russlandauswanderung von 1766 // Heimatbuch. 1982-84. S. 9-22.
54. Wuerz W. Wie Jagodnaja Poljana gegmendet wurde // Heimatbuch. 1962. S. 65-66.
55. Eisfeld A. Die Deutschen in Russland und in der Sowjetunion. — Wien, 1986; Ders. Deutschen Kolonien an der Wolga 1917-1919 und das Detsche Reich. — Wisbaden: Harrasowitz, 1985 und a.d.
56. Brandes D. Von den Zaren adoptier. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914. — Muenchen: Oldenburg, 1993 und a.d.
57. Bostroem S. Die deutschen Kolonien an der Wolga // Baltische Hefte 18. 1971. S. 153-169.
58. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. — Berlin, 1992.
59. Fleischauer I. Die Deutschen im Zarenriech. Zwei Jahrhunderte deutsch-rassischer Kulturgemeinschaft. — Stuttgart, 1986.
60. Ibid. S. 103.
61. Ibid. S. 102.
62. Ibid. S. 109.
63. Long J. Fram Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860-1917. Lincoln & London, 1988.
64. Scheuerman R., Trafzer C The Volga German: Pioneers of the Northwest. University Press of Indiano, 1980.
65. Koch F. The Volga Germans. Pinsylvania & London. 1977.
66. Scheuerman R., Trafzer C.Op. cit. S. 49, 50.
67. Ibid. S. 48.
68. Ibid. S. 50.
69. Журнал Американской исторической ассоциации немцев из России (AHSGR) стал издаваться с 1969 г. периодичностью 4 раза в год.
70. Gesinger A. Back to the beginning a visit to the Volga colonies in 1765 // Jornal of AHSGR. 1993. Nr. 4. S. 15-25.
71. Haynes E. A document of 1766 found in Buedingen, Germany // Jornal of AHSGR. 1980. Nr. 3. S. 1-5.
72. Erbes J.Sufferings of the first german colonists duriny first two decades, 1766-1786 // Jornal of AHSGR. 1990. Nr. 2. S. 26.
73. Flegel A. An emigration document // Jornal of AHSGR. 1990. Nr. 3. S. 38.
74. Flegel A. A summary of German migrations eastward into Poland, Austria, Hungary, Romania and Russia // Jornal of AHSGR. 1991. Nr. 4. S. 35.
75. Baumann The Reasons for the emigration of our forefathers // Jornal of AHSGR. 1989. Nr. 4. S. 44.
76. Goral V. Before they left Germany // Jornal of AHSGR. 1991. Nr. 4. S. 17.
77. Ibid. S. 19.
78. Bourret J.F. Les Allemands de la Volga. Histoire cuiturelle d'une minonete, 1763-1941. Lion: Press uniw de Lion. Paris: Ed. du CNRS. 1986.
79. Ibid. S. 154.
80. Ibid. S. 158.
81. Goggi G. Diderot et l'abbe Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisatian de la Russie // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopedie. 14 avril 1993. S. 23-83.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Т. Н. Плохотнюк

Развитие историографии северокавказских немцев, как и в целом российских немцев, находилось в значительной зависимости от политической конъюнктуры. В результате этого, изучение важнейшей темы «образ других», сохраняющей актуальность для России,; как полиэтнического государства, неоднократно прерывалось. Исследование социально-экономической, политической и религиозной жизни началось в прошлом веке. Самые первые описания немецких поселений на Кавказских Минеральных водах были помещены в путеводителях, географических изданиях, календарях. В конце XIX — начале XX в. факт немецкой колонизации Северного Кавказа нашел отражение в исследованиях регионального уровня. В этот период становления исторического краеведения первые публикации об этнических немцах появились в Кубанском сборнике, Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа, Терском сборнике.

Эти работы можно отнести к нарративным источникам. Их авторы собрали богатейшие материалы о хозяйственно-экономической деятельности, конфессиональной принадлежности, традициях, обрядах, этнических немцах Кубанской области. М. Заалов описал меннонитские поселения. Н. Кириченко изучил повседневную жизнь лютеранских колоний. Быт и хозяйство католического поселения Семеновки Кубанской области были освещены в публикации Л. Розенберга.

Исследователи — школьные учителя — жили в колониях, наблюдали повседневность, фиксировали сведения, полученные в результате опросов. В публикациях Кириченко и Розенберга привлечены архивные материалы, содержащие сведения о создании колоний. При

изучении этих работ невозможно не заметить личного отношения исследователей к немецкому населению. Н.Кириченко и М.Заалов проявили открытые симпатии к немецким колонистам, воздавая должное их трудолюбию, аскетизму, настойчивости. Л.Розенберг дал отрицательную оценку деловым качествам немцев-католиков, упрекал в нерадивости, лени. Использование этих материалов потребовало подтверждения их научной достоверности и объективности названных исследователей.[1]

По характеру и уровню близки к названным выше работы А.Твалчредидзе «Колонии меннонитов (немцы). Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области», Е.Г. Вейденбаума «К истории иностранной колонии около Пятигорска», И. Апухтина «Колония Каррас: прошлое и настоящее». Они посвящены истории возникновения и развития отдельных немецких колоний на Северном Кавказе, содержат ценные сведения о ходе немецкой колонизации в этом регионе. Авторы проанализировали важные документы из Полного собрания законов Российской империи. К этим работам тесно примыкает сборник «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях», содержащий сведения о немецких колониях Ставропольской губернии.[2]

Первой известной попыткой дать исторический анализ существования немецких колоний на Северном Кавказе стал доклад действительного члена Кубанского статистического комитета Б.М.Городецкого «Немецкое землевладение на Кубани», опубликованный в Кубанском сборнике в 1915 г. [3] Доклад состоял из трех частей. В первой — «Вопрос о ликвидации немецкого землевладения в России» — автор, анализируя разрабатываемый законопроект о ликвидации немецкого землевладения, признал его необходимость как ограничительной меры в условиях войны между Россией и Германией. При этом все же он отметил нелогичность, противоречивость этого нормативного акта.[4] Вторая часть — «Развитие иностранных поселений в России» — представляет собой реферативное изложение истории иностранных поселений в России. Но в ней имеются фактические неточности. Так, например, Б.М.Городецкий утверждал, что в Кавказском крае первые поселенцы-немцы появились в Грузии в 1817 г., то есть о существовании немецких поселений на Кавказских Минеральных водах ему было неизвестно.

В третьей части доклада, посвященной непосредственно предмету анализа, дана обобщенная, по сравнению с предшествующими исследованиями, характеристика состояния немецких колоний на Кубани.

Она содержит обширные статистические сведения о количестве немецкого населения и хозяйств, о наделении земель, о ценах на землю и о размерах платы за ее аренду. Б.М.Городецкий определил формы землевладения в немецких колониях. К сожалению, в статье отсутствуют качественные характеристики немецких хозяйств. Судя по всему, автор сознательно ушел от оценки результатов немецкой колонизации Кубани, учитывая политическую ситуацию того времени. [5]

Начиная с 90-х гг. XIX в. усилившиеся антинемецкие настроения препятствовали дальнейшему исследованию темы о северокавказских немцах. В 20-30-е гг. «немецкая» тема в отечественной историографии сузилась до освещения развития немецкой автономии на Волге [6]. Со второй половины 30-х до конца 60-х гг. работы по истории российских немцев во всех регионах страны отсутствовали по известным причинам. В последующие десятилетия отдельные публикации стали появляться в немецкоязычных газетах. [7]

Начало 70-х гг. ознаменовалось существенным прорывом сквозь стену умалчивания в историографии северокавказских немцев. Известный специалист по проблемам колонизации Ставрополя доктор исторических наук С.А.Чекменев подготовил и опубликовал статью «Иностранные поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX веков», в которой осветил малоизученный вопрос о зарождении и развитии первых иностранных поселений. Автор использовал новые архивные материалы и различные документы, мало известные специалистам и читателям. [8]

Автору удалось более точно установить время появления немецких переселенцев, проследить начальный этап немецкой колонизации. Вполне объяснимые сложности, связанные с поиском документов (необходимость использования фондов столичных архивов, разбросанность сведений о колонистах по разным фондам), не позволили получить их в достаточном объеме. Невыявленность многих источников помешала раскрыть специфику немецкой колонизации. Кроме того, характер опубликованных источников (доклады князя Цицианова, генерала Ермолова, императорские рескрипты в их адрес) повлиял на выводы и обобщения, сделанные в статье [9]. Все это не принижает значимости данной работы, так как, в сущности, она стала открытием забытой темы северокавказских немцев.

В начале 90-х гг. появились публикации, подготовленные на основе рассекреченных фондов НКВД-МВД по проблемам депортации немцев из различных регионов бывшего СССР. В работах А.Кичихина, Н.Бугая, А.Германа раскрывается механизм подготовки и осуще-

ствления этой акции по отношению к немцам Северного Кавказа, а также ее последствия [10]. Более полно осветил эту тему доктор исторических наук Н.Ф.Бугай [11]. В 1992 г. историк З.В.Бочкарева обратилась к проблеме отношения оккупационных властей к этническим немцам на Северном Кавказе. [12]

С 1993 г. складывается традиция российско-германских исследований истории немецкой этнической общности в России. Объединенными усилиями Международного союза немецкой культуры (Москва) и Института восточно-европейских и германских исследований (Геттинген) была подготовлена и проведена конференция «Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге» (Анапа, 1994 г.). Выступившие на этой конференции исследователи придерживались областного принципа освещения событий, не сделав обобщающих выводов о развитии немецкой колонизации в масштабах региона. Они констатировали схожесть судеб северокавказских немцев-колонистов с положением немцев во всех регионах России, не выявив особенностей немецкой диаспоры Северного Кавказа. [13]

В зарубежной историографии публикации по проблемам северокавказских немцев стали появляться после второй мировой войны в альманахе «Heimatbuch» (Книга Родины), издаваемом землячеством российских немцев в Штуттгарте. В этом научно-публицистическом издании обнаружен ряд статей по истории северокавказских немцев. (С сожалением приходится констатировать, что в альманахе они появляются крайне редко.)

Одно из первых упоминаний о немцах Северного Кавказа можно найти в статье К.Штумппа в «Heimatbuch» 1957 г. В ней приводятся статистические данные о количестве немецкого населения в Северокавказском крае по итогам переписи 1926 года. [14]

Вольдемар Беллон в своих воспоминаниях «Die Deutsche Gemeinde Hoffnungsfeld in Daghestan (1910-1919)» показал сложность взаимоотношений немцев и местных северокавказских народов. М.Хаберл в статье «Franz X Zottmann und Michael Gloßner — Zwei Eichzatterer Diozesanen in Dienst der Kirche bei den Rußlanddeutschen der Diözese Tiraspol» дает характеристику церковно-административного деления Пятигорского деканата римско-католической церкви в России. [15]

Глубокий географический и этнографический анализ мест немецких поселений, описание устройства усадьбы и жилища в различных регионах, в том числе и на Северном Кавказе, дан И.Шнурром в «Heimatbuch» за 1967-1968 гг. [16] В альманахе за 1985-1989 гг. помещены две статьи, содержащие сведения о северокавказских немцах.

Автор первой из них М.Хагин включил в свою работу краткий обзор истории появления и расселения немцев в северокавказском регионе, допустив при этом неточности в определении хронологии [17]. В основу второй положены воспоминания Эдварда Радтке, уроженца колонии Вольдемфюрст Баталпашинского отдела Кубанской области. В этой статье содержатся ценные и редкие сведения. Автор повествует о повседневной жизни меннонитского поселения, описывая организацию досуга, подготовку и проведение религиозных праздников. [18]

В конце 1970-х — начале 80-х гг. при участии землячества российских немцев в Штуттгарте было подготовлено двухтомное издание «Die Kirchen und das Religiöse Leben der Rußlanddeutschen» под редакцией И.Шнурра. В первую, так называемую евангелическую часть монографии вошли статьи, посвященные протестантским конфессиям во всем их многообразии в России; вторая содержит ряд статей по истории католической церкви. Рассматриваются различные аспекты истории религиозной жизни немцев в России, положение духовенства, история отдельных религиозных общин [19]. В монографии сделан обзор немецкого храмового строительства в России; богато иллюстрированный фотографиями сохранившихся и исчезнувших протестантских и католических храмов. [20]

Наряду с другими материалами этого издания, особую ценность представляет статья Готлиба Бери «Die Gemeinde Gnadenburg im Nordkaukasus». Это самая большая по объему (свыше 30 страниц) статья по истории северокавказских немцев. Она посвящена истории отдельной немецкой общины на Северном Кавказе. Исследование было проведено на основе недоступных для российских исследователей материалов газеты «Der Bruder Vote» (Братский листок), издаваемой в Германии сторонниками Исхода во второй половине XIX — начале XX в. Статьи, обращения основателя и руководителя Движения Исхода Клетера, письма сторонников Исхода о жизни на новых местах поселения позволили автору проанализировать причины зарождения и проследить историю развития второго Движения Исхода. [21]

Со второй половины 80-х гг. в Германии количество работ по истории немецкого населения в России и СССР резко возросло. Появились научные труды И.Фляйшхауэр, Б.Пинкуса, А.Айсфельда, А.Каппелера, М.Бухсвейлера и др., посвященные немцам-эмигрантам из Восточной Европы и России, немцам Прибалтики. Отмечая важность и ценность этих научных работ, подчеркнем, что в них отражена история российских немцев на протяжении нескольких столетий или же отдельных периодов истории немцев Поволжья, од-

нако проблема северокавказских немцев не нашла своего отражения. [22]

В 1994 г. в Мюнхене был издан библиографический указатель по истории и культуре российских немцев, что весьма важно для исследователей проблем истории российских немцев [23]. Его издание еще раз подтвердило необходимость более прочных информационных связей между исследователями, более четкой координации их деятельности. Их недостаточное развитие или отсутствие может существенно обеднить или затормозить исследования. Так, например, часть публикаций, выявленных авторским коллективом указателя, осталась неизвестной для меня во время работы над диссертационным исследованием «Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII — середина XX вв.)». В то же время в указатель не включены важные работы Б.Городецкого, И.Апухтина, Е.Вейденбаума, некоторые работы Н.Кириченко, А.Твалчрелидзе и других по истории северокавказских немцев. [24]

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной исторической литературы о немецкой этнической общности на Северном Кавказе показал, что как и для всей историографии российских немцев, XIX век был «подготовительным» периодом. На этом этапе сбором и обобщением материала о хозяйственной деятельности, конфессиональной принадлежности, традициях северокавказских немцев занимались священнослужители, военные, чиновники и учителя. Профессиональные исследователи — историки, этнографы, социологи — обратились к истории немецкой этнической общности на Северном Кавказе только во второй половине 40-х гг. XX в. До середины 90-х гг. историю северокавказских немцев освещали фрагментарно. Фундаментальные исследования, охватывающие все этапы существования и развития немецких поселений на Северном Кавказе, до сих пор отсутствуют.

Примечания

1. См.: Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 89-127; Кириченко Н. Год у немецких колонистов: Описание колоний Эйгенфельд Кавказского отдела Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6. С. 3-41; Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. 1900. № 2. С. 162-191. Отд. 2.
2. См.: Апухтин И. Колония Каррас, ее прошлое и настоящее // Пятигорск, 1903. 12 с; Вейденбаум Е.Г. К истории шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. VII. № 1.

- das religiöse Leben der Rußlanddeutschen. Katolischer Teil 1. Stuttgart: AER Verlag Landmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1980. 416 S.
20. Ibid. S. 316-397.
21. См.: Bieri G. Die Gemeinde Gnadenburg im Nordkaukasus // Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil 1. Stuttgart: AER Verlag Landmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1978. S. 273-303.
22. См.: Fleischhauer I. «Unternehmen Barbarossa» und die Zwangsumsiedlung der Deutschen in der UdSSR // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (1982). S. 299-321; Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart: Deutsche Verlags — Anstalt, 1983. 257 S.; Fleischhauer I., Pinkus B. The soviet Germans. Fast and Present. London: Hurst, 1986. 185 P.; Schricker G. Das Kirche Leben der Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion. Tausend Jahre Nachbarschaft. München, 1989. S. 144-162; Buchweiler M. Das Autonomieproblem geschichte und gegenward // Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860-1917. Essen, 1994. S. 147-159; Eisfeld A. Aus bisher verschlossenen Archiven: Russische Veröffentlichungen zur Geschichte der Rußlanddeutschen, dann unerwünscht // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1994. № 55. S. 38; Eisfeld A. Bleiben die Sowietdeutschen deutsch? // Die Deutschen im Rußischen Reich und im Sowjetstaat. Köln: Markus Verlag, 1987. S. 167-178; Eisfeld A. Die Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion. ESKARTSCHRIFTEN H. 97. Wien: Hrsg. von der Österreichischen Landsmannschaft, 1986. 124 S.; Eisfeld A. Deutsche in der Sowjetunion — zwei Jahrzehnte nach der Rehabilitierung // Osteuropa Jg. 35 (1985). H. 9. S. 653-669; Eisfeld A. Kultur — und Lebensformen der Deutschen in der Sowjetunion. Traditionelles und Neus in der Diaspora // A.Ritter. (Hrsg.). Kolloquium zu den volkskundlichen Bedingungen der Kultur bei den deutschen Bevölkerungsgruppen im Ausland. Flensburg. 1988. S. 163-178; Eisfeld A. Die Lage der deutschen Minderheit // Die Lage der Minderheiten in der Sowjetunion und das Völkerrecht: Nationalitäten — und Regionalprobleme in Osteuropa. Bd. 2. Köln, 1988; Eisfeld A. Die Lage der deutschen Minderheit // Die Minderheit in der Sowjetunion und das Völkerrecht. Köln: Markus Verlag, 1988. S. 115-132; Eisfeld A. Die Rußlanddeutschen. München: Langen Müller, 1992. 221 S.; Eisfeld A. Die Rußlanddeutschen // M.HeUman. (Hrsg.): Tausend Jahre Nachbarschaft. Rußland und die Deutschen. München, 1988. S. 120-143. u.a.
23. Brandes D., Busch M., Pavlovic K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Band I. München: R. Oldenbourg Verlag, 1994. 370 S.
24. См.: Апухтин И. Указ. соч.; Вейденбаум Е. Указ. соч.; Городецкий Б. Указ. соч.; Бентковский И. В. Колония Иогансдорф // Бентковский И. В. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883. С. 134—136; Бентковский И. В. Село Довсунское, Новогригорьевский уезд, 1-й стан; Село Хагинское, Медвеженский уезд, 4-й стан // Бентковский И. В. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883. С. 101-102; С. 439-440; Добровольский А. Колония Каррас близ Пятигорска // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. 1860. №№ 1-2. С. 25-76; Кириченко Н. О браке у немцев-протестантов Ванновской волости (Кубанской области) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 1-11. С. 63; Вталчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 317-320, 630-632, 727-728, 728-730, 731-733, 733-735; Чекменев С. А. Иностраннные поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12-13. С. 243-253.

- С. 170-174; Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов (немцы). Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 210-274. Отд. 1.; Ставропольская губерния в статистическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897.
3. См.: Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Том 20. С. 352-380.
 4. Там же. С. 352, 357-365.
 5. Там же. С. 365-376.
 6. См.: Моог А. Der Kampf mit den Hunger. Marxstadt, 1922; Серебряков Ф. Немецкие колонисты на Волге и возрождение востока России. Москва, 1922; Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926; Schiller F.P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764-1926. Pokrowsk: Nemgosizdat, 1927; Люфт. Г. Культурное строительство республики немцев Поволжья // Революция и национальности. 1935. № 8. С. 19-21; Gegen die Fälschung der Geschichte der bolschewistischen Parteiorganisation der ASSR der Wolgadeutschen. Engels, 1934. u.a.
 7. См.: Kronewald I. Wir hatten etwas zu verteidigen // Heimatliche Weiten. 1985. № 1. S. 105-107; Kronewald I. Im Kampf um die sowjetmasht // Heimatliche Weiten. 1987. № 2. S. 225-252; Malinowski. L. Ein Rätsel der Wolgadeutschen Gesichte // Heimatliche Weiten. 1988. № 2. S. 235-237 u.a.
 8. См.: Чекменев С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12-13. С. 243-253.
 9. Там же. С. 244, 246, 248, 251.
 10. См.: Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37-49; Бугай Н.Ф. Депортация немцев с юга России в 40-е годы: причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 40-55; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Часть II. Автономная область. 1918-1924. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1994; Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 32-38; № 9. С. 28-38.
 11. Бугай Н.Ф. Указ. соч.
 12. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе.: Дис ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992.
 13. См.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы российско-германской научной конференции. Москва, 1995. С. 55-100; 120-139; 149-158.
 14. См.: Stumpp K. Das Deutschtum in Rußland nach der Volkszählung von 1926 // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. 1957. Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. S. 105-106.
 15. Bellon W. Die Deutsche Gemeinde Hoffnungsfeld in Daghestan (1910-1919) // Heimatbuch... 1964. S. 55-59; Haberl M., Franz X Zottmann und Michael Gloßner — Zwei Eichstatter Diözesanen im Dienst der Kirche bei den Russlanddeutschen der Diözese Tiraspol // Heimatbuch... 1973-1981. S. 227-228.
 16. Shnurr J. Die Siedlung, der Hoff und das Haus der Russlanddeutschen // Heimatbuch... 1967-1968. S. 17-18, 43-44, 57-58.
 17. Hagin M. Fredliche deutsche Kolonisation im Osten // Heimatbuch... 1981-1989. S. 94.
 18. Radtke E. Die deutsche Siedlung am Kuban // Heimatbuch... 1985-1989. S. 156-162.
 19. Die Kirchen und das religiöse Leben der Rußlanddeutschen. Evangelischer Teil. Stuttgart: AER Verlag Landmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1978. 400 S; Die Kirchen und

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА УКРАИНЕ: ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

И.М.Кулинич

Вопросы иностранной колонизации в Российской империи вообще, и немецкой в частности, начали привлекать внимание российской и зарубежной научной общественности сразу же после массового развертывания этих процессов в XVIII в. Уже в 1771 г. о них упоминает И.Лепехин [1]. В последующие десятилетия о колониях свидетельствуют главным образом путевые заметки участников академических экспедиций С.Г.Гмелина (Гмолица), П.С.Палласа, И.Г. Георги [2], в которых освещаются в определенной степени и комплексы вопросов, связанных с только что основанными немецкими колониями в Поволжье.

Интерес к иностранным поселенцам в Российской империи, их экономической и общественно-политической жизни, духовному развитию значительно усилился в XIX в. Этому способствовала начавшаяся в последнем десятилетии XVIII в. массовая немецкая колонизация причерноморских и приазовских степей. Появляется целый ряд публикаций в правительственных органах, таких, например, как «Журнал Министерства внутренних дел» (ЖМВД), «Журнал Министерства государственных имуществ» (ЖМГИ). Однако большинство этих статей представляют собой физико-географические очерки, либо подборку статистических данных, что дает определенное представление о жизни иностранных колоний. Немногочисленные же работы, посвященные истории иностранной колонизации в России, которые базировались главным образом на материалах Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ), содержали представленные в хронологической последовательности обзоры мероприятий правительства по отношению к таким колониям [3].

В 1868-1869 гг. в журнале «Вестник Европы» появилась серия статей А.Клауса, в которых он стремился детально осветить некоторые стороны жизни немецких колонистов в России [4]. Переработав и дополнив очерки, он издал их в 1869 г. отдельной книгой [5].

Оценивая в целом книгу А.Клауса «Наши колонии», следует заметить, что она является серьезным научным исследованием, одной из первых основательных работ в российской историографии о жизни и деятельности иностранных колоний. Интересные материалы собраны в приложениях книги, состоящих из различных ведомостей и таблиц о жизни колонистов, донесений государственных чиновников, памятных записок и планов колоний. Клаус отмечал, что о колониях в России писали «более-менее... одни лишь иностранцы-немцы» Гакстгаузен, Гамм, Петцольд, Маттеи и др., но русским необходимо исследовать колонии «с русской точки зрения, в надежде, что, быть может, успехи и неудачи наших колонистов помогут нам уразуметь истинные причины неустройства наших крестьян, указывая в то же время на средства к поправлению их быта» [6]. Можно полностью согласиться с мнением Е.И.Дружининой, что Клаус выступал за развитие свободного фермерского хозяйства.

После книги А.Клауса до 1909 г. не появлялось ни одного серьезного научного труда по истории иностранной колонизации в России. Правда, в Одессе была опубликована небольшая по объему работа Д.Н.Эппа о хортицких меннонитах [7], в Гальштадте — брошюра Петера Гильдербранда [8], в Москве — И.Принца [9] и некоторые другие небольшие работы.

Относительно книги А.А.Велицына (Палтова) «Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России» [10], изданной в 1893 г. (вошедшие в нее статьи были опубликованы в 1889-90 гг. в «Русском Вестнике»), можно согласиться с оценкой Г.Г.Писаревского, что она «не дает ничего нового, с неверными ссылками на Полное Собрание Законов» [11]. Кроме того, работа Велицына написана в великодержавном, шовинистском духе. Так, по его мнению, основание немецких колоний — это «завоевание России без грохота пушек и без кровавых столкновений, путем лишь экономического и духовного угнетения и систематического захвата наших лучших земель, что является, возможно, чуть ли не большей и серьезнейшей угрозой, чем шумливые и кровавые войны», что «без крови и крика немцы овладевают нашим Югом и в один прекрасный день мы увидим, что граница наша нежданно-неожданно возвратится до бывших окраин Московского княжества»

[12]. Даже современники автора указывали на его необъективность, «какую-то личную враждебность к немцам» [13]. Однако, на наш взгляд, несмотря на существенные недостатки книги, вдумчивый исследователь найдет в ней интересные статистические данные о количестве земель колонистов по отдельным губерниям, уездам, волостям, о количестве животных в их хозяйствах и т.д.

Одной из наиболее ценных работ для изучения начального периода немецкой колонизации на Украине является книга Г.Г.Писаревского, вышедшая из печати в 1909 г., которую можно считать не только историческим исследованием, но важной источниковой базой, поскольку автор привлек значительное количество оригинальных документальных материалов из ряда архивов Петербурга и Москвы — Государственного архива, Архива Министерства земледелия и государственных имуществ, Военно-учетного архива Главного штаба, Московского главного архива Министерства иностранных дел, Московского филиала архива Главного штаба, Московского отделения общего архива Министерства императорского двора, Архива кабинета его императорского величества и др.

Документальные материалы, содержащиеся в труде Г.Г.Писаревского, широко использовались исследователями этой проблемы. В частности, определенный интерес представляют приложения из 38 оригинальных документов (контракты, реляции, записки, письма, мемуары, описания, указы, рапорты и т.п.), выявленные автором в фондах государственных и ведомственных архивов.

В начале XX в. появляется ряд работ, посвященных истории иностранной колонизации в России. Особенно много их издано накануне и во время первой мировой войны. В 1908-1909 гг. в Казани увидели свет две публикации епископа Алексия о религиозных движениях на Юге Украины [14], а уже накануне войны, в 1914 г., в Одессе издана работа И.Притцау о баптистах в Южной России [15].

В связи со 100-летием существования немецких колоний, основанных на Юге России при Александре I, возник интерес к их прошлому в самих колониях, результатом чего было появление работ Я.Штаха и П.С.Келлера [16]. И хотя они имели юбилейный характер, все же содержали исторические и статистические данные. В 1903 г. в Симферополе была издана небольшая брошюра А. Крокера, а в 1908 г. в Гальбштадте — Ф.Исаака, посвященные немецким колониям юга Украины [17].

В 1916 г. Я.Штах, который в течение двадцати шести лет исполнял обязанности лютеранского пастора в колониях, опубликовал «Очер-

ки из истории и современной жизни южнорусских колонистов» [18], в которых анализируются причины колонизации, соответствующие мероприятия российского правительства, направленные на ее поощрение, жизнь католических, меннонитских и евангелическо-лютеранских общин в Мелитопольском и Днепровском уездах, рассказывается о колониях Пришиб, Фридрихсфельд, Грюнталь, Неймонталь, Гейдельберг, Блюменталь, Вальдорф, Альтмонталь, Кайзерталь, Дармштадт, Ейгенфельд, Александергейм, Нейкарлсру, Мариенфельд, Нейкрон, которые в годы первой мировой войны получили русские названия — Высокое, Широкое, Веселый Гай, Ордынка, Журавлево, Луговое, Курганы, Чабановка, Ольгино, Кочубеевка и др. В книге рассматриваются также такие проблемы, как патриотическое отношение колонистов к новой родине, их роль в развитии земледелия на юге Украины, их отношения с украинским, русским населением и представителями других национальностей, мероприятия колонистских общин, направленные на защиту их членов от обезземеливания и расширение частного землевладения, характеризуются успехи поселенцев в развитии промышленности и известные культурные центры юга Украины, описывается состояние школьного образования в колониях и т.д.

Анализируя правительственную политику по отношению к иностранным колонистам Юга Украины, деятельность административного управления колониями, Я.Штах пришел к выводу, что «высокая степень процветания хозяйства, до которой дошли в короткое время колонисты в России, является прежде всего прямым следствием возникшего среди русской обстановки и выросшего на русской почве закона относительно рационального пользования землей и крестьянского самоуправления, соединенного с неутомимой деятельностью высшего управления. Это высшее управление колониями дало возможность, на основании закона, свободно воспользоваться дарованиями выдающихся людей для всех областей сельской жизни и создать из самого скудного материала крестьянское сословие, которое, благодаря своему достатку, очень скоро и с большими процентами заплатило правительству за принесенные им для него жертвы» [19]. Говоря о влиянии немецких колонистов на местное население, Штах отмечал, что «начиная с шестидесятых годов соседи — русские и болгары — все более и более стали подражать колонистам в ведении хозяйства, и дело дошло до того, что в настоящее время трудно отличить какое-нибудь русское хозяйство от немецкого» [20].

Во время первой мировой войны работы с немецкими колонистами посыпались словно из рога изобилия. Их диапазон был чрезвычай-

но широким — от реакционных, шовинистических до научных, объективных исследований, авторы которых разоблачали реакционную сущность политики царского правительства по отношению к колонистам, аргументированно защищали последних. Авторами этих работ различных направлений были А.Е.Богдановский, С.П.Мансырев, С.Д. Бондарь, С.П.Шелухин, К.Э.Линдеман, который в 1915-1917 гг. опубликовал три исследования в защиту немецких колонистов Юга Украины, упомянутый выше Я.Штах и другие [21].

Член Одесского окружного суда С.П.Шелухин на основе выступлений 8 ноября 1914 г. в собрании Киевского юридического общества при Киевском университете Св. Владимира и 22 ноября этого же года на заседании историко-филологического общества при Новороссийском университете написал небольшую книгу о немецкой колонизации на Юге Украины [22]. Эти вопросы он начал разрабатывать с 1902 г., будучи товарищем прокурора, объезжал Одесский уезд, в котором было значительное количество немецких колоний. Он опубликовал несколько статей и книг, одна из которых вышла в 1913 г. [23], а вторая, упомянутая выше, в 1915 г., все 8 разделов последней написаны с шовинистических позиций по отношению к колонистам. Сжато очертив некоторые вопросы истории Украины XVII-XVIII вв. и особенности заселения украинских причерноморских и подольских земель, Шелухин проанализировал процессы немецкой колонизации в этих районах во второй половине XVIII в. Он пишет, что «немцы пустили в ход все методы против экономического и культурного развития украинского народа. И даже простой малокультурный немец-колонист превращает украинское население в животную мускульную силу, которая должна служить немецкому подъему и расцвету». Все статистические данные Шелухин стремился тенденциозно использовать лишь с одной целью — доказать, что немецкие колонисты являются врагами России, а его выводы настолько неубедительны, что сразу бросается в глаза шовинистически-верноподданническое лицо автора.

Работа С.Д.Бондаря «Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России)», изданная в Петрограде в 1916 г., посвящена истории переселения в Россию меннонитов. В целом автор доброжелательно относится к созданию колоний меннонитов на Юге Украины, а приведенные им факты и сделанные выводы свидетельствуют о том, что меннониты были неплохими хозяевами, у которых многому можно было поучиться. «В 40-х годах XIX в., — писал Бондарь, — меннонитское сельское хозяйство является настолько образцовым, что с целью его изучения правительственная админист-

рация посылала в молочанские колонии офицеров из военных поселений» [24]. Этот тезис подтверждается и официальной запиской Министерства государственных имуществ, опубликованной в «Журнале Министерства государственных имуществ» за 1841 г. «Въезжая в колонии меннонитов, — говорится в ней, — ощущаешь себя вроде бы перенесенным в другую страну. Увидишь здесь во всех отраслях положение резко отличающееся от быта в других поселениях... Колонии меннонитов в Таврической губернии являются, так сказать, большой исследовательской фермой и образцовым хозяйством, в котором все развивается и улучшается; они пользуются всеми нововведениями с целью улучшения существующего порядка, если при деловом обсуждении признают эти нововведения полезными и удачными к применению. В них все отрасли хозяйства одинаково хорошие — земледелие, животноводство, овцеводство, лесное хозяйство, садоводство, пчеловодство и ремесла» [25].

Каждый исследователь, который заинтересуется историей, жизнью и деятельностью меннонитских колоний на Украине, найдет немало ценных материалов в книге С.Д.Бондаря.

Монография бывшего профессора Петровской сельскохозяйственной академии К.Э.Линдемана «Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников...», увидевшая свет в 1917 г., является основательным исследованием и ценным источником для изучения деятельности немецких колонистов на Украине, потому что содержит значительное количество документальных исторических материалов и статистических данных, социально-экономических и юридических характеристик различных процессов и явлений в отдельных губерниях, уездах, волостях, населенных колонистами [26]. Касаясь цели, которую преследовали правительственные указы от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. о прекращении землевладения и землепользования немецких колонистов, Линдеман писал, что они имеют «сократить и ограничить в дальнейшем землевладение лиц «немецкого происхождения», приписанных к сельским обществам, по-видимому для того, чтобы устранить конкуренцию между ними и крестьянами, у коих они будто бы перебивают земли (предлагаемые к продаже или аренде), благодаря своему большому достатку, большей предприимчивости и солидарности и большому кредиту. Другие задачи, о которых так много говорилось в некоторых органах прессы и в националистических кругах: необходимость борьбы с воображаемым шпионством и предательством, с отчужденностью немцев, с их якобы недостаточной преданностью России» [27].

Интересные материалы находим в книге Линдемана и о прессе в колониях [28], о школьном образовании, социальных учреждениях и кооперативах [29], об участии колонистов в войнах XIX в. и их отношении к первой мировой войне, о представительстве немецких колонистов в южноукраинских земствах [30] и т.п. Приложения к книге также представляют немаловажную ценность при исследовании положения немецких колонистов на юге Украины в годы первой мировой войны [31].

Линдеман отмечает, что немецкие колонисты за 100-150 лет «превратили голые и бесполезные тогда степи Новороссии, Крыма и Закавказья в плодородные поля, в богатые сады, в доходные виноградники и содействовали распространению улучшенного хозяйства вокруг своих поселений. Создавая свое благополучие, они в то же время помогали росту благосостояния всего края и вместе с тем научили соотечественников служению отечественным идеалам и широкой благотворительности» [32].

Полагаю, что нельзя не согласиться с этими справедливыми словами, которые логично вытекают из всего приведенного в книге К.Э.Линдемана фактического материала. Он свидетельствует о том, что немецкие колонисты на юге Украины органично влились в экономическую и общественно-политическую жизнь нашей страны, содействуя своим трудом и разумом ее продвижению по пути прогресса.

Когда в ходе первой мировой войны царское правительство начало отбирать земли немцев-колонистов на юге Украины и выселять их из юго-западных губерний страны (Волынь, Подолье), известный писатель, великий гуманист, защитник оскорбленных, униженных и обездоленных В.Г.Короленко писал: «Разумеется, мое мнение вполне определено: то, что творится теперь над русскими немцами есть величайшая несправедливость, слепая, стихийная, вредная и позорная для России, которой придется долго вспоминать ее со стыдом и болью»; Защита российских немцев от «величайшей несправедливости», считал писатель, является не только защитой российских немцев, «но и всего русского отечества от тяжкого упрека, готового лечь на него несмываемым пятном» [33].

Задача современных ученых своими объективными и честными историческими исследованиями способствовать смыванию этого «позорного для России» пятна.

Примечания

1. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина в 1768-1769 г. СПб., 1771.

2. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771. Т.1-4; Gmelin S.G. Reisen durch Russland in den Jahren 1768-1774. S.Pb., 1770-84. Bd.1-4; Паллас П.С. Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.Ш. Половина вторая 1772 и 1773 годов. СПб, 1778; Pallas P.S. Reise durch verschidene Provinzen des Russischen in den Jahre 1768-1774. S.Pb., 1771-1776. Teil 1-4; Georgi I.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche im Jahr 1772, 1773 und 1774. S.Pb., 1775. Bd. 1-2.
3. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // ЖМВД, 1837. № 12; Благовещенский В. Обзор правительственных мер относительно иностранных поселений в России // ЖМВД. 1850. Кн. 30; История и статистика колоний иностранных поселений в России // ЖМГИ. 1854-1855; Быт молочанских меннонитских колоний (Таврическая губерния, Мелитопольский уезд) // ЖМГИ. 1841. Т 1. Кн.2; Описание меннонитских колоний в России // ЖМГИ. 1842. Т.IV; Историческое обозрение иностранных поселенцев в России // ЖМГИ. 1854. Т.VIII; Учреждение новых колоний в царствование императора Александра I // ЖМГИ. 1854. Т. X
4. Клаус А. Сектаторы-колонисты // Вестник Европы. 1868. Т. 1-4; Клаус А. Духовенство в школе в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. Т. I, 2.
5. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. Вып.1.
6. Там же. С. 3.
7. Epp D.N. Chortizer Mennoniten. Varsuch einer Darstellung Entwicklungsganges derselben. Odessa, 1889.
8. Hilderbrand P. Erste Auswanderung der Mennoniten ans dem Danziger Gebit nach Russland. Halbstadt, 1883.
9. Prinz J. Die Kolonien der Brüdergemeinde. Ein Beitrag zur der deutsche Kolonien in Südnissland. Moskau, 1898.
10. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб., 1893.
11. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизвестным архивным документам). М., 1909. Предисловие, с. VII.
12. Велицын А.А. Там же. С. 1, 2, 32.
13. Там же. С. 33. Статьи Велицына в то время вызвали резкий протест газеты «St.Petersburger Zeitung», в которой было опубликовано семь больших статей в 1889-1890 гг.
14. Епископ Алексей. Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX ст. Казань, 1908; Его же. Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX ст. Казань, 1909.
15. Pritzkau J. Geschichte der Baptisten in Süd-Russland. Odessa, 1914.
16. Stach J. Die deutschen Kolonien in Süd-Russland. Prischib,1904. 1 Teil; Keller P.S. Die deutschen Kolonien in Süd-Russland. Odessa,1905.
17. Kröker A. Pfarrer Eduard Wüst der grosse Erwekungspreidiger den deutschen Kolonien in Süd-Russland. Spot bei Simferopol, 1903; Isaak F. Die Molotschaner Mennoniten. Ein Beitrag zur Geschichte derselben. Halbstadt, 1908.
18. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916.
19. Штах Я. Указ. соч. С. 69.
20. Там же. С. 175.
21. Богдановский А.Е. Что такое борьба с немецким засильем (Цель и задачи «Общества 1914 г.»). Пг., 1914; Мансырев С.П. Немецкое землевладение и правила

- 2-ого февраля 1915 г.: Доклад, прочитанный на чрезвычайном общем собрании «Общества 1914 г.». Пг., 1915; Шелухин С.П. Немецкая колонизация на юге России). Одесса, 1915; Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Пг., 1916; Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1917 и др.
22. Шелухин С.П. Немецкая колонизация на юге России. Одесса, 1915.
23. Шелухин С.П. Закон 14 июня 1910 г. и поселенцы-собственники (колонисты). Одесса, 1913.
24. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Пг., 1916. С. 37.
25. ЖМГИ. 1841. Т.1. Кн. 2. С553-562.
26. Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников... М., 1917.
27. Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 138.
28. Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 193.
29. Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 182-195.
30. Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 230-245.
31. Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 273-279.
32. Линдеман К.Э. Указ. соч. С 345-373.
33. Цит. по кн.: Линдеман К.Э. Указ.соч. С. 2.

НЕМЦЫ ЗАКАВКАЗЬЯ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

К.Алиев

В начале XX в. усиливается интерес к немцам, проживавшим на Кавказе. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» опубликована большая статья учителя еленендорфского двухклассного училища Фердинанда Циммера о немцах колонии Еленендорф на русском языке [1]. В работе излагается материал о первопроходцах из бывшего вюртембергского королевства во времена наполеоновских войн. По словам автора, убегая от Антихриста, швабы оказались на Кавказе. Переселенцам русское правительство оказывало большую материальную помощь. В статье затрагиваются вопросы сельского хозяйства, рассказывается о климатических условиях и болезнях, распространявшихся среди колонистов. Автор также знакомит читателей с домашней обстановкой немцев, их физическими данными, интеллектуальным развитием и религиозным воспитанием.

В результате переселения на территории Грузии и Азербайджана появились новые поселения — немецкие колонии. Большая работа Ф.Циммера содержит много нового и интересного о первых немцах-лютеранах, появившихся на Кавказе в надежде найти новую родину.

Более значительный труд — книга графа Ганса Германа фон Швайница «Еленендорф, немецкая колония» [2]. В ней живописуется немецкая колония Еленендорф, деревенская жизнь и состояние сельского хозяйства. Подробно описаны достижения духовной культуры, освещаются проблемы церкви и школы, социальных отношений. Автор поднимает вопрос о фирмах братьев Форер и Гуммель. Автор оста-

навливается на вопросе о генеалогии фамилии Гуммель, касается проблем медицины, приводит список немецких колонистов, потомки которых обитали в Еленендорфе вплоть до депортации. Благодаря книге графа фон Швайница западный читатель получил подробные сведения о немецких переселенцах на Кавказе.

Восемнадцать лет спустя из печати вышла книга Якоба Гуммеля «Книга о родине немцев Закавказья» [3]. Она охватывает все стороны жизни закавказских немцев, начиная с проблем образования и дальнейшего развития колонии до образцов поэзии, приведенных на швабском диалекте и на литературном немецком. Автор особо останавливается на проблеме религиозных фанатиков. Так, по его мнению, во время первой мировой войны немцам, обитавшим в российской империи, грозила депортация, но поражение русских в войне против Германии помешало осуществить этот план. Я.Гуммель успел-таки побывать и на родине предков.

К книге приложена таблица немецких колоний, из которых восемь находились на территории Азербайджана, а двенадцать — в Грузии. Книга была адресована читающей немецкой публике.

Под руководством Я.Гуммеля в Еленендорфе был открыт великолепный музей, экспонатам которого могли позавидовать хранители других краеведческих музеев. Обращает на себя внимание путеводитель по еленендорфскому музею на немецком и азербайджанском языках [4].

Во вторую мировую войну и значительно позже о немцах Кавказа почти ничего не печатали. Уже в наши дни в Баку один за другим вышли два исследования, посвященные немецким колонистам. Одно из них — небольшая книга Чингиза Абдуллаева и Беллы Гулиевой «Немцы в Азербайджане» [5], написанная на трех языках: азербайджанском, немецком и русском. Авторы останавливаются на проблемах истории немцев, затрагивают многие стороны хозяйственной жизни, останавливаются на важных вопросах жизни переселенцев, высланных за пределы Грузии и Азербайджана.

Другой труд, «Немецкие страницы истории Азербайджана» [6], принадлежит перу Назима Ибрагимова. Предварив книгу историческим очерком, автор останавливается на проблемах переселения швабов из Вюртембергского королевства, к этому времени подчинявшегося Наполеону Бонапарту. Переселенцы, благополучно достигшие Азербайджана, основали первые немецкие колонии Еленендорф и Анненфельд. Шли годы, разрастались немецкие поселения. К новым дочерним населенным пунктам автор относит Георгсфельд, Алексеевку, Траубен-

фельд, Елизаветинку и другие немецкие колонии. Забила ключом и хозяйственная жизнь. Во всю мощь заработали кузнечные, портняжные, сапожные и другие мастерские. К этому времени получили известность и немецкие фургоны. Развитие виноградарства стимулировало многие отрасли производства, в том числе и бондарное дело. Как отмечает автор, опыт и навыки крестьянского труда пригодились на новой родине. Хлебопашество, огородничество и садоводство стали основным занятием переселенцев. Колонисты выращивали табак и другие технические культуры. Что касается виноградной лозы, то она стала служить главным источником благополучия.

Автор останавливается на проблемах производства вина, касается вопросов добычи нефти и работы Кедабекского медеплавильного завода. Нефтяными промыслами владели Бенкендорф, Беппле, Гаген и другие, а горнорудное производство в основном находилось в руках Сименса. В конце книги автор останавливается на вопросах материальной и духовной культуры, упоминает известных архитекторов Баку. Радует объективный тон книги. Автор тепло отзывается о немецком населении Азербайджана, В книге немало интересного иллюстративного материала, освещающего особенности немецких колоний.

Перечисленных работ на немецком, русском и азербайджанском языках явно недостаточно для воссоздания жизни колонистов с момента появления на Кавказе вплоть до той черной даты, когда были депортированы из Закавказья все немцы. Однако следует отметить и значительные успехи в этой области, хотя и немало проблем, нуждающихся в новой исторической интерпретации.

Примечания

1. Циммер Ф. Колония Еленендорф, Елизаветпольской губернии и уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1901. С. 2, 24, 29.
2. Schweinitz H.-H. Helenendorf. Eine deutsche Kolonie. Berlin: Vossische Buchhandlung, 1910. 113 S.
3. Hummel J. Heimatbüchlein der Deutschen in Transkaukasien. Pskovsk: Deutscher Staatsverlag Nemgosisdad, 1928. 47 S.
4. Hummel J. Das heimatkundliche Museum zu Helenendorf. Moskau: Zentral Völker Verlag, 1929. 25 S.; Hummel J. Hanlar rayonunun Ölkəsunaslik muzeyi. Baku: Elmler Akaderaiyase, 1939. 17 S.
5. Абдуллаев Ч., Гулиева Б. Немцы в Азербайджане. Баку: Германо-азербайджанское общество, 1992. 43 с.
6. Ибрагимов Н. Немецкие страницы истории Азербайджана. Баку: изд-во «Азербайджан», 1995. 200 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

А. Шваб

Исследовательские институты в Германии

В настоящее время в Германии существует ряд институтов и исследовательских учреждений, которые занимаются исследованием музыки немцев, проживавших или проживающих в восточнее сегодняшней Германии, в том числе музыки российских немцев. Публикации этих учреждений и с точки зрения историографии представляют большую научную ценность. Прежде всего здесь надо назвать «Германский архив народной песни» (Deutsches Volksliedarchiv) и Институт им. Йоганнеса Кюнцига (Johannes-Künzig-Institut) во Фрайбурге на юге Германии. Оба учреждения занимаются немецким фольклором и опубликовали уже большое количество работ, в том числе и о музыкальном фольклоре российских немцев. Исключительную ценность представляют публикации Института им. Йогана Готтфрида Гердера (Johann-Gottfried-Herder-Institut) в Марбурге. Музыкальный отдел этого института издает серию книг «Музыка востока» (Musik des Ostens), в которой уже опубликован ряд работ о музыке российских немцев, представляющих большой интерес как в музыкально-историческом, так и историографическом плане.

В пятидесятых годах Готхард Шпер организовал «рабочую группу силезской музыки», из которой в 1973 г. в г. Бергиш Гладбах вблизи Кельна был образован Институт восточнонемецкой музыки (Institut für Ostdeutsche Musik). Профессор Шпер становится его первым директором. В 1982 г. при институте открываются два отделения: северонемецкой музыки, охватывающее своими исследованиями бывшие немецкие поселения в сегодняшней Польше и Прибалтике, и юго-восточнее — для изучения музыкальной культуры немецких поселений в

государствах южнее Германии — Румынии, Венгрии, бывшей Югославии и т.д., в том числе и России. В 1994 г. институт переименован в Институт немецкой музыки на Востоке (Institut für Deutsche Musik im Osten), т.е. восточнее сегодняшней Германии, так как, по мнению некоторых музыковедов, после объединения Германии «восточными немцами» можно считать только граждан бывшей ГДР, т.е. сегодняшних «новых земель».

В 1996 г. образовано отделение «Восток», которое будет заниматься только музыкой российских немцев. К настоящему времени уже собран обширный библиографический и нотный материал музыки немцев из России, что и потребовало создания самостоятельного исследовательского отделения при институте.

В конце 1993 г. вышла в свет книга Эрнста Штеккля из г. Йена «История музыки российских немцев» [1], которую он написал по договору с вышеназванным институтом. Эта высокопрофессионально написанная книга является и превосходным источником по историографии музыки российских немцев. Представителей музыкальной жизни (музыкантов, композиторов, педагогов, издателей), описанных автором, можно разделить на три группы. Специалисты приглашались в Россию членами царской семьи или богатыми представителями дворянства в качестве учителей, музыкантов, композиторов. Часть из них уехала назад в Германию или в другие страны Запада, увозя с собой опыт композиции, обогащенный работой с русской (прежде всего народной) музыкой; другие остались в России, на Украине, различных окраинах тогдашней Российской империи, пополняя их музыкальную культуру европейской техникой композиции. Третья группа — это специалисты, родившиеся и получившие образование в России, т.е. «настоящие российские немцы», в музыкальной культуре которых ощущается однако связь как с немецкой, так и с русской музыкой. О музыкальной культуре российских немцев в собственном смысле этого слова можно будет говорить только после начала ее самостоятельного развития, освобождения от влияния музыкальной культуры Германии.

Фольклорные исследования до 1941 г.

Как известно, первые переселенцы брали с собой свои песенники и Библии. Музыканты, естественно, приезжали со своими инструментами и нотным материалом. Но уже в конце XIX в. все большие колонии немцев России — прежде всего в Причерноморье, на Кавказе и других районах — имели свои «собственные» церковные песенники, во многом отличавшиеся от их германских предшественников. С

1889 г. меннониты Украины издают сборники «Песенные жемчужины» (Liederperlen); в 60-80-е гг. нашего столетия эти сборники переизданы с нотами и текстами.

Для волжских немцев в 1913 г. в городе Дорпат издается сборник «Собрание христианских песен» («Sammlung christlicher Lieder»), предназначенных для пользования в «евангелических колониях на Волге». До и после этого большого сборника песенных текстов издается довольно большое количество немецких песенных сборников в разных районах России, что очень хорошо описано в книге Эрнста Штекля.

Уже сам факт того, что различные немецкие поселения в России издают свои собственные песенники, свидетельствует о том, что музыкальное мышление российских немцев становится самостоятельным, что они и сами сочиняют свои религиозные песни.

В начале нашего столетия выходит в свет также ряд светских песенников немцев России. Р.Кайндль издает в 1909 г. в Черновицах сборник «Немецкие народные песни из Буковины» [2]. В 1914 г. Петр Зиннер и Иван Эрбес выпускают сборник «Народные песни и детские стихи из волжских колоний» [3], однако без нот. В 1917 г. Артур Быхан издает сборник «Немецкие народные песни из Добруджи и юга России» [4], который сегодня также является большой редкостью.

Еще во время первой мировой войны немецкий музыковед и этнолог Георг Шюнеман [5] писал о своих посещениях в лагерях российских военнопленных, среди которых были и российские немцы, попавшие, будучи солдатами русской армии, в немецкий плен. С изумлением слушал Шюнеман их исполнение казалось бы знакомых немецких песен, которые, однако, уже тогда содержали мелодические обороты и особенно внутрислоговые распевы, совершенно не типичные для немецкого пения. Российские немцы, даже если они пели известные немецкие песни, их так видоизменяли, что Шюнеман их только с трудом узнавал. Он собрал в лагерях военнопленных более четырехсот мелодий российских немцев и впервые дал научное описание природы этого песнопения. Этот сборник, выпущенный в 1923 г., является и на сегодняшний день «настойной книгой» любого исследователя, серьезно интересующегося мелодикой и песенной культурой российских немцев. Кроме того, ее можно считать первым историографическим документом о народно-песенном творчестве этой этнической группы.

В двадцатые годы начал свою фольклорную деятельность профессор Виктор Жирмунский. Материал, собранный Жирмунским и его сотрудниками, представляет большую научную ценность, но был многие годы недоступен изучению. В Поволжье в это время музыкальным

фольклором местных немцев занимается профессор Георгий Дингес. В 1932 г. издается его сборник «Народные песни волжских немцев с рисунками и мелодиями» [6]. Исследованиями музыкального фольклора немцев России, Украины, Кавказа, Крыма и т.д., кроме того, занимались Альфред и Альма Штрем, Л.Зиндер, Ф.Вахман и другие.

Политическая обстановка в Германии и в Советском Союзе тогда уже серьезно ухудшилась. Г.Дингес был отправлен в 1932 г. в ссылку, где в 1933 г. умер от тифа.

Архив Жирмунского перенимает Академия наук СССР. Исследование народной музыки российских немцев практически прекращается.

В Германии в 30-е гг. опубликовано несколько статей не только о народной музыке российских немцев, но и впервые об их композиторах. В серии книг «Немецкая почта с Востока» (*Deutsche Post aus dem Osten*) опубликованы статьи о композиторе Лерихе [7], о немецком оркестре в кавказском селе Геленендорф (Helenendorf) и т.д. Многие авторы пытаются, так сказать, дипломатическими методами противодействовать националистической пропаганде в Германии этих лет, которая и российских немцев иногда пыталась представить «патриотами» в нацистском смысле. Так, Густав Феллерер написал две статьи о роли церкви у российских немцев [8], в которых пытался показать, что они прежде всего в духовной жизни ищут свою идентичность и свою связь с родиной предков. Во время войны эти авторы также были обречены на молчание.

Немецкие музыканты и музыковеды в развитии русской музыки

Немецкие музыканты и музыковеды, переселявшиеся в Россию в XVII-XVIII веке, как правило, писали, что причиной их переселения являлось намерение верой и правдой служить Его Величеству (царю или его высокопоставленным подданным) и Русскому государству. Поэтому вполне нормально, что первые немецкие музыковеды посвящали свою деятельность почти исключительно русской музыкальной жизни. Одним из первых историков русского искусства был Якоб Штелин. Он родился в 1709 г. в Саксонии, в 1735 г. был выписан в Петербург. С 1738 г. он профессор «элоквенции и поэзии» и член Российской академии. Кроме научной деятельности, Штелин занимался музыкальным исполнительством, играл на флейте и выступал как дирижер. Одной из его известнейших работ является «Музыка и балет в России XVIII в.» [9], она переиздана в 1982 г. Среди его многочисленных статей в петербургской печати есть несколько и о «Баховских хо-

рах» в Петербурге и Москве, образованных немцами из Германии жившими в России, и об их влиянии на развитие обществ любителей песни в России.

Ко «второму поколению» русских музыковедов немецкого происхождения, т.е. родившихся в России, относится, к примеру, Николай Федорович Финдейзен. Он родился в 1868 г. в Петербурге и проработал там до конца дней (умер в Ленинграде в 1928 г.), посвятив свою жизнь прежде всего русской музыкальной культуре. Но у него есть статьи и о немецких композиторах, работавших в России. Так, в «Русской музыкальной газете» от 1899 г. была опубликована его статья о композиторе Адольфе Гензельте, переселившемся в Россию и проработавшем там до конца своей жизни.

К этой же группе музыковедов относится Павел Александрович Ламм. Он родился в 1882 г. в Москве, умер в 1951 г. близ Москвы. В историю музыки он вошел как «русский-советский музыковед, текстолог и пианист». П.А.Ламм был с 1912 г. художественным руководителем Русского музыкального издательства, профессором Московской консерватории, доктором искусствоведения. Он восстановил в подлинном виде оперу «Борис Годунов» Мусоргского (изд. 1928 г.), руководил изданием полного собрания его сочинений.

Характерной чертой российских музыковедов немецкого происхождения в XIX — начале XX в. было то, что для них понятия «российские немцы» не существовало и они никогда об их музыке или музыкальной жизни не писали.

Послевоенный период

После войны и с образованием ГДР в Советском Союзе издается ряд сборников песен на русском и немецком языках, прежде всего для преподавания на уроках немецкого языка. Это в основном советско-патриотические песни, часто просто переведенные с русского на немецкий язык, а позднее и песни композиторов ГДР. Иногда используются старые немецкие народные песни лирического содержания.

После смерти Сталина и особенно после «эры Хрущева» национальная политика несколько либерализуется, что отразилось и на исследованиях и публикациях песен на немецком языке. На первых порах это просто переводы русских партийно-патриотических песен или подобные песни композиторов ГДР. В шестидесятые годы выходят сборники песен на немецком языке. Так, в 1968 г. выходит песенник Демина: «Петь — играть — выступать: Сборник для самодеятельных ансамблей советских немцев» [10]. В 1978 г. выходит школьный

песенник «Мы поем по-немецки» [11]. Издатель — писатель и корреспондент газеты «Нойес лебен» Зепп Эстеррейхер (Sepp Österreicher), настоящая фамилия — Брайнин.

По своей структуре эти сборники довольно стереотипны. Открывают их партийно-патриотические песни, как бы на втором месте стоят народно-патриотические (родной край), затем следуют лирические, шуточные и т.д. Среди первой группы этих песен особенно много переводов с русского языка. В большой «массе» граждан немецкой национальности эти песни не прижились. Нерелигиозные немцы в своем большинстве приобщились к «советской массовой песне»; для религиозных людей партийные песни остались «дьявольщиной», хотя характер этих мелодий и не настолько чужд их церковным гимнам, но чуждо текстовое содержание. Большинство тех, кто вообще пел немецкие песни, исполняли старые, иногда рукописно передаваемые народные песни. Самой серьезной работой начала семидесятых годов можно назвать книгу Виктора Кляйна «Неиссякаемый источник» [12], в которой не только приведены примеры немецких народных песен из различных районов тогдашнего Советского Союза, но и дано их научное описание. Музыкальная часть этой книги была в основном подготовлена Иваном Павловичем Виндгольцем. После смерти В.Кляйна И.Виндголец опубликовал ряд важных и интересных работ о народной музыке «советских немцев». Одну из своих статей он подготовил во Фрайбурге при сотрудничестве с «Архивом немецкой народной песни» [13].

В настоящее время ведутся переговоры с различными инстанциями в Германии по финансированию центра исследований музыкального фольклора немцев России, так как собирание фольклора без архива, где собранный материал можно было бы хранить и обрабатывать, очень трудно.

После войны в Западной Германии также выпускаются ряд песенных сборников и исследовательских работ по этой тематике. Фихтнер издает в 1949 г. в Штуттгарте сборник «Народные и детские песни немцев из Бесарабии» [14]. В 1956 г. Вальтер Зальмен издает книгу «Наследие немецкого народного песнопения» [15]. В 1957 г. в Штуттгарте выходит книга Ганса Мозера «Музыка немецких племен» [16]. Во всех этих книгах уделяется внимание и народной песне немцев России — как части общей немецкой музыкальной культуры, так и ее взаимодействию с музыкальной культурой народов, среди которых эти немецкие меньшинства живут.

Иоганнес Кюнциг, именем которого позднее был назван основанный им институт во Фрайбурге, издал в 1958 г. несколько пластинок с

записью народных песен российских немцев и буклет с пессимистическим названием «Прежде чем они отзвучат» [17]. К счастью, в последующие годы эти предсказания не сбылись. Начиная с семидесятых годов тематика российских немцев и в музыке переживает свое возрождение. Работы Виктора Кляйна и Ивана Виндгольца высоко оцениваются и в Германии, причем не только у Землячества немцев из России, но и в музыковедческих кругах. В эти годы появляются публикации фольклорных записей некоторых композиторов. Упомянем здесь прежде всего Оскара Гейльфуса, собравшего несколько десятков народных песен немцев России и Казахстана. С помощью Землячества немцев из России в 1991 г. был издан «Песенник российских немцев» [18], содержащий избранные песни основных названных сборников.

Огромный вклад в историографию и источниковедение российских немцев в целом внес доктор Карл Штумпп, который был и одним из основателей Землячества немцев из России. В семидесятых годах он опубликовал работу «Литература о немцах в России» («Schrifttum über das Deutschtum in Rußland»), содержащую уже более 60 литературных источников о музыке.

В конце восьмидесятых годов появляются попытки осмыслить музыкальную культуру немцев из России в целом историческом плане. В связи с этим важно назвать имя Отто Ивановича Гертеля. Он долгое время работал в городе Фрунзе, столице Киргизии (сегодня Бишкек) преподавателем физики и математики, кроме того, с 1971 по 1977 гг. в научно-исследовательском институте педагогики. В 1987 г. переехал в Германию, где работал завучем в школе. После ухода на пенсию основал две частные школы и теперь занят их управлением. Хотя Гертель и не музыкант, он написал в 1989 г. для журнала «Volk auf dem Weg» статью «Об истории музыки российских немцев» [19], послужившую для некоторых земляков в Германии толчком к изучению своей собственной музыкальной культуры. Параллельно и независимо друг от друга Штекль и Гертель составили обширный каталог композиторов и музыкантов этой этнической группы, а также библиографию работ, касавшихся этой темы. В том же направлении работает и Совет культуры при Землячестве немцев из России. На конференции Совета культуры в июне 1989 г. автор этих строк прочитал доклад «К вопросу музыкальной культуры российских немцев» [20]. Материалы конференции были опубликованы редакцией землячества.

В последнее десятилетие написано несколько монографий о немецких композиторах из России — например, о Георгии Альбрехте [21] и Альфреде Шнитке [22]. Своего рода «кульминацией» в историографии

музыкальной культуры российских немцев является уже в начале упомянутая книга Эрнста Штеккля «История музыки российских немцев». В этой книге автор исследует взаимоотношения русской и немецкой музыкальной культуры начиная с XV в., когда с дипломатическими представительствами Германии в Россию приезжают первые немецкие музыканты и ансамбли, вплоть до 1991 г., когда рукопись была передана издательству. Несмотря на то, что в связи с жесткими условиями финансирования издания автору пришлось сильно сократить книгу, она до сих пор является лучшим и наиболее исчерпывающим исследованием темы.

В связи с массовым переселением немцев бывшего Советского Союза в Германию Землячество немцев из России смогло в январе 1996 г. организовать отделение «Музыка», которое будет собирать информацию о прибывающих композиторах и музыкантах с целью помочь им сориентироваться в новых условиях. Эта информация, однако, несомненно послужит и историографическим исследованиям музыкальной культуры российских немцев. «Музыка немцев Востока» — т.е. восточнее сегодняшней Германии — после 1990 г. стала серьезной темой изучения на интернациональных симпозиумах и конгрессах. На симпозиумах в октябре 1992 г. в Кельне, в октябре 1994 г. в Санкт-Петербурге, осенью 1995 г. в Цвикау тема композиторов и музыки немцев из России играла доминирующую роль. Публикация материалов этих встреч является ценным вкладом в исследование музыкальной культуры этого этноса, а также в ее историографию.

Институт немецкой музыки на Востоке уже в течение нескольких лет работает над изданием «Музыкальной энциклопедии немцев востока». В 1997-98 гг. должны выйти энциклопедии немцев Силезии и Судет (Богемии и Моравии, входящих в состав сегодняшней Чехии и Словакии).

Очень важно указать на исследования этой музыки в Северной и Южной Америке. Еще в 1929 г. Джон Брендель выпустил «Собрание народных песен российских немцев в Америке, в северо-западной части США и в Канаде (Северная Дакота)» [23]. В 1937 г. Томас Копп выпустил в Аргентине (в Буэнос-Айресе) сборник «Песенник российских немцев» [24]. Немецкие исторические общества в США и Южной Америке (прежде всего в Аргентине и Бразилии) регулярно проводят встречи, где наряду с историческими вопросами (в первую очередь исследованиями родословной) рассматриваются и вопросы культуры, в том числе и музыкальной.

Налаживание связи с этими организациями является важной задачей нашего землячества, Совета культуры, а также Института восточ-

но-немецкой музыки, которая, однако, до сих пор из-за финансовых трудностей не смогла быть решена.

Примечания

1. Ernst Stöckl. Musikgeschichte der Rußlanddeutschen. Dülmen: Laumann-Verlag, 1993.
2. Kaindl R. Deutsche Volkslieder aus der Bukowina. Tschernowitz, 1909.
3. Erbes Johann und Sinner Peter. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgaskolonien. Saratow: Verlag Energie, 1914.
4. Byhan Artur. Deutsche Volkslieder aus der Dobrudscha und Südrußland // ZfVk (Zeitschrift für Volkskunde) 27 (1917). S. 141-146.
5. Schünemann Georg. Das Lied der deutschen Kolonisten in Rußland. München: Drei Masken Verlag, 1923.
6. Dinges Georg. Wolgadeutsche Volkslieder (Mit Bildern und Weisen). Leipzig: Verlag Walter de Gruyter u. Co., 1932.
7. H.R. Rudolf Lerich, ein rußlanddeutscher Tondichter // Deutsche Post aus dem Osten, 9 (1937). Nr. 12. S. 19 ff.
8. Feilerer Gustav. Das deutsche Kirchenlied im Ausland. Münster 1935; Его же. Deutsches Kirchenlied im Ausland//Die Kirchenmusik 1938. Nr 1.
9. Stählin Jacob von. Zur Geschichte des Theaters in Rußland // Johann Joseph Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Rußland. Teil 1 — Riga und Mitau 1769, Teil 2 — Riga und Leipzig 1770. Leipzig: Fotomechanischer Nachdruck, 1982.
10. Djomin V.: Singen-Spielen-Vbrtragen: Sammelband für Sowjetdeutsche Laienkunst. Moskau: Progress, 1968. 112 S.
11. Österreicher Sepp: Wir singen deutsch: Schulliederbuch. Proswechtschenije, 1976
12. Klein Viktor. Unversiegbarer Born: Vom Wesen des Volksliedes der Sowjetdeutschen. Alma-Ata: Kasachstan, 1974. 119 S.
13. Windholz Johann. Bäuerliche deutsche Mehrstimmigkeit in Kirowo/Karaganda um 1980 / / Jahrbuch für Volksliedfrschung. Jg. 36. Berlin, 1991. S. 48-68.
14. Fiechtner F. Volks- und Kinderreime der Deutschen aus Bessarabien. Stuttgart, 1949.
15. Sahren W. Das Erbe des Ostdeutschen Volksgesanges (Geschichte seiner Quellen und Sammlungen). Marburger Ostforschungen. Band 6. Würzburg: Verlag Holzner, 1956.
16. Moser H. J. Die Musik der deutschen Stämme. Stuttgart, 1957.
17. Künzig J. Ehe sie verklingen. Alte deutsche Volksweisen vom Böhmerwald bis zur Wolga. Geschichtliche Einführung. Freiburg: Herder-Verlag, 1958. Neuausgabe 1977.
18. Schwab A. (Hrsg) Rußlanddeutsches Liederbuch. Kludenbach: Gehann-Musikverlag, 1991.
19. Hertel O. Zur Musikgeschichte der Deutschen in Rußland. // Volk auf dem Weg. 1986. Dezember. S. 8-9.
20. Schwab A. Zur Frage der musikalischen Kultur der Rußlanddeutschen. // Referate der Kulturtagung der Deutschen aus Rußland/UdSSR vom 2. bis 4. Juni 1989 in Stuttgart. S. 5-31.
21. Schwab A. Georg von Albrecht (1891-1976). Studien zum Leben und Schaffen des Komponisten. Frankfurt/M.: Verlag Peter Lang, 1991.
22. Burde T. Zum Leben und Schaffen des Komponisten Alfred Schnittke. Serie: Musikgeschichtliche Studien. Veröffentlicht im Auftrag der Landsmannschaft der Deutschen] aus Rußland. Kludenbach: Gehann-Verlag, 1993.
23. Brendel J. Sammlung deutscher Volkslieder der Rußlanddeutschen in Amerika in nordwestlichen Teil der Vereinigten Staaten und Kanada. Teil 1. Bismark, N.Dak, 1929
24. Kopp. T. Rußlanddeutsches Liederbuch. Buenos Aires: Deutscher Verbund für Argentinien.; 1937. 272 S.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Герман А.А.

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
«СОВЕТСКИХ» НЕМЦЕВ; ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Нелипович С. Г.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)

Шадт А.А.

МАТЕРИАЛЫ О НЕМЦАХ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Курочкин А. Н.

«ТРУДАРМИЯ»: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Энгель-Брауншмидт А.

СТИХИ НЕМЕЦКОГО ИММИГРАНТА О РОССИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Иларионова Т. С.

ТЕКУЩАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Барбашина Э.Р.

АКТУАЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ПО
СОВРЕМЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ «СОВЕТСКИХ» НЕМЦЕВ: ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А.А.Герман

Сегодня уже нет необходимости доказывать, что «советский» период в истории немцев России оказался самым трагическим. Он характеризовался беспрецедентным вмешательством коммунистической тоталитарной власти в жизнь немецкого этноса. В результате — безжалостной ломке были подвергнуты традиции, обычаи, сам образ жизни немцев, формировавшийся многие десятилетия. Теперь уже очевидно, что эти удары оказались смертельными. Народ был рассеян по стране, большинство его представителей, особенно молодое поколение, потеряли свою культуру, язык, национальную идентичность.

Несомненно, что катастрофа, постигшая «советских» немцев, требует изучения и осмысления. Из советского прошлого российских немцев необходимо извлекать уроки. Отрадно, что в последние годы советский период истории немцев в России стал объектом пристального внимания и исследования многих историков. При этом открываются все новые источники, в научный оборот вводится все больше различных архивных документов. В настоящее время идет активная разработка фондов государственных и ведомственных архивов, как центральных, так и местных, изучается печать советского периода, опубликованы многочисленные воспоминания и даже отдельные книги мемуаров. Однако вызывает удивление тот факт, что появилась и все более четко проявляется тенденция явной недооценки бывших партийных архивов — ныне центров хранения документации новейшей истории, хотя именно сейчас для работы в этих архивах созданы самые благоприятные условия.

Определенное внимание уделяется лишь бывшему Центральному партийному архиву — ныне Российскому Центру хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Но и там в основном изучаются документы одного фонда — № 17 — Секретариата ЦК КПСС, где, по большей части, хранятся присланные с мест копии некоторых документов республиканских, краевых, областных парторганизаций, материалы переписки с местными парторганизациями и т.п. Почти совсем обделены вниманием местные партийные архивы. Как показывает анализ многих публикаций последнего времени по истории «советских» немцев, в них, как правило, имеются лишь отдельные ссылки на материалы бывших местных партийных архивов.

Такое невнимание к партийным архивам, когда проводятся исследования по советскому периоду истории российских немцев, представляется не только неоправданным, но и недопустимым, поскольку тем самым за рамками исследований остается целый пласт документов, позволяющих выявить самое главное: внутренние механизмы многих, если не подавляющего большинства сюжетов советской действительности.

74 года советской власти — это 74 года диктатуры в обществе Коммунистической партии, а точнее — партийной номенклатурной верхушки, которая, уничтожив в 1917-1921 гг. своих политических оппонентов, безраздельно господствовала в стране и обществе. Советы всех уровней, формально являясь государственными органами, фактически были придатками соответствующих партийных органов. Они, как тогда говорилось, «оформляли в советском порядке» партийные решения, то есть придавали им вид государственных актов, имевших юридическую силу. То же можно сказать о решениях профсоюзов, различного рода общественных организаций.

Самостоятельность в работе всех упомянутых выше субъектов советской политической системы в центре и на местах, и то весьма относительная, допускалась лишь при решении мелких вопросов, большей частью технического характера, не имевших политической окраски. Все крупные и мелкие кампании, постоянно проводившиеся в различных сферах жизни советского общества, обязательно начинались с соответствующих решений партийных органов. Вот почему для уяснения сущности и содержания тех или иных процессов, происходивших в советском обществе, в том числе и с немцами, изучение партийных документов просто необходимо.

Приведу один пример. В сентябре 1937 г. по всему СССР, в том числе и в Республике немцев Поволжья, волной прокатились судебные

процессы над «вредителями в деле хранения зерна», заканчивавшиеся смертными приговорами. Газеты, публиковавшие материалы этих судебных процессов, писали, что «враги народа» были «разоблачены» благодаря бдительности трудящихся и мастерской работе «славных чекистов». Однако партийные документы позволяют пролить свет на подлинную подоплеку этих событий. Вот выписка из протокола заседания бюро обкома ВКП(б) АССР НП от 14 сентября 1937 г.:

«Слушали: телеграмму тт. Сталина и Молотова.

Постановили: 1) Провести процессы в течение 7-8 дней над вредителями в деле хранения зерна. 2) Образовать тройку в составе: прокурора т. Григорьева, Уполкомзаг СНК т. Мазуревич и зам. Наркомвнудел т. Цируль для подготовки двух-трех дел». [1]

Комментарии, полагаю, излишни. Поражает беспримёрный цинизм этого решения. Остается добавить, что уже с 23 сентября в АССР НП начались судебные процессы.

Приведенным примером я хотел бы ответить и на замечание уважаемого профессора Л.В.Малиновского, высказанное в рецензии на мою книгу [2]. Не могу согласиться с тем, что «местная, особенно национальная печать более полно и конкретно отражала повседневную жизнь народа», чем документы партийных органов. Многочисленные факты свидетельствуют об обратном. Газеты и журналы АССР НП, в частности, были лишь инструментом партийных органов для проведения идеологической обработки населения. При этом ложь была неотъемлемой составной частью примитивной пропаганды.

Если в 20-е гг. в газетах можно еще уловить некоторую объективность в отражении действительности, то в 30-е гг. этого сделать уже практически невозможно. Много ли в газетах было написано, скажем, о голоде 1931-1933 гг. и его жертвах, о крестьянских выступлениях против коллективизации и раскулачивания в 1930 г.? И как интерпретировались и оправдывались массовые репрессии против народа? А вот в закрытых партийных документах обо всех упомянутых событиях можно найти подробную и достаточно объективную информацию.

Говоря о партийных документах, следует иметь в виду, что они также далеко не однозначны и отражают ту иерархически-бюрократическую систему, которая сложилась внутри партии большевиков буквально с первых месяцев нахождения ее у руля государства. Реальная власть принадлежала достаточно узкому кругу лиц, составлявших в центре ядро ЦК ВКП(б) — КПСС (в разное время — Политбюро, Оргбюро, Президиум, Секретариат), на местах бюро обкома (крайкома), бюро райкома (канткома) ВКП(б) — КПСС. Каждый из членов этих

партийных органов, если он не был освобожденным партийным работником, занимал также какой-нибудь важный пост в системе государственных органов и формальных общественных организаций, что позволяло ему «законным» административным порядком внедрять партийные установки в жизнь.

Отмеченные партийные органы решали фактически все судьбоносные вопросы жизнедеятельности советского общества на уровне своих полномочий (хозяйственное развитие, социальная жизнь, политическое положение, проблемы культуры и т.д.). Между ними существовала четкая и жесткая система соподчиненности: нижестоящие органы беспрекословно подчинялись и выполняли указания вышестоящих, отчитывались перед ними о проделанной работе.

Заседания всех этих бюро, как и решения, которые там принимались, носили закрытый характер, разглашать их строго запрещалось. Информация об этих решениях, если это считалось целесообразным, подавалась, как правило, в форме самого общего и далеко не полного изложения. Наиболее важные с точки зрения партийного руководства решения оформлялись как особо секретные документы и хранились отдельно, в так называемых особых папках. В 1928 г. руководители АССР немцев Поволжья Г.Кениг, В.Курц и Г.Фукс получили от Оргбюро ЦК ВКП(б) партийное взыскание за то, что позволили себе ссылки на закрытое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по Нем республике в советском, то есть непартийном документе [3].

Закрытые партийные документы ныне являются ценнейшим источником по истории «советских» немцев. Они предназначались для внутреннего пользования и потому были предельно откровенны. Там можно найти подробную и обстоятельную информацию о проблемах жизни немецкого населения в условиях советской власти, его реакции и отношении к различным кампаниям, проводившимся коммунистическим режимом, о подлинных причинах и обстоятельствах тех или иных событий.

Из основных закрытых документов прежде всего следует отметить протоколы заседаний бюро и постановления, которые на них принимались, протоколы различных «узких» совещаний по конкретным проблемам и сюжетам жизни общества, переписку между партийными органами различных инстанций: Центр — республика (область, край); республика (область, край) — район (кантон), разного рода справки и донесения в вышестоящие парторганы о положении дел, проведенных мероприятиях и их результатах. Важную информацию содержат аналитические материалы, подготовленные работниками парткомов

в ходе обследования и изучения ими состояния дел в различных органах народного хозяйства, учреждениях образования, культуры, в общественных организациях, добровольных обществах, отдельных трудовых коллективах и т.п.

Трудно переоценить информацию, периодически поступавшую в парткомы от органов ВЧК—ГПУ—НКВД. Нужно отдать должное чекистам. Материалы, подготовленные ими, отличаются тщательностью разработки и исполнения, наличием большого количества фактических примеров, подробным освещением фактов и событий. Это достигалось опорой на широкую сеть осведомителей.

В документах этого типа начала 20-х гг. имеются подлинники «антисоветских» и «контрреволюционных» материалов: приказы, программные заявления, обращения к гражданам руководителей антибольшевистских крестьянских восстаний, других враждебно настроенных к коммунистам партий и организаций. В документах нэповского периода имеются донесения о скрытой деятельности партийной оппозиции в рядах ВКП(б). В еще более поздних документах часто встречаются пересказы разговоров и высказываний, «антисоветские» песни, частушки и даже анекдоты, имевшие хождение среди населения. Все эти документы позволяют увидеть подлинное положение и роль партии в обществе в тот или иной период, отношение к ней простого народа, в том числе «советских» немцев, формы и методы работы по укреплению партийного влияния в массах. Кроме того, эти документы высвечивают моральный облик некоторых партийных функционеров, в том числе и немцев, даже с точки зрения охранителей режима совершавших «перегибы», то есть издевавшихся над крестьянами, погрязших в пьянстве и распутстве.

Конечно, при изучении закрытых партийных документов необходимы критический подход, известная осторожность. Однако полагаем, что подготовленный историк-профессионал вполне способен отличить нелепые фантазии о шпионаже, вредительстве и т.п. от документов, достаточно объективно и без прикрас рисующих жизнь немецкого населения при советской власти. В качестве примера процитируем фрагменты одного из донесений УНКВД по АССР НП обкому партии Немреспублики:

«В с. Обермонжу, Маркштадтского кантона, 15 февраля 30 г. собравшаяся толпа женщин свыше 300 ч. и часть мужчин, подстрекаемая кулаками, препятствовала операции по изъятию кулаков. Пытавшийся мирным путем рассеять толпу предсельсовета был избит и вынужден был прятаться в течение двух часов, боясь приведения в ис-

полнение угрозы толпы: «Разорвать на куски, если еще появится». Около сельсовета образовалась толпа, возраставшая с каждой минутой, из которой слышались крики по адресу представителей власти: «Бить их надо, верните нам наших людей, откажитесь от выселения из села, никого не выпустим» и т.д... Массовые выступления продолжались 16-17 февраля... и... были ликвидированы 17 февраля лишь после прибытия отряда в 60 человек. По этому выступлению было осуждено на разные сроки в концлагерь 6 чел., активно участвовавших в выступлении» [4].

В приведенном выше донесении могут вызывать сомнения некоторые конкретные моменты, но в целом авторов его трудно обвинить в необъективности.

Еще несколько наблюдений, сделанных в ходе изучения закрытых партийных документов. Все они, как правило, носят деловой характер, содержат материал лишь по существу рассматриваемой проблемы. В них почти нет славословий в адрес центральных и местных вождей, достаточно мало освещаются положительные моменты партийной политики и, наоборот, очень много внимания уделяется «негативу»: недостаткам в работе парторганизаций, касающимся всех сфер общественной жизни, международной политики, внутривнутрипартийной работы.

Закрытые партийные документы резко контрастируют с «открытыми», то есть документами представительных коллективных партийных органов, предназначенными для рядовых коммунистов и для широких масс. Это материалы съездов, конференций, открытых собраний партийного, партийно-хозяйственного активов, совещаний, торжественных донесений и рапортов о выполнении принятых ранее социалистических обязательств, доклады на юбилейных торжественных мероприятиях и т.п. Все они носят парадно-пропагандистский характер, повествуют в основном о грандиозных успехах «на пути социалистического строительства». В 20-е гг. из подобных документов еще можно было узнать что-либо о недостатках в работе парторганизаций, реальных проблемах и трудностях, но уже в 30-е гг. в сознание рядовых коммунистов, всех «советских тружеников» назойливо вдалбливается мысль о том, что «генеральная линия» партии Ленина-Сталина непогрешима, все недостатки и провалы в работе связываются с вредительской деятельностью «врагов народа».

Тем не менее из отмеченных выше документов все же можно почерпнуть много интересного. Они передают внешнюю атмосферу и колорит того времени, позволяют понять и уяснить официальную по-

литику партии и государства, дают представление о фактических мероприятиях партийно-советского руководства и конкретной деятельности отдельных людей, коллективов в различных отраслях хозяйства, образования, науки, культуры, других сферах.

Как известно, в 1936-1938 гг. истерия поиска «врагов народа» достигла своего апогея. В эти годы в открытых партийных документах содержится много материалов, где в ярких красках живописуется вредительская деятельность «врагов», и тем самым невольно обнажаются недостатки и нерешенные проблемы практически во всех сферах общественной жизни.

К примеру, в материалах XXI областной конференции ВКП(б) АССР немцев Поволжья (1937 г.) работа промышленности в целом оценивается как неудовлетворительная. Сложившаяся ситуация объясняется вредительством, которое якобы шло от прежнего репрессированного руководства автономии. Однако даже элементарный анализ материалов конференции позволяет заключить, что подлинными причинами сбоев в промышленности были просчеты и ошибки в проектировании новых предприятий, скудость выделявшихся Москвой средств, изношенность станков и оборудования, отсутствие запасных частей, низкий профессионализм рабочих, инженерно-технического персонала, полное пренебрежение к условиям жизни и быта рабочих. Скажем, при возведении мясокомбината в 15 км от Энгельса совершенно не уделялось внимания строительству жилья. В результате, естественно, возникли серьезные проблемы с рабочей силой [5].

Ряд партийных документов по своему характеру можно отнести к так называемым промежуточным. То есть, с одной стороны, они предназначены для достаточно широкой партийной аудитории и потому сохраняют свой официально-пропагандистский характер, но, с другой стороны, они не предназначены для беспартийных и потому большей частью являются закрытыми, в них поднимаются некоторые острые проблемы общественной жизни. Среди таких документов отметим материалы пленумов ЦК, пленумов крайкомов (обкомов), райкомов (канткомов) партии, закрытые письма, которые надлежало зачитывать коммунистам на собраниях, и др.

Итак, даже достаточно скромный, из-за нехватки времени, анализ характера и содержания партийных документов позволяет заключить, что они являются важным источником изучения истории российских немцев на ее советском этапе.

Представляется, что одной из причин слабого изучения и использования в качестве источников документов партийных архивов явля-

ется тот факт, что в значительной своей массе документы, затрагивающие проблемы «советских» немцев разрознены, разбросаны по многим делам и фондам. Поэтому отыскать их порой бывает очень нелегко. Исключение составляют лишь фонды обкома и канткомов ВКП(б) АССР НП, находящиеся в Центре документации новейшей истории Саратовской области, фонды райкомов ВКП(б) немецких районов. Последние хранятся в бывших партийных архивах соответствующих краев и областей.

И все же поиск документов по истории «советских» немцев в фондах бывших партийных архивов небезнадежен даже в тех республиках, краях и областях, где немцы составляли незначительную часть населения.

На протяжении 74-летнего советского периода своей истории российские немцы не раз становились объектом специального внимания со стороны центральной коммунистической власти. Происходило это всякий раз, когда их положение в обществе, их политическое поведение влияли на международный престиж СССР, в периоды наибольших приливов и отливов в его отношениях с Германией, либо когда на «советских» немцев делалась определенная ставка в политической игре СССР за рубежом. Каждый раз в подобных случаях центральным партийным руководством издавались соответствующие циркулярные секретные директивы для мест. Вокруг этих директив губернские, а позднее краевые, областные, республиканские парторганизации проводили определенную работу. Следы этой работы можно обнаружить в бывших партийных архивах.

Приведу некоторые известные на сегодняшний день документы центральных партийных органов, касавшиеся судьбы «советских» немцев.

1923 г. Секретная директива ЦК РКП(б): развернуть самую широкую пропаганду и агитацию среди советских немцев по вопросу о «возможности справедливой войны в поддержку германского пролетариата».

1927 г., 27 августа. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по Республике немцев Поволжья, предоставившее ей ряд льгот и некоторую самостоятельность в отношениях с Германией. В этом же постановлении Коминтерну и Крестинтерну рекомендовалось шире развернуть подготовку «товарищей» из советских немцев для «революционной деятельности в Германии».

Постановления ЦК ВКП(б) от 12 апреля и 26 октября 1929 г. и 6 февраля 1930 г., направленные на предотвращение эмиграции советских немцев.

1934 г., 5 ноября. Директива ЦК ВКП(б), требовавшая прекращения получения советскими немцами иностранной благотворительной

помощи и положившая начало кампании «борьбы с фашистами и их пособниками» в среде немецкого населения СССР.

1937 г., 19 января. Постановление ЦК ВКП(б) «О НЕМобкоме ВКП(б)», фактически санкционировавшее по всей стране репрессии против партийных работников немецкой национальности.

1941 г., 12 и 26 августа. Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о депортации немцев из районов Поволжья.

1955 г., 12 марта и 29 июня. Постановление ЦК КПСС об усилении политико-воспитательной массовой работы среди немецких поселенцев.

1974 г., 26 июня. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности».

По свидетельству д-ра А.Айсфельда, только в 1974-1977 гг. в Казахстане «немецкому вопросу» были посвящены 62 заседания областных комитетов партии, 57 городских и 328 заседаний райкомов КПСС [6]. Столь же активно «немецкий вопрос» в это время обсуждался и в парторганизациях сибирских краев и областей, где немецкое население проживало в значительном количестве.

1979 г., 31 мая. Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании немецкой автономной области».

Перечисленные документы могут стать своего рода опорами, позволяющими исследователям развернуть работу в бывших местных партийных архивах по поиску документов, проливающих свет на положение немецкого населения в тех или иных регионах бывшего СССР на различных этапах его существования. Хотелось бы надеяться, что такая работа активизируется и принесет новые открытия, которые позволят пополнить историографию немецкого населения России новыми интересными материалами.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Особая папка- Л. 166.
2. См.: Малиновский Л.В. Конец «белого пятна» (рецензия на монографию А.А.Германа) // Научно-информационный бюллетень Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 1996. № 1. С. 32.
3. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1609. Л. 25.
4. Там же. Д. 2086. Л. 12-13.
5. См.: Там же. Д. 3809. Л. 2-14.
6. См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 120.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива)

С.Г.Нелипович

Первая мировая война стала поворотным пунктом в жизни немецкой общины в России, особенно немецких колонистов европейской части империи. На них обрушиваются репрессии военного командования, с одобрения шовинистически настроенной части общества ложится клеймо «внутреннего врага».

В судьбе немецкой общины России в 1914–1918 гг. с особенной остротой отразилась и судьба страны в целом, переживавшей уже с 1914 г. крушение устоявшейся системы правовых и социальных отношений, проводимое и одобряемое высшими эшелонами власти.

Следует отметить, что фактически в нашей стране эта важная проблема межнациональных отношений не изучалась вплоть до последнего времени. Поэтому неисследованными остаются многочисленные документы по данной теме, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА). Поскольку инициатором и проводником большинства акций против немцев-колонистов в 1914–1918 гг. являлось военное ведомство России, вполне естественно, что источники по изучению этой проблемы отложились в фондах штабов и управлений действующей армии и военных округов.

По так называемому немецкому вопросу, бывшему в центре внимания военных уже с осени 1914 г., было принято следующее решение: удалить из местностей, объявленных на военном положении, германских, австро-венгерских и русских поданных немецкой национальности с лишением их недвижимости путем секвестра либо конфискации. Причем, принимая подобные меры, Ставка, штабы фронтов и

военных округов действовали независимо от правительства и законодательства России. Среди немцев, имевших русское подданство, главным «злом» были объявлены колонисты, поэтому большинство документов относится именно к этой категории населения.

Особенности фондообразователей

Прежде всего следует оговорить, в фондах каких учреждений и органов российской императорской армии сосредоточены материалы о судьбе немцев-колонистов в 1914–1918 гг.

На высшем уровне вопросами взаимоотношений с населением занимался штаб Верховного главнокомандующего, конкретно — дежурный генерал штаба и Канцелярия по гражданскому управлению. Дежурный генерал вел переписку с другими ведомствами, прежде всего с Министерством внутренних дел, а в Канцелярии по гражданскому управлению собирались все документы, касающиеся «внутренней» политики Ставки. Поэтому здесь (Ф. 2005) мы видим большое количество документов о немцах-колонистах с осени 1914 г. до конца 1917 г. В них отражены все этапы антинемецких мероприятий военного командования: от доносов и попыток мотиваций репрессий до их принятия и проведения в жизнь в связи с неудачами в Польше зимой 1914–1915 гг. и с «великим отступлением» 1915 г. В этот период, что характерно, главным проводником «борьбы с немецким засильем» выступал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н.Янушкевич. Его многочисленные резолюции красноречиво свидетельствуют о настроении этого военачальника: «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить» (на анонимном доносе из Новочеркасска о ситуации на Волыни) [1], «Надо всю немецкую пакость уволить, и без нежностей — наоборот, гнать их, как скот» (на бланке телеграммы главного начальника Киевского военного округа В.И.Троцкого о категориях выселяемых немцев-колонистов) [2]. (После снятия Янушкевича такого внимания проблемам выселения немцев-колонистов никто не уделял.)

Следующая группа фондов — это штабы (управления) главных начальников снабжений армий фронтов Северо-Западного (с августа 1915 г. Северный и Западный) и Юго-Западного. На главных начальников снабжений возлагались задачи по удалению немцев-колонистов с театра военных действий (ТВД) и из местностей, объявленных на военном положении. Они сносились по этому поводу с губернаторами, командующими армиями и со штабами военных округов. При этом в фонде главного начальника снабжений Западного фронта содержат-

ся материалы по Северо-Западному фронту за 1914-1915 гг., поскольку эти должности занимал первоначально один и тот же человек - генерал Н.А.Данилов (Ф. 2049).

В фонде главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта документов о немцах-колонистах почти нет: все материалы находятся в фонде штаба Киевского военного округа (Ф. 1759), поскольку управление главснабюза также находилось в Киеве, в помещениях штаба округа.

Представляют интерес фонды окружных штабов. Среди них фонды округов на ТВД — Двинского, Минского, Киевского и Одесского, а также внутренних — Московского, Петроградского и Казанского. Особенно богат фонд штаба Киевского ВО: именно в этом округе оказались колонии Волыни, которые решено было очистить из-за наступления противника. Фонд штаба Двинского военного округа (Ф. 1932) содержит материалы о выселении колоний Гиршенгофской волости Крейцбургского уезда Лифляндской губернии в 1916 г.

Фонды армейских штабов отличаются характером компоновки материала по описям. Если в штабах военных округов речь идет о гражданских канцеляриях или управлениях, то в армиях «немецкий вопроса отразился и на составе документов генерал-квартирмейстеров, и дежурных генералов, и в описях начальников этапно-хозяйственных отделов (ЭХО). Особенность документов армейских фондов в том, что они отражают, как правило, конкретное исполнение принятых командованием решений по поводу немцев-колонистов — выселение по этапу, наложение секвестров, решение вопроса об освобождении от высылки. Материалы армейских фондов помогают заполнить пропуски при отсутствии распорядительных документов в вышестоящих штабах.

Особенности документов

Бурное развитие науки и техники, которое принес XX век, отразилось и на составе документов архивов рассматриваемого периода: среди них, помимо традиционных видов источников, фотографии, телеграфные ленты, шифрограммы и записи телефонных переговоров.

В годы первой мировой войны особенно оживился такой способ коммуникации, как телеграф. В фондах РГВИА этого периода выделяются три типа телеграфных сообщений: телеграфные бланки с лентой или буквопечатью, отпуски телеграмм (копии отправленных телеграмм с указанием времени отправки) и расшифровки шифрограмм. Два последних вида представляют собой бланки с нанесенным от руки текстом. Лента — наиболее полный источник, поскольку указывает

не только всех адресатов, но и время отправки и приема сообщения, что значительно облегчает датировку тех или иных событий.

Характер источников и их классификация

Несколько ограничив обширную тему, следует выделить главные виды источников, раскрывающих историю депортации немцев-колонистов из западных губерний Российской империи. Это инициативные документы, послужившие основой для действий военных и гражданских властей, распорядительные документы, показывающие осуществление антинемецких мероприятий, и итоговые документы, свидетельствующие о результатах и действенности принятых мер.

Инициативные документы представлены в делах РГВИА несколькими разновидностями. Прежде всего, это законодательные акты, постановления правительства и высших органов власти и управления России, международные договоры и соглашения. В Канцелярии по гражданскому управлению Ставки отложились Особые журналы заседаний Совета министров, касающиеся немецкой общины в России, за октябрь-декабрь 1914 г., а также за 20 мая 1916 г. Осенью 1914 г. Совет министров обсуждал проекты законов о лишении «неприятельских выходцев», к которым были отнесены и лица немецкой национальности, перешедшие в русское подданство после 1880 г. (причем мотивировка именно этой даты в протоколах отсутствует). К журналам прилагаются и проекты закона, принятого 2 февраля 1915 г. [3]. В мае же 1916 г. министрам пришлось «пожать» результаты своей бурной деятельности — они обсуждали меры по борьбе с недосевом на колонистских землях. Такой вопрос уже рассматривался на заседаниях 1 и 11 марта 1916 г. Особые журналы за указанные дни свидетельствуют о том, что правительство решило оставлять колонистам выращенный урожай в случае засева ими «ликвидируемых» земель, а в случае недосева — взимать при ликвидации 5-10% стоимости земли «за расстройство хозяйства». [4] По сути дела, это единственные правительственные решения по «немецкому» вопросу.

Важным документом является опубликованный текст дополнительного германско-русского договора в Брест-Литовске (1918 г.), отменявшего ликвидационное законодательство 1915 г. Экземпляр договора хранится в фонде Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. [5]

Другая разновидность инициативного документа, специфичная для данной темы, — это письма в Ставку, имеющие характер проектов, мнений, а большей частью — доносов, как правило, анонимных. Боль-

шинство таких документов связано с обсуждением и критикой «мягкости» закона 2 февраля 1915 г. Среди них письмо главного начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М.И.Эбелова, трактующего немецкие колонии как «готовую базу для германского нашествия», письмо председателя Петроградского отдела Всероссийского национального союза Я.Н.Офросимова с требованием ввести слежку за россиянами немецкого происхождения, требование некоего К.Пасхалова дополнить закон 2 февраля 1915 г. положением о выселении колонистов и их наследников, С.Алексеева — вовсе отменить этот закон и объявить о лишении земли всех немцев, а также анонимные обращения, объединенные одной идеей — отобрать и поделить собственность немцев в России. [6]

Венцом этого жанра является проект раздела Германии и Турции и уничтожения Австро-Венгрии и Болгарии, посланный в Ставку предводителем дворянства Тульской губернии камергером Р.Еропкиным осенью 1916 г. В отношении немцев — русских подданных он предлагал немедленно, не дожидаясь конца войны, отобрать у них в казну все земли, дома и предприятия, а самих выслать за границу, покрыв расходы из будущих контрибуций с побежденных стран. [7]

Важными источниками являются постановления Особых совещаний при Ставке 26 января и 23 июня 1915 г. [8] Именно на их основании проводилась депортация немцев-колонистов из Привислинского края, а затем — «из местностей, очищаемых русскими войсками». В первом случае обоснование причин высылки даже не оговаривалось, в дальнейшем высылка была увязана с эвакуацией населения (хотя для жителей других национальностей выезд из таких районов был провозглашен добровольный!). Непосредственно на основании Особого совещания 23 июня 1915 г. к 1 сентября штаб Северного фронта разработал одобренные Николаем II Правила реквизиции и эвакуации, а также Положение об обеспечении нужд беженцев (утверждено 30 августа 1915 г.) [9]. Этими актами высланные с ТВД немцы приравнивались к беженцам, однако принцип насильственного выселения остался в силе до конца войны.

В комплексе инициативных документов можно видеть и материалы, помогающие восстановить ход обсуждения принимаемых актов и реакцию на них, в особенности среди командования. Кроме того, рассмотренные выше группы источников проясняют роль военного ведомства, в особенности Ставки, в формировании антинемецкого курса внутренней политики в Европейской России времен первой мировой войны.

Нельзя обойти стороной и такой документ, как рапорт агента контрразведки А.А.Белякова, прожившего несколько дней в Тосненской и Колпинской колониях под Петроградом. Штаб 6-й армии хотел обвинить колонистов в организации взрыва на Ижорском заводе. Это не удалось, а доклады Белякова от 15 августа 1915 г. сейчас являются ценным источником, рисующим быт немцев-колонистов в годы войны 1914-1918 гг., их хозяйствование, взаимоотношения с русским населением. [10]

Наиболее массовый вид источников — это распорядительные документы, большую долю которых составляют телеграммы штабов и управлений фронтов и армий, служб главных начальников снабжений и начальников этапно-хозяйственных отделов.

Распорядительные документы (приказы, приказания, запросы, распоряжения и др.) освещают несколько этапов «борьбы с немецким засильем»: выселение немцев-колонистов из Царства Польского зимой 1914-1915 гг., депортацию их из Ковенской, Гродненской, Минской, Холмской, Волынской, Подольской, Киевской, Черниговской и Бессарабской губерний летом и осенью 1915 г., выселение в 1916 г. из Лифляндии и освобожденной от противника части Волыни, меры противодействия возвращению немцев-колонистов на родные места в 1917 г. и, наконец, высылку немцев из рядов действующей армии на Кавказ.

Распоряжения военного командования носят характер пирамиды: так, в ноябре 1914 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В.Ружский приказал выселить немцев-колонистов из Сувалкской губернии. Тут же последовал запрос губернатора, кого считать «немцами-колонистами» (гражданские представители власти никак не могли поверить, что речь идет о русских поданных, а не о противнике), и распоряжения армейских штабов, подтверждающих выселение. Узнав о такой практике, Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии вел. кн. Николай Николаевич также приказал 26 декабря 1914 г. очистить от немцев-колонистов Привислинский край, вызвав тем самым нисходящий поток приказаний штаба и главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта и штабов армий, входящих в состав фронта. [11] Результатом обмена телеграммами стал созыв Особого совещания, о котором было уже сказано выше.

Приказание главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии М.В.Алексеева, его главного начальника снабжений Н.А.Данилова и командования 10-й армии касаются выселения в апреле 1915 г. «неблагонадежных» немцев из района, занимаемого этой армией. Здесь уже не потребовалось распоряжений Ставки. [12]

Огромный комплекс документов относится к периоду «великого отступления» летом 1915 г. и связанному с ним выселению немцев-колонистов. Если до этого времени депортации велись главным образом в полосе Северо-Западного фронта, то теперь центр их тяжести падает на Юго-Западный фронт и Киевский военный округ. 12 июня 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н.Янушкевич приказал выселить немцев-колонистов из пограничных с Австро-Венгрией губерний Киевского военного округа. Последовали распоряжения штаба округа и главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта генерала от инфантерии А.А.Маврина о выселении колонистов на общем основании, в порядке эвакуации. Однако главнокомандующий армиями фронта генерал от артиллерии Н.И.Иванов взял более жесткий курс, распорядившись 19 июня брать при выселении немцев заложников. [13]

Дальнейшее выселение проходило уже на основании утвержденного 4 июня 1915 г. решения Особого совещания в Ставке. При этом в полосе Юго-Западного фронта порядок реального выселения немцев-колонистов резко отличался от мер, принятых главным начальником снабжений армий Северо-Западного фронта. Распоряжения Маврина и Троцкого (главный начальник Киевского военного округа) предполагали разделение местности на три зоны депортации и выявление тех из колонистов, кто получал освобождение от выселения (родственники в действующей армии или погибли на фронте), размещение беженцев из Галиции в «очищенных» колониях, использование для выселения войск (которых, кстати, не хватило, и пришлось просить соседний фронт о поддержке). [14] Почти все эти документы сосредоточены в фонде Гражданской канцелярии Киевского военного округа, в фондах армий Юго-Западного фронта они отсутствуют. Активную переписку по вопросам высылки вел штаб Иванова со Ставкой.

Итоговые документы в фондах фронтового и армейского уровня представлены не в столь большом количестве. Это вызвано прежде всего особенностями фондообразователей. Исполнительную часть антиколониистских мероприятий в большинстве своем брали на себя местные гражданские власти. Кроме того, следует указать на большой пласт документов (отчетов, рапортов, донесений, депеш), в которых нижестоящие штабы и управления информировали своих начальников о собственных распоряжениях по «немецкому вопросу». Особенно часто они встречаются в 1917 г.

Таковы, например, обращения генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта А.И.Деникина

к министрам военному и внутренних дел о визировании штабами армий разрешений вернуться для ранее высланных (8 апреля 1917 г.), главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от кавалерии А.М.Драгомирова о недопущении амнистии в отношении высланных «за германофильство» или чье возвращение вызовет «недовольство населения» (14 мая 1917 г.; по этим формулировкам отклонялись ходатайства немцев-колонистов); сообщение начальника канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта действительного статского советника С.Базарова в Ставку о создании Особой комиссии для «рассмотрения и ликвидации всех дел о заложниках и административно высланных» (17 июня 1917 г.); письмо начальника канцелярии главного начальника снабжений армий Западного фронта полковника А.В.Арцышевского в Минский Совет о невозможности возвратить немцев-колонистов, высланных из Речицкого уезда (11 ноября 1917 г., по запросу председателя Совета народных комиссаров В.И.Ульянова-Ленина) и другие. [15]

Немало, конечно, и обычных рапортов, иногда снабженных ведомостями и справками, позволяющими выявить количество выселяемых, уточнить сроки выселения и положение немцев-колонистов в это время. Так, представляют интерес доношение минского губернатора главному начальнику Минского военного округа о прибытии в Минск и об отправке по этапу в Саратов 234 немцев-колонистов (13 января 1915 г.); депеши этапного коменданта г. Белостока подполковника Л.И.Гавемана в этапно-хозяйственный отдел штаба Северо-Западного фронта об отправке с этапа высылаемых немцев-колонистов наравне с опасными преступниками (январь—февраль 1915 г.); доношение Варшавского генерал-губернатора генерал-лейтенанта кн. П.Н.Енгальчева в Ставку о завершении выселения немцев-колонистов из Привислинского края (13 апреля 1915 г.); рапорты начальника Симбирского губернского жандармского управления полковника Шепельского в контрразведку Московского военного округа о прибытии в города Симбирской губернии партий высланных немцев-колонистов за апрель-октябрь 1915 г. (всего списки на 167 семей); депеша Холмского губернатора Кашкарова о завершении выселения из губернии немцев-колонистов (6 июля 1915 г.); депеша главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М.В.Алексееву о сроках и маршрутах выселения из освобожденных уездов Волыни 13 000 колонистов; доклад начальника канцелярии главного начальника снабжений армий Северного фронта Со-

колова главному начальнику снабжений армий фронта генералу от инфантерии С.С.Саввичу о выселении Гиршенгофской колонии Крейцбургского уезда Лифляндской губернии (21 ноября 1916 г.). [16]

Обращает на себя внимание рапорт дежурному генералу 8-й армии от заведующего этапно-хозяйственной частью этапно-хозяйственного отдела штаба армии полковника Заболотного от 7 октября 1915 г., рисующий картину бедственного положения колонистов, выселенных без средств к существованию из д. Мицк Волынской губернии. Полковник, не в силах более слышать «плач беспрестанный больных детей и женщин, к тому же голодных», испросил разрешение на временное возвращение высланных в дома, чтобы забрать хлеба на дорогу. Разрешившему это начальнику штаба 30-го корпуса генерал Брусилов объявил выговор в приказе по армии. [17]

Интерес представляют также справки по произведенным действиям военных властей. Среди этих документов — раскладка продуктов для питания беженцев и колонистов в полосе Западного и Северного фронтов (утверждена 26 сентября 1915 г.), предусматривающая не только обеспечение минимальной нормы на взрослого (фунт хлеба, полфунта мяса, три четверти фунта картофеля), но и выделение молока и белого хлеба на детей. [18] Сравнение этого и других документов управления генерала Н.А.Данилова (Северо-Западный фронт) с документами о мерах, предпринимаемых руководством Юго-Западного фронта, показывает коренное отличие в отношении к проблеме немцев-колонистов на театре военных действий. Для Маврина, Иванова и Брусилова на первом месте была репрессивная сторона решения Особого совещания 23 июня 1915 г., для Данилова и (с осени) главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А.Е.Эверта — прежде всего обеспечение ведения военных действий и при этом облегчение участи тех, кто так или иначе пострадал от войны, независимо от национальности. Последнее подтверждается и рапортом Эверта начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В.Алексееву от 9 декабря 1915 г. о согласии с проектом и.д. министра внутренних дел действительного тайного советника С.Т.Белецкого о передаче всех вопросов по высылке в ведение Особого совещания МВД (то есть индивидуальный, а не огульный подход). Его рапорт резко диссонирует с возмущенными письмами Н.И.Иванова и главнокомандующего армиями Северного фронта Н.В.Рузского, которые выступали против вмешательства МВД.

Как уже можно заметить, источники всех трех видов пересекаются между собою и позволяют нарисовать общую картину положения немцев-колонистов в тылу действующей армии и в ее рядах.

Наиболее яркий пример такой взаимной связи — переписка по прошениям и жалобам колонистов на несправедливое выселение или об отсрочке или отмене выселения. Большой комплекс таких прошений и ответов на них относится к Гиршенгофской колонии: в августе-октябре 1916 г. канцелярией главного начальника снабжений армий Северного фронта было удовлетворено 19 прошений (родственники находились на фронте), трем семьям было отказано в разрешении вернуться без указания причин. [20] Справедливости ради надо отметить, что вернувшимся было не на что жить: их имущество и земля 26 августа 1916 г. были отданы крестьянам соседней Озольской волости, о чем свидетельствует Журнал Лифляндского губернского по крестьянским делам присутствия. [21]

Большая переписка велась штабами некоторых армий и округов в ходе осуществления приказа Верховного главнокомандующего о переводе на Кавказ солдат из немцев-колонистов. В сентябре 1914 — феврале 1915 г. командование Ковенской ополченской бригады добились от штаба Двинского военного округа перевода на Урал 152 ратников из немцев-колонистов прибалтийских губерний, в июне 1915 г. более сотни немцев из Волынской губернии были направлены из Ивангорода в Шостку для охраны пороховых заводов, а затем — на Кавказ распоряжением штаба Киевского военного округа; согласно справкам штаба Казанского военного округа, оттуда на Кавказский фронт было послано «в качестве рабочей силы» в октябре 1914 — октябре 1916 гг. более 32 тысяч ратников из поволжских колоний. [22] Как показывает переписка штабов 8-й и 11-й армий, в разгар тяжелых боев с фронта также снимались и отправлялись на Кавказ нижние чины немецкой национальности. Им на смену присылались армяне, которых считали недостаточно надежными для боев с турками. Всего с 31 января 1915 г. (распоряжение Янушкевича о переводе немцев-колонистов на Кавказский фронт) до конца марта 1916 г. из 8-й армии было отправлено 1195 солдат, а из 11-й армии до марта 1917 г. — 635 солдат из немцев-колонистов. [23] Как правило, в переписке содержатся и личные списки подлежащих переводу с указанием места жительства и призыва (особенно подробно — по 11-й армии).

Безусловно, изучение всех вышеуказанных документов возможно только в комплексе. Тогда мы получим наиболее отвечающую действительности картину — от замысла и мотивировки до конкретного воплощения и результатов антинемецких акций 1914-1918 гг. в России.

Многие документы возможно изучать лишь с применением справочных сведений. Так, зачастую на телеграммах отправители и полу-

чатели обозначается только городом, где дислоцировался тот или иной штаб, или фамилией воинского начальника без указания должности. Много «относительного» в финансовых и хозяйственных документах. Так, необходимо сравнивать стоимость солдатского и «беженского» пайка, цены, по которым, например, тосненские и колпинские колонисты рассчитывались с работниками, и общий уровень расценок поденного труда в средней полосе России.

В результате работы с 25-ю фондами РГВИА было выявлено до 400 документов по истории немцев-колонистов в России времен первой мировой войны. Все они требуют глубокого изучения, с учетом комплексного подхода и выявления степени достоверности и репрезентативности каждого вида и типа источников. Наиболее действенным представляется введение этих документов в научный оборот путем подготовки сборника, рассчитанного на широкий круг исследователей проблем межнациональных отношений в России 1914-1918 гг., и в особенности — проблем немецкой общины страны в эти переломные годы.

Примечания

1. РГВИА. Фонд 2005 «Канцелярия по гражданскому управлению при штабе Верховного главнокомандующего». Описание I. Дело 28. Лист 131 и об.
2. Там же. Л. 133.
3. Там же. Д. 24. Л. 38-48 об., 143-163.
4. Там же. Д. 27. Л. 140-141; Ф. 2049 «Управление главного начальника снабжений армий Западного фронта». Оп. 1. Д. 391. Л. 125 и об.
5. Ф. 369 «Особое совещание по обсуждению и объединению мероприятий по обороне государства». Оп. 1. Д. 284. Типографский оттиск.
6. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 5 и об.; Д. 29. Л. 43-46; Д. 101. Л. 4-5 об., 43-44; Оп. 2. Д. 2. Л. 24-25 об., 179-183 об.
7. Ф. 413 «Материалы по теории военного искусства и устройству вооруженных сил России». Оп. 1. Д. 2146. Л. 11.
8. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 98-100 об., 139-141, 227-228 об.
9. Ф. 369. Оп. 1. Д. 107; Д. 284. Л. 133-159.
10. Ф. 2126 «Полевое управление 6-й армии». Оп. 7. Д. 112. Л. 24-28.
11. Ф. 2003 «Штаб Верховного главнокомандующего». Оп. 2. Д. 991. Л. 1-2; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 81-84, 87, 89, 90; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 451. Л. 9-10, 13-18 об., 21-25, 28-29, 34-35, 56-58 об.; Ф. 2106 «Полевое управление 1-й армии». Оп. 3. Д. 101. Л. 449.
12. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 991. Л. 25-26; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455. Л. 39-45, 49 и об.
13. Ф. 1759 «Штаб Киевского военного округа». Оп. 4. Д. 1725. Л. 17, 18, 46; Д. 1728. Л. 12-13; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 132-137.
14. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1725. Л. 1-2, 12-14, 28, 29, 34, 37, 45, 49; Д. 1728. Л. 21 и об., 26 и об., 35, 39 и об., 44-47, 49, 56, 75; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 142-145, 163-164, 178, 180-182, 206; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 451. Л. 103, 104.

15. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 319-322 об.; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 451. Л. 130 и об.; Ф. 2106. Оп. 8. Д. 424. Л. 1 и об.
16. Ф. 1606 «Штаб Московского военного округа». Оп. 14. Д. 1542. Л. 19-24 об., 30-34 об., 43-48; Ф. 1915 «Штаб Минского военного округа». Оп. 4. Д. 2. Л. 9; ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 265-266; Ф. 2021 «Управление главного начальника снабжения Северо-Западного фронта». Оп. 1. Д. 84. Л. 204, 308; Ф. 2032. «Главный начальник снабжения армий Северного фронта». Оп. 1. Д. 262. Л. 216 и об.; ф. 2049. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.
17. Ф- 2134. Оп. 2. Д. 545. Л. 72-73 («Полевое управление 8-й армии»).
18. Ф. 2106. Оп. 3. Д. 177. Л. 82.
19. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 991. Л. 113, 115-116 об., 118 и об.
20. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 281. Л. 44-71.
21. Там же. Д. 262. Л. 283 и об.
22. Ф. 1720 «Штаб Казанского военного округа». Оп. 3. Д. 225. Л. 1, 13, 23, 118 об., 184, 567; Ф. 1759. Оп. 3. Д. 441. Л. 28-39; Ф. 1932. Оп. 2. Д. 261. Л. 184-186 об., 196-197, 204-205, 209, 215, 216, 226, 227 («Штаб Двинского военного округа»).
23. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 300. Л. 1-2, 5, 9-10, 20-21, 25, 28-30, 35-46, 56-57, 60, 63, 65, 70, 76; Ф. 2148 «Полевое управление 11-й армии». Оп. 2. Д. 335. Л. 2-7, 31-38, 40 и об., 42 и об., 47, 49, 57, 96 и об., 100-146.

МАТЕРИАЛЫ О НЕМЦАХ- СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Шадт

В 1941 г. в результате проведенных советским руководством мероприятий по выселению немцев из европейской части СССР в Новосибирскую область, которая включала тогда в свой состав территории нынешних Кемеровской и Томской областей, были депортированы свыше 120 тысяч российских немцев. Областной государственной архив, вобравший в себя и фонды бывшего Архива областного комитета ВКП(б), содержит уникальный комплекс документов, который позволяет восстановить историю немецкого спецпоселения в Западной Сибири.

Учитывая тот факт, что система партийных и советских органов функционировала в разных регионах страны по одним и тем же правилам и рождала единообразную директивную и делопроизводственную документацию, предлагаемый обзор-анализ материалов Государственного архива Новосибирской области (ГАО) может служить как бы срезом общей картины того состояния архивной базы, на которую должно опереться исследование данной проблемы.

Первую группу документов составляют носившие строго секретные грифы и рассекреченные лишь в последние годы материалы областного комитета ВКП(б) и областного исполнительного комитета. Это постановления, решения, циркуляры, принятые во исполнение правительственных решений и обращенные к местным районным властям. Облисполком, являясь государственной властью на территории области, фактически выполнял указания партийных органов. Поэтому можно говорить о первичности именно партийных, а не государ-

ственных документов над в решении одних и тех же вопросов. Например, уже 30 августа 1941 г. секретарь обкома ВКП(б) на совещании с секретарями горкомов поднял вопрос о скором размещении немцев из АССР НП, обеспечении их жильем и работой. Председатели райисполкомов получили подобные сведения позднее.

Особое место среди документов занимают постановления и протоколы заседаний бюро ОК ВКП(б), которое в условиях доминирования партийных структур над государственными определяло и контролировало основные направления всей деятельности партийных и исполнительных комитетов на местах. Здесь принимались постановления о снабжении переселенцев теплой одеждой и обувью, рассматривались проблемы их хозяйственного и трудового устройства. Оно контролировало подготовку районов к приему спецпереселенцев из Республики немцев Поволжья, указывало на недостатки (отсутствие транспорта, несвоевременное размещение переселенцев), наказывало за неисполнение своих директив. Оно разъясняло секретарям райкомов указания вышестоящих органов, например о недопущении национальной дискриминации при приеме немцев на работу и т.п. Бюро занималось также направлением их на работы в лесную, угольную, рыбную промышленность.

Материалы бюро свидетельствуют об определенной заинтересованности партийного руководства в решении проблем спецпереселенцев, их хозяйственном и трудовом устройстве. По документам можно проследить, как партийные структуры интенсивно, особенно на первых порах, интересовались этими вопросами, предлагали пути решения. Так, по результатам проверки причин высокой смертности спецпереселенцев в Купинском районе в 1943 г. было принято постановление бюро, в котором предписывалось оказать помощь им, обеспечить посадками картофеля и т.д.

Имели место и совместные постановления бюро ОК и облисполкома, например, постановление от 6 сентября 1941 г. «О расселении, хозяйственном и трудовом устройстве немцев Республики Немцев Поволжья», которое в общих чертах намечало план мероприятий по приему спецпереселенцев. Но все же главной инстанцией, принимавшей решения и разрабатывавшей обстоятельные планы их приема, транспортировки и расселения с/п, финансирования мероприятий, связанных с обустройством их в местах вселения, были Суженные заседания обкома и облисполкома, в которых, помимо партийного и советского руководства, участвовали руководители предприятий и организаций области. Именно постановления Суженного заседания с осени

1941 г. стали основным руководством к действию для районных властей при устройстве немцев-спецпереселенцев.

На этих заседаниях определялись районы, обязанные принять переселенцев (за исключением 17, принадлежащих к Кузбасской группе или примыкавших к ней, а также особо трудных для транспортировки, как районы Горной Шории или Нарымского округа), давались количественные задания по подготовке транспортных средств и жилья, выделялись средства на питание спецпереселенцев в пути следования. Здесь же решались вопросы, связанные с трудоустройством, предполагаемым кредитованием строительства жилья, обеспечением земель, скотом, зерном, продовольствием и т.п. По заданию Суженного заседания ОК и ОИКА составлялись на местах в ноябре 1941 г. списки немцев, которые уже в конце года были направлены на предприятия угольной, лесной и оборонной промышленности. Примером может служить постановление Суженного заседания от 8 октября 1941 г., в котором рассматривается трудовое и хозяйственное устройство спецпереселенцев. В постановлении отмечается, что «работа по расселению в районах области переселенцев из республики Немцев Поволжья закончена», и определяется главная задача — их устройство.

Областные власти и в дальнейшем, вплоть до начала 1944 г. — введения в действие «Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД СССР», определяли весь ритм жизни спецпереселенцев: проводили мобилизацию в рабочие колонны согласно постановлению ГКО от 10.01.42 г. и др., переселяли в районы Нарымского округа для использования в качестве рабочей силы на рыбных промыслах в 1942 г. и т.д. Облисполком, выполняя указания партийных структур, выделяет 14 859 000 руб. 25 сентября 1942 г. для кредитования индивидуального жилищного строительства немцев, исходя из суммы 5900 р. для деревянного и 4500 р. для саманного и глиняного домов, а 18 ноября облисполком принимает решение — закончить мобилизацию спецпереселенцев. В протоколе указывается количество мобилизованных: мужчин 15-17 и 50-55 лет — 4133 чел., 18-50 лет — 1906 чел., женщин 16-50 лет — 11 074 чел. Постановлением облисполкома ограничивается выдача скота переселенцам до одной головы на хозяйство, это решение мотивируется отсутствием надлежащих условий для содержания скота.

Областной исполнительный комитет готовит и направляет в адрес обкома справки о расселении и устройстве немцев. Здесь готовятся информативные документы о количестве размещенных, их составе, расселении по области и т.д., отмечаются сложности с получением жи-

ля, скота, зерна и другие, в том числе неправильное оформление документов на сданное имущество. Эти материалы позволяют проследить механизм передачи и исполнения постановлений партии и правительства в отношении спецпереселенцев, приоритетность задач и их решение.

В обком стекались материалы из районных и областных отделов и секторов партии. В секторе статистики имеются данные по немцам-коммунистам. Так, из стат/отчета за I квартал 1942 г. о численном составе и движении п/организаций по области видно, что за этот период в партию не принято ни одного немца, хотя ранее такие данные присутствовали. Орг/инструкторский отдел готовил справки о настроениях немцев, собирал и обрабатывал их положительные и отрицательные высказывания. Отдел торговли и общественного питания докладывал секретарю обкома о мерах по улучшению положения населения, испытывавшего голод в феврале—марте 1943 г., приводил перечень осуществленных мероприятий. Данные отделов позволяют составить общую картину взаимодействия партийных структур в отношении спецпереселенцев.

Отдельно следует выделить материалы переселенческого отдела облисполкома, который впоследствии был реорганизован в отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения при Управлении эвакуации населения. Первоначально отдел занимался всем кругом вопросов, связанных с обустройством спецпереселенцев: учетом, размещением, продовольственным обеспечением, поиском оставших от эшелонов и пропавших без вести людей. Был образован специальный институт уполномоченных и инспекторов по эвакуации. Первые организовывали работу отдела, вторые собирали сведения об эшелонах, прибывших в область. Спецпереселенцы поначалу тоже находились под их опекой. Среди материалов отдела находятся данные об эшелонах, списки приехавших по районам, планы строительства жилья для них, отчеты о проделанной работе, запросы о кредитах, продовольствии, одежде и т.п. Во всех отчетах отдела после 1941 г. немцы-спецпереселенцы идут отдельной строкой, хотя самые первые документы относят немцев к эвакуированным на общих основаниях. Отдел требует для них продуктов питания, жилья и кредитов на строительство квартир, но в феврале 1942 г. в адрес инспекторов по эвакуации поступает распоряжение уполномоченного по эвакуации: «Немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причисляйте». Впоследствии большинство функций отдела перешло к земельным органам ОИКА, Сельхозбанку, структурам НКВД, и пе-

реселенческий отдел вел лишь текущий учет немцев. Статистические данные отдела дают возможность проследить их демографический состав, количество жилья, скота, расселение по колхозам и другие процессы в жизни немцев.

Поскольку документация директивного характера зачастую дает информацию лишь о благих намерениях властей, не обеспеченных материальными ресурсами, для суждений о том, что конкретно делалось, чтобы облегчить тяготы переселения, полезно использовать вторую группу документов: материалы местных районных партийных и советских органов. Это доклады, отчеты, справки, докладные записки районных комитетов ВКП(б), исполкомов, РО НКВД и милиции, а также Управления НКВД по Новосибирской области, присланные в адрес обкома и облисполкома. В них мы находим обширную информацию о приеме и расселении немцев, хозяйственном и трудовом устройстве, обеспеченности жильем, продуктами питания, одеждой и т.п. Партийные и охранительные органы фиксировали также отношение спецпереселенцев к происходящему, приводили примеры как положительного, так и отрицательного их поведения. Районные партийные и советские власти, выполняя указания вышестоящих организаций, принимали решения по размещению переселенцев в городах и поселках районного подчинения, а также в совхозах и колхозах районов, составляли списки специалистов высокой квалификации, коммунистов, высылали в адрес обкома отчеты о трудовом и хозяйственном устройстве немцев и т.д. Например, секретарь Нарымского ОК ВКП(б), который занимался вопросами вторичного переселения немцев из центральных районов области в северные, на рыбные промыслы, в докладной записке на имя секретаря обкома 17.09.42 г. по вопросу бытового устройства и трудового использования спецпереселенцев указывает на серьезные недостатки с перевозкой, размещением и обеспечением их питанием, сообщает о неподготовленности их к зиме, просит помощи в снабжении одеждой, продуктами и жильем. По документам прослеживаются попытки местных органов, особенно на первых порах, выполнить предписанные вышестоящими органами меры по устройству немцев. Районные отделения НКВД отмечают политические настроения населения, его отношение к сложившейся ситуации. Это недовольство повышением цен на хлеб, трудной жизнью, отсутствием товаров первой необходимости и т.д. У немцев добавляется недовольство переселением, мобилизацией всех трудоспособных членов семей в трудовую армию.

Наиболее объективную информацию о положении спецпереселенцев в местах вселения дают докладные записки прокуроров районов, которые, взывая к властям о помощи населению, указывают на отсутствие хлеба и других продуктов питания, на невозможность посещения школы детьми из-за отсутствия одежды и обуви, на случаи употребления в пищу мяса павших животных и голодной смерти целых семейств и др. Так, прокурор Северного района в сообщении от 20.01.42 г. приводит факты голода, тяжелейших условий жизни немцев и требует помощи для пострадавших. Зам. областного прокурора в это же время проводит расследование «о плохом устройстве эвакуированных, вредных условиях жизни, высокой заболеваемости». Сообщения прокуроров свидетельствуют о том, что у спецпереселенцев, эвакуированных и местного населения в годы войны было практически трудное положение. Страдали все, но особенно трудным было положение немцев и эвакуированных (у первых — из-за мобилизации всех трудоспособных, у вторых — из-за полного отсутствия имущества).

Особо в этой группе документов следует выделить справки, спецсообщения и докладные записки руководства Управления НКВД по НСО, которое давало в обком полную и достоверную информацию. В этих документах рассматривается весь круг вопросов, связанных с жизнью спецпереселенцев, вплоть до фактов злоупотребления властью по отношению к ним, но главной темой было их бытовое, материальное и трудовое устройство, обеспеченность жильем, продовольствием и, конечно, их политические настроения. И если до 1945 г. материалы представляют собой сухое изложение фактов, без всяких комментариев, то начиная с 1945 г. спецорганы начинают выступать своего рода попечителями особого контингента, прося руководство области исправить существующие недостатки, позаботиться о снабжении переселенцев скотом, жильем, питанием, одеждой, призреть бездомных детей-сирот и т.д. Конечно, руководство НКВД выполняло при этом и свою главную функцию — функцию контроля. Занимаясь немцами с первых дней их переселения, Управление НКВД докладывает «Об отдельных отрицательных фактах по расселению переселенцев Немцев Поволжья в районах Новосибирской области» — 6 сентября 1941 г. В докладной записке говорится о недостатках организации приема переселенцев (горожан поселили в селе, сельское население в городах), о непредоставлении транспорта для перевозки переселенцев. 24 сентября была подготовлена «Справка о проследовании маршрутов и расселении...», в ней сообщалось о наличии 6852 свободных колхозных домов, подготовленных для Переселенцев, которых расселили в 1738 колхозах и 39 совхозах.

С течением времени, к 1943–45 гг. отдельные отрицательные факты перерастают в докладных записках в «существенные недостатки». Примером может служить записка от 15 августа 1946 г., в которой упоминаются недочеты в хозяйственном и трудовом устройстве немцев, приводятся примеры отрицательного отношения, факты отсутствия жилья, питания, одежды и др. В заключение Управление НКВД просит обком обязать местное руководство заняться вплотную нуждами спецпереселенцев.

По документам НКВД, находящимся в Областном государственном архиве, прослеживается тот факт, что наиболее тяжелым для немцев был 1943 год, особенно зима-весна. На этот период выпадает огромное количество случаев опухания, истощения, употребления в пищу мяса павших животных, замерзания и наибольшая смертность (спецсообщения НКВД за 9 февраля, 11 апреля и др.).

Одновременно руководство НКВД следило за умонастроениями немцев и соблюдением правовых ограничений, боролось с побегами и дезертирством мобилизованных с оборонных предприятий, периодически изымало из их среды «антисоветские элементы», выявленные с помощью агентов-осведомителей (согласно приказу НКГБ СССР от 21 января 1944 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании спецпереселенцев», один осведомитель обслуживал 20–30 семей). Однако эта сфера деятельности спецорганов раскрывается уже по материалам ведомственных архивов самих спецорганов, так как областной архив имеет в своих фондах ограниченное количество материалов подобного рода. Один из таких документов — «Указание о запрещении передвижения Н/П за территорию района поселения» от 31 января 1942 г. Ограничивая это передвижение пределами района поселения, управление в интересах промышленности разрешало вербовку квалифицированных кадров из немцев-переселенцев для обеспечения предприятий. Делать это было разрешено только с санкции руководства НКВД. В Государственном архиве Новосибирской области имеются также материалы о том, что вопросы спецпереселенцев переходят в ведение спецкомендатур и др. Эти сведения помогают проследить развитие правовых и политических ограничений в отношении немцев.

Рассмотренные документы позволяют раскрыть весь спектр вопросов, которыми занимались партийные и советские структуры, решая проблемы, связанные со спецпереселенцами. Они дают информацию по приему переселенцев, материалы учета, восстанавливающие демографические процессы, характеризуют материальное положение, проведение мобилизации и т.д. Однако в документах практически отсут-

ствуют конкретные результаты исполнения принятых решений и постановлений. Отсутствуют данные по смертности и рождаемости, недостаточно материалов по трудоустройству, миграционным процессам, наделении землей, скотом, кредитами, жильем, по вопросам развития культуры и образования, заболеваемости и личном благосостоянии, нет материалов по выплате компенсации за сданное имущество и по возврату мобилизованных из трудармии. Существенным дополнением являются документы НКВД, дающие критическую характеристику положения немцев на местах вселения и на предприятиях промышленности.

Большинство мероприятий органов власти можно назвать благими намерениями, которые остались на бумаге и не были выполнены из-за отсутствия возможностей. Мешали и объективные причины: жилищная проблема, остро стоявшая еще до войны, проблемы со скотом и зерном из-за низкой урожайности и военных трудностей, бедность местного населения, огромный приток эвакуированного населения в Новосибирскую область и ряд других. Все эти проблемы не могли не затормозить, а порой и остановить совсем выполнение планов по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев.

Однако, исходя из имевшихся возможностей, руководство области пыталось и в какой-то мере решало эти вопросы. Немцы были расселены по домам и приспособленным для жилья помещениям. По прибытии в колхозы и совхозы области их авансировали зерном, продуктами и фуражом. В ограниченном количестве был выдан скот. Часть переселенцев из-за отсутствия трудодней была переведена из колхозов в совхозы и т.д. Из документов следует, что власти не бросили немцев на произвол судьбы, в определенной степени старались решить их проблемы, но отсутствие материальных, жилищных и других ресурсов, поголовная бедность остального населения, война не позволили выполнить намеченное. Этот вывод подтверждается и собранными воспоминаниями бывших спецпереселенцев.

Таким образом, материалы ГАНУ в совокупности позволяют восстановить историю немецкого спецпоселения за Уралом в самых разных ее аспектах, особенно это относится к военным годам — 1941-45 гг. С введением режима спецкомендатур до его отмены весьма существенным дополнением к ним должны стать материалы спецархивов, к сожалению, закрытых еще для исследователей.

«ТРУДАРМИЯ»: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

А.Н.Курочкин

Термин «трудовая армия» перенесен от реально существовавших в годы гражданской войны в Советской России «революционных» армий труда в народный обиход для обозначения военизированных рабочих формирований, функционировавших в промышленности и на транспорте СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Ни в одном официальном документе того времени, служебной переписке, отчетах государственных органов он не встречается. «Трудармейцами» стали называть себя те, кто был мобилизован и призван военкоматами выполнять принудительную трудовую повинность в составе рабочих батальонов, колонн, отрядов со строгой централизованной армейской структурой, а также кто проживал на казарменном положении в лагерях НКВД или на предприятиях, стройках других наркоматов в огороженных и охраняемых «зонах» с воинским внутренним распорядком.

Исследователи, работавшие над этой проблемой, не имея до недавнего времени достаточной источниковой базы, часто не видели отличия этих формирований от общей массы мобилизованных и привлеченных к принудительному труду людей. Тем не менее такие отличия имеют место.

Прежде всего, трудармия комплектовалась из представителей репрессированных народов, исторические корни которых находились в странах, воевавших против СССР (немцев, финнов, румын, венгров, болгар). Основную массу ее контингента составляли немцы. Положение трудармейцев отличалось более жестким режимом содержания, худшими условиями жизни и быта, неприязненным отношением к ним руководства и местного населения. Как известно, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «советские» немцы

официально обвинялись в пособничестве вторгшимся в СССР германским оккупантам. [1]

Нам представляется, что под «трудовой армией» следует понимать военизированные рабочие формирования, сочетавшие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, централизация органов управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда), а также элементы ГУЛАГа НКВД («зона», охрана, режим содержания, нормы снабжения).

Историография «тудармии» насчитывает всего несколько опубликованных выступлений на конференциях, проходивших в 1993-1995 гг. в Москве и Анапе. Наиболее значимые из них: профессора Н.Ф.Бугая «Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е гг.)», П.Ремпеля «Депортация немцев из Европейской части СССР и тудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг.», Р.Бикматова, К.Заболотской «Трудармейцы-немцы на шахтах Кузбасса в годы Великой Отечественной войны», О.Гербер «Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е гг.» [2]

Представляя несомненную ценность в попытке приоткрыть завесу секретности над историческим феноменом «тудармии», перечисленные выше выступления, естественно, не могли глубоко раскрыть ее проблемы, показать масштабы трагической судьбы трудармейцев. Для этого необходим полный анализ всего комплекса источников. Авторы не выделяют собственно «тудармию» из всего мобилизованного на «трудовой фронт» населения. Так, Н.Ф.Бугай говорит о постановлениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 1942 г. «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях», «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», согласно которым немцы направлялись на рыболовецкий промысел и на предприятия рыбообработывающей промышленности. Речь в них идет не о мобилизации в рабочие колонны, а о переселении части немецких семей из мест последепортационного проживания в вышеназванные районы. Н.Ф.Бугай приводит также факты пополнения рабочих колонн из числа демобилизованных из Красной Армии в 1947 г. и другие, относящиеся к 1948 г. [3]. Однако к указанному времени трудовая армия уже перестала существовать. Приказами НКВД СССР № 3/0-39 и № 4 от 5 и 8 января 1946 г. определялось, что «существовавшие ранее в местах расселения мобилизованных зоны (лагеря) ликвидируются,

мобилизованные немцы размещаются в общежитиях, им предоставляется право перевода своих семей к месту работы на постоянное жительство» [4]. Таким образом, трудармейцы перешли по правовому статусу снова в разряд спецпереселенцев.

П.Б.Ремпель, перечисляя целый ряд нормативных актов — «совершенно секретных» и «секретных» приказов и инструкций НКВД СССР, регламентирующих мобилизацию, трудовое использование, охрану и режим трудармии, — называет и приказы, которые не касаются «советских» немцев, а относятся и гражданам немецкой национальности из других стран. В частности, это Приказ НКВД СССР № 00125 сс от 28 февраля 1945 г. об объявлении инструкции по учету интернированных и мобилизованных немцев, Приказ НКВД СССР № 00784 от 6 июля 1945 г. об объявлении дислокации рабочих батальонов мобилизованных немцев и др. [5]

Отмечая таблицу, в КОТОРОЙ П.Б.Ремпелем отражены данные о смертности немцев по предприятиям трудармии, необходимо указать, что существовала тесная связь между смертностью и демобилизацией трудармейцев. Почти повсеместно руководство лагерей и комбинатов в целях снижения уровня смертности демобилизовывали немцев, которые были на грани смерти и умирали, порой даже не успев покинуть пределы «зон», так как у них уже не оставалось сил. В этом работники НКВД неоднократно сами признавались в докладных записках, направлявших в центральные органы. Вот характерная выдержка из докладной записки старшего инспектора отдела учета и распределения ГУЛАГа НКВД Нечаева от 3 июля 1943 г. на имя начальника ГУЛАГа комиссара госбезопасности Наседкина: «За период с февраля по апрель 1943 г. Вятлаг НКВД СССР демобилизовал по различным болезням, а главным образом истощенных авитаминозников 1308 человек, которые в большинстве являются тяжело больными и, естественно, наличие их в лагере дало бы большой процент смертности за этот период.» [6]

Доступ к источникам, проливающим свет на проблему трудовой армии, как неоднократно отмечают многие исследователи, длительное время был закрыт. И только в последние годы мы получили возможность пользоваться рассекреченными документами спецхрана (к сожалению, еще далеко не всеми), вследствие чего опубликована лишь незначительная часть из хранящихся в архивах материалов. Отдельные, наиболее известные документы опубликованы на страницах немецкоязычной прессы, в сборниках Н.Ф.Бугая «Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать», А.Айсфельда и В.Хердта «Депортация, спецпоселения, трудармия». [7]

Основной материал по проблемам трудармии хранится в фондах центральных архивов и архивов местных органов власти, предприятий и учреждений, использовавших труд мобилизованных немцев.

Из центральных архивов следует отметить Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), фонд 644 — «Постановления ГКО СССР 1941-1945 гг.», в котором хранятся все постановления, касающиеся трудармии. Главные из них уже широко известны историкам. Наибольшее число документов содержится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фондах 9401 — «Приказы НКВД—МВД СССР, 1934-1966 гг.», 9414— «Главное управление лагерей НКВД СССР», 9479 — «Отдел спецпоселений (4-й спецотдел) НКВД—МВД СССР, 1930-1959 гг.».

Изучение документальных материалов этих фондов как раз и позволило нам дать определение трудовой армии, приведенное в начале статьи. Представляется необходимым акцентировать внимание на следующем.

1. В трудовую армию забирали работоспособных «советских» немцев через районные и городские военкоматы как на военную службу. Об этом указывается во всех постановлениях Государственного Комитета Обороны и приказах НКВД СССР, изданных для их реализации. Мобилизация осуществлялась Наркоматом Обороны через Главное управление формирования и комплектования войск совместно с НКВД. «Проведение мобилизации (немцев. — А.К.) возложено на НКО (т. Шаденко) совместно с НКВД», — отмечается, в частности, в приказе НКВД № 0083 от 12 января 1942 г. [8]

2. Документы НКВД помогают нам увидеть четкую структуру организации рабочих колонн с централизованной структурой управления. В штат руководства отрядами и колоннами в качестве заместителя начальника вводился работник НКВД. А штаты руководства рабочими колоннами при лагерях НКВД полностью состояли из лагерного начальства. Инструкция № 540 от 3 декабря 1942 г. об использовании на предприятиях Наркомата угольной промышленности мобилизованных немцев, утвержденная наркомом Е.Абакумовым и согласованная с заместителем наркома внутренних дел В.Чернышовым, определяла, что для обеспечения установленного распорядка в быту, режима содержания на шахте и дисциплины на производстве, на каждую шахту назначается заместитель заведующего шахтой — начальник отряда из работников НКВД. [9] Подобные инструкции были разработаны и в других наркоматах.

3. Изучая документы НКВД, можно установить такие характерные черты трудармии, как казарменное размещение трудармейцев, строгую дисциплину и воинский порядок. Казармы размещались в «зонах», огороженных колючей проволокой с охраной из числа стрелков ВОХР. Анализ приказов и директив НКВД за период с января 1942 г. по январь 1946 г. позволяет выявить динамику изменения режима содержания мобилизованных в рабочие колонны. Самый строгий режим существовал в первые годы. Временная инструкция о порядке охраны мобилизованных немцев, используемых на работах в лагерях и колоннах НКВД, объявленная в приказе НКВД № 00488 от 10 марта 1942 г., предписывала организовать охрану в местах расквартирования, на путях передвижения к месту работы, на местах работ. [10] На всем протяжении зоны, огороженной колючей проволокой, располагались посты военизированной охраны на вышках, блокпосты караульных собак и дозоры, которые круглосуточно несли службу. На путях движения колонн к месту работы выставлялись скрытые посты охраны, располагавшиеся в заранее указанном месте с заданием перекрыть возможные пути для беглецов. Выставлялись посты до подхода колонны рабочих и снимались после ее продвижения. Охрана места работы производилась оцеплением всего района работ и скрытыми постами. Оцепление дополнялось дозорами для осмотра местности с внешней стороны оцепления. Такой же режим существовал и на предприятиях Наркомугля и Наркомнефти на основе Инструкции № 540 от 3 декабря 1942 г. наркома угольной промышленности и Инструкции № 541 от 2 декабря 1942 г. наркома нефтяной промышленности [11].

В дальнейшем, в связи с улучшением обстановки на советско-германском фронте и продвижением Красной Армии на запад, охрана зон стала осуществляться самими мобилизованными из числа членов ВКП(б) и комсомольцев, на работу стали ходить без охраны под командой начальника отряда или бригадира (Приказ наркома целлюлозно-бумажной промышленности № 440 от 2 февраля 1944 г., Инструкция наркома черной металлургии от 26 марта 1944 г., Приказ наркома угольной промышленности № 369 от 13 ноября 1943 г., Инструкция наркома строительства от 1 марта 1944 г., Приказ наркома боеприпасов № 113 от 13 марта 1944 г. и др.) [12]. Лишь в октябре 1945 г. с «зон» по указанию заместителя наркома внутренних дел В.Чернышова охрана была полностью снята, предписывалось «режим содержания и жилищно-бытовые условия мобилизованных немцев (граждан СССР) осуществлять на общих основаниях со всеми рабочими» [13]. Полностью «зоны» были ликвидированы приказом НКВД

№ 3/о-39 и № 4 от 5 и 8 января 1946 г. Трудармейцам разрешалось проживать в общежитиях и предоставлялось право перевода своих семей к месту работы на постоянное жительство. [14]

4. В отмеченных выше фондах, а также в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) имеется большое количество документов, характеризующих численность рабочих колонн, места их дислокации, материально-бытовые условия и условия труда, медицинское обслуживание, вещевое и продовольственное снабжение и другие стороны жизни и деятельности мобилизованных немцев.

Большую научную ценность представляют данные об уровне смертности в рабочих колоннах. В самом общем виде они уже приводились на научной конференции в Анапе в 1995 г. П.Ремпелем. При глубоком изучении документов можно достаточно четко выявить основные причины смертности. Прежде всего — это истощение людей от недоедания. Приводим выдержку из докладной записки руководства Ивдельдага: «За первое полугодие 1943 г. зарегистрировано 10 010 больных. Виды болезней: пеллагра 4129, цинга 1143, туберкулез 550, желудочно-кишечные 129, органов кровообращения 136, заболевания легких 251, прочих 2482» [15]. Как видно из приведенного документа, более 50% всех болезней вызваны тяжелыми условиями жизни и недоеданием. Официальными документами нормы продовольственного снабжения устанавливались на уровне норм ГУЛАГа НКВД, позволяющих только поддерживать работоспособность людей. Причем до 1944 г. они имели тенденцию к снижению. Рассмотрим таблицу норм потребления основных продуктов питания трудармейцев в сравнении с нормами питания военнослужащих.

Таблица №1. Основные нормы продовольственного снабжения трудармейцев в сравнении с нормами снабжения военнослужащих в годы войны и в настоящее время [16].

Виды продовольствия	«трудармейцев»	Нормы снабжения	
		солдат тыловых частей в годы войны	современный солдатский паек
Хлеб (г в сутки)	600	700	750
Крупа разная (г в сутки)	77	100	120
Макароны (г в сутки)	—	10	40
Мясо (г в сутки)	20	75	175
Рыба (г в сутки)	50	100	100
Сахар (г в сутки)	10	20	70
Овощи (г в сутки)	400	920	900

Из таблицы ясно видно, насколько хуже снабжались трудармейцы в сравнении с военнослужащими военных лет и тем более современной российской армии.

Реальное продовольственное обеспечение трудармейцев было еще хуже. Перебои в поставках продуктов и снижение норм довольствия были постоянным явлением. Вот выдержка из докладной записки Ивдельлага: «Основные продукты во втором квартале 1943 г.: мука, крупа, растительное масло. Мясо, овощи, сахар отсутствуют. Свежее мясо если и выдавалось, то в виде говяжьих голов с вырезанным мясом и удаленными мозгами». [17] Положение усугублялось введением так называемых «котлов», то есть норма питания снижалась в зависимости от выработки. Получался замкнутый круг: при снижении нормы питания за недоработку человек получал меньше калорий и, следовательно, меньше сил оставалось на завтра. А это приводило к еще большему снижению нормы питания и еще большей потере работоспособности. Таким образом, человек сознательно обрекался на истощение и смерть.

Всестороннее исследование проблем трудармии будет неполным без использования материалов, хранящихся в областных архивах, в фондах комбинатов, трестов, предприятий, использовавших труд трудармейцев. Существенно дополняют статистические сведения о численности трудармейцев сохранившиеся по трестам именные списки мобилизованных немцев. Они содержат интересную информацию о половозрастном составе, социальном происхождении, образовании, семейном положении, гражданской специальности с указанием использования их в угольной и нефтяной промышленности и при лагерях НКВД — основных потребителей рабочей силы трудармейцев.

Самым доступным источником информации являются воспоминания трудармейцев. Они конкретизируют обстановку, в которой приходилось жить, характер взаимоотношений с властью, трудности, которые приходилось преодолевать. Часть воспоминаний опубликована. Из публицистических материалов вызывают определенный интерес статьи А. Кичихина, Л. Бабиченко, А. Дитца, опубликованные в газете «Нойес Лебен». [18]

Проведенный анализ разнообразных документальных источников доказывает возможность осуществления всестороннего комплексного исследования проблемы использования труда «советских» немцев в трудовой армии — военизированных рабочих формированиях, решавших важные хозяйственные задачи на объектах тыла в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. // История СССР. 1991. № 1. С. 144-145.
2. Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: веки истории: Материалы научной конференции. М. 1994. С. 84-90; Бикматов Р., Заболотская К. Трудармейцы-немцы на шахтах Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 90-97; Ремпель П. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. М. 1996. С. 69-96; Гербер О. Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е годы // Там же. С. 97-115.
3. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 86.
4. Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 78.
5. Ремпель П. Указ. соч. С. 75.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 42.
7. Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1992; Eisfeld A., Herdt V. (Hrsg). Deportation, Soudersiedlung, Ardeitsarmee. Köln, 1996.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.
9. Там же. Д. 112. Л. 72.
10. Там же. Ф. 9401. Д. 111. Оп. 1. Л. 70.
11. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 72-97.
12. Там же. Д. 157. Л. 26-56.
13. Там же. Л. 69.
14. См.: Примечание 4.
15. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1188. Л. 63.
16. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 59; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 128. Л. 253.
17. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 75.
18. Кичихин А. Советские немцы // Нойес Лебен. 1990. № 37-50; Бабиченко Л. Мобилизовать в рабочие колонны на все время войны // Там же. 1992. № 8; Дитц А. Социальная реабилитация российских немцев и память // Там же. 1992. № 24-26.

СТИХИ НЕМЕЦКОГО ИММИГРАНТА О РОССИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ⁽¹⁾

А. Энгель-Брауншмидт

Одним из самых интересных для историков и культурологов периодов в истории и развитии немецких колонистов в России является первый этап их переселения на Волгу. Так как с тех времен сохранилось мало письменных источников [2], особое внимание привлекают стихи некоего Бернхарда Людвига фон Платена, где дается описание путешествия от Любека до Саратова и дальше, описание быта и нравов русских мужиков, а также упоминается о причинах переселения героя, его надеждах и разочаровании.

Использование этого текста в качестве источника для историков или историков литературы представляет определенные трудности, поскольку оригинал текста не найден, а имеются только копии. Две из них опубликованы: *Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen, von einem Offizier Planten (1764-1770)* (в сочинении А.Клауса об иностранной колонизации в России) [3] и *Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Rußen, von Offizier Plahten* (в статье Петера Зиннера) [4].

Требуется уточнения и время написания поэмы. В то время как Клаус называет 1764-1770 гг., Зиннер считает, что раньше 1766 г. она не могла быть написана [5]. На это указывают не только его собственные изыскания в архивах: в списке иммигрантов в Ораниенбауме от 25.7.1766 под № 173 числится «Бернгарт фон Платен из Померании» [6]. Остается неясным, почему Зиннер утверждает, будто Платен приехал из Ганновера и был (что могло быть в то время) английским подданным [7]. О дальнейшей судьбе Платена сведения тоже разные. Так по

мнению Зиннера, Платен стал одним из основателей колонии Гуссенбах [8], а Вольдемар Эккерт полагает, что Платен явился основателем села Йост (Поповкино) [9].

Учитывая сказанное выше, трудно определить, насколько стихи Платена можно использовать в качестве исторического источника о начальном периоде жизни немецких колонистов на Волге [10]. Однако поэма содержит интересные сведения о переживаниях иммигранта, его впечатлениях от увиденного. Интересно и то, как он рассказывает об этом. В некоторой степени поэму можно отнести к первым произведениям нового литературного направления, написанным в жанре путешествий и основанным на глубоко личных эмоциональных впечатлениях автора. Особенно яркое отражение это нашло в сочинении английского писателя Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768 г.), который, собственно, и считается основоположником этого направления (сентиментализма) в литературе.

Когда путешествуют этнографы или литераторы, они думают о возвращении и о том, чтобы дома рассказать обо всем новом и интересном, встреченном за границей. С Платеном было не так, он решился на жизнь в другой стране, где надеялся обрести счастье («Ob ich mein Glück nicht könnt' / In Russland blühen sehen» [3, S. 4]), и не собирался возвращаться. Но счастье представлялось ему (как почти всем, кто эмигрировал) отнюдь не в крестьянской работе, цель его эмиграции была одна («Bat mir zur Gnade aus / Der Kaiserin zu dienen, / Deshalb wär ich allda / Nach Russland jetzt erschienen» [3, S. 5]). Обедневший безработный, каким являлся рассказчик, радуется тому, что его принимают в число эмигрантов, что получает деньги на путешествие, что корабль вышел из Любека [11]. Даже когда его не берут на службу в С.-Петербурге, одна надежда все же еще остается: указанное место поселения — «хорошее место». Но после того как путешественник перенес «многие страдания», когда цель почти уже достигнута и оставшиеся часы проходят в восторженном ожидании («Und in zwei gute Stund / So sind wir alle dort»), следует окончательный удар («Mein Freund, wie mir zu Muth! / Wie war ich angekommen: / Kurage, Herz und Muth, / Dies war mir All's benommen. / Ich dachte bei mir selbst: / Ist das der schune Ort? / Der hat nicht mal ein Thor, / Viel wen'ger eine Pfort» [3, S. 58, 59]). Саратов осматривается глазами немца, который имеет совершенно иное представление о городе. Разочаровывает не только город, но и земля за городом, она совсем не такая цветущая, как представлялось. Однако хуже всего то, что никакие другие профессии кроме земледель-

ческой в расчет не принимаются, каждый должен обрабатывать землю («Hier gilt kein Bürger nicht / Und auch kein Professionisten; / Kein Adel-Charakter, / Kein Amtrecht, kein Offlicier! / Ihr müsst nun Bauern seyn» [3,S. 62, 63]). [12]

Поразителен контраст между оптимистичным началом и унылым концом произведения.

Центральное место в поэме занимает описание России и быта ее населения (строфы 25-29, 30-35), сделанное автором во время его зимнего пребывания в Торжке, где эмигрантов поселили у русских мужиков. Здесь Платен употребляет распространенный для таких описаний прием [13], утверждая, что все было действительно так, как он и пишет («Es ist recht in der That / Und wirklich so geschehen» [3, S.30]). Описывает он то, к чему не привык, что кажется ему странным, даже неразумным и бедным, а смотрит он на русскую крестьянскую жизнь не только глазами иностранца, но еще и дворянина, и удивляется [14]. Таким образом, для описания «другого» больше всего употребляются отрицательные формы [15] («Sah mit Verwunderng / Wie sie ihr Land bebauen. / Das wird nicht recht gepflügt, / Nicht ordentlich besät / Und wenn die Früchte reif, / Von Herzen schlecht gemäht.» [3,S.17]). Русская экономика, по мнению прусского офицера-рассказчика, страдает от того, что русский мужик ленивый: «Ich tue bald verzagen, / Dass so ein Unverstand / Und reicher Segen war: / Vor Faulheit stinkt der Russ', / Das ist ja hell und klar» [3,S.28]). Эти строфы позволяют заключить, что в Россию переселились толковые, работающие немцы, а не всякая «сволочь» [16]. Таким образом, они помогают развиваться стереотипу с расчетливым немецком «бауэре». [17]

В дальнейшем рассказчик представляет быт русских мужиков. Вот что его удивляет.

- Хозяин и хозяйка проводят много времени на печке («Un] Matschka mußt' mit ihm / Stets auf dem Ofen seyn» [3,S. 32]).

- Нет социальной дифференциации в одежде («Er fuhr auch keinen Staat — / Der Herr geht wie der Knecht» [3, S. 43]).

- Одежда бедная («Kein Silber, Seidenzeug; / Nur lauter Leinwan-Sachen [...] Kein Stiefel, keine Strümpf; / Ja, auch sogar die Schuh' / Da nimmt er aus dem Wald / Von Bäumen Bast dazu» [3, S. 43, 44]), с одним, однако, исключением («Doch hat er einen Pelz» S. 44). Рассказчик уже идеализирует свое прошлое и начинает думать так, будто он сам ДОМЕ все время ходил в шелках и ел с серебряных тарелок, забыв, кажется, что в начале путешествия он страдал не только от того, что не был водки, но не было даже ботинок («Ich mußte barfuss gehen» [3,S. 1]).

• Мужики мало работают («So arbeitet er nicht viel, / Er lebt auch herzlich schlecht» [3, S.43]).

• Нет разнообразия в еде («Doch sah ich wenig Fleisch [...] Allein Kapusta, Quast, / Hirse und Haide-Grütz» [3, S. 38, 39]).

• Обстановка в доме очень примитивная («Kein Kessel, Kupferzeug, / Kein Eisen, Zinn noch Blei [...] Sonst all' ihr Hausgeräth — / Als Schüssel, Löffel, Teller — / Dies Alles ist von Holz / Und kostet nicht zwei Heller» [3, S.48]).

• Русская изба, в которой рассказчик должен проводить зиму, очень ему не по вкусу, потому что она «черная» и к тому же грязная, потому что в ней живут не только люди, но и скот. Зато он увлекается баней и замечает, что бьют женщину — хотя совсем не ясно, это из любви, как у Олеариуса [18], или во гневе («Was Batschka nun im Haus / Die Woch' versäumet hat, / Zahlt er der Matschka aus / Ganz nackt im Wasserbad» [3, S.51]).

• Секс у русских — на печке, не стыдясь гостя в избе, — очень волнует автора. Описывать подробно, что происходит, он, конечно, не смеет, и потому делает вид, будто этого не понимает.

Из всего сказанного и, в частности, из русских слов без перевода, которые Платен часто употребляет, следует, что путь немцам в русскую среду был открыт для ассимиляции, а полученные от государства привилегии только мешали немецким переселенцам жить нормально среди русских.

Язык автора представляет собой смесь типичного для XVIII в. немецкого языка с отдельными французскими словами и выражениями. В то же время это и язык типичного военного, находящегося всегда в пути или на биваке (Commisär, Bagage, Blamier, Kurage, Mobilien, Officier, Professionist, Quartier, engagiren, einquartieren, fabriciren, fixiren, passiren, patrolliren, transportiren, conträr). К макароническому языку приближается выражение «kuschen» («Und wenn sie dann gekuscht, / Die Jungen mit den Alten [...]» [3, S. 38]): русское слово «кушать» в немецком выражении. С одной стороны, рассказчик выражается энергично до грубости («Mag kosten Haut und Haar, / Herein ins wilde Leben!» [3, S.59.], «Wer nichts zu fressen hat — / Bereite sich zum Fasten» [3, S. 64]), с другой — он умеет говорить умильно, почти в библейских фразах («Vielleicht hab'n wir's verdient / So weit mit unsern Sünden. / Hab' Hoffnung und Geduld» [3, S.13]); «Die Kindelein voraus, / Die litten grosse Noth» [3, S.19]). Именно этот стиль заставил работать фантазию таких «историков», как Зиннер: «Man denke sich diesen Mann als Schulmeister. Einen gewaltigen Eindruck muß er gemacht haben, wenn er

am Buß- und Bettage die Büßpredigt vortrug. Und bis in die tiefsten Tiefen des Gemüts mag er eingedrungen sein, wenn er das Evangelium von gutern Hirten weichgestimmt vorlas. Und den Gesang muß er geleitet haben, wie ein echter preußischer Offizier». [19]

Однако нет основания только лишь из-за имеющихся в поэме Платена грубых выражений считать, что недовольство этого пруссака вело его прямой дорогой в восстание Пугачева, как это кажется Эккера ту [20], хотя он сожалеет, что Платен не стоит на том же «демократическом» уровне, что и Радищев [21].

Клаус рассказывает, что поэма Платена передавалась устно и что он ее записал «со слов старожил» [22].

А это значит, что и через сто лет после появления на Волге первых колонистов в сознании их потомков впечатление и представления Платена сохраняли свою актуальность. Да и можно ли было противопоставить им что-то другое?

Если мы согласимся, что описания Платена обогащают наши представления о колонизации немцами Поволжья, если текст поэмы вносит определенный вклад в историографию, этнографию, культурологию и филологию, значит он выполняет много функций, но тогда все труднее и труднее дать ему точное определение как «исторический источник».

Примечания

1. Более подробный вариант доклада см. в журнале «Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen». 1996, № 6.
2. «Журнал заседаний общего присутствия Саратовской Конторы опекунов иностранных» только что начал издаваться. Том 1 (1774 год) вышел в Саратовке в 1996 г. под ред. И.Р.Плеве.
3. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб. 1869. Приложение 1.
4. Sinner P. (1925/1926): Bernhard Ludwig von Platen, der erst Wolgadeutsche Dichter, und sein Gedicht, in: Teuthonista 2. H. 3-4. S.278.
5. Там же. С. 270.
6. Государственный архив Саратовской области. Ф. 180. Оп. 6. Д. 1. Л. 407 (благодарю И. Плеве, Саратов, за эту информацию).
7. Зиннер читал список иммигрантов колонии Гуссенбах, где написано: «Ludwig von Platen, 34 Jahre alt, lutherischen Bekenntnisses, aus dem Englischen Königreich, dem Kurfürstentum Hannover, aus dem Dorfe Plato, ein Adeliger». См.: Sinner P. Указ. соч. С. 271.
8. «Im nächsten Frühling 1767 schiffte der Zug auf Barken die Wolga hinab nach Saratow und gründete am 16. Mai 1767 die Kolonie Hussenbach an der Medwediza (Bergseite). Der Zug bestand aus 137 Familien, darunter war auch Platen». См.: Sinner P. Указ. соч. С. 271.

9. «Nach lange Reise kam Plathen in die Wolgasteppe, wo er das Dorf Jost (Popowkino) mit begründen half». См.: Ekkert W. Bis zum Oktober. Zur Geschichte der Literatur der Rußlanddeutschen // Heimatliche Weiten. 1986, 2, S.241. Возможно, что Эккерт смешивает Платенас Иоганном Георгом Мерингом, записки которого были опубликованы в 1901 г. и содержат сведения, во многом напоминающие сведения о Платене у Эккерта. См.: Möhring J.G. Memoiren des gewesenen Schulmeisters zu Swonarewkut Johann Georg Mnhring aus dem 18. Jahrhundert, betitelt «Chronologische Anmerkungen» // Friedensbote auf Berg und Wiesenseite der Wolga. Illustrierte Monatsschrift, hrsg. von H. Güner. Talowka. 1901. № 4, 5. S. 235-238; 305-308.
10. Как это делают Beratz (S. 42f) и Sinner (S. 277).
11. О пути эмигрантов по морю, рекам и суше см.: Плеве И. Отправка колонистов в Россию через Любек в 60-х гг. XVIII в. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 131-138.
12. Об историческом фоне этих впечатлений см.: Bartlett R. Human capital. The settlement of foreigners in Russia 1762-1804. Cambridge. 1979. P.68 f.
13. См.: Greenblatt S. Wunderbare Besitztümer. Die Erfindung des Fremden: Reisende und Entdecker. Darmstadt. 1994. S. 59 passim.
14. Об удивлении, как выражении впечатлений в описаниях см.: Там же. S. 41.
15. См.: Hebel U. J. Amerika ist keine Wüste, keine Paradies. Zur Repräsentation Kultureller Alteritäten in Negationen. Dargestellt an Beispielen aus der deutschen Amerikaliteratur der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts // Amerikastudien. 1993. 38. S. 203-221.
16. См.: Клаус А. Указ соч. С. 14; Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga. Gedenkblätter zur hundertundfünfzigsten Jahreswende der Ankunft der ersten deutschen Ansieder an der Wolga. 29. Juni 1764 — 29. Juni 1914, 2 Aufl. Berlin. 1923. S. 43.
17. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. 1. Автономная область. 1918-1924. Саратов. 1992. С. 120; Малиновский Л.В. Заблуждения и ходячие стереотипы в истории российских немцев // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 128.
18. См.: Olearius A. Vermehrte neue Beschreibung der Muscowitischen und Persischen Reyse, Schleswig 1656. Hrsg. von Dieter Lohmeier, Tübingen (-Deutsche neudrucke, Reine:Barock, 21). 1971. S. 217,
19. Sinner P. Указ. соч. S. 273.
20. Ekkert W. Указ. соч. С. 243.
21. Там же. С. 241.
22. Клаус А. Указ соч. С.379.

ТЕКУЩАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Т.С. Иларионова

1. **Д**окументальные источники по истории российских (советских) немцев вплоть до распада Советского Союза концентрировались исключительно в государственных архивах. Распределение материалов осуществлялось как по территориальному признаку, так и по тематическому, в зависимости от характера возникновения документов, их авторов и адресатов. Условия хранения, порядок рассекречивания определялись законами страны и служебными инструкциями, эти нормативные акты определяли параметры отбора материалов для депонирования или уничтожения поступающих бумаг.

Возникновение новых документальных баз было связано с активизацией общественной жизни в бывшем СССР, вызванном перестройкой. Важно подчеркнуть, что коренным образом изменилось и положение существующих архивов, и характер формирования новых организаций, поставляющих документы.

Тогда общество впервые проявило подлинный интерес к проблемам своей собственной истории, причем этот интерес основывался не только и не столько на информации конкретных людей, сколько на введении в научный оборот архивных материалов, ранее недоступных широкому читателю. Начался процесс рассекречивания документов, значительно упростилась процедура оформления необходимых для работы в архивах документов, впервые широкий доступ к материалам получили и зарубежные исследователи. Что касается архивов по истории российских немцев, то и они, после десятилетий хранения в условиях строгой секретности, стали постепенно открываться для исследо-

вателей. Так, в бывшем Центральном партархиве при ЦК КПСС пользователи стали знакомиться с материалами предвоенного времени, касающимися основных вех истории немцев в СССР.

С 1989 г. консолидировалось национальное движение российских немцев. «Видергебурт», усвоив правила игры советской бюрократии, стало активно взаимодействовать с органами власти, направляя в различные инстанции материалы и письма самого различного характера, создавая собственные уставные документы, ведя переписку с региональными отделениями и частными лицами.

Автор имел возможность работать с текущим архивом «Возрождения», который содержал несколько десятков тысяч листов. Его структура сложилась из нескольких массивов. Самый значительный составляют документы центральных руководящих органов общества. Это протоколы заседаний, конференций, пленумов, других гremium «Видергебурта».

Следующий блок составили документы региональных отделений ВОСН. Это прежде всего утвержденные местными органами власти уставы областных обществ «Видергебурта», а также протоколы заседаний и конференций, которые направлялись в Москву в качестве информации.

Многочисленные исходящие бумаги, адресованные центральными органами ВОСН как в государственные инстанции страны, так и частным лицам, хранятся, естественно, в копиях. По характеру этого массива материалов можно предположить, что далеко не все рассылаемые письма делались в нескольких экземплярах, так как не предусматривалась их архивация.

Еще одним блоком стали входящие документы. Их характер неоднороден. Так, официальных бумаг из ведомств значительно меньше, поскольку большинство обращений и запросов «Возрождения» оставалось без ответа. Однако этот массив существенно дополняется письмами частных лиц, которые, особенно после создания на II Съезде немцев бывшего СССР Совета по реабилитации, по самым разным вопросам обращались в органы «Видергебурта».

Самую ценную часть составляют документы, которые концентрировались в личных архивах лидеров движения. Это их наброски к Докладам и речам, проекты документов, стратегические расчеты Дальнейших политических действий. Наиболее важные входящие материалы также оставались в папке того или иного лидера. Как правило, доступа к ним нет, поскольку руководители «Возрождения» не торопятся предоставлять исследователям свои документы, — либо считая это нецелесообразным, либо надеясь на последующую аналитическую работу.

О том, насколько ценны эти документы, автор убедился в ходе бесед с такими представителями политического руководства национального движения, как Г.Гроут и Г.Вормсбехер, и во время совместной работы с В.Бауэром. Там сосредоточены, например, подлинники официальных писем из различных ведомств, в том числе и за подписью М.Горбачева, Н.Назарбаева, Б.Ельцина, Р.Хасбулатова, других руководителей России и стран СНГ.

Обзор архива общества «Видергебурт» дает представление о характере документов и всех других обществ. Они имеют аналогичное происхождение. Методологически следует разделять базы документов, появившиеся благодаря созданию новых организаций и обществ, с одной стороны, и из-за происшедших значимых событий в жизни страны и народа — с другой.

Два слова нужно сказать о событийном характере возникновения документов. Многие в деятельности немецких национальных обществ определялось не существом их внутреннего развития, а именно внешним фоном — политической ситуацией в бывшем СССР, в странах СНГ и в России. Так, значительным событием стали антинемецкие выступления на Волге, в ответ на которые появилось много различных документов — начиная от заявления «Видергебурта» и кончая обращениями в общество людей из разных мест бывшего СССР. Другим заметным событием стало принятие в ФРГ законов о положении и правах переселенцев. Массу откликов вызвало и выступление Президента России Б.Ельцина в Саратовской области 8 января 1992 г., когда последовали протесты в большинстве регионов компактного проживания российских немцев. В ответ на это выступление и руководители национального движения неоднократно делали собственные заявления.

С дроблением самого национального движения, с образованием новых самостоятельных общественно-политических организаций стали формироваться их собственные архивы. Сегодня с полным основанием можно говорить о значительном документальном материале, накопленном Международным союзом российских немцев, Фондом трудармейцев, Землячеством немцев Поволжья.

Образование в 1991 г. Управления (затем — департамента) по проблемам российских немцев в составе Министерства РФ по делам национальностей (ранее — Госкомнаца Российской Федерации), естественно сопровождалось подготовкой служебной документации. Появление двух национальных районов — на Алтае и в Омской области — аналогичным образом повлекло за собой формирование текущих архивов административных органов этих территорий. Эти мате-

риалы подлежат государственному хранению и потому недоступны в массе своей для исследовательской работы.

Еще одним значительным источником материалов стали редакции появившихся немецких газет, где сосредоточивается значительное количество представляющих интерес документов.

Чтобы понять противоречивость и сложность проблем российских немцев, необходимо иметь в виду и архивные базы тех обществ и движений, которые активно выступали против восстановления немецкой автономии на Волге. Сегодня большинство этих организаций прекратило свое существование, однако еще пять-шесть лет тому назад именно они определяли общественно-политическую ситуацию в регионе и их материалы представляют значительный интерес.

Нельзя оставить без внимания и деятельность германских организаций, которые оказывают помощь российским немцам и сами отражают и собственную деятельность, и положение немецкого населения в России в своих источниках. Часть материалов публикуется, однако основная масса отчетов, служебных писем остается открытой только для узкого круга людей.

Особого обсуждения требует вопрос о принадлежности материалов общенациональных гremиев. Так, документация подготовки и проведения первого Съезда немцев СССР была фактически «приватизирована» Союзом российских немцев, а не передана, как того требовала логика событий, избранным на съезде руководящим органам. Подобная практика существовала и в последующем, когда бумаги находили свое «пристанище» не там, где они были созданы, а там, куда они попали по стечению обстоятельств.

Обобщая сказанное, выделим следующие виды текущих архивов:

- а) представительных форумов народа;
- б) центральных руководящих органов, обществ, учреждений и организаций;
- в) региональных их подразделений;
- г) отдельных лидеров;
- д) органов прессы.

При возникновении документальных баз автоматически создавались такие условия, которые определяли в последующем все проблемы и беды создаваемых документов.

Во-первых, на переписке и делопроизводстве, как показал опыт, были заняты люди, не имевшие абсолютно никакой специальной подготов-

ки, — временные, случайные работники. Уже при подготовке документов не велась ни их первичная обработка, ни классификация. Бумаги складывались практически в одну кучу, не разделялись по характеру своего происхождения, не систематизировались по адресатам и видам. Не велась нумерация. Многие документы были даже не датированы.

Во-вторых, документы хранились в совершенно непригодных помещениях. Особенно тяжелым было впечатление от работы с архивом в пионерском лагере «Валуево», где в 1992-1993 гг. размещалась штаб-квартира общества «Видергебурт», Межгосударственного совета российских немцев, Совета немцев России. Бумаги, сваленные в огромный ящик из-под ксерокса, хранились рядом с трубой отопления. На все мои призывы найти для архива более приспособленное хранилище, тогдашнее руководство «Видергебурта» резонно отвечало, что для этого нет помещения.

В-третьих, частые смены самих штаб-квартир приводили к тому, что при переездах с места на место добрая часть бумаг просто-напросто выбрасывалась или терялась. Так, «Возрождение» сменило ни много ни мало семь своих временных обиталищ. Достаточное количество штаб-квартир сменил и Союз российских немцев.

В-четвертых, ряд общественных организаций российских немцев вообще прекратил свое существование, и вся их документация оказалась уничтоженной.

Неизбежным следствием этого явилось то, что сегодня текущие архивы распылены, утрачены, не систематизированы, бесконтрольно вывозятся за рубеж. Парадоксально, но факт: мы сами были свидетелями всех тех бурных событий, которые происходили в конце 80-х — начале 90-х гг., и в то же время не располагаем возможностью доступа к материалам тех лет, поскольку большинство из них пропало для истории.

Хуже всего, что отсутствует даже концепция хранения документов немецкого национального движения. Нет даже предложений о том, как вести в будущем архивацию оставшегося массива документов. Более того, материалы продолжают уничтожаться даже и в эту самую минуту: в редакциях немецких газет нет условий для длительного хранения бумаг, с ними расстаются без всякого сожаления, исходя из соображении сиюминутной пользы, не задумываясь об их ценности и значимости.

Отсутствие техники, технологий обработки документов, кадров профессиональных делопроизводителей подсказывает, что такое положение будет существовать еще долгие годы, из-за чего утраченными окажутся еще тысячи листов документов.

Проблемы систематизации заключаются и в методологических трудностях, среди которых выделяется требование тщательной проверки следующих параметров:

- достоверности документов;
- достижимости ими адресата;
- их действенности;
- соотнесенности с публикациями печати;
- соответствия действительному положению (особенно это касается личных взаимоотношений лидеров движения).

Рассмотрим эти параметры на конкретных примерах.

Так, многие документы в угоду политической ситуации несли необъективную информацию. Тщательной перекрестной проверки требуют практически все приводимые цифры, количественные данные, касались ли они демографических характеристик положения российских немцев или алгоритма решения проблем народа. Это проистекало, безусловно, от того, что сами авторы документов не располагали точными сведениями или не трудились их проверить.

Но нередко в материалах встречаешь и попытки сознательно представить то или иное положение в нужном автору свете. Особенно недостоверными представляются прогностические расчеты по проблемам ремиграции в Поволжье, финансовые планы, перспективные наметки по изменению демографического состава того или иного региона. Ясно, что это диктовалось двумя условиями: авторы документов не обладали соответствующей подготовкой для достоверных аналитических выкладок и прогнозов; авторы по вполне понятным причинам пытались представить ситуацию в том свете, в каком они ее хотели бы видеть.

В подобной необъективности, недостоверности есть также и свои положительные для исследователя моменты: по ним сразу видно, какие цели преследовали те или иные руководители движения, на что они уповали, какие питали иллюзии.

Многие документы были адресованы, как указывалось нами выше, Должностным лицам государства. С полным основанием можно утверждать, что до адресатов доходил лишь незначительный процент отправленных материалов. Государственные архивы не позволяют из-за существующего по закону временного эмбарго проверить, какой была результативность обращения лидеров национального движения в высокие инстанции, какие решения были ими инициированы.

Большая часть документов текущих архивов не была опубликована, хотя благодаря вышедшим в последнее время книгам ключевые материалы стали достоянием общественности. Важно другое, насколько объективно средствами массовом информации представлялась деятельность немецкого национального движения. Для меня, например совершенно очевидно, что существовал значительный «зазор» между действительным характером политических мероприятий, планов, скажем, «Видергебурга», других общественных организаций российских немцев, и их отражением на страницах печати. В ней преобладала тенденция описания массовой эмиграции немцев в Германию. Редкий журналист, особенно в центральных газетах, писал о тех, кто остается в России. То же и с публикациями в Германии. Там крен в анализе причин эмиграции делался в сторону экономики, тогда как без внимания оставлялся национальный и, главное, психологический компонент этого сложного явления.

Нерассмотренными останутся еще долгие годы и проблемы личных взаимоотношений лидеров движения. Сами они, во многом связанные своеобразной омертой, не станут публично рассказывать о тонкостях политических игр в национальном движении; документы же, могущие приоткрыть эти тайны, в большинстве своем либо уничтожены, либо хранятся в личных архивах лидеров. Без этого трудно; подчас невозможно достоверно оценить, насколько прав был в своих действиях тот или иной человек. Все сегодняшние рассуждения на эту тему могут поэтому вестись только в сослагательном наклонении.

IV.

Для решения этих проблем автор предлагает принять ряд срочных мер организационного характера.

1. Необходима целевая подготовка специалистов для ведения архивной работы.

2. Желательна концентрация документов в специально оборудованном хранилище.

3. Обязательно дублирование существующих документов.

4. Квалифицированная систематизация архивов требует соответствующей техники, технологии, финансирования, а также разработанного порядка сдачи и хранения документальных материалов и обеспечения доступа исследователей к ним.

5. Архивы российских немцев — достояние истории и современности России; они должны храниться в нашей стране.

АКТУАЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ПО СОВРЕМЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Э. Р. Барбашина

Актуальность проблемы. В настоящее время общепризнано, что тематика и результаты этносоциологических исследований современных проблем российских немцев характеризуются разрозненностью и слабой координацией. Все чаще проявляется их недостаточная связь с практическими потребностями управления. В 1993 г. на научно-практическом семинаре в Новосибирске представитель администрации Омской области Э.Г.Кельбер отметил, что представителей управления немецких национальных районов, поселений более всего интересуют вопросы организации жизнедеятельности немецкого населения: проблемы занятости и создания новых рабочих мест, профессиональная переподготовка переселенцев, принципы и механизмы управления, организация образования и развитие национальных школ, оптимизация сотрудничества с Германией. Участники семинара подчеркивали также, что необходимо иметь точные сведения о числе российских немцев, проживающих в Сибири, о фактическом владении ими немецким языком, о числе смешанных браков и глубине ассимиляционных процессов, ориентации на переселение, в том числе на выезд в Германию, о состоянии национальной культуры и др.

Большинство перечисленных вопросов остаются актуальными и в настоящее время. В качестве иллюстрации можно сослаться на многократные попытки разработать Федеральную программу культурного и социально-экономического развития российских немцев, которые все начинаются «со сбора базовой исходной информации».

Из-за отсутствия отработанной методики сбора и корректировки информации, координации исследовательских проектов, взаимодействия между авторами программ и проектов, функционирования банков данных для программных разработок и др. неизбежно будет повторяться ситуация «организации исследований с нуля» и абсолютизации на практике метода «проб и ошибок».

Немаловажное значение имеет проблема обмена и трансляции оперативной информации. Если, например, в крупномасштабных проектах обоснованно ставится вопрос о формировании единого информационного культурно-образовательного пространства российских немцев, то на практике налицо следующее: об учебном пособии для начинающих изучать родной язык, подготовленном омскими авторами, не знают даже в соседних школах Новосибирской области и с большим опозданием узнают в Алтайском национальном районе; в одних школах вузы проводят конкурсный отбор в специализированные группы с углубленным изучением немецкого языка для российских немцев и всех желающих, а в других не знают даже о существовании таких групп; из Москвы в региональные органы образования приходят запросы о школах с преподаванием немецкого языка как родного с целью предоставить им учебники «Das Deutschmobil», а большинство школ сокращают количество классов с такой программой или отказываются от нее полностью.

Весь круг задач, которые связаны с информационным обменом, организацией междисциплинарных исследований и их координацией, с социализацией результатов теоретических и практических исследований, не может быть решен в короткое время и быть единовременным актом. Такие задачи на самом деле постоянно сопутствуют познавательному процессу. Отсюда первостепенное значение в их решении приобретает проблема выработки и согласования исходных установок, целевых ориентиров, методики сбора информации и организации исследований, формирования сети обмена и трансляции информации, использования их результатов в практической деятельности. Одним из вариантов решения этой проблемы выступает, на мой взгляд, подготовка и организация этносоциологического мониторинга по современным проблемам российских немцев.

О термине. В последние годы термин «мониторинг» получил широкое распространение в методической терминологии эмпирической социологии. Это является типичным результатом междисциплинарного взаимодействия или, другими словами, примером «заимствования» терминов и методов исследований из других научных дисциплин. На-

рядом с использованием в технических науках, теории и практике эксперимента термин «мониторинг» завоевывает себе место в междисциплинарных социоэкологических исследованиях. Более того, «экологический мониторинг» является сегодня относительно самостоятельным научным направлением и привычным словосочетанием в средствах массовой информации. Уже несколько десятилетий специалисты и авторы социологических, социопсихологических работ используют термин «мониторинг» в самых различных сочетаниях — «мониторинг экологического поведения», «мониторинг общественного мнения», «исследования в мониторинговом режиме» и др.

В начале 90-х г. ВЦИОМ (руководитель академик Т.И.Заславская) совместно с Институтом Восточной Европы (Мюнхен) подготовили проект социологического мониторинга общественного мнения по проблемам перестройки (не получивший реализации). Институт социально-политических исследований РАН с 1991 г. по настоящее время «ведет в режиме мониторинга крупномасштабное социологическое исследование по проблемам нормализации межнациональных отношений в регионах РФ» [1, с. 79]. В США мониторинговые исследования широко используются для постоянного «отслеживания массового настроения населения», проживающего, например, вблизи, экологически неблагоприятных или опасных районов.

Наиболее наглядным типом мониторинговых исследований является изучение динамики и прогнозирование изменений рынка труда, потребительского спроса и его удовлетворения, политических событий и личностных рейтингов политиков и т.д. Многолетние маркетинговые разработки тех или иных фирм всегда включают элементы мониторинговых исследований. В последние годы многие профессиональные социологи в России и других странах СНГ принимают участие в сборе информации о потребительском рынке по однотипным анкетам различных фирм США. Сбор, обработка, сопоставление и использование на их основе соответствующей информации — типичный вариант мониторинговых опросов. Высокую культуру организации социологических, социально-психологических мониторингов демонстрирует сегодня большинство проектов программы «ТАСИС» Европейского Союза.

Общая характеристика социологического мониторинга. Основные характеристики мониторинговых исследований в социологии определяются проблемно-объектными и пространственно-временными признаками. Социологический мониторинг ориентирован на изучение, «отслеживание информации», анализ динамично меняющихся социальных явлений, процессов, проблем. При этом речь идет о принци-

пиально важных изменениях для сохранения или отрицания («преодоления») проблем, явлений, процессов, их развития и управления.

Необходимой предпосылкой организации мониторинга выступает осознание актуальности знаний и информации, получаемых в его рамках. Имеющие место в отечественной социологии мониторинговые исследования неслучайно являются своеобразным индикатором актуальности и востребованности знаний, информации по тем или иным проблемам. Министерство образования РФ уже в начале 90-х гг. поставило задачу организации «образовательного мониторинга».

Важным признаком мониторинговых исследований является их повторяемость (ритмичность), т.е. изучение одних и тех же проблем (объектов) через определенные интервалы времени. Пространственные параметры изучаемых объектов определяют выбор географии исследований, степень ее мобильности.

Изучение условий и тенденций изменения проблем, объектов и процессов во времени и пространстве может осуществляться как по однотипным, так и по альтернативным методикам. Это позволяет получать знания и информацию в развитии, во взаимодополнении или взаимоотрицании. Нарастание нового знания происходит, прежде всего, на базе сравнительного анализа, сопоставления результатов в рамках данного мониторингового исследования. Сопоставление можно проводить также с результатами других исследований однотипных (аналогичных) объектов и проблем. Например, сегодня исключительно редко проводится сравнительный анализ проблем российских немцев с другими народами, не имеющими в России государственности.

Особое значение в мониторинговых исследованиях имеет вопрос интерпретации их результатов в новых контекстах, т.е. изменившихся внутренних и внешних условиях изучаемого. Так, динамизм политических, социально-экономических, нравственно-этических, идейно-ценностных изменений в российской действительности определяют множество значимых оттенков трансформации проблем российских немцев. Вне учета такой динамики простая констатация развития конкретных процессов этнокультурной жизнедеятельности немецкого населения, изменения их поведенческих стимулов и самосознания ограничивает возможности развития прогнозного знания.

Внутренняя логика социологического мониторинга включает вопросы анализа и самооценки использования своих результатов самого мониторинга в социальной деятельности, управлении, установках поведения и др. В рамках данной составляющей социологического мониторинга самостоятельное знание имеет анализ последствий управ-

ленческих решений, Деятельности общественных организаций, учреждений, конкретных лидеров и т.д. Интерес представляют решения, в которых игнорировались или, наоборот, использовались мониторинговые результаты. Так, многократный сбор информации в местах многочисленного проживания российских немцев в Сибири со ссылкой на подготовку практических программ, без использования предшествующей и без принятия конкретных мер уже вызывает негативную реакцию населения.

К важнейшим функциям социологического мониторинга относится обоснование прогнозируемых вариантов изменений изучаемых процессов и явлений, с одной стороны, и альтернативных практических решений — с другой. Для примера можно рассмотреть две ситуации.

Первые исследования о переселенческих ориентациях немецкого населения Северного Казахстана были проведены исследовательской группой НИЦ при НГУ в 1991-1992 гг. Проблемы переселенцев из Казахстана при организации Немецких национальных районов оставались на периферии. Простые количественные расчеты в совокупности с результатами изучения мотивации ориентаций на выезд из Казахстана могли бы стать основой целенаправленной практики подготовки условий для приема переселенцев. Однако поток переселенцев оказался в течение последних пяти лет фактически стихийным. Значительные изменения состава населения в немецких компактных поселениях привели к большому числу проблем: почти ежегодно школы «перестраивают» учебные программы по немецкому языку; «комплектованием» населения поселка во многом занимаются агентства по недвижимости, меняется социально-психологический климат в селах и др. Экспертные опросы руководителей хозяйств в немецких национальных районах (1995 г.) показали, что многие надеются на «стабилизацию населения» в поселках через 4-5 лет. Однако эти субъективные мнения не проверяются сегодня серьезным анализом, что означает невозможность обоснованного прогнозирования.

Вторая ситуация связана с программами «Жилье для переселенцев». На первом этапе покупались одиночные дома и квартиры для вынужденных переселенцев. Потребовалось время для понимания целесообразности введения кредитных форм поддержки переселенцев и необходимости тесного сотрудничества с руководителями немецких поселков. В это же время квалифицированные руководители хозяйств перешли на принцип материальной поддержки «самостроя» жилья переселенцами, что решало одновременно проблемы занятости, психологического самочувствия, адаптации и т.д.

Приведенные примеры свидетельствуют как о потребности, так и о возможности принятия более обоснованных управленческих решений на основе мониторингового знания, обмена информацией и учета прогнозируемого развития событий.

Для социологического мониторинга большие сложности представляет этап его разработки и организации, включающий совокупность вопросов концептуального, методического и научно-организационного характера. Здесь возрастает значение способности к согласованию позиций исследователей и пользователей информации. Необходима также постоянная корректировка масштабов исследований и информационных объемов. Для этого может быть использован метод монографического описания типологизированных поселков с целью классификации проблемной структуры мониторинговых проектов.

Элементы социологического мониторинга в исследованиях НИЦ при НГУ. С 1991 г. в любых исследовательских проектах целенаправленно «сохраняются» такие темы, как этническая идентификация, миграционные, эмиграционные процессы и ориентации, оценка самими респондентами условий жизни, экономических и политических процессов в стране, развитие этнической культуры и др. Методически это означает «повторение» базовых вопросов при анкетировании по названным проблемам. По данным опросов, в наибольшей степени изменились в последние годы мотивация выезда в Германию, причины переселения из Казахстана в Россию (Сибирь), основания национальной самоидентификации, отношение к религии и др.

НИЦ при НГУ проведена работа по разработке структуры этносоциологических карт компактных поселений российских немцев. Разовое заполнение таких карт по большинству поселков Сибири и Северного Казахстана в течение 1991-1995 гг. нельзя рассматривать как сбор информации в мониторинговом режиме. Речь идет о существовании проекта сбора информации по компактным немецким поселениям в развитии, который может быть предметом обсуждения на межрегиональном уровне как составная часть будущего социологического мониторинга по современным проблемам российских немцев. В обсуждении нуждаются также механизмы сбора такой информации, ее обработки и практического использования.

О комплексном этносоциологическом мониторинге по современным проблемам российских немцев. Комплексный этносоциологический мониторинг — перспективная задача. Он призван стать организационной основой, средством изучения современных проблем российских немцев, координации комплексных междисциплинарных исследова-

ний, обработки, хранения и трансляции результатов теоретических и эмпирических работ.

Социологический мониторинг будет источником:

- сбора объективной информации по наиболее важным характеристикам жизнедеятельности и тенденциям развития российских немцев, имеющих количественное выражение: демографические, профессионально-образовательные характеристики, занятость, условия и уровень (качество) жизни, типология расселения и ее изменение (миграция, эмиграция) и др.;
- изучения самосознания российских немцев, самооценок и объективных показателей по вопросам национальной идентификации, знаний родного языка и национальной культуры, сохранения и развития традиций, образовательных ориентации и т.д.;
- анализа и оценки эффективности и последствий управленческой деятельности и форм самоорганизации немецкого населения;
- прогнозирования сценарных вариантов этнического развития различных групп российских немцев;
- подготовки проблемных банков данных и материалов для будущих историков, этнографов.

К научно-организационным функциям социологического мониторинга относятся:

- согласование целевых установок исследовательских проектов в кругу научных сообществ разных регионов;
 - выработка и признание единой структуры и формы сбора «базовой информации»;
 - определение приоритетных тем и проблем по изучению этничности и тенденций развития российских немцев: выбор наиболее значимых положений по данному разделу социологического мониторинга позволит в любые исследовательские программы и проекты «включать мониторинговые проблемы» фактически без дополнительных затрат;
- " создание единой программы сбора, обработки, анализа информации с последующим межрегиональным обобщением.

Проблемы организации и реализации комплексного социологического мониторинга.

Первое. Важнейшей предпосылкой не только осуществления, но и возможности постановки проблемы комплексного социологического мониторинга по современным проблемам российских немцев является наличие исследовательских групп, организаций в регионах с коор-

динирующим центром. Такие группы существуют сегодня в основных местах проживания немцев (Саратов, Барнаул, Новосибирск, Омск, Тюмень и др.). Координирующим центром могут стать Ученый совет Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев совместно с Международным союзом немецкой культуры, Общественная академия наук российских немцев при соответствующем развитии ее отделений.

Второе. Разработка проекта социологического мониторинга должна иметь концептуальные основания. В современных подходах отдается явное предпочтение идее «Этнос—Культура» в сравнении с идеей «Нация—Государство».

Третье. Как проектные разработки, так и реализация социологического мониторинга по современным проблемам российских немцев требуют согласования с имеющимися мониторинговыми исследованиями по этнической и межнациональной тематике.

Примечания

1. Этничность. Национальные отношения. Социальная практика: Сб. ст. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ

Петров Ю.Л.

«МОСКОВСКИЕ НЕМЦЫ»: ПРОБЛЕМА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГЕРМАНСКИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Шрадер Т.А.

АРХИВНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О НЕМЦАХ ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА
С 1917 ДО СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГГ.

«МОСКОВСКИЕ НЕМЦЫ»: ПРОБЛЕМА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Ю.А.Петров

В XIX — начале XX в. Москва являлась вторым после Петербурга городским центром расселения немцев в Российской империи. По данным переписи городского населения 1912 г., из 1684 тыс. москвичей 28,5 тыс. признавали в качестве родного немецкий язык, тогда как в Петербурге, по городской переписи 1910 г., проживало около 46 тыс. немецкоязычного населения. В предреволюционной Москве немцы по численности представляли вторую этническую группу после великороссов, опережая внутриимперские национальные меньшинства: поляков (17,8 тыс. чел.), татар (9,7 тыс.), евреев (6,7 тыс.) и др. Большая часть москвичей-немцев являлась подданными России («руссендойче»), остальные 7,2 тыс. сохраняли германское гражданство («райхсдойче»). При этом более трети (2,8 тыс.) «райхсдойче» родились в Москве, то есть в городе поселились еще их родители [1].

Ведущее место среди представителей московской немецкой общины занимали предприниматели. Из имеющихся данных о социальном составе московских «райхсдойче» на 1912 г. следует, что из 7,2 тыс. чел. около 1,6 тыс. (22%) являлись промышленниками, торговцами или рантье, жившими доходом с капитала; 2,7 тыс. «московских немцев» были заняты в различных фирмах в качестве служащих и приказчиков; 0,6 тыс. трудились на промышленных предприятиях в качестве рабочих; 0,4 тыс. вели ремесленный промысел; 0,5 тыс. служили учителями; 0,2 тыс. были приняты в театры и увеселительные заведения; 0,1 тыс. нанимались в качестве домашней прислуги и т.д.

содержательной статье Дитмара Дальманна, посвященной проблеме менталитета «московских немцев» [5]. Следует упомянуть и публикацию архивных документов о фирме Вогау, подготовленную И.Ф.Гиндиным и К.Н.Тарновским [6]. В ней помещены материалы правительственного надзора, установленного над торговым домом Вогау и Ко в годы первой мировой войны.

Относительно слабое внимание ученых к проблеме «московских немцев» объясняется прежде всего узостью источниковой базы. События первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны фактически уничтожили немецкую колонию в Москве. Достаточно сказать, что по переписи городского населения 1920 г. в Москве насчитывалось всего 6 тыс. немцев, то есть в 4,5 раза меньше, чем в канун мировой войны [7]. Фирмы московских немцев, равно как и остальных российских предпринимателей, после революции были национализированы, а делопроизводственные материалы переданы в государственный архивный фонд. В настоящее время в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), где сконцентрированы документальные материалы по истории дореволюционной Москвы, хранится около 40 фондов промышленных предприятий, основанных московскими немцами [8]. Однако это лишь малая толика того документального комплекса, который сложился в результате деятельности немецких предпринимателей в дореволюционной Москве.

Сразу же после начала первой мировой войны значительная их часть, относившаяся к «райхсдойче», подверглась репрессиям со стороны правительства, поскольку они являлись подданными враждебной державы. В результате их фирмы ликвидировались, многие из московских «райхсдойче», как, например, глава банкирской фирмы Юнкеров Генрих Бокельман, интернированный в Швецию, покинули пределы Российской империи, увозя с собой и фамильные архивы. Как вспоминал К.Менерт, его матушка, дочь хозяина московской кондитерской фирмы «Эйнем» Юлиуса Хесса, вернувшаяся после начала войны в Германию, захватила с собой самое ценное — семейные бумаги и фотографические альбомы [9].

Немало германских подданных, заподозренных в «пособничестве врагу», высылались в отдаленные губернии, откуда оставшиеся в живых после окончания войны также эмигрировали на историческую родину, в Германию. Так, совладелец торгового дома Вогау и К° Георг Браун, не пожелавший, подобно другим, сменить германское подданство на российское, после начала войны по подозрению в шпионаже в пользу Германии был выслан с семьей в Астраханскую губернию [10].

В деловом мире Москвы немцы еще с середины XIX в. занимали весьма прочные позиции, опережая по численности и степени влияния всех других выходцев из западноевропейских стран. Так, на 1898 г. в Москве было зарегистрировано 871 купеческое свидетельство 1-й гильдии и 112 «первогильдийцев» являлись немцами по происхождению. [2] Немцы занимали передовые позиции в химической промышленности, в машиностроении и электротехнике, активно вели торговлю хлопком и готовыми тканями, чаем и «колониальными» товарами (вина, фрукты, сигары и т.п.), держали строительные и экспедиторские конторы, занимались банковскими операциями и др. Среди немцев-предпринимателей были и представители германских концернов, основавших в Москве дочерние предприятия (Сименс, БАСФ, Фр.Байер и др.), но среди состоятельных москвичей значилось и немало немцев по происхождению, приехавших в Россию бедными молодыми людьми и здесь создавших собственный масштабный гешефт.

Если деятельность германских промышленных концернов в дореволюционной России достаточно исследована благодаря фундаментальным трудам В.Кирхнера и В.С.Дякина [3], то история уроженцев Германии, ставших крупными коммерсантами в России, изучена в гораздо меньшей степени. «Московских немцев», как называли таких предпринимателей в русской деловой среде, нельзя отнести к представителям иностранного капитала, поскольку свое богатство они создавали в России благодаря собственной предприимчивости, к тому же накопленные прибыли реинвестировались ими в российские же предприятия. Однако, оседая на постоянное жительство в Москве и даже принимая зачастую российское подданство, они все же не теряли национальную самоидентификацию и сохраняли религиозно-культурную автономию. «Они жили среди народа, известного своим гостеприимством и «широтой натуры», — писал о московских немцах журналист Клаус Менерт, родившийся в начале века в Москве в семье германского предпринимателя, — очень неплохо зарабатывали, пользовались уважением со стороны русских и все же оставались немцами» [4].

Крупные предприниматели, создавшие свое состояние в России, такие как хлопчатобумажные «короли» Кнопы, хозяева торгово-промышленного и финансового концерна Вогау, банкиры Юнкеры, владельцы кондитерской фабрики Хессы и другие, являлись и лидерами московской немецкой общины. В литературе история этой своеобразной социальной группы затрагивалась в работах известного исследователя российских немцев Эрика Амбургера и в недавно вышедшей

Гонениям подверглись и формально полноправные граждане России немецкого происхождения — «руссендойче». С 1915 г. была развернута кампания «борьбы с немецким засильем», в ходе которой «московские немцы» сначала были вытеснены из представительных органов делового мира (Московский Биржевой комитет, старшинами которого состояли представители торговых домов Кнопов и Voгау), а затем над большинством «немецких» фирм установлен правительственный контроль. Роль координационного центра этой кампании играл образованный в Петрограде Особый комитет по борьбе с немецким засильем [11]. У деятелей комитета сомнение вызывала лояльность предпринимателей «руссендойче», таких, например, как хозяева московского торгового дома «Л.Кноп», «в составе пайщиков которого», как подчеркивали чиновники комитета, «только трое с русскими фамилиями» [12].

Деятельность правительственных органов контроля, связанная с надзором за операциями фирм, установлением круга их акционеров и международных партнеров, изучением их влияния на российском рынке и т.п., привела к появлению целого массива новых документальных данных, весьма ценных для историка. Вместе с тем, репрессивные меры против подданных России, но немцев по происхождению, вынуждали их сворачивать операции на российском рынке. Хозяева гигантского торгово-промышленного и финансового концерна с капиталом 50 млн.руб. под фирмой торгового дома «Voгау и К°» продали петроградским банкам (Русско-Азиатскому, Международному и др.) свои ценнейшие российские предприятия, в том числе Белорецкие заводы на южном Урале со знаменитой впоследствии горой Магнитной [13]. Владельцы акционерного коммерческого банка «И.В.Юнкер и К°» в Москве уступили контрольный пакет акций русскому промышленнику и финансисту Н.А.Второву, переименовавшему банк в Московский Промышленный [14]. Чтобы устранить из названия фирмы одиозную немецкую фамилию, хозяева торгового дома «Л.Кноп» в 1916 г. переименовали его в Товарищество «Волокно» с капиталом 20 млн. руб. Однако и этот шаг не спас их от установления правительственного контроля, в результате чего фирма резко сократила сферу своего влияния в российской промышленности.

Существенный урон престижу фирм московских немцев и одновременно делопроизводству их фирм нанес немецкий погром в Москве в мае 1915 г., в ходе которого от действий черносотенных погромщиков пострадали десятки заведений с «немецкозвучащими» фамилиями владельцев. В частности, была разгромлена главная контора торгового дома Voгау и К° на ул. Варварке. Нападавшие взломали не-

сгораемые шкафы, где хранились текущие архивы фирмы и денежная наличность, разграбили склад товаров и подожгли помещение. В огне пропал и архив фирмы, а общий убыток Вогау от погрома исчислялся суммой 2 млн.руб [15]. Поэтому основным источником по истории данной фирмы являются материалы правительственного контроля. В период войны и революции пропали архивы и других крупнейших фирм «московских немцев», например торгового дома Кнопов, от которого в архиве сохранилась лишь одна бухгалтерская книга за 1914 год [16].

Возможно, впрочем, что какая-то его часть не погибла, а была вывезена совладельцами в Германию после заключения Брест-Литовского мира, когда начался массовый отток «руссендойче» на историческую родину. Известно, что некоторые предприниматели забирали с собой и деловые бумаги, которые сохранялись в составе семейных архивов. Немецким историком В.Сартором недавно был обнаружен в Германии архив семьи промышленников Шписов, деятельность которых в дореволюционный период развевывалась в России, главным образом в Москве. В собрании оказались не только чисто семейные документы, но и довольно полная подборка делопроизводственных материалов российских предприятий Шписов [17].

Эмигрировавшие в Германию предприниматели писали и воспоминания о пребывании в России, чаще всего не предназначавшиеся для печати и также отложившиеся в семейных архивах. Именно на основе этого ценного и малоизвестного источника (например, мемуары Андреаса Руперти, Георга Шписа и др.) подготовлена упомянутая статья Д.Дальманна о менталитете «московских немцев». Следует учесть, что поиск таких архивов требует немалых усилий, поскольку они не зарегистрированы Федеральным архивом ФРГ и находятся на руках у наследников. Любопытный источник представляют материалы семейных союзов, связанных в прошлом с Россией. Так, в городском архиве Франкфурта-на-Майне отложились информационные бюллетени фамильного союза Банза, публикуемые для внутрисемейного пользования. Представители рода Банза во второй половине XIX — начале XX в. активно действовали в российском бизнесе, являлись совладельцами торгового дома Вогау. Бюллетени содержат интересные подробности о членах семьи Банза, связавших свою судьбу с Россией [18].

Насколько можно судить, в России аналогичных частных архивов практически не сохранилось. Единственный известный нам случай относится к семейству Марк, один из представителей которого Гуго Марк (1869-1918) играл ключевую роль в фирме Вогау в начале

1900-х гг. Его жена Эльза, урожденная Вогау, в годы первой мировой войны эмигрировала из России с одним из сыновей, Конрадом, Сам Гуго Марк с другим сыном Максом оставался в Москве вплоть до своей смерти летом 1918 г., причем до последних дней он надеялся на восстановление нормальных дружественных отношений между Россией и Германией. Его сын Максим Гугович Марк (1896-1938) в советской России стал крупным радиоинженером, заведующим кафедрой Инженерно-технической академии связи имени Подбельского. В 1937 г. он как «сын крупного капиталиста» был арестован и расстрелян по обвинению «в шпионской деятельности». Сведения эти были любезно нам предоставлены Ириной Максимовной Марк, дочерью репрессированного. В семейном архиве, однако, не сохранилось документов о дореволюционном периоде истории Марков в России.

Отнюдь не исчерпаны, впрочем, возможности поиска материалов в российских государственных архивах. Следует, правда, считаться с тем, что фонды дореволюционных торгово-промышленных и финансовых компаний в 1920-1930-е гг. пережили основательную архивную чистку, в ходе которой в макулатуру списывалась деловая переписка, документы о владельцах предприятий и тому подобные, казавшиеся тогда «ненужными» материалы. В составе фондов сохранялась по преимуществу документация о производственной деятельности предприятий и составе рабочих.

Особого внимания заслуживают материалы правительственного контроля за «немецкими предприятиями», основная масса которых сосредоточена в фонде Министерства торговли и промышленности (ф. 23 Российского государственного исторического архива в Петербурге) [19]. Как источник внешний, они не заменяют утраченного делопроизводства самих фирм, но в значительной мере позволяют восстановить их историю и основные направления деятельности в России. Подчас донесения правительственных инспекторов содержат ценную информацию о составе акционеров, системе международных партнерских связей российской фирмы, масштабе ее влияния на внутреннем рынке.

Помимо фонда Министерства торговли и промышленности в РГИА, некоторые подборки документов правительственного надзора отложились в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) в фонде 7733 — Наркомат финансов РСФСР / Министерство финансов СССР.

Здесь, в частности, находятся копии с документов Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, в годы первой мировой войны также ведавшей делами германских по происхождению предпринимателей. Сохранившиеся копии были сняты сразу после

революции, до Рапалльского соглашения 1922 г., когда остро стоял вопрос о претензиях Германии и немецких граждан к РСФСР как преемнику царского и Временного правительств. Поскольку большая часть оригинальных документов Кредитной канцелярии погибла в период Великой Отечественной войны, данные копии представляют особый интерес.

В составе фонда, в частности, было обнаружено дело о торговом доме Вогау и К°, в котором находятся копии материалов правительственного контроля, установленного над фирмой в 1915 г. [20] По сравнению с имеющейся публикацией И.Ф.Гиндина и К.Н.Тарновского документы дела раскрывают ряд немаловажных моментов, таких как структура и размещение капиталов торгового дома и др., существенно дополняющих картину участия концерна Вогау в народном хозяйстве дореволюционной России.

Перспективным представляется и поиск источников среди документов, после революции перешедших в государственный архивный фонд из сейфов частных банков. Соответствующий фонд в РГИА (ф. 1102 — Коллекция документов, извлеченных из сейфов частных банков) содержит деловые бумаги сотен предпринимателей, державших свои ценности в сейфах петроградских банков и не сумевших ими воспользоваться до большевистской национализации банков в декабре 1917 г. Так, В.Е.-Винтерфельдт, один из директоров банка «И.В.Юнкер и К°», постоянно живший в Петрограде, хранил в своем банковском сейфе договоры о создании и реорганизации банкирской фирмы Юнкеров за 1889-1912 гг. [21] Благодаря этому источнику можно проследить основные этапы истории дома Юнкеров, состав его владельцев и реорганизацию в 1912 г. в акционерный коммерческий банк. К сожалению, в московских архивах подобный фонд бумаг, изъятых из сейфов московских банков, отсутствует, и судьба этих документов пока остается неизвестной.

Таким образом, розыск документальных свидетельств по истории «московских немцев» должен быть сосредоточен в России на государственных архивах, тогда как в Германии первостепенный интерес для исследователя представляют частные архивы семей, представители которых в прошлом были связаны с Россией. Давно уже назрела необходимость кооперации российских и германских ученых в изучении данной социальной группы, оставившей документальные свидетельства своей деятельности в обеих этих странах. Совместный поиск документального наследия «московских немцев» может принести интересные находки и позволит во всей полноте воссоздать историю этой важной составной части немецкого населения дореволюционной России.

Примечания

1. Статистический ежегодник г. Москвы. Вып. 4., 1911-1913 гг. М., 1916. Табл. 5-7, С. 19-83; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 24.
2. Подсчитано по: Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства 1-й и 3-й гильдии по г. Москве на 1898 г. М., 1896.
3. Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971; Kirchner Walter. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands. 1815-1914. St.Katharinen, 1986.
4. Mehnert Klaus. Ein Deutscher in der Welt. Erinnerungen 1906-1981. Stuttgart, 1984. S. 25-26.
5. E.Amburger. Der fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Tradition. Zeitschrift für Finnengeschichte und Unternehmerbiographie 2. 1954. 4; Amburger E. Das Haus Wogau & Co in Moskau und der Wogau-Konzern, 1840-1917 // Amburger E. Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Russlands. Wiesbaden, 1982; Dittmar Dahlmann. Lebenswelt und Lebensweise deutscher Unternehmer in Moskau von Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Deutsche in StPetersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. Neue Folge. Band III/1994. Heft 1. Lineburg. 1994. S. 133-164.
6. Торговый дом Вогау и К°. Публикация И.Ф.Гиндина и К.Н.Тарновского // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959.
7. См.: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. 1914-1925 гг. Вып. 2. М., 1927. С. 183.
8. Болдина Е.Г. Документы Центрального исторического архива Москвы о немцах и немецких заведениях в Москве // Научно-информационный бюллетень Международного союза немецкой культуры. 1996. № 2. С. 21.
9. Mehnert K. Ein Deutscher in der Welt. S. 45-46.
10. Amburger E. Das Haus Wogan&C° in Moskau... S. 78.
11. См.: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914-1918: Сб. ст. М., 1968.
12. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 152. Д. 15. Т. 2. Л. 13-14.
13. Торговый дом Вогау и К°. — Публикация И.Ф.Гиндина и К.Н.Тарновского. С. 659-660.
14. J.Petrov. Das Bankhaus «J.W.Junker & C°». Deutsche Unternehmer in Rußland vom 19. bis zum Anfang des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. № 42. H. 2. S. 202-216.
15. ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 17. Д. 1663. Л. 79-81.
16. Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1 — Главная книга торгового дома «Кноп» за 1914 г.
17. См.: В.Сартор. Торговый дом «Шпис». Документальное наследие германских предпринимателей в России // Отечественная история. 1995. № 6.
18. Institut für Stadtgeschichte Frankfurt am Main. Familien Briefe Bansa. Brife 19. Dez. 1987.
19. См.: Дякин В.С. Указ. соч. С. 231-235.
20. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8653. Торговый дом «Вогау и К°».
21. РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 873.

АРХИВНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О НЕМЦАХ ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА С 1917 ДО СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГГ.

Т.А.Шрадер

Жизнь российских немцев Петрограда—Ленинграда в постреволюционный период изучена мало. Впервые эта тема освещается в статье «Немцы Петрограда-Ленинграда и Петроградской—Ленинградской губернии в первые годы советской власти», опубликованной в 1996 г. [1]

Хронологические рамки обусловлены тем, что после первой мировой войны и событий 1917 г. немецкая диаспора здесь просуществовала до середины 1930-х гг., различного рода данные о ней отмечались в региональных справочниках. Вскоре после середины 1930-х гг. советские власти Ленинграда закрыли Немецкий дом просвещения (как и подобные культурные центры других нацменьшинств), прекратила свою деятельность немецкая газета «Роте цайтунг», немецкое руководство партийной ячейки и рядовые активисты были арестованы и их дела переданы в органы НКВД. Все они обвинялись в шпионаже, вредительстве и т.п. и разделили участь многих невинных жертв того периода. В 1942 г. граждане немецкой национальности были репатриированы из города и области. Но это уже тема другого исследования.

В статье рассматриваются печатные и архивные источники. К первым относится ряд справочников, вышедших в Ленинграде в 1920-1930-е годы, а также издания на немецком языке данного периода. Основные материалы по теме хранятся в Центральном государственном архиве С.-Петербурга (ЦГА СПб.). Кроме того, ряд документов имеется в Центральном государственном архиве литературы и искусства С.-Петербурга (ЦГАЛИ), в Государственном центральном архиве кино-фотодокументов С.-Петербурга (ГЦАКФД).

В первую очередь познакомимся с печатными источниками, в которых есть данные демографической статистики о немецком населении Петрограда-Ленинграда и области. Первые переписи населения Советской республики проводились в 1920 и 1926 гг. В 1920 г. еще не были определены границы ни самого города Петрограда, ни губернии, к тому же после 1917 г. изменились не только губернские, но и волостные и уездные границы. В черту Петрограда вошли поселения сельского типа, расположенные близко к городу и ранее входившие в состав губернии, в том числе и бывшие немецкие колонии. Итоги этой переписи были опубликованы в справочнике «Предварительные данные всеобщей переписи населения 28 августа 1920 г. по Петроградской губернии» [2], в котором даны сведения по губернским городам, волостям, причем включалось в перепись только гражданское население. Сведения о немцах входили в графу «Домохозяева в сельских поселениях, в том числе с родным языком домохозяина». В соответствии с данными этой графы, немцев в губернии насчитывалось 953 человека [3], при этом данные по наиболее крупному поселению — Новосаратовской колонии — отсутствуют, так как она в тот период входила в состав Петрограда. Сведений же по городу нет.

Перепись 1926 г. была более точной. Ее результаты опубликованы в нескольких справочниках. Прежде всего необходимо указать издание ЦСУ СССР 1928 г. «Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том 1. Северный район. Отдел 1. Раздел Народность, родной язык, возраст, грамотность» объемом 303 с. [4]. Его материалы представлены на русском и французском языках, в конце приводится карта исследуемого района. В томе 11 таблиц. Для нас представляет интерес «Таблица VI. Ленинградская губерния — Население по народности, родному языку и грамотности», согласно которой в губернии проживало 25 213 немцев, из них в Ленинграде — 16 916, в городах губернии 3008, в сельской местности 5289 человек [5]. Причем в графе «родной язык — немецкий» представлена цифра 12 766 [6], что указывает на то, что не все немцы считали родным языком немецкий. Необходимо отметить, что в указанном издании сведения о населении даны в соответствии с территориальным делением 1926 г.

В двух других справочниках, изданных в 1928 и 1929 гг., [7] представлены итоги переписи 1926 г., но уже в границах новой Ленинградской области, в которую после реорганизации 1927 г. вошли Ленинградский, Боровичский, Великолукский, Лодейно-Польский, Лужский, Новгородский, Псковский, Череповецкий и Мурманский округа. В новообразованной Ленинградской области по всем указанным округам число немцев составляет 30 353 чел. [8]

Печатными источниками являются и статистические справочники, изданные в Ленинграде в 1920-1930-е гг. Среди них надо назвать «Районы Ленинградского округа. Статистико-экономическое описание» [9], где опубликованы демографические данные по всем районам округа, кроме того, при описании экономического состояния каждого района даны сведения и по сельсоветам, на территории которых были немецкие колхозы.

В справочнике «Ленинградский пригородный район» представлены данные по тем сельсоветам, в которых указывалось количество немецких колхозов и хозяйств на 1926, 1931, 1932 и 1933 годы. Здесь же приведены размеры пахотных земель под зерновые и овощи.

В «Экономико-статистическом справочнике Ленинградской области» [10] и в «Административно-экономическом справочнике» [11] содержатся обобщенные сведения, но все же находим данные о немцах, а именно — о количестве национальных сельсоветов и сводки по Ленинградскому пригородному району, к которому с 1930 г. относились бывшие немецкие колонии, входившие в Заводской, Кипенский, Новосаратовский, Стрельнинский, Средне-Рогатский сельсоветы. Данные о немцах, проживавших в самом Ленинграде, отсутствуют.

Эти сведения удалось обнаружить в документах ЦГА СПб. В 1987 и 1994 гг. часть дел архива была рассекречена, поэтому предоставилась возможность познакомиться с материалами о национальном составе населения города в 1930-е гг. Сведения по городу приведены в процентах, и немцы составляли 0,9% населения [12]. По Октябрьскому (центральному) району Ленинграда, общее число жителей которого составляло 335,8 тыс., проживало 3,6 тыс. немцев [13].

Значительное количество дел архива отражает положение немцев в сельской местности. Так, в фонде Ленинградского губернского земельного Управления сохранилось много документов по этой теме: «О развитии огородничества и создании садово-огороднической комиссии для использования немецких колоний» (1920-1921), «Сведения об изъятии у колонистов излишеств сена и скороспелого картофеля» (1920), «Переписка с губисполкомом, горколхозом об обработке земли, выращивании, сборе, реализации урожая в немецких колониях» (1919-1920), «Статистические сведения о земельных участках немецких колонистов» (1922), «Потребительский кооператив немецких колонистов» (1922), «О сельскохозяйственном кооперативном товариществе «Немецкий колонист» (1925), «О бычем товариществе «Оксенрейн»(1926) и др.

В делах Стрельнинского волостного исполкома и Новосаратовского волостного комитета хранятся списки членов Стрельнинской колонии и дела ее отдельных членов, именные списки трудоспособных граждан Новосаратовской колонии, протоколы совещаний о землеустройстве Средне-Рогатской волости, списки учителей и учеников Стрельнинской школы немецкой колонии и др.

В фонде Ленинградского губернского отдела народного образования имеются дела, касающиеся образования немецкого населения. Среди этих дел назовем: «Учебные планы и программы Центрального немецкого педагогического техникума» (1925), «Школы и клубы в немецких колониях Петроградской губернии» (1921), «Переписка с Средне-Рогатской немецкой трудовой школой по культурно-просветительской работе среди немецких колонистов» (1921), «Переписка с немецким центральным бюро о политпросветительной и школьной работе среди населения Петроградской губернии», «Дело по руководству и контролю за деятельностью школ, обществ, курсов в немецких колониях Петроградской губернии» (1923-1924), «Переписка с уездным отделом народного образования о направлении на работу немецких учителей» (1926-1927). В деле «Переписка с наркомпросом о положении немецких школ в Петроградской губернии имеются материалы об 11-й трудовой (бывшей Анненшуле), 41-й трудовой (бывшей Петришуле), 34-й трудовой (бывшей Реформиртеншуле) школах в городе и снабжении этих школ книгами из Германии.

В рассекреченных фондах Комиссии при Леноблисполкоме по делам лишения избирательских прав за 1928-1936 гг. (по Ленинградской области) встречаем фонд «Личные дела на восстановленных. Делопроизводство», где хранятся дела граждан немецкой национальности.

В фонде Отдела управления Петрогубисполкома (Стол регистрации союзов и религиозных объединений) и Петроградского комиссариата по делам национальностей имеются дела о деятельности Немецкого культурно-просветительного общества (1917-1930), Немецкого музыкального общества (1923-1929), Общества ленинградских немецких врачей (1923-1931). В эти дела входят уставы обществ, программы их работы, списки личного состава, документы об их ликвидации;

В 1925 г. в Ленинграде был создан Немецкий коммунистический клуб им. Евгения Левине, который был ликвидирован в 1937 г. На протяжении этого периода клуб менял свое название и местоположение. В последние годы своего существования он назывался «Немецкий дом просвещения» и обслуживал немецкое население города и его окрестностей, составлявшее 23 тыс. человек [14]. Материалы о создании это-

го клуба, его финансовой деятельности, культурно-просветительной работе, списки участников кружков и активистов, а также материалы о его ликвидации хранятся в фонде Ленинградского губернского отдела народного образования ЦГА СПб и фонде «Национальные дома просвещения» ЦГАЛИ.

В ЦАКФД хранятся фотографии, отражающие жизнь немцев в рассматриваемый период. Так, сохранились несколько фотографий, сделанных в 1930-е гг. в немецком колхозе им. К.Либкнехта Парголовского района и в немецком колхозе «Роте фане». На одной из них заснято общее собрание колхозников из «Роте фане» в момент выступления председателя сельсовета с докладом, посвященным приговору суда над троцкистами. Ценность этого снимка, сделанного в 1937 г., в том, что на нем запечатлены все члены немецкого колхоза [15]. В архиве также сохранились фотографии немцев-колхозников — ударников труда из Кингисеппского района. Обнаружена и одна фотография, сделанная в Немецком клубе г. Ленинграда в 1928 г., на которой отображена сцена из театральной постановки «Станок» [16].

Вернемся к печатным источникам. В рассматриваемый период в Петрограде-Ленинграде выпускались на немецком языке два периодических издания. Прежде всего это журнал упоминаемого выше Немецкого культурно-просветительного общества — еженедельник «St. Petersburger Nachrichten», вышедший с 14 января 1918 г. Общество было зарегистрировано в августе 1917 г. [17], а в октябре 1918 г. оно было зарегистрировано Советом рабочих и крестьянских депутатов Адмиралтейской Трудовой Коммунны [18]. Основными задачами еженедельника являлись привлечение немцев Петрограда к совместной деятельности в области культуры и информация читателей о происходящих событиях в то тяжелое для жителей города время. Редакция журнала располагалась на Невском проспекте, 13. На его страницах нет призывов поддерживать советскую власть, но не встречается и резких выпадов против нее — статьи носили ровный информационный характер. Основная часть материалов посвящена деятельности Общества, его правления, работе его секций — молодежной, школьной, сельской, взаимопомощи и др., а также организации музыкальных вечеров, информации читателей о ситуации в городе, о возможности трудоустроиться и т.д. Кроме того, на страницах его сообщали о ценах на различные продукты, о нормах продуктов питания для различных групп населения. В журнале читаем о проведении музыкальных утренников с подробной программой и именами участников этих встреч. На последней странице каждого номера публиковалась инфор-

мация о службах в немецких кирках с указанием имен венчавшихся и отпетых там. Хотя еженедельник просуществовал лишь до середины 1919 г., когда деятельность этого «буржуазного» общества была на время приостановлена, содержание его дает объективную картину жизни определенной части немецкого населения Петрограда в первые годы советской власти.

Другое немецкоязычное издание — газета «Rote Zeitung», выпускаемая Ленинградским областным советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 4 января 1931 г. По содержанию она была стопроцентной коммунистической газетой и фактически калькировала советские газеты того времени, отличаясь определенной ориентацией на немецко-говорящих иностранных специалистов из Германии, Австрии, которые работали на крупных промышленных предприятиях Ленинграда — «Светлане», «Красном путиловце» и др. О немцах, проживавших в Ленинграде, в газете не упоминалось, а первые статьи о жизни немецких колхозников под Ленинградом стали появляться лишь в 1933 г. На страницах этой газеты можно познакомиться с жизнью и работой иностранных специалистов, с их интересами, некоторые из них были персонально представлены в газете, там также публиковались их статьи, печатались материалы об их семьях, об их отдыхе на курортах СССР. В ряде заметок иностранные специалисты сетовали, что их предложения не принимались во внимание на тех предприятиях, где они трудились, рекомендовали советским рабочим : повышать их профессиональный уровень. Представители советской власти в то же время выражали недовольство, что инспециалисты не овладевали русским языком и мало общались с русскими рабочими. Культурная жизнь немецких специалистов и немцев Ленинграда в основном протекала в упомянутом выше Немецком доме просвещения, о программе которого газета регулярно извещала, равно как и о радиопередачах на волнах Ленинградского, Московского и Одесского радио. Газета была закрыта 1 мая 1936 г. При всей агитационной и пропагандистской направленности «Rote Zeitung» читатель ее может получить определенные сведения о состоянии немецких колхозов и жизни немецких крестьян под Ленинградом.

Итак, представленный в статье краткий обзор источников указывает на наличие необходимого материала для составления объективной картины судеб немцев Ленинграда и области в сложные постреволюционные годы. Автор не претендует на предоставление исчерпывающей информации по источникам данной темы, так как поиск продолжается.

Примечания

1. Шрадер Т.А. Немцы Петрограда—Ленинграда и Петроградской—Ленинградской губернии в первые годы советской власти // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. М.: Готика, 1996. С. 399-405.
2. Предварительные данные всеобщей переписи населения 28 августа 1920 г. Петроградской губернии. Итоги по городам, волостям, уездам. Птг: 3 гос. типография, 1920.
3. Там же. С. 15.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т 1. М.: ЦСУ СССР, 1928.
5. Там же. Табл. VI.
6. Там же. Табл. X.
7. Перепись населения 17 XII 1926 по области. Л.: Ленинградский обл. организ.-отд., 1928; Население Ленинградской области (пересчеты материалов Всесоюзной переписи населения 17 дек. 1926 г. в новых административных границах на 1 января 1928 г.). Л., 1929 г.
8. Там же. Табл. IX.
9. Районы Ленинградского округа. Статистико-экономическое описание. Л.: Орготдел Леноблисполкома, 1928.
10. Экономико-статистический справочник Ленинградской области. Л.: Облесполком, 1932.
11. Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области. Л.: Леноблисполком, 1936.
12. ЦГА СПб. Ф. 95. Оп. 1. № 11. Л. 96.
13. Там же. Л. 186.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 7. № 1. Л. 7.
15. ГЦАКФД СПб. АР. 14069.
16. Там же. Гр. 48713.
17. «St. Peterburger Nachrichten». 1918. № 2. С. 7.
18. ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. № 7. Л. 27.

ПОВОЛЖЬЕ

Дубинин С.И.

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ
НЕМЦЕВ САМАРСКОГО РЕГИОНА

Вашкаун Н.Э.

ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ПРАВЛЕНИЙ КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1870-1918 ГГ.)

Русакова З.Е.

ДОКУМЕНТЫ САРАТОВСКОГО ГУБИСПОЛКОМА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ГУБЕРНСКИХ ВЛАСТЕЙ СТАНОВЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

Ерина Е.М.

СИСТЕМА СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕПРЕСПУБЛИКЕ
ПО ДОКУМЕНТАМ НАРКОМПРОСА АССР НП

Горобцова Е.А.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ КАК ИСТОЧНИК В РЕКОНСТРУКЦИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО КОСТЮМА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XVIII —
НАЧАЛО XX ВЕКА)

Малова Н.А.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ КАК
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ САМАРСКОГО РЕГИОНА

С.И.Дубинин

Источниковая база изысканий по российским немцам Самарского региона¹ только начинает формироваться исследователями. Несомненно, что основное место здесь принадлежит документальным источникам. Однако особую роль приобретают и источники личного происхождения: воспоминания и дневники [1].

Субъективность как главное свойство мемориальных источников позволяет «изнутри» взглянуть на многие стороны исторического процесса, отказавшись от сложившихся стереотипных подходов и социально-исторических схем. Модально-оценочная доминанта мемориальных источников задает в качестве исходного герменевтический подход к текстам личного происхождения.

Нам удалось обнаружить пока лишь ограниченную группу источников подобного рода, касающихся в основном судеб немецких переселенцев бывшего Самарского уезда:

1. Мемориальное исследование бывшего руководителя Гамбургской меннонитской миссии (1930-1951 гг.) Бернгарда Гардера «Александрталь», изданное в Берлине на правах рукописи.

Исторически сложилось, что на территории Самарской губернии (основанной в 1851 г.) находилось несколько групп немецких поселений: старые левобережные (бывшие саратовские) поволжские колонии Николаевского и Новоузенского уездов (до 1918 г.); поселения Самарского уезда — Константиновская и Александртальская волости (с 1858 по 1941 г.); поселения Бузулукского уезда (осн. в 1893 г., переданные в состав Оренбуржья в 1920-е гг.). Особую группу составляли немцы, проживавшие в Самаре и в некоторых уездных городах [2].

2. Воспоминания бывшего судебного следователя Самарского уезда (1877-1881 гг.) Якова Львовича Тейтеля «Из моей жизни», вышедшие в Париже в эмигрантском издательстве.

3. Записи воспоминаний новопоселенцев Кошкинского района Куйбышевской области о немцах-соседах (фонд диалектологических экспедиций 1970-х гг. СамГУ).

4. Рукопись дневника 1859-1862 гг. школьного учителя колонии Базель Баратаевской волости Николаевского уезда Даниэля Керна (Фонд ГАСО).

Вданном исследовании рассматриваемые источники анализируются в этноисторическом и текстологическом (лингвистическом) аспекта

Переселенческий этнос и источники личного происхождения

Российские немцы принадлежат к этносам переселенческого типа. Их можно определить как субэтническую группу, выделившуюся из материнского (основного) этноса в результате последовательных миграций², охвативших почти столетие (с 60-х гг. XVIII в. по 50-е гг XIX в.), а также подверженную дальнейшим смешениям в ходе позднейших переселений уже в районах нового проживания в России.

Особенностями переселенческого этноса являются: 1) формирование его на основе различных этнографических групп (территориальных, религиозных, социальных), попадающих в иноэтническое окружение; 2) дробление на этногеографические группы (микроэтноты) в новой национально-государственной среде и в конкретных хозяйственно-культурных регионах. В этом смысле российские немцы характеризуются своеобразным этногенезом и имеют особую этническую историю.

Важнейшей чертой переселенческого этноса является его этническое самосознание. Оно выражается в чувстве этнопринадлежности (самоопределении), в этноминациях, в этнопсихологических ориентациях, утверждающих собственную социотерриториальную организацию и хозяйственный тип, создающих барьер ассимиляции в условиях бикультуры и двуязычия. Российских немцев, для которых изначально было характерно дисперсное расселение и ослабление контактов с материнским этносом, отличает иерархичность этнического самосознания, в частности наличие в нем элементов прежнего «областного самосознания»

² Особые группы в рамках «российско-немецкого суперэтноса» представляют собой прибалтийские и польские немцы, которые вошли в его состав не в результате миграций, а вследствие расширения государственных границ Российской империи (присоединение Прибалтики и Царства Польского), а также локальные группы потомков немецких эмигрантов в российских городах.

колонистов — выходцев из различных немецких земель, усиление конфессионального фактора при этноконсолидации [3, с. 247, 249, 461].

В процессе исторического развития переселенческого этноса его самосознание подвержено изменению. Важным этапом при этом является становление собственной «исторической памяти» этноса и ее фиксация в письменных памятниках, которые не только конституируют зарождение письменно-мемориальной культуры этноса, но и выражают его сознательное отношение к своему прошлому и начало духовного освоения действительности. Наряду с этнономинацией это становится основой этнической самоидентификации [4, с. 174-181].

Мемориальные источники личного происхождения, репродуцируя унаследованные переселенческим этносом элементы культуры и отражая новые реалии, являются также памятниками истории его языка. Развитие мемуаристики сигнализирует об определенной зрелости исторического самосознания этноса. Проникновение принципа историзма в его духовную культуру становится средством создания базы собственной историографии и публицистики [5, с. 16-17].

В центре мемуарного текста выделяется личность, которая осознает себя в потоке истории, целенаправленно фиксирует опыт своего участия в бытии и, закрепляя память о прошлом, обеспечивает духовную преемственность поколений. Мемуарное начало неизбежно проникает в национальную литературу и в этноидеологию.

Двумя основными и родственными видами мемуаристики являются дневники и воспоминания. Дневники как исторически первичная и простейшая форма мемуарного текста синхронно отражают действительность, представляя «прошлое» как реальную последовательность событий с неизвестной развязкой в виде дискретных записей, которые автокоммуникативны («для самого себя»). Ретроспективность воспоминаний как более развитой формы мемуаристики воссоздает «прошлое» обдуманно, в связно-сюжетной форме, обращаясь к предполагаемому читателю, что сближает воспоминания с литературным творчеством [5; 8; 12].

Мемуаристика российских немцев в различных ее формах (ежедневники, семейные хроники, спонтанные записи воспоминаний и т.п.) возникла уже на раннем этапе их этногенеза в среде местной интеллигенции и священников. Однако она получила лишь фрагментарную фиксацию в колониетской прессе и в изданиях и недостаточно исследована в источниковедческом плане.³

³ Печатная мемуаристика российских немцев оформилась со значительным опозданием лишь в XX веке, уже как жанр литературно-исторический.

Наличие мемуарных текстов о немцах Самарского уезда, авторами которых являются как сами потомки колонистов (Б.Гардер) так и представители соседних этносов и социальных групп (Я.Л.Тейтель, русские новопоселенцы) позволяет провести сопоставительный анализ, в частности, некоторых аспектов взаимооценки этносов, стереотипов эпохи, тех сторон жизни колонистов, которые недостаточно отражены документальными источниками (быт, обычное право и др.).

Воспоминания о меннонитах Самарского уезда

С 1858 по 1867 г. в Самарском уезде возникли 10 колоний меннонитов (Александрталь, Нейгофнунг, Мариенталь, Гротсфельд, Муравьев, Орлов, Мариенау, Шенау, Линденау и Либенталь), образовавшие отдельную Александртальскую волость. Вскоре меннонитские семьи основали также несколько хуторов в близлежащих русских селах Новый Буян, Кольцовка, Александровка, у мордовской деревни Бесовка и у татарских деревень Сантимир и Тюгальбуга, а также хуторской поселок Песочное на юге уезда [6, с. 84-97]. В 1887 г. меннониты разделились на две общины: александртальскую (староменнониты) и на малочисленную мариентальскую (братские меннониты) [7, с. 22-24].

Меннонитская волость, просуществовав до административной реформы начала 1920-х гг., была упразднена и вошла в состав Мелекесского уезда Симбирской губернии. Затем переименованные поселения были возвращены в состав Кошкинского района (Самарская область)⁴. С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. все немцы района по постановлению ГКО СССР были депортированы в Казахстан, в восточные регионы РСФСР, а небольшая часть «мобилизована» на нефтеразработки Куйбышевской области и в строительство.

Историзм и мемориальное начало в «Александртале» Б.Гардера

В источниках мемуарного типа определяющую роль играет личность автора, его убеждения, установки. Бернгард Гардер (1878-ок. 1960) был человеком уникальной судьбы. Он был пятым ребенком в семье западнопрусского колониста Юлиуса Гардера из Нейгофнунга, лишился в двухлетнем возрасте родителей и воспитывался у родствен-

⁴ Административная реформа Самарско-Симбирского пограничья (упразднение волостного деления, районирование) окончательно лишила немцев территориальной автономии к концу 1920-х гг.

ников. В 16 лет он отправился в колонии южнорусских (молочанских) меннонитов изучать ремесла, крестившись в Гнаденфельде. По возвращении Гардер основал в Нейгофнунге мастерскую, а вскоре и торговый дом «Гардер, Вибе и К°» по сбыту сельхозинвентаря. Хорошо ориентируясь в хозяйстве, он много занимался и самообразованием.

С началом войны Гардер был из-за немецкого подданства интернирован, депортирован в Сибирь, где принял решение об эмиграции. До 1923 г. он был рабочим, затем становится миссионером, редактировал журнал «Слово и Дело», а с 1930 по 1951 г. возглавлял Гамбургскую меннонитскую миссию [8, с. 3-6]. Уже находясь в отставке, он публиковал краткие очерки по истории родных мест [9].

«Александрталь» представляет собой сочетание «микроисторического» очерка, хроники и мемуаров, адресатом которого в первую очередь являются единоверцы автора. Свое сочинение Гардер предваряет кратким экскурсом в историю европейских меннонитов [С. 3-22], подчеркивает верность обширной меннонитской историографии (П.Фризен, Б.Унру и др.). Поскольку читатель уже осведомлен об основных вехах истории меннонитов (ср. частые фразы: «Es war bekanntlich...»; «Wie bekannt»), автор акцентирует лишь важнейшие с его точки зрения аспекты, что отражается в четкой рубрикации очерка.

Текстообразующей доминантой очерка является «актуализация» Гардером «прошлого», которое он пытается приблизить к читателю в отдельных фрагментах. Так, например, он использует «актуальные» наречия времени (jetzt, inzwischen и др.) в сочетании с формой «нерасчлененного прошлого» (Imperfekt) у глагола: So erlebte sie jetzt ihre Blutezeit...; inzwischen war es..., нередко нарушает хронологию.

Свой стиль изложения Гардер определяет как «сообщение» (Bericht), целью которого является непредвзятое изображение пережитого, подчеркивающее дескриптивность изложения (ср. частые предикаты: beschreiben; verdeutlichen; schildern), которое носит характер ретроспекции (ср. Im Rückblick auf...). При этом он избегает говорить от первого лица (Der Verfasser erinnert sich), внешне «объективизируя» сообщаемые сведения как «историю» (Geschichte; Siedlungsgeschichte; Annalen; Historie; Lokalhistorie).

Однако историзм Гардера находится в рамках меннонитской историографической традиции и не лишен субъективных моментов. Автор исходит из идеи предопределенности, круговорота истории, что служит испытанием истинности веры, поэтому он не считает себя вправе давать оценки ходу событий: «Wer unter uns aber wdre dazu berechtigt,

solange es für ihn in der Geschichte des Menschen einen Sinn gibt und solange er an einen Herrn der Geschichte glaubt?

Für das Mennonitentum insbesondere gilt, daß es seinem Entstehen auf der Heimatsuche war und daß es gerade durch seine bedrückenden Schicksale immer wieder zur Besinnung auf seinen Anfang genötigt wurde» [S. 91].

События окрашиваются в трагические тона (In Blut und Tränen geschriebene Geschichte»), приобретают оттенок фатальности (das Geschick von Alexandertal): «So mag auch das kleine Alexandertal in Aufstieg und Niedergang ein weites Zeichen in der Gesamtgeschichte für das Wort sein, daß wir hier «keine bleibende Stadt haben, sondern die zukünftige suchen»... alle seine Katastrophen waren ihm zu einer Erfahrung des Glaubens». [S. 91].

Меннонитская идея бренности бытия («Die Vergänglichkeit alles dessen, was in der Welt gebaut werden mag») придает эсхатологическую окраску и самому подзаголовку «Александрталь» — Die Geschichte der letzten deutschen Stammsiedlung in Rußland.

«Das Lokalhistorische» Гардера позволяет глубже понять некоторые аспекты этнопсихологии российских меннонитов, которые в рамках российско-немецкого этноса составляют так называемую этноконфессиональную общность [10, с. 4-6, 34], в частности, дискуссионным является мнение некоторых исследователей, что национальное самосознание было «отодвинуто религией» [10, с. 45].

Определяя меннонитов как «жертвенных» Heimatsucher, Гардер базирует свое повествование на идее обретения новой Родины и Созидания. Дихотомия «старая-новая Родина» выражена в целом ряде обозначений Западной Пруссии: Stammland, Mutterland, Urheimat, alte Heimat, Heimat. Автор полагает, что александртальцы, в отличие от южнорусских меннонитов, не обрели новой Родины, прочнее сохранили традиции и фольклор [S. 50-54], семейные связи, интерес к истории и политическим событиям в Пруссии. Россия осталась для них местом временного пребывания (ein Gastland mit einer fremden Umwelt): «...im eigentlichen Sinne waren sie nie ausgewandert. Bis zuletzt blieb in ihnen die Sehnsucht nach der alten Heimat wach» [S. 66].

Эту особенность александртальских меннонитов можно определить как «диаспоральность», которая наряду с конфессиональным фактором создавала барьер ассимиляции через «eifrige Pflege der preußischen Tradition» [S. 52].

Гардер характеризует также этнопсихологические и религиозные основы стереотипов отношения меннонитов к своим соседям. При этом

его оценку их как «primitive Völker» [62] нельзя понимать буквально. Отмечая отсталость хозяйственного уклада мордвы и чувашей, Гардер подчеркивает факт их насильственной христианизации, т.е. неосознанного приобщения к вере, что не могло принести свои плоды, как в случае с «меннонитской цивилизацией» [S. 28].

Немецких соседей Константиновской волости Гардер однозначно считает соплеменниками. Они и александрталцы — «alte und neue Deutsche» [S. 28], но одновременно и «ANDERSGLÄUBIGE DEUTSCHE KOLONISTEN». Причину их хозяйственной несостоятельности он также отчасти видит в несовершенстве Gemeindeleben. Споры об этнической основе меннонитов и «фламандско-фризскую теорию» Гардер оценивает как следствие политической ситуации репрессий 20-х гг., как попытку «самозащиты» [S. 82].

Нелестно местами отзываясь о русских крестьянах — «Der Muschik war schlecht erzogen», отмечая их wirtschaftliche Gleichgültigkeit [S. 63], Гардер завершает очерк выводом, что только религиозная община и ее festgefügte Ordnung, истинная вера создают gesellschaftliche Einheitlichkeit и могут противостоять мировому хаосу. Опыт александрталских меннонитов он не расценивает как неудачу (Fehlschlag).

«Субъективный историзм» Гардера сочетается с мемориальным компонентом, который, однако, имеет факультативное значение для замысла автора — раскрыть типичность судеб александрталцев в рамках «исторической миссии» меннонитов (ein Modellfall, geprägt durch Hintergründe und Voraussetzungen).

В «Александртале» представлены поэтому только вторичные признаки мемориального текста: экспликация фактов через оппозицию временных маркеров (наречий damals-heute), личностно-памятные элементы вводятся не глаголами восприятия, а предикатами типа erwähnen; hervorheben; sagen; andeuten; beweisen, что снижает элемент автобиографичности [11, с. 183-188].

Мемориальное начало отчетливее проявляется при введении автором в текст цитат из воспоминаний первопоселенцев, которым он придает значение первоисточника. Однако и их он использует, скорее, как аргументы для доказательства сформулированных тезисов, вставляя в определенные рубрики очерка. Так, в разделе «Der Anfang der Ansiedlung» почти без комментария приведены отрывки из записок (Karge Aufzeichnungen) Корнелиуса Гардера из Нейгофнунга, стиль которых отличает большая авторская субъективность (wir/man-Formen) повествования, сокращается эпическая дистанция (преобладание форм Imperfekt сказуемого).

Еще более беглыми являются упоминания воспоминаний Корнелиуса Эверта из Мариенау конца 1880-х гг. в разделе «Das kirchliche leben», а также анонимных устных рассказов беженцев из Советской России и переписки.

Концовка очерка звучит откровенно публицистично. Гардер делает вывод о несовместимости «христологической миссии» меннонитов с тоталитарным советским режимом, при этом в тексте звучат лексемы, отражающие реформы в ФРГ 50-х гг.: *demokratische Verwaltung; sozialpolitisch*. Гардер-мемуарист и историк окончательно отступает на второй план перед миссионером-публицистом. Таким образом, «Александрталь» отразил определенную эволюцию жанра мемуаров по мере сближения их с общественной жизнью, борьбой религиозных меньшинств в послевоенной Европе за свои права. Субъективные воспоминания уступают место исторической и конфессиональной публицистике.

Александртальские меннониты в воспоминаниях Я.Л.Тейтеля

Мемуары Якова Львовича Тейтеля, близкие к жанру литературно-биографическому, принципиально отличаются от очерка Гардера не только по языку, стилю, хронологии, но, главное, — по целеустановке автора. Я.Л.Тейтель (1851-1934) был выходцем из среды еврейской интеллигенции, только начинавшей, обретать свои права в пореформенной России. Окончив в 1875 г. юридический факультет Московского университета, он с 1877 по 1881 г. исполнял обязанности судебного следователя в Самарском уезде. Заведуя уездным следственным участком, ведя дела окружного суда и реально выполняя более широкий круг обязанностей, Тейтель как «некрещеный еврей» был утверждён в должности лишь в 1880 г.: «Министерство юстиции не желало иметь несменяемых независимых следователей» [С. 33].

Находящемуся во «внутренней оппозиции» к власти, установления которой он должен был исполнять, Тейтелю-мемуаристу присущ особый, острый и ироничный взгляд на вещи. Себя он характеризует как «единственного представителя еврейства в правительственной среде Самарской губернии», где он проработал 27 лет [12, с. 69]. «Критический дух» пронизывает все его воспоминания, записанные в Киеве в 1920 г. и завершённые в эмиграции.

Мемуары Тейтеля импрессионистичны, сбивчивы, не отягощены строгой хронологией или цитатами. Поток сознания автора привязан скорее к отдельным явлениям, личностям или ситуациям. Текст лишен априорных тезисов, рубрик, изложение подчеркнуто субъектив-

но, но свои выводы Тейтель «как средний человек» не навязывает читателю.

Тейтель прожил четыре года в Самарском уезде как «наблюдатель», активно включившийся в общественную жизнь провинции уже в Самаре конца XIX в. Его дом в селе Старый Буян, однако, сразу стал центром либеральной интеллигенции, среди которой были и народники, и социал-демократы, и славянофилы. Идеиное «кредо» его как мемуариста достаточно эклектично и отразило увлечения Тейтеля инициативами народников и радикализмом революционных демократов, активное участие его в «еврейских общественных делах» [С. 49].

Во взгляде мемуариста на прошлое есть определенный элемент «крестьянской идиллии»: «С удовольствием вспоминаю время, проведенное среди этого хорошего, здорового населения» [С. 33]. Описывая жизнь Самарского уезда, автор выступает то как «стихийный этнограф», то как «чиновник-реформатор», которого интересуют причины низкой правовой культуры, неэффективности юридических новаций 1870-х гг., то как борец за социальную справедливость и филантроп.

Отношение Тейтеля и его характеристика немцев-меннонитов отличаются поэтому субъективностью. Он исходит из убеждения, что «нет плохих народов... у каждого народа есть хорошие и плохие качества, что все дурное не зависит от народа, а прививается ему всей его историей и разными государственными институтами» [С. 78].

Контакты Тейтеля-следователя с александртальскими меннонитами (он проживал примерно в 40 верстах от волости), видимо, не были слишком тесными и активными: он вспоминает лишь о нескольких судебных разбирательствах за четыре года и о законопослушности меннонитов. Свои оценки он строит по принципу сопоставления немцев с их чувашскими и русскими соседями.

Автор сочувствует чувашам: «Добродушный, крайне темный, забитый народ» [С. 77], одновременно отмечая: «Противоположность чувашам составляли немцы-меннониты» [С. 78]. Этот контраст Тейтель вначале видит в быту: «Чуваши... жили буквально в темных помещениях, так как топили «по черному»: дым у них не выходил из трубы, а прямо в избу, отчего все почти чуваша страдали глазами» [С. 77]. Меннониты же «строили дома с черепичными крышами и удобными конюшнями, причем последние помещались под одной крышей с домом» [С. 78].

Примечательно, что автор практически единственного исследования по меннонитам Самарского уезда И.М.Красноперое, посетив

Александрталь в начале 1880-х гг., также приводит как главную иллюстрацию благосостояния колонистов облик их жилища: «Все меннонитские строения носят на себе отпечаток разумной предусмотрительности и экономической расчетливости... здесь все своеобразно, ничего нет похожего на русский лад» [13, с. 90].

Прежде чем перейти к причинам разного уровня жизни народов уезда, Тейтель нарочито подчеркивает контраст во всем облике немецких колоний и поселений соседей: «Колонии меннонитов... расположены были между Бормой с мордовско-русским населением и большим торговым селом Кошки с русским населением. Борма и Кошки поражали своей грязью, соломенными крышами; но как только начинаешь приближаться к немецким колониям, чувствуешь, что едешь в какой-то другой мир. Кончатся русские селения со своими мазанками или разваливающимися избами. Кончатся кое-как вспаханные поля, начинаются сады, огороды, громадные дома и хорошо одетый и обутый народ» [С. 79].

В чем же причина столь разительных различий? Мемуарист прямо не формулирует этот вопрос, но видит истоки отсталости чувашей отчасти в прежнем беспорядке и низкой правовой культуре: «Они пуше всего боялись власти и кокард. Слово «чиновник» приводило их в трепет» [С. 77]. О меннонитах он пишет: «Держали они себя с большим достоинством, власть признавали, но сама власть чувствовала, что с меннонитами нужно говорить по-человечески» [С. 79].

Видя основания многих проблем судебной реформы в крестьянской среде в живучести старых норм «обычного права» (нежелание давать личные показания, оговоры), Тейтель отмечает большую склонность меннонитов к «гражданской обязанности содействовать правосудию»: «Присяги они на судах не принимали, а ограничивались подачей руки председателю и словами: «Покажу правду» [С. 79]. При этом меннонитов отличала особая верность слову: «... они свои принципы ставили выше всего. Помню характерный случай. У колониста Эро украли пять самых лучших его лошадей, чем нанесли страшный вред его хозяйству. Эро от кого-то узнал, кто совершил эту кражу, но так как он дал слово лицу, сообщившему ему эти сведения, никому об этом не рассказывать и не выдавать его, то он на все мои вопросы отвечал, что ничего не может сказать, так как дал слово. Так он виновных и не выдал, и дело за необнаружением виновных было прекращено» [С. 80].

Идейные установки Тейтеля в оценке меннонитов обнаруживаются в его отношении к собственности, которую он считал одной из причин преступлений. Он резко негативно пишет о «кулаках и мироедах»-Собственность, по мнению Тейтеля, является источником эксплуата-

ции и жестокости: «Рядом с хорошими чертами у меннонитов, как ярких собственников, была жестокость. Иногда возникали дела о пытках, учиненных ими над заподозренными в краже татарами» [С. 80].

Однако наиболее отчетливо он высказывается с позиций «защитника угнетенных», когда однозначно осуждает привилегии, предоставленные немцам в России: «Переселенные при Екатерине II, они получили по большому наделу земли, обзаведясь хорошим инвентарем» [С. 79]. Здесь дело не только в живучести «антиисторических стереотипов» у мемуариста в отношении самарских меннонитов, переселенных совсем в другую эпоху уже накануне упразднения колониистского права, а скорее в приверженности Тейтеля «презумпции культуртрегерства» в отношении российских немцев и связанного с этим его негативным утверждением: «Замечательно, что, несмотря на почти столетнее пребывание в России, они никакого влияния на соседей не имели, а между тем, по мысли Екатерины II, они-то должны были быть культуртрегерами этого края» [С. 80]. Примечательно, что как представитель еврейской либеральной интеллигенции Я.Л.Тейтель склоняется в сторону «негативистов» в развернувшемся в публицистике и в обществе 80-х гг. споре о «немцах в России», где оппонентами выступили А.А.Клаус и А.Палтов (Велицын).

Свойственные провинциальной интеллигенции увлечения идеями пореформенной эпохи отразились и в конфессиональной оценке Тейтелем меннонитов как «сектантов» [С. 80]. Не имея какой-либо информации о верованиях меннонитов, мемуарист воспринимает их как «религиозную экзотику», интерес к которой пробудил своим приездом в Новый Буян в 1880 г. Александр Степанович Пругавин (1850-1920), начинавший исследовать эту запрещенную духовной цензурой тему.

Субъективные оценки провинциальным мемуаристом Тейтелем, которого А.М.Горький называл «неутомимым и веселым праведником», александрталцев констатируют ту неоднозначность, которая царила в отношении к ним современников в демократических слоях населения. Многие из возникших в эту эпоху стереотипов оценки оказались крайне устойчивыми.

Немцы Кошкинского района в воспоминаниях старожилов

После административных переделов Самарской губернии 1920-х гг. Доля немецкого населения резко сократилась с 14, 3% (нач. XX в.) до 0,5% (1925 г.), а в Средневолжском крае, куда губерния входила с 1925 по 1935 г. она составляла лишь 0,3%. После образования в 1936 г. Куйбышевской области Кошкинский район остается единственным реги-

оном компактного сосредоточения немецкого населения. К 1941 г. в области проживало 11 500 человек «немецкой национальности», городских жителей 2400 человек, сельских жителей — 9100 человек. Уже с середины 30-х гг. немцы превращаются в «фигуру умолчания» [14].

Воспоминания старожилов Кошкинского района представляют собой транскрипционные записи спонтанной устной речи жителей седк северу от Кошек (в основном это уроженцы Залесья — бывш. Рейнсфельд) 1920-х гг. рождения, сделанные диалектологической экспедицией госуниверситета в 1970-е гг. Окрестное русское население заняло в 1942 г. упомянутые также информантами деревни Долиновку (бывш. Бергталь), Каменный Овраг (бывш. Фюрстенштейн) и Романовку (бывш. Романов), где до войны частично уже проживало русское население. Эти четыре бывшие колонии относились к основанной с 1864 по 1871 гг. немецкой Константиновской волости, включавшей 14 поселений [2, с. 46-47, 55].

Устные воспоминания интересны в первую очередь в этно- и социально-психологическом аспектах. Примечательно, что информантам специально не задавались вопросы о немцах, они спонтанно упоминают о них при просьбе рассказать об истории родного села: «В Залесье немцы жили, и в Каменном Овраге, и в Долиновке немцы жили... В Залесье, там и немцы жили... их много было». Характерно утверждение, что все немцы переселились сюда еще при Екатерине II, и полное отсутствие у старожилов исторических сведений о немцах региона.

Интересные выводы об этнопсихологии местного населения сделал П.А.Преображенский [15, с. 60, 69]. В целом русское население бывшего Самарского уезда — «ворот колонизации» всего края — «постоянно увеличивалось притоком сторонних, разнородных элементов». Отношения поселенцев отличались сильным отчуждением, поскольку было «много препятствий для выработки солидарных интересов и вкусов». О «*volkliche Entfremdung*» пишет и Б.Гардер. Отчуждение немецких и русских поселенцев начинало сглаживаться только в начале XX в.

В воспоминаниях старожилов можно уловить некоторые следы этнопсихологической маргинальности (так называемый комплекс неполноценности) [3, с. 456]: «Жили богато супротив русских... У немцев все было. У них как-то всегда старательно... Хлеб у них белый, кофе вскипятят. Масло всегда было... Какие они трудолюбивые, немцы-то, против русских. Какие у них дома, сады были».

Данные высказывания практически лишены модальной оценки, являясь короткими, констатирующими фразами с доминирующей в под-

тексте темой «они~немцы», которая даже слегка идеализируется мемориальным восприятием говорящего. Ощущение дистанции присуще и следующим высказываниям, характеризующим общение: «По-немецки, да и по-русски говорили... Нанимались к немцам картошку рыть. Ходили... Всякие немцы были. Которые собаками затравят. Особенно старые плохие были». Примечательно, что в этнически пестром Кошкинском районе традиционным было проживание русских, украинцев, чувашей, татар и др. обособленно, а в рамках одного села — по принципу «концов», что отражалось в соблюдении «этнодистанции».

С явным сожалением звучат слова: «В войну-то их эвакуировали... Немцев эвакуировали в Казахстан из Романовки. Потом в Залесье». Характерно, что старожилы говорят «эвакуация», а не «депортация», тема политических репрессий отсутствует в разговоре, а говорящие не задумываются о причинах так называемой эвакуации.

Таким образом, фрагментарные высказывания-воспоминания старожилов фиксируют в остаточной форме «стертые» этнопсихологические стереотипы восприятия немцев-соседей, свойственные ментальности сельских жителей «советского периода», и отсутствие актуальной исторической памяти. Примечательно, что память о немцах региона возрождалась усилиями сельской интеллигенции и местных краеведов (Кириянов Н.А., Курсков Н.А., Арнольдов Н.А. и др.) уже в 80-е годы практически «из небытия».

«Колонистский учитель» в дневнике Даниэля Керна

Среди рассматриваемых источников дневник Д.Керна (1821-?) выделяется особо. Он представляет собой ежедневник с 4-5-суточными констатирующими записями в установленное время: Morgen; Vormittag; Mittag; gegen Abend; Spätabend о внешне рутинных бытовых и ритуальных действиях, о школьной работе. Вместе с тем дневник имеет черты Stammbuch (книги памятных записей), где Керн копирует свою переписку⁵, а также личного катехизиса с подобранными молитвами, религиозными стихами собственного сочинения. Все записи (автор называет их «Notizen») сделаны по церковному календарю и не предназначались для постороннего читателя, охватывая период с января 1859 по март 1862 г.

Все события протекают в узком пространстве крайнего северо-запада немецких поселений левобережья в Николаевском уезде. Это колония Базель, насчитывавшая в то время 164 двора и 1479 жителей, и близ-

Анализ личной переписки Д.Керна (около 50 писем) — тема особого исследования, так как это своеобразный тип источников.

лежащие Шафгаузен, Цюрих и волостной центр Баратаевка (Беттингер) — одно из старейших протестантских общин поволжских немцев-лютеран [16, с. 81-82]. Здесь Д.Керн время от времени посещает своих коллег, родных и знакомых.

Манера записей базельского учителя удивительно однообразна; Это полупротокольный, «вербальный» стиль с формами Perfekt («завершенное прошедшее») предикатов: habe geprüft/spaziert/besucht; bin gegangen/gefahren.

«Автоцентризм» шаблонного, лаконичного языка ежедневника [17, с. 408] внешне не допускает никаких личных переживаний, сокровенных мыслей, однако в нем проглядывают элементы внутреннего монолога, а следовательно, и индивидуального самосознания автора: «Was soll man dazu sagen?»

Подчеркнуто отстраняясь от событий внешнего мира и его оценок, Керн «маркирует» божественную предопределенность всех своих поступков: «Gott hat es gut gemacht». Все его действия облечены в сакральную форму: Mit Gott vom Schlaf aufgestanden / zu Bette gegangen / an die Arbeit gegangen / den Unterricht begonnen; An mein Werk gegangen und Gott gedankt.

Читателю может показаться, что это религиозный фанатик или отшельник. Психологически странными на этом фоне звучат «эпикурейские» фразы: Geraucht; Cigarren fabriziert; Ein Glas Wein beim alten Pastor getrunken.

В действительности это не что иное, как сознательное самовоспитание, упорядочение своих «мелочных интересов». Поденные записи, которые ведутся в целях самоанализа и нравственного совершенствования, отражают «ощущение историчности частного своего существования», понимание ценности личного опыта [5, с. 12, 14-15]. Размышляя о прожитом дне (в тексте это «Remenitieren»), Керн выражает через дневник изначальную, интимную форму мемуаристики, а через узкие рамки внутреннего и религиозного опыта — первые черты исторического этносамосознания.

«Самоупорядочение» проявляется в записях религиозных сентенций, в барочных по смыслу стихах Керна, где главная мысль — бренность всего сущего. Только труд способен внести смысл в земное бытие. Сообщая весной 1862 г. о своей тяжелой болезни, Керн видит ее преодоление в деятельности: «habe doch mit viel Mühe gearbeitet». Контрастно звучит и его фраза: «Shakespeares Othello gelesen und Garten gearbeitet». Вообще глагол «üben» характеризует все его отношение к жизни: habe Musik/Religion/Bibel geübt.

Несомненно, что дневник Д. Керна, который активно овладевал практикой богослужения, отразил психологию процесса сакрализации колониальной школы, ее сближение с церковью. Своим главным другом и наставником Керн называет пробста Иоганна Пундани. В дневнике Керн много пишет о тесной консолидированности учительства и священников в колониях, что свидетельствует об усилении конфессионального фактора в этногенезе поволжских немцев этого периода.

Таким образом, анализ разнотипных источников мемуарного характера, относящихся к немцам Самарского региона, позволяет констатировать усиление *конфессионального фактора* в этнопсихологии колонистов, наличие *устойчивых стереотипов* при формировании контактов в полиэтнической среде, которые имели «встречный характер» («немцы <-> «соседи»), значительное *микрорасовое дробление* (александральцы, константиновцы, поволжские немцы) в рамках одной территориальной общности (Самарская губерния). Мемуарные источники создают базу *этноисторическим* исследованиям российских немцев, которые становятся важным аспектом современных изысканий в данной области, методология которой становится все более комплексной, приобретая междисциплинарный характер.

Примечания

Bernhard J. Harder. Alexandertal. Die Geschichte der letzten deutschen Stammsiedlung in Rußland. Berlin: gedruckt von J.Kohnert, O/J. 110 S.

Я.Л.Тейтель. Из моей жизни за сорок лет. Париж: изд-во Я.Поволоцкий и К°, 1925. 241 с.

Записи устной речи жителей Кошкинского района Куйбышевской области. Архив диалектологической экспедиции кафедры русского языка СамГУ. Инв. №: 66, 69, 71, 72, 88.

Tagebuch für Schullehrer Daniel Kern (1859-1862). Госархив Самарской области. Ф. 383. Оп. 1.Д. 3/4.

1. Дубинин С.И. Материалы о российских немцах в фондах Государственного архива Самарской области // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции М., 1996.
2. Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае: Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994.
3. Народы России. Энциклопедия / Ред. В.А.Тишков. Москва, 1994.
4. Дубинин С.И. Этносостав и ономастика немецких поселенцев северо-запада Самарской губернии // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы российско-германской научной конференции. М., 1995.
5. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. Москва, 1991.
6. Дубинин С.И., Курсков Н.А. Немецкие поселения на северо-западе Самарской губернии в XIX — начале XX веков // Самарский краевед. Вып. 4. Самара, 1995.

7. Fast M. Alexandertal // *Mennonitisches Lexikon* / Hrsg. von Ch.Hege und Ch.Neff. Frankfurt a. M., 1913. Bd. 1.
8. Bernhard Harder // *Mennonitisches Jahrbuch*, Jg.69. Winnipeg, 1954.
9. Harder B. Die deutschen Siedlungen im Gebiet Kujbyschew (Samara) // *Heimatbuch der Ostumsiedler*. Stuttgart, 1955. S. 38—41; Harder B. Alexandertal // *The Mennonite Encyclopedia*. Pennsylvania, 1955. V. 1. P. 45—48.
10. Ипатов А.Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.
11. Bondarewa L. Sprachliche Ausdrucksmittel in Memoirentexten // *Das Wort*. Germanistisches Jahrbuch. Moskau-Bonn, 1995.
12. Тейтель А.Я. // *Историко-культурная энциклопедия Самарского края*. Самара, 1995. Т. IV.
13. Красноперов И.М. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // *Сборник статистических сведений по Самарской губернии*. Самара, 1883. Вып. 1.
14. Исключение составляют лишь статистические справочники и партийные брошюры по национальному строительству: *Средняя Волга. Социально-экономический справочник* / Ред. С.Н.Крылов. Самара, 1934. С. 246, 277, 335; И.И.Илларионов. *Национальные меньшинства Средней Волги*. Самара, 1931. С. 9; *Список населенных пунктов Средне-Волжского края*. Самара, 1931.
15. Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923.
16. *Список населенных мест Самарской губернии (по сведениям 1859 г.)*. СПб., 1864.
17. Дмитриев С.С. Воспоминания, дневники, частная переписка // *Источниковедение истории СССР*. М., 1978.

ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ПРАВЛЕНИЙ КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1870-1918 ГГ.)

Н.Э.Вашкау

Фонды волостных и сельских правлений, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, являются богатым источником для исследований, наряду с государственными актами, материалами министерства народного просвещения, фондами дирекции училищ, отдельных школ и другими документами, отражающими состояние и проблемы народного образования в колониях Поволжья. В целом материалы охватывают период с 1843 по 1918 гг. Территориально представлены 5 волостных и 21 сельское правление. Фонды содержат различные виды документов, отражающие экономические, социально-политические и культурные стороны жизни колонистов.

Вопросам образования посвящены следующие из них:

- циркуляры волостным правлениям из министерства государственных имуществ, министерства народного образования, канцелярии губернатора;
- предписания из Казанского учебного округа, направляемые в начальные училища;
- переписка между волостными и сельскими правлениями по предоставлению сведений о видах помощи народному образованию;
- переписка инспекторов народных училищ с земскими начальниками и волостными правлениями, акты инспекций церковно-приходских и земских школ;
- фамилии и характеристика попечителей школ, формулярные списки учителей;

— своды мирских сборов и расходов на содержание общественно-го управления, жалование священнослужителям, учителям, на приобретение учебных пособий и другие расходы, связанные со школой;

— годовые отчеты сельских управлений о численности и движении населения колоний, численности фабрик и заводов, о числе ремесленников, характеристика вероисповеданий, количество учебных заведений, учителей и учащихся;

Тщательное изучение этих документов позволяет дать характеристику внутренней жизни колоний, отношения колонистов к школе, взаимоотношений школы и церкви, а также роли земства в расширении*1 сети образования. В развитии начального образования в немецких колониях Поволжья во второй половине XIX в. участвовали министерство народного образования, духовное ведомство, земства, городские и сельские общества.

В фондах всех сельских правлений представлены окладные листы на содержание духовенства, учителей, отдельной строкой выделены расходы на Екатериненштадтское центральное училище, а с 1866 г. и на Лесно-Карамышское, а также на обучение мальчиков римско-католической семинарии [1]. В Саратовскую контору иностранных поселенцев волостные правления отправляли сведения о числе работников соответствующего вероисповедания и общей сумме расходов на содержание духовенства. Интересны приговоры сельских сходов о найме кистеров-шульмейстеров обществами. Так, поселянину-собственнику из Ягодной Поляны, пожелавшему вступить в должность шульмейстера, общество Олешни положило ежегодное жалование: 50 руб. серебром, 300 пудов пшеницы и ржи, 100 пудов сена, 6 тыс. кизяков, 6 немецких фур леса на дрова, по 5 коп. с ученика и за каждую потребу, огород под капусту и картофель и бесплатную квартиру [2]. В каждом конкретном случае оговаривались разные условия, в зависимости от экономического состояния колонии и пожеланий учителя.

Экономическое состояние колоний было неустойчивым, частые неурожаи ставили крестьян в трудное положение в отношении оплаты учителей. За сельскими обществами скапливались значительные недоимки, и земская управа часто напоминала о необходимости погасить их, в противном случае предлагала закрыть училище. Причем, недоимки тянулись за отдельными колониями годами вплоть до 1901-1906 гг. В делах сохранились типографские бланки, озаглавленные «Список сельских обществ Аткарского уезда, за которыми числятся недоимки на содержание учителей» [3].

Интересные материалы характеризуют разностороннюю деятельность земства. Учреждение земств позволило обратить внимание на неудовлетворительное состояние школьного дела в немецких колониях. Порядок участия земств в развитии народного образования был определен Положением о земских учреждениях, а также Положением о народных училищах от 25.5.1874 г. Так, земству предоставлялось право учреждать школы, устанавливая размер средств на их содержание, рекомендовать учителей, избирать попечителей и др. При земских управах создавались комиссии по народному образованию, в которых участвовали лучшие выборные и служилые земцы, разрабатывались планы развития народной школы и внешкольного образования.

Камышинское уездное земство было первым, кто обратил внимание на состояние церковно-приходских школ в уезде. На заседании уездного земского собрания второго созыва 28 сентября 1866 г. обсуждался вопрос о способах материального поддержания народных училищ. Было решено выделить пособие уже существующим училищам в размере 1500 руб. в год. Годовое содержание школ Камышинского уезда в 1866 г. обходилось для государственных крестьян до 636 руб., у собственников и временнообязанных — до 1070 руб., у иностранных поселенцев — до 20 236 руб. на школу [4]. В 1885-1886 гг. только со стороны земства Камышинского уезда было выделено 38 русским школам 6180 руб. и 29 немецким — 4185 руб.

Главную роль в школе играл шультмейстер. В 1881 г. из 57 начальных училищ Камышинского уезда только в 11 было по два преподавателя (законоучитель и учитель), которые имели право принимать экзамены у детей, как того требовало Положение 1874 г. [5] Архивные документы позволяют определить по каждой колонии количество учащихся за все время существования школы. Так, в отчетах сельского правления Крестово-Буеракского общества обучалось в разные годы от 400 до 800 детей при двух учителях [6]. При таком положении дети не могли даже минимально усвоить программу. В противоположность церковно-приходским земские школы посещало гораздо меньше детей. В 1869 г. Камышинское земство разработало план введения всеобщего начального обучения детей. И в 1871 г. открылась первая земская школа в Верхней Добринке. Число детей не превышало 30-40, причем девочек среди них было гораздо меньше. В церковно-приходских школах девочек и мальчиков насчитывалось примерно равное количество [7]. Преподавание в земских школах было поставлено более основательно, вводились новые предметы. Отличались они и более высоким профессиональным уровнем учителей.

Земское собрание предлагало обществам обращаться к нему за помощью при покупке книг и оплате учителей. После передачи немецких церковно-приходских школ узаконениями от 22 ноября 1890 г. и 10 декабря 1892 г. в ведение министерства народного просвещения, в них была введена должность учителя русского языка, так как шультейстеры и пасторы не могли обучить детей русскому языку, настоятельная потребность в котором уже осознавалась обществом и поддерживалась правительством. Право надзора за религиозным образованием учащихся осталось за духовенством. Оплата учителей русского языка осуществлялась из средств земства, и волостные правления регулярно собирали сведения о том, как расходуются отпускаемые обществами средства. Сначала оговаривалось, что общества должны нести основную нагрузку по оплате учителей русского языка, составлявшую 330-350 руб. Но, опасаясь, что общества не согласятся с такими затратами, Камышинское земство в 1897 г. платило по 300 руб. каждому учителю из своих средств, а Аткарское земство учредило должность помощника учителя в школах, где на одного учителя приходилось более 80 учеников, и также оплачивало его содержание из средств земства [8]. Учителя, по положению министерства народного образования от 24 сентября 1891 г., должны были избираться инспекторами, а затем утверждаться директором народных училищ. Но сельские общества продолжали считать себя полномочными самим назначать учителя и плату. Это породило много недоразумений и писем-запросов в волостные правления и попечителю Казанского учебного округа [9].

Земства выделяли деньги на стипендии для детек-сирот — на устройство бесплатных библиотек, покупку литературы на русском языке. Пытаясь обеспечить русскими учебниками немецкие школы, как церковно-приходские, так и земские, саратовский губернатор распорядился 30 октября 1889 г. волостным правлениям собрать с учителей списки необходимых только на русском языке книг и представить ему, а Новоузенское земство, стремясь заинтересовать немцев изучением русского языка, учредило в 1901 г. две должности книгонош для продажи в уезде дешевых книг [10].

О том, с каким трудом внедрялся русский язык в немецкие школы, говорят отложившиеся в фондах волостных правлений предписания попечителя Казанского учебного округа, отчеты инспекторов, результаты экзаменов, которые не могли удовлетворить администрацию. Так, попечитель Казанского округа писал в распоряжении инспектору: «Все учащиеся, начав заниматься русским языком, должны заниматься до конца курса, если желают оставаться в числе уче-

ников. Штрафные деньги должны собираться на основании ст. 440 Устава духовных дел иностранных... Деньги расходуйте на покупку учебников» [11].

Инспектор народных училищ Новоузенского уезда направил 20 марта 1901 г. в сельские правления предписания о необходимости выделить жалование вторым учителям русского языка, если в школах учителя приходится более 200 учеников, поскольку один учитель был не в состоянии обучать всем предметам огромное количество учащихся. Инспектор предупреждал: «Кто желает, чтобы его дети проходили по Закону Божьему и немецкому языку дальше, должен озаботиться, чтобы они усердно изучали русский язык, письмо и арифметику. Кто желает готовить своих детей только для конфирмации, не желая их учить как следует русскому языку и подчиняться школьным требованиям, может готовить их... дома отдельно от школы» [12].

О результатах экзаменов свидетельствовали отчеты инспекторов, классные журналы. Оценку состояния школьного дела давали и сами крестьяне. Так, в приговоре Олешинского сельского схода 12 февраля 1903 г. отмечалось, что в школе 410 учащихся, один учитель русского языка и учитель Закона Божьего. Результаты учения плачевны, если учащиеся, выходя из училища, выносят знания не больше того, что знают наизусть несколько стихов религиозного содержания и умеют читать на немецком языке только по Библии... Что же касается русского языка, то достижения еще меньше [13], Указывая на причины низкой успеваемости, инспектор выделяет плохую организацию всего школьного процесса, переполненность классов (400-500 детей — обычное явление для церковно-приходских училищ, в то время как в земских — 20-30 детей), отсутствие необходимых школьных помещений, слабую подготовку учительского состава, незнание учащимися литературного немецкого языка (большинство из них говорило на различных диалектах, значительно отличавшихся от нормативного языка), отвлечение детей на сельскохозяйственные работы. В архиве отложились многочисленные предписания инспекторов начинать учебный год с 10 сентября и заканчивать 10 мая, но реальная картина была иной.

Так, представляют интерес сведения о действительной продолжительности учебного года в Саратовской губернии (данные на 1894/95 уч.г.).

Камышинский уезд (немецкие школы) — 190 дней	
Петровский.....	163
Саратовский.....	147
Аткарский.....	145

Камышинский (русские школы).....	132
Сердобский.....	137
Кузнецкий.....	134
Хвалынский.....	130
Балашовский.....	130
Царицинский.....	122
В среднем.....	144 дня.

Слабое знание русского языка немецкими учащимися приводило к тому, что они не могли продолжать образование. Казанский учебный округ по ходатайству Камышинского педагогического совета разрешил принимать в Камышинское реальное училище детей немцев до 14 лет в первое отделение училища «...ввиду слабых познаний в русском языке, что крайне затрудняет им доступ в училище» [14].

После публикации Указа 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий в колониях стали возникать протесты против преподавания русского языка. Так, в селе Каменка 14 декабря 1905 г. на сельском сходе из окладных сборов было исключено жалование учителям русского языка, «ввиду того, что мы не желаем учителя русского языка»; то же, отмечалось и в селе Гнилушка [15].

Тенденция освобождаться от учителей русского языка была вскоре пресечена губернатором П.А.Столыпиным. 28 января 1906 г. за его подписью земским начальникам Саратовской губернии было разослано предписание — «Стремление местного населения изгнать учителей русского языка, уменьшая жалование, отказывая в оплате квартир, является незаконным и Вами должна быть восстановлена прежняя мирская раскладка» [16]. Волостной старшина колонии Каменка Байер за поддержку таких требований был уволен и подвергнут аресту. В других селах отношение к русским учителям было более снисходительным, как отмечал инспектор, но колонисты хотели, чтобы учитель занимался в равной степени и немецким языком. Администрация не согласилась с этим, так как казенные средства шли целенаправленно на оплату учителей русского языка. В последующие годы министерство неоднократно напоминало, что случаев необучения детей русскому языку не должно быть [17].

В 1903 г. в Камышинском уезде было 213 начальных училищ, из них 55 церковно-приходских и 52 земских. В целом по уровню грамотности он опережал другие уезды с немецким и русским населением. Так, в 1891 г. грамотность у немцев, составлявших 42,3% всего населения Камышинского уезда, была 71,5%, у русских — 10,8%, у малороссов — 9,2% [18]. Уездное земство понимало, что подъем эконо-

мического и культурного уровня населения зависит от расширения сети образования. Оно взяло под свою опеку не только церковно-приходские училища, открывало земские, но поддерживало и товарищеские немецкие школы. Они открывались на средства нескольких семей и получили распространение после 1871 г. В 1908 г. на каждую такую школу земство выделило по 100 руб. [19]

В 1909 г. Камышинская земская управа решила открыть 20 двухклассных земско-общественных училищ. Оплату учителей (по 300 руб. В год) и обеспечение учебниками (по 50 руб. на школу) брало на себя земство, сельское общество обязывалось предоставить помещение, производить ремонт, отопление, выделить жалование законоучителю. К учителям таких училищ предъявлялись высокие требования: «... они должны иметь специальное педагогическое образование, общеобразовательное среднее или иметь право учителя по экзамену» [20]. В фондах архива сохранилась переписка с министерством просвещения о предоставлении пособий и ссуд на строительство таких училищ.

Камышинское земство, стремясь к введению всеобщего начального образования, активно пропагандировало закон министерства от 22 июня 1909 г. о пособиях на строительство школ. Пособие выдавалось в размере половины стоимости комплекта школы, вторую часть должны были изыскивать общества [21]. Сравнительный анализ доходов колоний за разные годы показывает их возможности по организации 1-4-х комплектных школ в зависимости от количества детей школьного возраста.

Резко изменилось отношение к школе в немецких колониях с началом войны. Прежде всего земства отказались финансировать школы, где не было учителя русского языка, затем последовали административные меры. Так, инспектор училищ указал старосте колонии Ней-Денгоф: «Если шульмейстер без учителя русского языка будет заниматься в школе, то подвергнется законному преследованию за «тайну обучения в школе» [22]. Саратовский губернатор 3 сентября 1914 г. направил земским начальникам красноречивое напоминание о том, что «русский язык является государственным... Но в подведомственные учреждения поступают прошения и приговоры на иностранных языках. Стыдно тем, кто столетиями живут в России и умеют читать, писать на инородческом языке, не умеют на русском. Все прошения на инородческих языках надлежит оставлять без движения, о чем всем объявить» [23].

На заседании Саратовской губернской земской управы в июне 1916 г. было отмечено, что содержатся школы в большей степени за счет местных обществ, в организационном отношении стоят значительно ниже земских, и в то же время был сделан вывод, что начальное образование

среди немецкого населения поставлено настолько удовлетворительно, что особых забот земства по улучшению этого дела не требуется» [24], Трудно было ожидать другого отношения к проблемам населения немецких колоний в условиях развернувшейся травли немцев.

Ряд приведенных материалов показывает богатые возможности регионального архива по использованию массовых, ранее не опубликованных документов в реконструкции процесса развития немецкой школы в ее разных формах, реакцию населения на проводимые административные меры, место школы в духовной жизни колонистов.

Примечания

1. Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 219. Л. 1-18.
2. Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-2.
3. Там же. Ф. 253. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.
4. Положение народного образования в Саратовской губернии за время существования в ней земских учреждений. Вып. XI. Саратов, 1894. С. 7.
5. ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 40. Л. 14; Д. 99. Л. 5-6.
6. Там же. Ф. 253. Оп. 1. Д. 446. Л. 4-6.
7. Там же. Д. 247. Л. 3-4; Д. 1399. Л. 6.
8. Там же. Ф. 253. Оп. 1. Д. 1531. Л. 3; Ф. 215. Оп. 1. Д. 123. Л. 2-4.
9. Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 26; Ф. 212. Оп. 1. Д. 90. Л. 37.
10. Там же. Оп. 1. Д. 86. Л. 25; Ф. 210. Оп. 1. Д. 22. Л. 4. В 1899 г. Саратовское губернское земство выделило на 10 лет беспроцентную ссуду в 5 тыс.руб. на приобретение книг и 5 тыс.руб. на строительство школьных зданий (ГАВО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.)
11. Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
12. Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 42. Л. 36.
13. Там же. Д. 232. Л. 4-7.
14. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2238. Л. 2-3.
15. Там же. Д. 3100. Л. 14, 18, 21, 24.
16. Там же. Л. 26.
17. ГАВО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 270. Л. 20.
18. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том XL Камышинский уезд. 1891. С. 84-103.
19. ГАВО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 123. Л. 6.
20. Там же. Л. 8.; Ф. 212. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.
21. Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 100. Л. 3.
22. Там же. Л. 50. Камышинское земское собрание в 1914 г. постановило не выдавать пособия русско-немецким училищам, начиная с 1915 г., без объяснения причин (ГАВО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 169. Л. 40.).
23. Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 294. Л. 67.
24. Труды II совещания деятелей по народному образованию, состоявшегося в Саратовском губернском земском управлении 14-16 июня 1916 г. Саратов, 1916. С. 146.

ДОКУМЕНТЫ САРАТОВСКОГО ГУБИСПОЛКОМА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГУБЕРНСКИХ ВЛАСТЕЙ СТАНОВЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

З.Е.Гусакова

Проблема становления немецкой автономии на Волге является достаточно изученной. Она освещена в книге А.А.Германа «Немецкая автономия на Волге» (Саратов, издательство СГУ, 1992) и в его докторской диссертации «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 гг.)».

Вместе с тем, хочется обратить внимание историков на то, что в Госархиве Саратовской области хранится фонд исполкома Саратовского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, содержащий значительное количество документов, освещающих разнообразные аспекты жизни немецкой автономии на Волге. Фонд относится к категории особо ценных. Однако исследователями, изучающими историю немцев Поволжья, он не использовался.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют материалы, отражающие процесс становления немецкой автономии. Они позволяют, во-первых, взглянуть на выделение немецких колоний как бы через призму отношения к этому событию Саратовского губисполкома, а во-вторых, осветить некоторые подробности, которые в публикациях еще не освещены.

Состав документов не отличается большим разнообразием. В основном это протоколы заседаний губисполкома, т.е. документы высокой степени достоверности. Есть также выписки из протоколов, доклады, тезисы докладов, переписка и телеграммы. Почти все они подлинны. Незначительное количество копий имеет все необходимые

реквизиты оформления, что также позволяет рассматривать их как вполне серьезные источники.

Остановимся на некоторых, наиболее интересных документах.

В протоколе заседания губисполкома от 5 июля 1918 г. зафиксирована информация о только что прошедшем I съезде Советов немецких колоний, с которой выступили представители комиссариата по немецким делам Рейтер и Шнейдер, и ход обсуждения этой информации. Докладчики настаивали на необходимости создания самостоятельных немецких волостных и уездных советов с небольшими отрядами милиции при них. При этом Саратовскому Совету предлагалось послать в немецкие советы своих представителей. Эту информацию губисполком принял без возражений. Согласился от также с решением съезда об упразднении Исполнительного бюро немецких колоний и передаче его полномочий Комиссариату по немецким делам [1].

Рассматриваемый протокол, пожалуй, единственный документ, запечатлевший лояльное восприятие губисполкомом наметившегося в немецких колониях стремления к самостоятельности.

Вот, например, текст постановления заседания губисполкома от 13 января 1919 г.: «Поручить избранной на заседании губисполкома комиссии от 30 декабря п/года мотивированный доклад, который по рассмотрению его на заседании губисполкома препроводить в Центр, до выяснения этого вопроса в Центре своего представителя в Ликвидационную комиссию по выделению областной Коммуны немцев Поволжья не посылать» [2].

Позиция Саратовского губисполкома не была поддержана в Москве.

Свидетельство тому телеграмма, направленная 21 января 1919 г. Саратовскому губисполкому Наркомом внутренних дел Петровским: «Нарком национальностей сообщает, что Саратовский губисполком вопреки 2 пункта Декрета Совнаркома 29 октября [о] немецких колониях Поволжья отказывается дать представителей [в] Ликвидационную комиссию, предполагая ходатайствовать об изменении самого Декрета. Ввиду сего наркомвнутридел разъясняет Саратовскому губисполкому, что все декреты Совнаркома, ВЦИК [и] центральных учреждений должны исполняться беспрекословно. Ваш[e] право возражать и вносить к декретам поправки, но до изменения их центральной властью таковые обязательны для всех советских учреждений республики. На основании постановления Совета обороны 8 декабр[я] минувшего года предупреждаем, что всякая волокита [в] урегулирований отношений [с] Немецкой Трудовой коммуной и неисполнение декретов центральной власти повлечет за собой не только закрытие креди-

тов, но губисполком согласно пятого пункта указанного постановления Совета Оборона будет привлечен [к] ответственности» [3].

А еще через неделю, 28 января, срочную телеграмму в Саратов направил председатель ВЦИК Свердлов: «Предлагаю в отношении Немецкой Трудовой коммуны безусловно руководствоваться Декретом Совнаркома 19 декабря.» [4].

Ответные действия губисполкома на давление из Москвы зафиксированы в протоколе от 31 января 1919 г. На этом заседании был заслушан доклад Дашковского от имени комиссии, созданной губисполкомом 30 декабря 1918 г. Губисполком постановил:

а) Принимая во внимание категорическое предписание Центра по вопросу о выделении Немецкой Трудовой коммуны немцев Поволжья, поручить президиуму выделить представителей в комиссию по выделению Коммуны немцев Поволжья.

б) Поручить президиуму составить доклад в Центр, положив в основу тезисы доклада тов. Дашковского на предмет изменения декрета от 8 декабря 1918 г.» [5].

Тезисы этого доклада сохранились. Суть их сводится к следующему [6].

1. Выделение немецких колоний в отдельную область «создает нежелательный прецедент, на основании которого могут возникнуть сепаратистские стремления среди других национальностей, например, мусульман, мордвы... Немецкие колонисты будут поставлены в привилегированное по сравнению с другими народностями положение.

2. Выделение колоний в особую территориальную единицу провести затруднительно вследствие перемешанности русских и немецких поселений.

3. В экономическом отношении выделение колоний приведет к нарушению устоявшихся связей между производителями и потребителями сырья, так как в силу местнических интересов с обеих сторон будут попытки реализовать сырье на своей территории.

4. «Обособление колоний расстраивает планы продовольственных заготовок и вносит дезорганизацию в дело снабжения».

5. «В военном отношении Советские органы немецких колоний оказались слишком слабы для того, чтоб поставить военную организацию на надлежащую высоту, вследствие чего при подавлении кулацких восстаний им неизменно приходилось прибегать к помощи общегубернских органов».

6. Выделение колоний усилит уже имеющиеся разногласия и недовольства между губернскими финансовыми органами и финансовым

отделом Немисполкома, так как Немисполком только за собой признает право обложения налогами немецкой буржуазии, даже живущей за пределами Трудкоммуны.

Любому непредубежденному человеку очевидно, что все выдвинутые губисполкомом будто бы неразрешимые проблемы при желании и обоюдном согласии могли быть разрешены. Конечно, какие-то организационные трудности были неизбежны. Но не столь велики были эти трудности, сколь велико было нежелание губисполкома уступить кому-либо часть своей территории и власти. Это нежелание усугублялось тем, что становление немецкой автономии протекало одновременно с начавшимся в Саратовском и Самарском Поволжье процессом перекройки территорий. Саратовский губисполком, сформировавший сперва Восточную, а потом Особую армии СИ. Загуменного и внесший большой вклад в освобождение Заволжья от белоказачьих отрядов, считал себя вправе претендовать на освобожденные территории, вплоть до создания Саратовской Поволжской республики.

Однако это стремление натолкнулось на такие же амбиции соседних губернских Советов, в частности, Царицынского, который добивался создания самостоятельной Царицынской губернии за счет отторжения от Саратовской губернии Царицынского и части Камышинского уездов. И в это же время в Заволжье, присоединения которого Саратовский губисполком еще только добивался, началось формирование Немецкой Трудовой коммуны.

Интересно отметить, что, обосновывая перед центром необходимость присоединения к Саратовской губернии Новоузенского и Николаевского (Пугачевского) уездов, губисполком приводит, в общем-то, те же доводы против создания Немецкой коммуны, что и в докладе Дашковского, о котором говорилось выше. В частности следующее:

- устоявшиеся экономические связи: Саратов — давнишний потребитель заволжской сельхозпродукции;
- поскольку Саратов расположен ближе, чем Самара, то отсюда удобнее организовывать в этих уездах продзаготовки и снабжение;
- саратовские отряды милиции и ЧК активно участвовали и участвуют в подавлении контрреволюционных и кулацких выступлений;
- устоявшиеся культурные связи; выходцам из этих уездов удобнее обучаться в учебных заведениях Саратова [7].

На каждый из этих аргументов легко можно найти контраргумент. А в целом и здесь и в цитировавшемся ранее докладе сквозит главное — стремление расширить и закрепить масштабы своей власти.

Но несмотря на сопротивление Саратовского губисполкома работа по выделению немецких колоний [8] началась. Сохранились протоколы заседаний смешанной комиссии по оформлению выделения колоний и подчиненных ей уездных ликвидационных комиссий, на которых рассматривались и улаживались возникавшие между русскими и выделявшимися немецкими селениями трения из-за раздела земельных угодий, раздела имущества бывших волостных учреждений и т.п. [9].

Однако противостояние Саратовского губисполкома созданию немецкой автономии на этом не завершилось. В фонде хранится доклад губернской административной комиссии «К вопросу об экономическом значении учреждения коммуны области немцев Поволжья» [10]. Он не датирован. Но поскольку в докладе упоминается обращение около 40 немецких колоний о перечислении их из Немкоммуны обратно в Новоузенский уезд, а этот вопрос слушался губернской административной комиссией на заседании 21 июля 1920 г. [11], то можно предположить, что доклад составлен не ранее осени 1920 г., т.е. на втором году существования Трудовой коммуны.

Суть доклада сводится к следующему.

- Коммуна немцев Поволжья создана вопреки отрицательным отзывам саратовских губернских учреждений продовольственного комитета, кооперативного отдела совнархоза, финансового и земельного отделов губисполкома о целесообразности ее создания.
 - Коммуна в географическом отношении представляет собой лоскутное образование, выхватывающее куски Камышинского, Аткарского, Новоузенского и Пугачевского уездов. Эта чересполосица ведет к спорам о границах землепользования и тормозит землеустроительные работы.
 - Коммуна внесла путаницу в существовавшую систему административного управления смежных с нею губерний. Из-за передачи в Немкоммуну ряда волостей Камышинского, Новоузенского, Пугачевского и Аткарского уездов необходимо пересмотреть границы этих уездов, но административная комиссия затрудняется это сделать из-за «вкраплений» территорий Немкоммуны.
 - Коммуна затрудняет почтовую и телефонную связь с Камышинским уездом, так как эта связь идет через новый административный центр коммуны Голый Карамыш, загруженный своей почтой, поэтому срочные телеграммы и телефонограммы не доходят вовремя.
- " Создание в Немкоммуне нового административного центра в Голем Карамыше для части волостей, взятых из Камышинского уез-

да, не отвечает сложившемуся экономическому укладу этого района и затрудняет жизнь здесь и немецкому и русскому населению.

- Население Немкоммуны не получило никаких выгод, а только лишнее бремя новых налогов на содержание новых уездных и губернских учреждений. Привыкшее обращаться в старые административные центры, оно не понимает, почему теперь для решения своих проблем должно обращаться в другие центры. Поэтому уже около 40 колоний заявили о своем желании вернуться в Новоузенский уезд.

Немкоммуна в том виде, как она сформировалась в 1919 г., действительно не представляла собой единого экономического пространства, и трудности, изложенные в докладе, действительно имелись. Но если губисполком выход из затруднений видел только в ликвидации коммуны, то коммуна, напротив, в качестве выхода предложила округлить свои границы за счет присоединения части русских селений Дергачевского, Камышинского и Покровского уездов.

С этим предложением Немкоммуна обратилась в Москву 1 февраля 1922 г. [13]. Как и прежде, губисполком, вопреки заданию центра, всячески оттягивал обсуждение этого предложения. И только под нажимом ВЦИК обсуждение состоялось 14 июня 1922 г. на 2-й сессии губсовета.

Протокол этой сессии представляет собой любопытный документ, в котором отражены различные точки зрения членов Саратовского Совета на Немкоммуны и ее будущее [14]. Многие из них считали это новообразование бесперспективным. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют развернуть весь ход обсуждения. Поэтому отметим лишь суть большинства выступлений: чаще всего высказывалось сожаление о том, что «Центр настаивает на сохранении Немкоммуны, как таковой, по соображениям высшей политики», хотя «наиболее правильным являлось бы, конечно, упразднение Немкоммуны» [15].

В итоге возобладало мнение, высказанное председателем Дергачевского уездного исполкома: «...Необходимо попытаться пробить стену, выдвинутую в этом вопросе Центром, тем более, что стена, может быть, не так уже крепка. Нужно отбросить боязнь, что мы ничего не добьемся. В Центре есть лишь один проект — Немкоммуны, мы можем противопоставить ему свой» [16].

Сессия приняла следующую резолюцию.

«1. Дальнейшее существование в пределах Саратовской губернии Коммуны немцев Области Поволжья в существующих границах ... представляет собой тормоз для правильного развития экономическо-

го благосостояния народа не только самой области немцев Поволжья, но и чрезполосной с нею русской части населения губернии.

2. Исправление границ Коммуны немцев ... путем присоединения к Области 39-ти чрезполосных и смежных с нею русских волостей ... не может быть признано удовлетворительным разрешением вопроса, так как этим проектом не устраняются, а наоборот усиливаются все дефекты существующего положения, как, например, разъединение на части одних и тех же хозяйственных районов, искусственное ослабление экономического значения центральных пунктов местного района...

3. Ввиду чрезвычайной разбросанности немецких колоний, расположенных в центре Саратовской губернии и разделяющих ее на две неравные половины, провести какое бы то ни было территориальное обособление Коммуны немцев, отвечающее хотя бы основным требованиям экономически рационального районирования губернии и, таким образом, создающее необходимую обстановку для успешного развития народного благосостояния края, не представляется возможным.

4. А поэтому сессия губисполкома категорически отвергает предложения об округлении границ Коммуны немцев Области Поволжья, как фактор, единственным принципом существования, а также и создания которого являются признаки национальности» [17].

По требованию председателя Покровского уездного исполкома Се-реженко в протоколе сессии было зафиксировано особое мнение. Суть его в том, что накануне, 12 июня 1922 г., пленум Покровского уисполкома обсуждал вопрос об округлении территории Немкоммуны. На пленуме были определены причины тяготения Покровского уезда к Немкоммуне:

- общность основного занятия населения — сельское хозяйство и скотоводство;
- общность форм ведения сельского хозяйства;
- неразрывная территориальная связь, так как уезд «вкраплен» в Немкоммуну;
- слабая экономическая связь Заволжья с Саратовом, объясняющаяся разницей в характере производства;
- острая нуждаемость в развитии системы культурных учреждений как в Немкоммуне, так и в Покровском уезде, «каковой нуждаемости Саратов не чувствовал, удовлетворяя потребность своими, имеющимися у него, культурными учреждениями». [18]

Перспективу присоединения к Немкоммуне член президиума Покровского уисполкома Овсянников расценил так: «С экономической

точки зрения мы, конечно, много выигрываем хотя бы тем, что мы будем иметь все для себя, для своей области, а не для горной стороны Саратовской губернии, так как Саратов нам был всегда мачехой» [19].

Поэтому пленум выразил принципиальное согласие на присоединение к Немкоммуне.

Итак, мнения Саратовского губисполкома и Покровского уисполкома по поводу округления границ Немкоммуны разошлись. Губисполком направил в Москву своего представителя Головчанского для защиты резолюции сессии, однако его поездка оказалась безрезультатной. Президиум ВЦИК принял 22 июня 1922 г. Постановление об округлении границ Немкоммуны, основываясь на предложениях коммуны, а не губисполкома. Губисполкому ничего не оставалось, как подчиниться этому Постановлению ВЦИК и передать Немкоммуне соответствующие территории [20].

Таким образом, при постоянном противодействии Саратовского губисполкома, благодаря поддержке центральной власти была создана и определена территориально немецкая автономия на Волге.

Примечания

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1а Л. 20-23.
2. Там же. Д. 306. Л. 1.
3. Там же. Л. 12-13.
4. Там же. Л. 14.
5. Там же. Оп. 1. Д. 286. Л. 7-8.
6. Там же. Оп. 1. Д. 306. Л. 16-17.
7. Там же. Оп. 1. Д. 128. Л. 19-19 об.
8. Там же. Л. 23-24 об.
9. Там же. Л. 43.
10. Там же. Оп. 1. Д. 400. Л. 1-4 об.
11. Там же. Оп. 1. Д. 505. Л. 26.
12. Там же. Оп. 1. Д. 400. Л. 4 об.
13. Там же. Оп. 1. Д. 480. Л. 81.
14. Там же. Д. 761. Л. 65 об. - 68 об.
15. Там же. Л. 66.
16. Там же. Л. 67 об.
17. Там же. Л. 68.
18. Там же. Оп. 1. Д. 480. Л. 81 об.
19. Там же. Л. 82.
20. Там же. Оп. 1. Д. 768. Л. 59, 64, 93 об.

СИСТЕМА СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМРЕСПУБЛИКЕ ПО ДОКУМЕНТАМ НАРКОМПРОСА АССР НП

Е. М. Ерина

Сведения о системе среднего специального образования в республике немцев Поволжья довольно противоречивы и скудны, и в целом она крайне слабо изучена.

Объясняется это прежде всего тем, что после 1941 г. архивы находились в ведении органов внутренних дел, а все архивные документы, характеризующие жизнь немцев Поволжья — начиная от их расселения здесь при Екатерине II и вплоть до 1941 г., — были закрыты для изучения после ликвидации АССР НП. Таким образом, фактически отсутствовала источниковая база для любых исследований по «немецкой» проблематике.

В настоящее время изучение поставленной темы наталкивается на серьезные трудности, связанные с отсутствием по различным причинам архивных фондов техникумов сельскохозяйственного и промышленного направления, а также Зельманского педагогического техникума. А фонды педагогических училищ и медицинских техникумов крайне малочисленны по объему документов и охватывают такой короткий период (в основном, 1937-40 гг.), что даже при самом скрупулезном изучении не могут дать цельного представления о деятельности этих учебных заведений и их роли в системе среднего специального образования Немреспублики.

Значительно больше материалов сохранилось в архивах Энгельсского техникума советской торговли (бывший кооперативный) — за период с 1930 по 1941 гг., и Энгельсского музыкального техникума — за 1933-1941 гг., но и они далеко не полные.

Отдельные постановления и решения об образовании и реорганизации средних специальных учебных заведений, о создании при них подсобных хозяйств, о строительстве учебных корпусов и общежитий хранятся в фондах Советов народных комиссаров АССР НП, в Наркомате земледелия и торговли, Рабоче-крестьянской инспекции, но этих отрывочных данных также недостаточно для проведения полноценного исследования темы.

Наиболее значимый по информативности в этом плане — фонд Народного Комиссариата просвещения АССР НП.

Самым интересным и наиболее полным источником в фонде являются годовые отчеты средних специальных учебных заведений. Формы их, разработанные Главпрофобром Наркомпроса страны и предназначенные для школ рабочих подростков и профшкол в начале 20-х гг., были затем использованы при открытии новых учебных заведений. В отчетах — дата создания каждого учебного заведения, краткие сведения по истории возникновения, база, на которой они были созданы, в каких зданиях открывались. В этом плане документы особенно интересны, поскольку дают представление и о дореволюционной школе. Так в отчете Зельманского (Ровненского) техникума, созданного в 1922 г. на базе школы II ступени, есть сведения о бывшей учительской семинарии, в здании которой он начал работать; при перебазировании техникума в 1923 г. в г. Маркштадт он занял помещение Русского центрального училища [1].

Годовые отчеты содержат сведения о продолжительности обучения в техникумах в разные годы, общем количестве учащихся, о сроках, в которые производился прием студентов (слушателей, курсантов), об обязательной общеобразовательной подготовке абитуриентов при поступлении в техникумы и количестве подавших заявления и поступивших на учебу в разные годы [2]. Списки учащихся о переводе с курса на курс имеются также в протоколах заседаний педколлективов. Эти материалы позволяют установить, когда произошел перелом от поиска абитуриентов до начала конкурсного поступления, как изменялись сроки начала и окончания учебного года, каникулярного времени и чем это было вызвано. Обращают на себя внимание материалы о создании при Наркомпросе приемных, а при техникумах — приемочных комиссий, их целях и задачах, а также о роли школьных Советов в проведении набора, о классовом подходе к приему учащихся в техникумы. Например, при составлении плана развития 2-го педтехникума в с. Ровное в 1927/28 учебном году предусматривался прием курсантов из беднейших классов населения [3]. Эти же документы позволяют обо-

снова или опровергнуть необходимость создания и работы подготовительных отделений в техникумах для обеспечения полноценного приема, объяснить открытие второго подготовительного отделения и 2-го комплекта при Маркштадтском немпедтехникуме, изучить причины неподготовленности учащихся школ к приему в средние специальные учебные заведения [4].

Годовые и триместровые отчеты содержат данные об успеваемости учащихся, количестве выбывших студентов, причинах отсева. Обращает внимание тот факт, что одной из главных причин отсева было незнание учащимися русского и немецкого литературных языков. Здесь же оценочный показатель успеваемости («хорошо», «удовлетворительно», «плохо»), сведения о распределении учащихся по группам, курсам, списки выпускников, сведения о социальном и национальном составе студентов. Последний момент немаловажен, потому что дает возможность установить, стали ли средние специальные учебные заведения республики национальными немецкими, как они изначально создавались: Маркштадтский немецкий педтехникум (1922 г.), Зельманский немецкий педтехникум (1927 г.), Краснокутский немецкий агротехникум (1924 г.), Бальцерский текстильный (немецкий) техникум (1924 г.) и т.д. [5]. Отчеты, протоколы различного рода совещаний, проводимых Наркомпросом, позволяют выявить причины, по которым при техникумах, призванных готовить национальные кадры, были открыты русские отделения, а в тридцатые годы при Краснокутском (русском) педтехникуме — немецкое отделение; как в 1930 г. при передаче техникумов Немреспублики в ведение хозяйственных органов и ведомств РСФСР решался вопрос о закреплении их в качестве национальных учебных заведений; как предлагалось при необходимости форсирования подготовки кадров в стране развертывать параллельно русские отделения; как боролась республика за передачу всех техникумов, находящихся на территории АССР НП, в методическом плане в подчинение Наркомпросу республики [6]; как к 1938 г. менялось отношение к национальным языкам со стороны государства и как все это отразилось на работе средних специальных национальных учебных заведений республики [7].

Копии постановлений Совнаркома, хранящиеся в фонде, протоколы межведомственных совещаний, акты проверок деятельности техникумов инспекторами Наркомпроса совместно с представителями ведомств — Совнархоза, Наркомзема и др. — дают богатый материал об открытии и деятельности техникумов, готовящих национальные кадры среднего звена для ткацкой промышленности, сельс-

кого хозяйства, сельскохозяйственного машиноведения, строительства, медицинского обслуживания населения и др. Эти документы показывают, чем было обусловлено открытие каждого учебного заведения, какова потребность в кадрах на момент открытия и на перспективу в связи с организацией колхозов, совхозов, МТС, восстановлением былых достижений и развитием на перспективу ткацкого производства, ростом промышленного и гражданского строительства, особенно в столице республики и крупных городах — Маркштадте и Бальцере, необходимостью медицинского обслуживания населения. Они позволяют понять, почему в статистической отчетности Краснокутский агротехникум с двумя отделениями шел двумя строками — как сельскохозяйственный и механический техникумы. Здесь же обоснование перевода механического отделения агротехникума в Маркштадт в качестве очередного национального техникума, открытие при Краснокутском сельскохозяйственном агротехникуме отделения животноводства, которое впоследствии дало жизнь новому среднему специальному заведению для подготовки кадров в области зоотехники и ветеринарии. Хорошим источником для изучения всех вопросов развития и проблем среднего специального образования являются акты проводимых Наркомпросом в 1925-1930 гг. инспекторских проверок, содержащие характеристику учебных заведений, их материального состояния, оборудования. Акты дают полное и глубокое обследование учебного процесса, характеристику педагогических кадров, создание цикловых комиссий и т.д. [8], показывают, как проходил процесс закрепления техникумов за различными ведомствами в 1930 г., и насколько правомерно было это закрепление. Возможно также выявить положительные и отрицательные моменты двойной подчиненности: в административно-хозяйственном плане — ведомству, в методическом — Наркомпросу. В названных документах дано обоснование открытия Золотовского садово-огородного техникума, Покровских кооперативного и строительного; расширения существующих педагогических техникумов и механического за счет открытия новых отделений на базе школ II ступени с профуклоном, об организации медтехникума с акушерским отделением и политехтехникума в г. Покровске с русским и немецким отделениями для подготовки библиотечных работников и избачей Немреспублики [9].

Изучение состояния педагогических кадров средних специальных заведений Немреспублики возможно провести при рассмотрении всех форм отчетов, включая годовые, о которых уже шла речь. Напраши-

вается вывод, что эти формы годовых отчетов, разработанные Главпрофобром Наркомпроса РСФСР в 20-е гг., могут быть использованы работниками НИИ, министерств, ведомств, работающих ныне в области среднего, а возможно, и высшего образования, с целью проведения сравнительного анализа существующих форм отчетности и возможного их использования в современной практике. Эти отчеты, кроме общего количественного состава педагогов техникумов, дают возможность получить сведения о распределении педагогических кадров по полу и возрасту (до 20 лет, от 20 до 30 и свыше 30 лет), об образовательном цензе (высшее, среднее и низшее образование), сделать анализ качественного состава педагогов за период с момента образования учебных заведений с частичными перерывами в 1931-37 гг. и до 1941 г., оценить работу Наркомпроса по обеспечению кадрами национальных техникумов за счет выпускников вузов обеих столиц, Саратовского университета и Немпединститута, о выделении Наркомпросом специальных стипендий для подготовки кадров как для средних специальных учебных заведений, так и для школ II степени.

Годовые отчеты дают возможность получить сведения о преподавательском составе отдельно по общеобразовательным предметам, специальным дисциплинам, о руководителях производственной практики студентов. В них имеются сведения о движении преподавательского состава в течение года, дан количественный состав педагогов на начало и конец учебного года, сведения о вакансиях преподавателей-предметников, количестве часов по предметам. Здесь же возможно почерпнуть сведения о работе по подготовке и переподготовке кадров, о ставках, по которым проходила оплата труда педагогов в соответствии с разрядами за данные годы, о проблемах педагогов в связи с низкой заработной платой, сравнить их с оплатой и бедами педагогов конца XX в. [10].

Дополняют сведения о педагогах штатные расписания, сметы и объяснительные записки к ним. Анализ их, а также копии документов Совнаркома, Наркомпроса РСФСР и АССР НП за целый ряд лет показывают изменения, происшедшие в кадрах по образовательному цензу, позволяют проследить политику государства по отношению к народному образованию в целом, изучить, как обсуждались и решались эти проблемы на всех уровнях, вплоть до республиканских съездов Советов [11].

Персональный состав руководящих и педагогических кадров раскрывает пласт документов, включенных в опись по личному составу. Это приказы о назначении, перемещении и увольнении педагогических кадров, списки, заявления, удостоверения. И хотя они в основном,

кроме приказов, сохранились за разные годы и более полно отражают педагогический состав педтехникумов за 1923-30 и 1937-39 гг., а других техникумов — только за 1924-30 гг., все же содержат интересный материал о персональном составе заведующих, завучей и педагогов, помогают объяснить причины частой смены кадров из-за профессиональной непригодности, поиска «врагов народа» в тридцатые годы и т.д., понять значение педагогических кадров не только в системе среднего специального образования, но и в общей системе народного образования республики, в ликвидации неграмотности среди населения. Эти материалы, например, содержат интересные сведения об организаторе и директоре первого педтехникума в области и республике немцев Поволжья, позднее заместителе Наркома просвещения республики Н.Н.Беллендир [12].

Более подробное изучение уже упомянутых видов документов штатных расписаний, смет административно-хозяйственных расходов и объяснительных записок к ним, которые обычно остаются невостребованными, позволяет дополнить информацию годовых отчетов о целях и задачах учебных заведений, изучить финансовое, материальное положение техникумов, вопросы предоставления помещений под учебные корпуса, интернаты (общежития), предоставления земельных участков под строительство техникумов (Энгельсского кооперативного), выделения земли под учебно-опытные хозяйства (Краснокутского техникума, Марксштадтского педтехникума и др.), ход строительства и реконструкции зданий, установить источники финансирования, соотношение средств на финансирование, выделяемых Республиканским (РСФСР) и местным (АССР НП) бюджетами, а также выяснить, как проходило разделение статей расходов между этими источниками финансирования, каковы были расходы и кем оплачивались коммунальные услуги (освещение, отопление, канализация), за счет каких средств осуществлялся капремонт, намечалось и осуществлялось капитальное строительство. Эти же документы дают информацию об обеспечении техникумов оборудованием, мебелью, об открытии лабораторий, кабинетов при техникумах. В них сведения о санитарном состоянии зданий, кубатуре, приходящейся на каждого учащегося, затратах на питание. Привлекают внимание нормы питания студентов в столовых техникумов и в интернатах. По ним возможно проследить зависимость норм, выделенных средств на питание и набора продуктов от изменения общего жизненного уровня Немреспублики и страны в целом, определить голодные годы, провести сравнительный анализ зависимости этих показателей от подчиненности техникумов раз-

личным ведомствам на примере положения студентов Краснокутского агротехникума системы Семеноводсоюза и Наркомзема и Бальцерского текстильного техникума Сарпинтреста [13].

Интересны материалы, связанные с учебным процессом. Прежде всего, это учебные планы и программы техникумов по различным предметам. Если годовые отчеты дают лишь общие сведения об изучаемых предметах и количестве часов, расписанных по курсам, то трехмесячные отчеты дают возможность изучения самих программ, сведений об их выполнении, по ним же возможно определить причины невыполнения учебных планов (из-за отсутствия преподавателей-предметников, топлива и др.). Заслуживают особого внимания сохранившиеся отдельные планы и программы по предметам за разные годы практически всех средних специальных учебных заведений. По ним наиболее полно возможно изучить содержание обучения и воспитания, формы и методы учебной работы. Анализ всех архивных источников позволяет установить, кто являлся разработчиком учебных программ, ответить на вопрос, почему, например, в агро- и текстильном техникумах преподаватели сами разрабатывали программы по предметам до 1926 г., как после 1926 г. эту проблему решали Государственный ученый совет (ГУС) и Методический совет Немреспублики, созданный при Наркомпросе. Следует обратить внимание на инструктивный материал, сопровождающий учебные планы и программы ГУСа, направленные на места через отделы народного образования с предложением внимательного изучения и апробации. Возможно, этот момент не пройдет незамеченным именно в настоящее время, когда разрабатывается и предлагается к внедрению огромное количество программ. Сохранившиеся материалы позволяют проследить, как в учебные планы начали вводить обязательные предметы, связанные с идеологией правящего класса, такие как политграмота, атеизм и др. [14]. Определенный интерес вызывает изучение материалов августовских совещаний преподавателей техникумов в плане ежегодного подведения итогов учебного и воспитательного процессов, определения задач на следующий год и на перспективу. В них же предложения по внедрению в учебные планы «метода революционной методологии», направленного, как сказано в документах, на связь науки с диалектическим Материализмом, критика дореволюционной системы обучения как «классовой системы, направленной на связь науки с религией». Эти Документы, а также доклады директоров педагогического, агрономического, механического и текстильного техникумов дают возможность изучить методы преподавания, проследить, как постепенно лекцион-

ный метод был подвергнут критике, осужден и объявлен помехой лабораторному методу, как с 1927 г. началось внедрение в учебный процесс Дальтон-плана [15].

Немаловажной в учебном процессе является степень обеспеченности учебных заведений учебниками и учебными пособиями. Трimestровые отчеты дают возможность выявить все недостатки в снабжении учебниками техникумов в середине 20-х годов. Так, Маркштадтский педтехникум на вопрос, кем он снабжается учебниками, дал однозначный ответ: «Никем!».

Отсутствие учебников вынуждало преподавателей искать выход из сложившейся ситуации. Это может быть темой отдельного исследования. Для примера, пособием для изучения разговорного немецкого языка служила «окружающая обстановка», к курсу по теории немецкого языка предлагался вместо учебника пересказ отдельных статей (Der Herbst, Unsere Bild, Der Winter и т. д.), учебным пособием к курсу «музыка и пение» — рояль и сборник революционных песен. В документах немало материала по разрешению этой проблемы, по созданию республиканской комиссии для подготовки и издания национальных учебников, по изысканию средств на эти цели. Но в то же время в трimestровых отчетах имеются сведения, что при изучении математики использовался учебник Киселева, задачки Шапошникова и Рыбкина, географии — Иванова и другие [16].

При всей информативности трimestровых отчетов все же надо отметить, что они не дают полного представления о названии учебников и учебных пособий, используемых преподавателями и студентами, более того, по ним не всегда возможно установить авторство, раскрыть содержание методических пособий.

Отчеты, доклады, сведения и переписка позволяют провести анализ общего состояния народного образования в республике, изучить положение с педагогическими кадрами в школе, раскрыть причины создания и работы одногодичных педагогических курсов при техникумах с квалификацией по школьному и дошкольному образованию, выявить необходимость создания заочных отделений при педучилищах, раскрыть причины чрезвычайно низкой успеваемости и систематической неявки на сессии до 40% заочников, о работе учебно-консультационных пунктов при кантОНО для решения проблем заочного обучения учительских кадров; перевода педтехникумов в педучилища с 3-летним сроком обучения [17].

Здесь, пожалуй, будет уместно подчеркнуть следующий момент. Существует стереотип о недостоверности статданных советского периода, их корректировке, в связи с чем ими невозможно оперировать. Но даже

пря беглом взгляде на изучаемую проблему это мнение не подтверждается. Текстовые отчеты о работе техникумов, сведения о педсоставе, их образовательном цензе, успеваемости учащихся, акты проверок работы техникумов вышестоящими организациями дают более критический материал. Создается мнение, что в изучаемый период не уделялось должного внимания положительному опыту работы учебных заведений.

Следует обратить внимание на вопросы производственной практики учащихся. Текстовые отчеты позволяют проследить, как осуществлялась связь с производством, как планировалась производственная практика учащихся в производственных мастерских (механический и текстильный техникумы), на каком оборудовании работали учащиеся, как на полях учебного совхоза проходила практика студентов агротехникума. Требуется осмысления вопрос о придании Маркштадтскому педагогическому техникуму статуса сельскохозяйственного, организации при нем учебно-опытного совхоза, насколько бесконечная работа на полях помогала или мешала учебному процессу. Как решались вопросы производственной практики студентов на местном и республиканском уровнях [18].

Документы позволяют изучить, как проходила внеклассная работа, какие кружки были организованы (агрознаний, ленинский, немецкого языка и т.д.), программы кружковой работы, количество часов, учащихся, работающих в них, формы, методы работы.

В фонде неплохо представлены протоколы заседаний педагогических советов, называемых в тот период школками или школьными советами, общих собраний преподавателей и учащихся, группкомов, ученических комиссий. Их изучение дает возможность пополнить сведения о всей жизни и деятельности техникумов, получить представление о системе студенческого самоуправления, определить нормы представительства и степень участия студентов в созданных комитетах и комиссиях, определить отношение между преподавателями и студентами. Установить, как постепенно вся общественная работа стала проводиться через профсоюзные и комсомольские организации. В то же время эти документы позволяют проследить положительные и отрицательные моменты в организации студенческого самоуправления, выяснить, с чем было связано уменьшение его роли в общем педагогическом процессе — в связи с плохой организацией или общей политикой в стране. Эти же документы дают материал о шефской работе на селе, о подготовке студентами лекций и рефератов, показательных. Для их исторического периода (типа «От палки к трактору»), о создании клубов при техникумах, разработке культурных программ, охва-

те ими населения села, учащихся, проживающих в интернатах, о проведении под руководством педагогов календарных революционных праздников, о создании студенческой стенной печати, например, о газете «Строитель новой жизни» агротехникума [19]. Проследить же роль последней в организации учебного процесса и студенческой жизни невозможно из-за отсутствия экземпляров таких газет. В одном сообщении невозможно дать исчерпывающий анализ документов Наркомпроса по данной теме.

Требует специального изучения вопрос о переводе Ленинградского педтехникума в столицу Немреспублики, о работе в тридцатые годы Иловатского украинского педагогического техникума, списки студентов которого сохранились за 1930-1932 гг. [20] и др.

В то же время изученные документы дают достаточно полную картину состояния среднего специального образования в Немреспублике, что в совокупности с периодической печатью 20-30 гг. позволим определить роль каждого учебного заведения в подготовке кадров среднего звена как в общей системе образования, так и в развитии всех отраслей народного хозяйства республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе (ЭФГАСО). Ф. 847. Оп. 1. Д. 3. Л. 56; Д. 36. Л. 34-36.
2. Там же. Д. 36. Л. 34-36.
3. Там же. Д. 139. Л. 15.
4. Там же. Д. 259. Л. 68-70; Д. 448. Л. 182.
5. Там же. Д. 3, 26; Д. 36. Л. 34-36.
6. Там же. Д. 448. Л. 266, 303, 373.
7. Там же. Д. 577. Л. 1-5.
8. Там же. Д. 136. Л. 1-3; Д. 141. Л. 42, 43, 46, 48; Д. 210. Л. 103-104, 137-139, 187-191; Д. 270. Л. 82-179; Д. 272. Л. 65-69, 179; Д. 273. Л. 1-5; Д. 342, 402, 449, 500.
9. Там же. Д. 139. Л. 8, 9, 10, 15; Д. 250. Л. 15; Д. 448. Л. 182.
10. Там же. Д. 36, 607, 697.
11. Там же. Д. 108, 605.
12. Там же. Оп. 1 л/с. Д. 1, 16, 17, 19, 77-81, 91, 157, 158, 219, 224, 229, 279, 297, 370, 378; Оп. 1 л./д. Д. 21. Л. 8; Д. 22. Л. 1-4.
13. Там же. Оп. 1. Д. 108, Д. 141. Л. 34-38; Д. 259. Л. 12-14, 16, 17, 21; Д. 433. Л. 1, 5, 74, 82-88; Д. 599. Л. 109-112, 136.
14. Там же. Д. 38, 105, 140, 141, 158, 186, 227, 302, 334, 347.
15. Там же. Д. 3. Л. 79; Д. 105. Л. 87; Д. 158. Л. 3; Д. 211. Л. 53-71; Д. 227; Д. 653.,
16. Там же. Д. 3. Л. 46, 47; Д. 26. Л. 43, 45.
17. Там же. Д. 609. Л. 14; Д. 696. Л. 18, 24, 25.
18. Там же. Д. 3. Л. 79; Д. 139. Л. 12, 28; Д. 250. Л. 15.
19. Там же. Оп. 1 о/д. Д. 3. Л. 46; Д. 34. Л. 5-8, 10, И, 22, 24, 26, 27; Д. 226. Л. 25, 30-32, 35; Д. 250. Л. 15-17; Д. 270. Л. 43, 48-49, 54-55.
20. Там же. Оп. 1 л/с. Д. 68. Л. 1-10.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ КАК ИСТОЧНИК В РЕКОНСТРУКЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО КОСТЮМА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Е.А.Горобцова

По целому ряду характерных признаков и особенностей немцев Поволжья этнографы выделили их в самостоятельную этническую группу. Мы определяем черты немцев, отличающие их от других поволжских народов, и с точки зрения историков-краеведов. Конечная цель научного исследования — создание музейной экспозиции.

Одной из таких особенностей является крестьянская одежда, поскольку именно она, вплоть до начала XX в., сохраняла в той или иной степени национальные черты. У Я.Дитца находим: «В течение почти 100-летия пребывания в России колонисты придерживались привезенного из Германии национального костюма...»[1]. Кроме того, одежда колонистов отражала особенности их хозяйства, занятий и быта, сформировавшиеся уже на новой Родине. Так, например, бурное развитие сарпиноткацкого производства в Камышинском уезде в XIX в. привело к распространению ткани сарпинки для изготовления одежды местных немцев. Потребность в головных уборах для полевых работ стимулировала соломоплетение в Екатеринен-Штадтской и Панинской волостях. Вскоре широкополая соломенная Шляпа становится неотъемлемым элементом женской и мужской одежды [2]. Наконец, заимствования из русской одежды также определяют особенности жизненного уклада и традиций колонистов. Из-за необходимости приспособиться к новым климатическим условиям в гардеробе колонистов появились валенки, тулупы, рукавицы. Более удобные и теплые платки и шали вытеснили чепцы, а зимние шапки — шляпы.

А вот сарафаны, кокошники, лапти заимствованы не были. Еще в 1820-е гг. А.Вердеревский в обзоре «От Зауралья до Закавказья» писал: «Еще усвоили себе немцы наши нагольные тулупы... некоторых я видел в лаптях». [3]

Прикладной характер данного исследования диктует необходимость использовать совокупность самых разнообразных источников. Среди них можно выделить: акварельные рисунки 1767 и 1836 гг., около десятка редких фотографий, начиная с 1866 г., коллекции одежды Саратовского, Энгельсского краеведческих музеев, а также Российского этнографического музея (РЭМ). Это более 150 предметов. Большую часть одежды из-за длительной невостребованности коллекции для изучения одежды удалось описать и атрибутировать лишь в последнее время.

К следующей группе источников относятся: старые книги поступлений этнографического музея, существовавшего в Саратове в 1920-21 гг., где сохранились описания и давно утраченных материалов, «Сведения об одежде поселян немецких колоний Новоузенского уезда Самарской губернии» [4], а также работы А.Н.Минха, П.К.Галлера, Я.Дитца и др.

Обнаруженные источники помогли проследить три этапа в развитии крестьянского костюма немцев Поволжья: I — последняя треть XVIII в. — 1840-е гг.; II — 1860-е — начало 1890-х гг.; III — конец XIX — начало XX в. (до 1920-х гг.).

Самым ранним источником в России можно считать акварель Я.Оболдуева [5], изобразившего поволжских колонистов в углу карты колоний 1767 г. И если отбросить условно-лубочный характер рисунка, можно без труда выделить то, что бросилось в глаза художнику, а именно: мужчины одеты в белые рубахи с отложными воротничками и широкими рукавами, в короткие до колен штаны, чулки, кожаные башмаки и мягкие широкополые шляпы. На переднем плане стоит женщина — в белой рубахе с широкими рукавами, недлинной красной юбке и в облегающей маленькой корсетке, в маленьком чепце, прикрывающем затылок.

Вторая акварель «Иностранцы колонисты Саратовской губернии на жатве» сделана неизвестным художником, очевидно, в 1836 г. для альбома саратовского губернатора Переверзева, предназначенного в подарок цесаревичу Александру II [6]. Уникальный альбом хранится в фондах Саратовского областного музея краеведения. На одном рисунке автор постарался изобразить все, что ему было известно о немцах-колонистах, что, несомненно, делает рисунок бесценным источником информации. Одни мужчины, работающие в поле в июльский

зной, одеты в белые рубахи, жилетки, галстуки, пиджаки и длинные кафтаны, брюки навыпуск, другие — в короткие до колен штаны и белые чулки, башмаки, картузы и цилиндры. Перечисленные элементы мужской одежды описаны в «Самарских губернских ведомостях» за 1854 год неизвестным автором. Он пишет, что мужская одежда немцев-колонистов состояла из белой рубашки, черного галстука, коротенького жилета с металлическими пуговицами, сапог поверх штанов синего домашнего сукна, нанкового кафтана, шапки или русской черной шляпы. В указанной выше работе А.Вердеревского упоминается: «Обыкновенный костюм состоит из белой и цветной рубахи, спрятанной внизу в панталоны, опускающиеся сверх сапогов, а на плечах короткого жилетца» [7].

Вернемся к рисунку. Женщины, как работающие в поле, так и отдыхающие с детьми, одеты в традиционную одежду: рубаху, корсетку, полосатую недлинную юбку, чепец, платья. Платье, как особенность немецкого крестьянского костюма, подметил А.Вердеревский: «Женщины вообще красивы, темнорусы, хорошо сложены, одеваются в платья с широкими лифами» [8]. Здесь же мы видим появление платков и козынок, которые будучи более удобными и практичными в повседневной жизни, начинают вытеснять из женского костюма чепцы.

К счастью, в коллекции Саратовского областного музея краеведения удалось обнаружить и атрибутировать началом XX в. девичий чепец из парчи [9]. Из подобной парчи шились и русские кокошники. В коллекции РЭМа сохранилась корсетка, сшитая из полупарчи, которую можно отнести к 20-м гг. XIX в., как элемент праздничной одежды.

К сожалению, на акварели трудно рассмотреть коротенькую синюю корсетку или спенсер, который был довольно широко распространен как в колониях луговой стороны, так и нагорной. Классическая корсетка из синего сатина с ассиметрической застежкой на стеклянные пуговицы есть в коллекции Саратовского музея. Точно такая же запечатлена на фотографии невесты конца XIX в. как атрибут архаичной одежды. Полный аналог такой корсетки хранится в РЭМе. Повсеместное распространение этой составной части женской одежды подтверждают П.К.Галлер [10], А.Попов [11], Я.Дитц [12].

Тщательное сравнение элементов женской одежды поволжских немцев с аналогами из коллекции РЭМа помогло реконструировать крестьянский костюм 1820-30-х гг. Предварительную работу по изучению и атрибутированию одежды поволжских немцев в коллекции РЭМа провела ст. научный сотрудник Лойко Л.М. [13]. На фото манекена в Женском костюме из экспозиции Дашковского музея [14] мы видим

костюм, переданный в дар музею в 1866 г. При тщательном изучении костюма удалось выяснить, что чепец, корсетка, рубаха относятся к более раннему периоду, приблизительно к 1820-м гг., а юбка и фартук сшиты из фабричного ситца конца 1860-х гг. По-видимому, во время приобретения костюма элементы одежды, вышедшие давно из употребления, а также выношенные, латанные и заштопанные, были извлечены из «бабушкиного сундука». Ни один из авторов-современников уже не упоминает бытование указанных элементов одежды в 1860-е гг. Фартук и домотканая юбка, принадлежавшие костюму, вероятно, не сохранились, их практичная немка износила. Так появились совершенно новый фартук и юбка в полоску. Еще один довод в подтверждение этой мысли: сине-красно-белая полоска на юбке не гармонирует с черным жилетом, украшенным зеленой вышивкой. Фотография немцев Саратовской губернии, сделанная с натуры художником Павловым [14], также подтверждает догадку о разновременном происхождении отдельных деталей костюма. Девушка, одетая в вышеописанный костюм, выступает как статист [15]. Рубаха, шейная косынка, корсетка надеты несколько неряшливо и неправильно. Это говорит о том, что указанные элементы одежды уже давно не бытовали.

К сожалению, в фондах Саратовского областного музея краеведения нет немецкой мужской крестьянской одежды начала XIX в.

Поскольку мужской костюм, как правило, консервативен, то для его реконструкции вполне достаточно использования указанных источников и оригинальных вещевых материалов из коллекции РЭМа, датированных 1866 г. [16]. Это белая рубаха с отложным воротником, шейный платок или галстук, коротенький жилет, пиджак, кафтан, брюки, заправленные в сапоги, или навывпуск поверх башмаков, картуз. Подобный костюм прекрасно описан П.К.Галлером: «Костюм колониста летом состоял только из холщовых брюк и такой же рубашки с прямым воротом, завязанной тесемкой; сверх холщовых брюк обыкновенно надевались еще брюки серого цвета из «нанкина» («чертова кожа»). На голове надет суконный картуз. Для визита к начальству надевался еще жилет, который не полагалось застегивать. В холодное время года сверх белья надевались брюки из самотканного сукна, окрашенного в синий цвет; из этого же материала сшита часть костюма, напоминавшая длинный жилет, но с рукавами. Для выхода сверх этого надевался еще длиннополый кафтан из такого же сукна. В зимнее время сверх жилета прямо надевался полушубок» [17].

Многочисленные вещественные источники, упоминания современников свидетельствуют о преобладании в одежде колонистов синего

цвета. Отгадка достаточно проста: синий цвет определялся возможностями окрашивания домотканого сукна в домашних условиях. Синий, кубовый цвет был распространен и в одежде русских крестьян.

Итак, к 60-м—70-м гг., началу II этапа в развитии костюма, чепец и корсетка-спенсер уходят из женского костюма. Чепцы сохраняются в детской одежде. В женской господствуют русские платки и шали. В ряде немецких сел луговой стороны рудиментом можно считать бытование тряпичных наколок для волос, являющихся видоизмененными чепцами [18].

II этап в развитии крестьянской одежды удалось выделить благодаря целому ряду достаточно полных и взаимодополняющих источников.

В первую очередь, можно выделить коллекцию немецкой женской, мужской и детской одежды конца XIX — начала XX вв. Саратовского областного музея краеведения. В настоящее время практически все вещевые предметы атрибутированы и научно обработаны, что позволяет провести подготовительную работу к изданию каталога.

Во-вторых, это вышеупомянутые материалы из самарского архива [19], которые представляют из себя 28 рукописных листков с рисунками и ответами «по вопросному листу» Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете за 1890-й год. Анкета состояла из семи вопросов и предназначалась для рассылки учителям народных училищ; свои ответы они направляли в Этнографический отдел Политехнического музея. Всего таких анкет было разослано по России 500 штук. Цель акции: зафиксировать архаичные элементы одежды, ткани, стремительно вытесняемые бурно развивающимся фабричным производством. Вопросы касались тканей, из которых шилась одежда, элементов мужской и женской одежды, обуви и головных уборов, архаичных форм одежды, украшений, рукоделия, влияния городского и иностранного костюмов. Среди сел Новоузенского уезда, где проходили опросы, были Привальное, Визенмиллер, Брунненталь, Шендорф, Фрезенталь, Куккус, Ней-Бауэр, Красный Яр и др., т.е. села по маршруту экспедиций Эммы и Георга Дингесов, материалы которых составили основу немецкой коллекции нашего музея.

Содержание ответов на анкету неравнозначно. Часть из них является откровенными отписками с односложными ответами «да» или «нет». Другие, напротив, являются бесценным и очень информативным источником. Учитель из села Шендорф дал не только исчерпывающие ответы, но и изобразил в рисунках наиболее типичную одеж-

ду местных немцев [20]. Многие рисунки полностью иллюстрируют вещи из нашей коллекции одежды. Здесь же упоминается о чепцах и коротких жилетах-спенсерах, как об очень архаичной одежде. В некоторых ответах даже не упоминаются подобные элементы. Все без исключения учителя отмечают, что вся крестьянская одежда, как мужская, так и женская, шьется из покупной ткани: ситца, бумазеи, трико, сукна, казинета, шелка, кисеи, нанки, коленкора, кашемира, шерсти сарпинки. Тканей домашнего производства очень мало. В основном это грубое льняное полотно и шерсть, которую использовали для пошива классической немецкой юбки.

В колонии Куккус, например, такую шерсть называли байкой. Учитель П.Энгер писал: «Байковые шерстяные юбки изготавливаются домашним способом, а именно из овечьей пряжи, которую крестьянки прядут сами, а потом отдают красить. После окраски они ткут материю и шьют юбки. Цвет всех этих юбок синий или черный с красными или белыми параллельно и симметрично расположенными продольными полосками. Юбки эти сравнительно дорогая одежда, но зато и очень прочная. Такая юбка стоимостью в 3-4 рубля может в будни прослужить 5-6 лет, а в праздники даже 10». (При этом подразумевается, что пока юбка нова и чиста года 3-4, то она одевается в праздники, а когда состарится, то в будни.) [21]. Описания изготовления любимой колонистками трехцветной полосатой юбки есть почти во всех анкетах. Дороговизна такой юбки и длительный срок носки являются еще одним подтверждением догадки о том, почему в коллекции РЭМа элементы женского костюма относятся к разным периодам времени.

Тщательный анализ анкет показал, что и рубаха как элемент женской верхней одежды исчезла. Характеризуя быт немцев-колонистов 60-х гг., П.К.Галлер писал, что в этот период в женском костюме подол являются «короткие кофточки без талии» [22].

В 80-е гг. эта мода достигает полного расцвета. Эгнер П. пишет: «Женская одежда очень разнообразна из-за следования моде. Каждой поселянке хочется иметь что-нибудь модное, а шьет она себе костюм, сама, и выходят разные несообразности, которые однако находят последовательниц. Несколько лет тому назад здесь вошли в моду кофточки особого покроя, носящие странные названия «прасна». Это что-то вроде испанской «mantilla». Название произошло от слова «напрасно». Эти кофточки едва доходят до талии, и кто-то сказал: «напрасно», но тем не менее они получили повсеместное распространение. Некоторые женщины имеют их с полдюжины. Невесты считают свое

приданое по числу «прасна» и байковых юбок» [23]. Учитель О. Коб из Визенмиллера, находящегося почти в двухстах километрах от села Куккус, пишет: «Что касается названий различных частей одежды, то некоторые из них обозначают русскими словами, так, например, обыкновенная свободная женская кофта называется у них «напрасна», а такая же кофта, только стеганая на вате — «шабаш».

О следующем этапе в развитии крестьянского костюма поволжских немцев свидетельствуют коллекции фотографий из семейных архивов, подлинные вещевые материалы, а также записи устной истории из этнографических экспедиций последних лет [24]. Традиционный костюм умирает, сохраняются лишь отдельные элементы, скорее небольшие отличия, а не особенности. Костюм наиболее зажиточной части крестьян, интеллигенции, городских жителей практически ничем не отличается от городской русской одежды. Пожилые женщины консервативно сохраняют в своем гардеробе тяжелые домотканые юбки, в основном, темного цвета, темные передники, длинные вязаные чулки. В праздники молодые женщины еще в начале века надевали вязаные чулки белого цвета с узорами. Повсеместно были распространены в немецких селах вязаные юбки, обувь, детская одежда, зимние мужские шапки-вязанки, имитирующие мех. В селах нагорной стороны поселянки носили длинные сарпинковые юбки с оборками и белыми передниками. Вплоть до начала 1980-х гг. в ряде сел, особенно католических, еще можно было встретить сохранение национальных традиций в свадебной одежде.

Более тщательный анализ имеющихся источников позволяет не только реконструировать крестьянский костюм поволжских немцев чисто в научных интересах, но и восстановить недостающие детали в подлинных коллекциях в результате новых поступлений или изготовить точные копии-новоделы и представить полные костюмы в экспозициях музеев.

Примечания

- 1- Дитц Я. История колоний немцев Поволжья. Рукопись ЭФ ГАСО.
2. K.Emmweich. Das Strohflectgewerbe im Markstädter Kanton // *Unsere Wirtschaft*. 1926. № 3. S. 34.
3. А. Вердеревский. «От Зауралья до Закавказья». С. 90.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 302.
5. ЦГВИА. Ф. фу. № 22561.
6. Основной фонд Саратовского музея краеведения (СМК). 4781.
7. Вердеревский А. Указ. соч. С. 92.
8. Там же.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Н.А.Малова

Музейный предмет, сохранивший и передающий потомкам память нескольких поколений, является одним из источников, который дает возможность исследователю изучить культурно-исторические процессы жизни поволжских немцев. С течением времени менялось не только само понятие музейного предмета, но и способы его демонстрации. Эти изменения будут прослежены в данной работе на примерах Первой Публичной выставки 1837 г., а также коллекций и экспозиций Маркштадтского и Центрального музеев АССР НП.

В июле 1837г. в Саратове открылась Публичная выставка. На ней были представлены палеонтологические, археологические находки, сельскохозяйственные и промышленные товары, предметы из личных коллекций. Треть товаров принадлежала немецким колонистам Норкского, Каменского округов и Сарептского общества, специализировавшихся на разных промыслах. Так, жители Норкского округа представили многочисленную коллекцию пряжи, тканей и изделий из нее: 10 сортов бумажной пряжи колониста Пфальца, шерстяную пряжу Штуккерта, шерстяные и полунешелковые ткани и изделия из них колонистов Пфальца, Шерера, Бендера, Кема и др. Тот же округ выставил пять видов масла. Табак различных сортов, горчицу, глиняную и обливную посуду представило общество Сарептское. Соломенные шляпы, плетенные из прутьев корзины — колонисты Каменского округа [1].

Выставка свидетельствовала не только о высоком уровне экономического развития немецких колоний, но Саратовского края в це-

9. СМК. 13131.
10. Галлер П.К. Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия Саратов. 1927. С. 24.
11. Записки о Саратове К.И.Попова // Саратовский край. Вып. 1. Саратов. 1893 С.230.
12. Дитц Я. Указ. рукопись.
13. Лойко Л.М. Коллекция одежды немцев-колонистов в фондах РЭМ. (К вопросу об атрибуции.) Рукопись. РЭМ.
14. Там же.
15. ИМЭЛ (фототека РЭМ) 102.
16. Там же. 103.
17. Галлер П.К. Указ. соч. С. 28.
18. СМК. 13152.
19. ГАСО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 302. Л. 17.
20. Там же. Л. 3.
21. Там же. Л. 7.
22. Галлер П.К. Указ. соч.
23. ГАСО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 302. Л. 8.
24. НАСОМК. (Научный архив Саратовского областного музея краеведения). Отчеты об экспедициях в Красноармейский р-н Саратовской обл., Камышинский р-н Волгоградской области, 1995/96 гг.

лом, и о роли поволжских немцев в экономике региона. (К 60-м гг. XIX в. немцы составляли 7,5% всего населения губернии.) [2] Она была и полезной, поскольку многие товары нашли своего покупателя.

Открылась эта выставка лишь благодаря приезду в край цесаревича Александра Николаевича и явилась первым шагом в развитии музейного дела в губернии. Это была ярмарочная форма экспозиции, просуществовавшая недолго. Главной ее целью было выставить товар для обозрения и оценки.

После Первой Публичной выставки музейное дело не стояло на месте. С конца XIX в. начинается время музейного ренессанса. Оно выразилось в небывалом росте популярности музеев и создании новых. Его пик пришелся на первые годы советской власти. В 1918 г. было образовано по стране 150 новых музеев, к 1923 г. — еще 270 [3].

Через несколько месяцев после создания немецкой автономии на Волге был образован и первый музей — Маркшадтский. Возникший как школьно-вспомогательное учреждение, по сути он таковым и остался, несмотря на то, что вскоре получил статус народного, областного. Доказательством этого служат его коллекции. Лучше всего была представлена в музее местная флора и фауна; исторический отдел имел 150 карт, памятник Екатерине II (1848 г.) и коллекцию русских монет; художественный — 75 репродукций картин русских художников и копию картины Рубенса «Ангелы». [4] Практически отсутствовала коллекция, отражающая историю и культуру поволжских немцев. Хотя необходимость ее признавалась руководством музея, но средств для закупок не было.

Маркшадтский музей просуществовал до 1937 г., фактически не развиваясь, и его коллекции (исключение составляют единичные предметы) вряд ли могут оказать большую помощь в изучении истории поволжских немцев.

Наиболее интересна в качестве исторического источника коллекция Центрального музея АССР НП. Он был создан в июле 1925 г. в Покровске и обязан своим рождением лингвисту и этнографу Георгу Дингесу и археологу Паулю Рау. Их научная работа и определила основные направления развития музея: этнографические и археологические исследования, широкая издательская и научная деятельность. Он стал фактически научно-исследовательским учреждением, как и многие музеи страны в 1920-е гг.

С 1925 по 1929 гг. были собраны богатейшие музейные фонды. Наиболее ценным источником по изучению поволжских немцев являются экспонаты этнографического и исторического отделов. За один толь-

ко 1926 г. для этнографического отдела были закуплены 499 экспонатов [5]. Так появились в музее уникальные предметы: рукопись Я.Дитца «История поволжских немцев-колонистов» на 518 страницах, приобретенная Наркомпросом у вдовы автора и проходившая в инвентарной книге под номером 25; рукописи Цорна, Шмидта., Эрбеса. В дар музею поступили рукописное собрание 200 народных песен от К.Оберт, старинная, привезенная из Германии чаша от учителя Юнемана из с. Цюрих, 10 живописных работ от Я.Вебера [6].

Музей закупил вещи, характеризующие быт и хозяйство немецких колонистов: мебель из Мариентала и Блюменфельда, самопрялки из сел Миллер и Антон, глиняную пахталку и посуду из с. Куккус, деревянный плуг из с. Крафт, мужскую и женскую обувь из с. Антон и с. Блюменфельд, принадлежности крестьянского костюма из сел Куккусского кантона. [7]

Была собрана большая коллекция, характеризующая промыслы поволжских немцев: соломенные изделия и деревянные гребенки из Марксштадта, разные виды трубок из с. Гримм, коллекция полуфабрикатов, иллюстрирующая процесс производства горшка, и гончарный круг. Музей купил ткацкий стан и все принадлежности, демонстрирующие, как из пряжи постепенно получается сарпинка. [8]

Значительная часть экспонатов поступила из этнографических экспедиций: пряничные доски, кухонная утварь, мебель, одежда. Во время экспедиции 1926/1927 гг. сделаны 57 фотографий селений, построек, предметов, сцен из жизни людей, более 800 записей по разным селам [9].

В фондах музея были собраны описания колоний, одежды, обычаев, религии поволжских немцев, списки личного состава немецких колоний. [10]

Руководители-коммунисты Немреспублики подарили фотокопии документов, узаконивавших выселение поволжских немцев во время первой мировой войны, — они рассматривались как уникальные для исторического отдела Центрального музея [11].

Лицом созданного музея стала экспозиция. Она открылась 6 ноября 1926 г. и состояла из разделов истории, этнографии, археологии и природы края. Для нас наибольший интерес представляют два первых раздела. Так, в историческом разделе были выставлены курительные трубки, значки чиновников административных учреждений дореволюционной России, в этнографическом — создан историко-бытовой ансамбль немецкого дома, в котором располагались мебель, кухонная утварь, одежда, предметы хозяйства колонистов.

К концу 1920-х гг. меняется ситуация в музейном деле вместе с изменением обстановки в стране. Музеи теперь стали рассматриваться как агитаторы и пропагандисты. Этапом этой политики стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» 1928 г. Оно требовало дальнейшего сближения музеев с жизнью, подчеркивало, что вся их работа должна содействовать индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Постепенно сворачивались этнографические и археологические исследования в Центральном музее АССР НП. В 1929 г. музей покинул Г. Дингес, в 1930 — П. Рау.

Итогом изменений конца 1920-х гг. стала II сессия ВЦИК, состоявшаяся летом 1931 г. Она рассмотрела положение Центрального музея и приняла постановление о его реорганизации: «Музеи как собрание редкостей, музеи как кунсткамеры... должны уйти в область преданий. Нам нужны музеи, которые могут включиться в общую цепь культурной революции...» [12].

В течение нескольких месяцев музей был закрыт на реэкспозицию и 12 марта 1932 г. вновь открыл свои двери. В новой экспозиции, состоящей из карт, схем, фотокопий, главное место заняли шаблонные тематические комплексы — Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война и т.д. В урезанном виде сохранился историко-бытовой ансамбль этнографической экспозиции, названный в журнале «Советская этнография» «кулацкой избой» [13].

Таким образом, изменения в экспонировании говорят о том, что основным источником для изучения прошлого и настоящего родного края стал в начале 1930-х гг. научно-вспомогательный материал: карты, схемы, таблицы, фотокопии.

Меняются и формы музейной работы. В уборочные 1933, 1934 гг. были организованы агиткультповозки. Они работали в нескольких кантонах республики. Цель этого мероприятия — мобилизация колхозников в уборочную кампанию: «за скорейшую ссыпку хлеба на хлебосдаточный пункт» [14]. Разнообразная программа агиткультповозок включала стрелковые занятия, беседы о газовой обороне, противогазные тренировки, танцы, кино, обучение оказанию первой помощи и — только на последнем месте — беседы с показом выставочных материалов.

Документы, сохранившиеся за этот период, свидетельствуют, что в фондах Центрального музея была проведена проверка произведений искусства. Специально созданная комиссия в составе представителя Наркомпроса Руппеля, директора музея Миллера, художников

Вебера и Свириденко в июле — августе 1935 г. проверила около 90 художественных работ на музейную ценность. Большинство картин, как признала комиссия, отражали современный быт и революционное движение в республике и имели «безусловное значение для музея» [15]. Пятнадцать работ, среди которых «Осенний лес», «Осень» Вебера, «Колхозник», «Колхозница», «Молотьба» Финка признавались малохудожественными и не имеющими музейного значения. Вряд ли комиссия отвергла эти работы по политическим соображениям, видимо, они действительно были малохудожественными. Что касается пейзажей Вебера, то здесь комиссия отмечала: «Картин Вебера музей Имеет значительное количество на много ценнее данных» [16].

Хотя Центральный музей и обладал большой коллекцией картин, в основном работ местных художников, почти все они никогда не выставлялись из-за отсутствия специального разрешения [17].

Все 1930-е гг. музейная экспозиция фактически не действовала, а сотрудники строили и перестраивали ее разделы. Неправильно развернутая экспозиция, устаревшие экспонаты, плохо освещенный и неизученный местный материал, несвоевременное финансирование характеризуют работу Центрального музея к середине 1940 г.

История поволжских немцев освещалась в двух разделах экспозиции: историческом — с момента переселения на Волгу в 1763 г., в тесной связи с историей классовой борьбы других национальностей Нижнего Поволжья, и социалистического строительства — начиная с 1917 г.

Для реэкспозиции исторического раздела в марте 1935 г. был принят на работу научный сотрудник Саратовского краевого музея П.Д.Степанов. Он сгруппировал экспозиционный материал по нескольким тематическим комплексам:

1. История переселения немцев в Россию и начальный период немецких поселений. (Этот комплекс в экспозиции входил в раздел «Саратовский край в XVI-XVIII столетиях».)

2. Пугачевщина и участие в ней немецкого населения.

3. Немецкое население в XIX в.

Экспонаты характеризовали экономику, классовую борьбу, быт [18].

Экспонаты отдела соцстроительства прививали посетителю диалектико-материалистическое понимание конкретной обстановки в АССР НП. Экспозиция состояла из тематических комплексов: «Октябрьская социалистическая революция в СССР»; «Партия в период Гражданской войны»; «Границы АССР НП с административными делениями»; «Структура Советов»; «Население АССР НП»; «Бюджет АССР НП»; «Пути сообщения, транспорт, связь»; «Соотношение отраслей народ-

ного хозяйства»; «Фабрично-заводская промышленность»; «Сельское хозяйство республики» [19]. Комплекс «Культура и быт» отражал торжество ленинско-сталинской национальной политики, развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры через статьи Конституции, рассказывал о новых типах жилищ, обстановке, одежде, воспитании детей, образовании, народном здоровье и физкультуре, общественной жизни и творчестве. Многочисленные фотографии работы передовых предприятий, колхозов, МТС демонстрировали достижения в области промышленности и сельского хозяйства.

Отсутствие экспозиции в 1930-е гг. можно объяснить постоянной сменой руководства и сотрудников. Так, с 1932 по 1941 гг. сменилось пять директоров, с 1931 по 1932 г. коллектив обновился почти полностью (из шести остался работать один), в 1934 г. состав научных сотрудников «обновился почти дважды» [20].

Музей активно продолжал работать по избранному в начале 1930-х гг. пути — организации выставок. В 1938 г. их было открыто семь; «К XX годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии», «К 60-летию со дня рождения т. Сталина», «О выборах в Советы депутатов» и др. [21]

После длительного перерыва в 1939 г. возобновилось научное изучение Немреспублики. Были организованы археологическая (раскопки на Калмыцкой горе под Маркштадтом), геологическая (в район Нижней Банновки), природоведческая (в Дьяковский лес) экспедиции. Все привезенные материалы предназначались для музейной экспозиции. Так в последние годы своего существования музей осознал необходимость изучения родного края и построения экспозиций на основе местного материала. Если в 1920-е гг. преобладали этнографические исследования, то теперь, в конце 1930-х, этнография полностью выпала из поля зрения руководства Центрального музея.

Сохранялись традиции по организации передвижных выставок. В уборочную 1940 г. музей организовал выставку-передвижку по кантону республики. Сотрудники читали доклады, лекции на антирелигиозные, международные темы и о внутреннем положении. Выставку смонтировали на 11 щитах, 10 из которых посвящались вопросам социалистического строительства Советского Союза и Немреспублики, и один — происхождению жизни на Земле [22]. Экспонатами выставки были фотографии, фотомонтаж, диаграммы, таблицы. С помощью фотомонтажа рассказывалось о работе Политбюро ЦК ВКП(б), о праве на труд, отдых, образование, о развитии культуры и быта. Фотографии и таблицы освещали Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Диаграммы рассказывали о Третьей сталинской пятилетке в об-

ласти промышленности, транспорта, сельского хозяйства, о развитии культуры и быта, дальнейшем росте благосостояния трудящихся. В том же году были организованы еще две передвижные выставки: для школ — «Октябрь и дети», для подшефного кантона — «Октябрьская революция и дети» [23].

Для отражения событий 1937 г. в экспозиции по современности были отобраны письма, отражающие настроения и чувства советских людей: «Мы, рабочие и инженерно-технический состав второй смены завода «Коммунист», единодушно одобряем приговор Верховного Суда СССР над агентами фашистской разведки Тухачевским, Якиром, Примаковым и др. Приговор Верховного Суда — это приговор народов СССР. Заверяем Партию и Правительство, что мы еще больше повысим классовую бдительность и еще с большим энтузиазмом будем бороться за выполнение и перевыполнение заданий и ликвидируем все последствия вредительской работы на нашем заводе»[24].

Вскоре после начала войны была ликвидирована Немреспублика, Центральный музей АССР НП постигла та же участь. Часть музейного фонда передали в другие учреждения, многие экспонаты испортились или были расхищены [25], часть коллекций хранится в Энгельском краеведческом музее.

В связи с тем, что архивы долгие годы были закрыты для исследователей, находясь в ведении НКВД, музейные предметы являлись единственным источником по изучению поволжских немцев. Несмотря на идеологическое давление, в 1920-1930-е гг. музеи собрали уникальные коллекции по этнографии и истории поволжских немцев, эти экспонаты составляли основу музейных экспозиций 1926 и 1932 гг. В 1930-е гг. вместо музейных подлинников демонстрировался научно-вспомогательный материал, рассказывающий об успехах социалистического строительства в стране и республике.

Немногочисленные экспонаты, сохранившиеся после закрытия Центрального музея АССР НП, вместе с материалами последних историко-этнографических экспедиций в Поволжье составят основу новой экспозиции Энгельского краеведческого музея «Поволжские немцы и столица их автономии на Волге».

Примечания

1. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. Саратов, 1848. С. 147.
2. Плева И.Р. Немецкие колонии Саратовской губернии (50-90-е гг.) // Очерки истории Саратовского Поволжья 1855-1894. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1995. С. 167.

3. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). Часть 1. Москва, 1991. С. 122.
4. ЭФГАСО. Ф. 847. Оп. 1 о/д. Д. 56. Л. 14-15.
5. ЭФГАСО. Ф. 1348. Оп. 1 о/д. Д. 3. Л. 2.
6. Документы Энгельского краеведческого музея (далее: ЭКМ).
7. ЭФГАСО. Ф. 1348. Оп. 1 о/д. Д. 3. Л. 3.
8. Там же. Л. 4.
9. Там же. Л. 7.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 4.
12. ЭКМ.
13. Советская этнография. 1933. № 5-6. С. 100.
14. ЭКМ. 10761.
15. ЭКМ. 10759.
16. ЭКМ. 10758.
17. ЭКМ. 10774.
18. ЭФГАСО. Ф. 1348. Оп. 1 о/д. Д. 18. Л. 1.
19. Там же. Д. 26. Л. 31-37.
20. Там же. Д. 18. Л. 17.
21. ЭКМ.
22. ЭКМ.
23. ЭКМ. 19774.
24. ЭКМ. 10757.
25. ЭФГАСО. Ф. 1348. Оп. 1 о/д. Д. 29. Л. 3.

СИБИРЬ

Белковец Л. П.

НЕМЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА УРАЛОМ: ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Матханова Н. П.

НЕМЦЫ — ДЕЯТЕЛИ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ XIX В.
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕНТАЛИТЕТА И СТРАТИФИКАЦИИ

Греков Н. В.

ЖАНДАРМСКИЕ АРХИВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ «НЕМЦЫ
В СИБИРИ»

Вибе П. П.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Бетхер А. Р.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫСЛОВ
НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Шайдуров В. Н.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПЕРЕПИСЬ
1917 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
ХОЗЯЙСТВА АЛТАЯ

Бруль В.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ О СУДЬБЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
РЕГИОНА В 1920-1950 ГГ.

Гербер О. А.

«РАСКУЛАЧИВАНИЕ» НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. 1928-1934 ГГ.
ИСТОЧНИКИ И СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рублевская С. А., Смирнова Т. Б.

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НЕМЦЕВ СИБИРИ ,

НЕМЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА УРАЛОМ: ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Л.П.Белковец

Анализ первоисточников по истории немцев Российской империи за Уралом возможен по нескольким сюжетным линиям: 1) роль этнических немцев в организации управления Азиатской частью России, их представительство в военных и гражданских чиновничье-бюрократических структурах; 2) открытие, освоение и исследование Сибири, ее природы и населения; 3) российские немцы в истории просвещения и образования, в развитии сибирского школьного дела, вузовской системы и т.п.; 4) сибирская промышленность и ее кадры.

Из опубликованных источников на первое место необходимо поставить разного рода справочную литературу — от сборников «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации» и до «Сибирского торгово-промышленного календаря» [1]. Особую ценность представляют «обзоры», памятные книжки и торгово-промышленные и адресные календари отдельных сибирских губерний и областей. Они издавались, как правило, ежегодно, начиная с середины XIX в. (самая древняя из тех, которые удалось просмотреть, это Памятная книжка Иркутской губернии 1861 г., последняя — Памятная книжка Тобольской губернии 1915 г.). В памятных книжках находим разнообразную информацию. Они содержат списки чинов гражданского, военного, духовного и других ведомств губернии и областей (чаще с адрес-календарем), а также списки учителей, врачей, аптекарей, держателей торговых и ремесленных заведений, перечни церквей, общественных организаций, благотворительных и иных обществ и т.п. Помимо губернского центра в них представле-

ны и уезды. В памятных книжках имеются списки крестьянских полостей, самостоятельных сельских управлений, селений, участков, хуторов, заимок и т.п., иногда с указаниями имен-волостных старшин, учителей сельских училищ, глав самостоятельных сельских правлений.

Периодически в памятных книжках еще до проведения первой всеобщей переписи населения публиковались материалы проводившихся на местах однодневных переписей населения под рубрикой: «Население... губернии за... год», в которых содержатся и данные о немцах. В памятных книжках помещались материалы об инославных исповеданиях, в том числе евангелическо-лютеранском и римско-католическом: о церквах, количестве прихожан, духовенстве и членах церковных советов, богоугодных заведений, школах и т.п., а также статистика рождений, браков и смертей.

Попадают а такого рода источниках данные о крупных землевладельцах и заводчиках, торговых фирмах, представительствах иностранных фирм. Есть и статьи обобщающего характера, посвященные тем или иным сюжетам хозяйственной и общественной жизни губерний.

Говоря о достоинствах памятных книжек, нельзя не упомянуть и о их «недостатках». В силу своей специфики они представляют читателям слишком лаконичные, ограниченные данные, которые, ко всему прочему, не имеют указаний на источники, послужившие для них основанием. Можно предполагать, что над составлением книжек трудился солидный штат чиновников, в первую очередь сотрудников губернских статистических комитетов, которые обобщали оседавший в архивах губернского правления законодательный и делопроизводственный материал. Однако это предположение не освобождает исследователя от необходимости искать подтверждение некоторым показаниям памятных книжек в самих архивах. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что сохранность и представительность этого вида источников в наших сибирских библиотеках оставляют желать лучшего.

Памятные книжки свидетельствуют о том, насколько широко были представлены немцы в составе чиновничества, управлявшего Сибирью, от низших его слоев до самых высших. Только гражданских губернаторов и генерал-губернаторов — немцев за два с лишним столетия уже насчитывается около 50 человек (а список еще далеко не полон), сюда необходимо добавить еще десяток имен воевод, комендантов крепостей, военных губернаторов, вице-губернаторов, командующих сибирскими пограничными линиями и военными округами.

В высшем военно-административном управленческом аппарате далекой окраины Российской империи немцы были представлены так

густо, что это бросалось и глаза современникам. «Первое, что меня несколько озадачило, — писал прибывший на службу в Омск квартирмейстер отдельного сибирского корпуса и 1858 г., — это иноплеменный состав высших начальствующих лиц; все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и в большинстве были иноверцы. Корпусный командир генерал Гасфорд (имеется в виду Густав Христофорович Гасфорд (1794-1874), генерал-губернатор Западной Сибири и командующий отдельным сибирским корпусом, «талантливый администратор и очень образованный человек» [2]. — Л.Б.); военный губернатор области сибирских киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон Фридрихе — оба немцы-лютеране, комендант крепости генерал де Граве и мой предместник генерал барон Сильвергейм — оба шведы-лютеране. Таким образом, по приезде в Омск, я сразу попал в какую-то немецкую колонию» [3].

Не менее широко фигурируют немецкие имена в среднем чиновничьем звене: председатели губернских правлений, чиновники особых поручений, председатели и члены губернских, земских и окружных судов, городничие, казначеи, приставы, полицмейстеры, члены жандармского управления... Кроме того, немцами укомплектовывались штаты специалистов губернских, областных и уездных управлений: инженеров-строителей, архитекторов, фармацевтов, врачей, ветеринаров, служащих управления путей сообщения, губернского статистического комитета, почтово-телеграфного и других ведомств.

Российские немцы трудились также на ниве просвещения и образования: директорами и преподавателями гимназий, реальных и технических училищ, начальных училищ МНП, церковноприходских школ. Традиционно в руках немцев оставалось преподавание древних и иностранных языков. Исследование показало, что на первое место выходят памятные книжки учебных округов. Например, в Томске, центре Западно-Сибирского учебного округа, такие книжки начали издаваться в конце XIX в. (из просмотренных самая ранняя за 1897 г.) и содержали сведения обо всех учебных заведениях региона, включая евангелическо-лютеранские и другие колонистские школы: о времени открытия школ, характеристике средств их содержания (общественные, государственные или частные), числе учащихся, а также поименном составе учителей. Последние сведения дают представление об их вероисповедании, чинах и наградах, размерах жалования, месте получения образования.

К памятным книжкам примыкает другое издание ведомства Министерства народного просвещения — «Циркуляр по Западно-Сибир-

скому округу». Он издавался ежегодно, начиная с 1890 г., и содержит все императорские указы, циркулярные распоряжения министра народного просвещения и приказы попечителя учебного округа по вопросам народного образования (от низшего до высшего) в округе. Собранные в этом издании документы касаются, во-первых, общего положения всех учреждений народного образования, в том числе лютеранских и римско-католических школ (открытия новых училищ, порядка управления ими, права духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества и осуществлять его и т.п.), деятельности учительских семинарий и институтов. Здесь можно найти инструкции для одноклассных и двухклассных сельских училищ, каковыми были в Сибири все колонистские школы, и даже программы некоторых предметов, преподававшихся в них.

Но особую ценность для исследователя истории немцев в Сибири представляют уникальные материалы, касающиеся персоналий. Они позволяют проследить служебную карьеру работников образования, от начала службы до выхода на пенсию, служебные перемещения, полученные награды, поездки в отпуски за границу, повышение жалованья за выслугу лет и т.п. В каждом номере Циркуляра есть также списки лиц, выдержавших или невыдержавших испытание на звание учителя начальных училищ, в которых находим имена немецких колонистов [4].

Возможность иметь в Сибири достойное материальное обеспечение, пользоваться за свой труд почетом и уважением сограждан (учителя получали не только чины и награды, но и значительные прибавки к жалованью за сверхурочные часы, за должности классных наставников, за выслугу лет в Сибири) привлекала сюда не только выпускников Юрьевского (Дерптского, или Тартуского) университета и столичных вузов, но и тех, кто получил высшее образование в западных университетах и семинариях: Люттихского королевского Атенеума, Боннского, Лейпцигского, Брюссельского университетов. Многие учителя немецкого и французского языка имели иностранное подданство.

Немцы активно участвовали в открытии частных школ. Только и Томске в 1896 г. по их инициативе и на их средства было открыто 2 таких школы: частное начальное училище инженера-механика Евгения Карловича Кнорре на 25 человек и пастора Альфреда Андреевича Келлера, кандидата богословия Юрьевского университета, для 20 детей лютеран. [5] Немцы учреждали именные стипендии в честь своих земляков, отличившихся на ниве просвещения. В 1904 г., к примеру, такая стипендия имени статского советника, горного инженера

Леонарда Людвиговича Мартини была учреждена при Барнаульской женской гимназии горными чипами, служащими в Алтайском округе Кабинета Е.И.В., пожертвовавшими для этой цели капитал в 1200 рублей [6].

Наконец, следует назвать еще издания Г.Фальборка и В.Чарнолуского: «Учительские семинарии и школы» (СПб., 1901), «Настольная книга по народному образованию» (т. 1-3, СПб., 1899-1905) и «Инородческие и иноверческие училища» (СПб., 1903). Все они представляют собой тематические своды законов, распоряжений, правил, инструкций, а также справочных сведений об училищах в Российской империи, в том числе колониетских, протестантских, католических и др., извлеченные из Свода Законов, из Особых Приложений к нему, почти недоступных широкому кругу исследователей, а также из других изданий законодательных и подзаконных актов. Важно отметить, что содержание этих сборников гораздо шире названий, оно заметно выходит за рамки обозначенной школьной темы. Поэтому знакомство с ними позволяет не только воссоздать любопытную картину положения немецкой национальной школы и участия немцев в образовательном процессе всей страны, но и общую правительственную политику по отношению к ним.

В «Настольной книге по народному образованию», например, можно найти Извлечение из правил об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской 1876 и 1890 гг., Извлечение из законов об иностранных исповеданиях христианских и иноверных 1896 г., Уставы евангелическо-лютеранской, католической и других христианских церквей и т.д.

Хотелось бы отметить, что изученные материалы не подтверждают широко бытующее в немецкоязычной литературе мнение о том, что именно начавшиеся в 70-е гг. XIX в. гонения на немецкую школу и церковь в России явились одной из главных причин немецкой реэмиграции. Да, российское правительство пыталось взять под свой неусыпный контроль дело воспитания и образования юношества в империи, пыталось унифицировать и регламентировать деятельность национальной церкви и школы, подчинив последнюю ведению Министерства народного просвещения и ужесточив требования о внедрении русского языка. Но эта политика отражала скорее пожелания, нежели действия, да к тому же была не совсем последовательна. Так, приняв 22 но-

ября 1890 г. указ о подчинении лютеранских школ Министерству народного просвещения на правах начальных одноклассных и двухклассных училищ, правительство постановило, что «преподавание всех предметов, кроме лютеранского вероучения, должно происходить в лютеранских школах на русском языке». При этом учителям для адаптации был дан двухгодичный срок, по прошествии которого никакие причины для неосуществивших переход не должны были приниматься во внимание. Однако, судя по всему, этот строгий указ не был выполнен и спустя 7 лет появился новый, который предписал Министру народного просвещения «по мере возможности, постепенно вводить в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов) преподавание на русском языке, с тем, однако, чтобы природный язык учащихся и Закон Божий их исповедания преподавался на природном языке их, при числе уроков, необходимых для надлежащего усвоения этих предметов» [7].

Отступило правительство и от своего предписания 1890 г. о том, что «по правам и преимуществам службы учителя лютеранских школ не могут быть приравнены» к православным. Это «приравнивание» осуществлялось во все последующие годы: немцы получили право обучения национальных учителей в учительских семинариях учебных округов, пользования казенной или именной стипендией, получения прогонных денег для проезда к месту службы, освобождения от военной службы, допуска лютеран к преподаванию в православных начальных училищах и т.п. Более того, документы свидетельствуют, что намерение правительства обучить детей представителей инославных исповеданий русскому языку явилось своего рода стимулом для поднятия на новый уровень национального школьного образования. С этой целью были открыты в немецких колониях новые училища и учительские семинарии Министерства народного просвещения (Пришибское, Лесно-Карамышское, Екатериненштадтское, Саратовское, Колпанское и др.). С наименьшим рвением удовлетворяло оно ходатайства немецких поселян в Сибири о выделении субсидий на строительство церквей в местах их нового проживания.

Необходимо отметить также, что документы не подтверждают и другого вывода, уже советской историографии, о несовершенстве, мягко говоря, системы народного образования Российской империи и почти поголовной безграмотности российского населения. Сибирские материалы говорят об обратном. На рубеже XIX и XX вв. Сибирь переживала своеобразный взлет в развитии этой системы, опережая европейскую часть России почти в три раза по темпам роста числа на-

чальных училищ. С 1894 по 1911 гг. их увеличение составило 167,2%. К 1905 г. здесь действовало более 50 средних школ (гимназий и прогимназий), около 5 тысяч начальных училищ, десятки частных, «вольных» школ, церковно-приходские школы всех конфессий, десятков учительских семинарий, 5 учительских институтов (во всех губернских центрах), педагогические классы при женских гимназиях, 4 вуза. Успешно развивались и специальные учебные заведения, реальные и технические училища, ремесленные, речные, мореходные школы, юнкерские и кадетские корпуса [8]. Замечательный вклад в развитие этой системы внесли российские немцы. Только история Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса в Омске дает возможность внести в энциклопедию российских немцев как минимум четырех персон: Глазенапа, Линдена, Рейнеке и Шрамма [9].

К 1917 г. Сибирь имела 4 высших учебных заведения: Томский университет, Томский технологический институт, Высшие Женские курсы при университете и Восточный институт во Владивостоке. В них готовили медиков и юристов, инженеров-механиков и строителей, химиков, специалистов горного дела, учителей и переводчиков, дипломатов. Как это видно из «Краткого биографического словаря профессоров Томского Технологического института», в нем в течение первых 25 лет его существования (1900-1925) в качестве профессоров и преподавателей трудились 16 немцев, в том числе такие выдающиеся ученые, как физик Б.П. Вейнберг, основатель сибирской школы физики твердого тела, создатель первой в мире дороги на магнитной подушке, родоначальник гелиотехники в СССР (умер в 1942 г. в Ленинграде, будучи физиком Главной физической обсерватории); Н.М. Кижнер, специалист в области органической химии, в последующем академик СССР (умер в 1935 г.). В Технологическом институте, а затем и в университете, трудился выпускник Юрьевского университета, первый доктор математики в Сибири Федор Эдуардович Молин.

12 профессоров-немцев имел в эти годы и Томский университет; достаточно сказать, что его первым ректором был немец, доктор физики Николай Александрович Гезехус. Профессор университета Г.Э.Иоганзен создал в нем широко известную зоологическую школу, а Е.В. Вернер и Ф.К.Крюгер прославили отечественную науку своими работами в области общей и биологической химии. По подсчетам И.Т. Лозовского, и сейчас в Томском политехническом университете работают 36 человек этнических немцев, среди них сын профессора А.П. Дульзона — профессор, доктор, энергетик, Альфред Андреевич Дульзон.

Главным источником для изучения их вклада в отечественную науку является научная периодика, и том числе «Известия» Томского университета и Технологического института, «Труды общества врачей», «Сибирские врачебные известия», «Журнал общества сибирских инженеров», «Труды Томского общества естествоиспытателей» и др.

Однако обращение к периодической печати Сибири как интереснейшему источнику по названной теме выводит нас на еще одну из ее проблем — участие немцев в исследовании Сибири. Казалось бы, что этот сюжет в нашей литературе уже достаточно хорошо изучен. Во всяком случае широкой известностью пользовались имена академиков Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, И.И. Георги и других участников академических экспедиций. Но, как выяснилось, в тени остается еще огромная когорта ученых-краеведов, исследователей сибирской флоры и фауны, водных путей, полезных ископаемых и т.п., которые активно участвовали в организации и работе местных исследовательских и культурно-просветительских центров, в пропаганде научных знаний через музеи, библиотеки и прочие научные сообщества.

Огромный, еще не изученный и не оцененный по достоинству материал для освещения этой проблемы содержат издания сибирских отделов и подотделов созданного в 1845 г. Императорского Русского Географического Общества, выходившие с 1851 г., — времени создания в Иркутске Сибирского Отдела ИРГО («Известия» и «Отчеты»). С этого времени главные исследовательские силы Сибири и всего ИРГО были брошены на изучение вновь присоединенных к России территорий Приморья и Амурской области. С 1877 г., когда Сибирский Отдел разделился на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, объектом исследования стала и Западная Сибирь, до этого почти не привлекавшая внимания исследователей (исключение составляет экспедиция по Барабинской степи академика Миддендорфа). С 1878 г. в Омске стали выходить и «Записки Западно-Сибирского Отдела ИРГО», которых до 1927 г. вышло 47 томов. В 1890-е годы были созданы подотделы: Приамурский, Забайкальский, Троицкосавско-Кяхтинский, Алтайский, публиковавшие свои собственные материалы. В совокупности эти издания дают полное представление о деятельности отделов. В них мы находим хронологические перечни экспедиционных поездок, экскурсий, совершенных на средства отдела или при его содействии и участии членами общества. Содержат они и уникальные материалы об ученых, членах сибирских отделов ИРГО, характеристики результатов их экспедиционных работ, дают анонсы их трудов, а также и сами труды, вышедшие из-под пера этих ученых.

Заметную роль в деятельности сибирских отделов играли немцы. Уже в 1860-е гг. из 8 членов Сибирского Отдела, созданного, кстати говоря, по инициативе Иркутского губернатора Юлия Ивановича Штубендорфа, трое были немцами (Н.Ф. Вертгейм, Е.А. Смиттсн, А.Х. Фитингоф), к 1869 г. из 25 действительных членов его — 13 немцев, в 1873 г. из 68 действительных его членов — 20 немцев и т.д.

Что касается Западно-Сибирского отдела, то и в нем немцы составляли в разные годы от 10 до 20% личного состава его членов. Они проиодили разнообразные этнографические, фаунистические, оро- и гидрографические, астрономические, геофизические исследования, результаты которых становились достоянием мировой науки. Здесь тоже имеются свои авторитеты. Среди барнаульцев — это доктор медицины Отто Карлович Думберг, горный инженер Дмитрий Васильевич Кларк, знаменитая семья Геблеров, исследователей гор и ледников Алтая, и многие другие.

Столь представительное участие немцев в изучении и освоении Сибири в составе сибирских отделов ИРГО вполне объяснимо, если учесть, что и само ИРГО было основано и поддерживалось деятельностью российских академиков, немцев по происхождению: Бэр, Струве, Крузенштерн, Гельмерсен, Врангел, Далем, Кеппен, Берг и др. В первом томе составленной в 1896 г. вице-президентом Общества П.П.Семеновым «Истории полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества в 1845-95 гг.» помещены портреты и биографии этих замечательных ученых.

К великому сожалению, указанные источники содержат весьма скудные данные о личности самих ученых. Они появлялись там лишь в некрологах самым выдающимся из них. Сведения о других исследователях необходимо искать в архивах. С этим обстоятельством связана и другая сложность — этнической или хотя бы конфессиональной идентификации персонажей. Научные издания, естественно, не указывают ни конфессиональной, ни тем более национальной принадлежности человека. Фамилия же, даже чисто немецкая, не всегда принадлежит немцу. Поиск немецких корней в архивах — это долгая и кропотливая работа, она потребует огромных временных, физических и моральных затрат.

Помимо изданий научных и исследовательских учреждений и обществ, необходимо выделить еще несколько групп источников. Прежде всего, это официальные правительственные газеты и в первую очередь «Губернские ведомости», издававшиеся в губернских центрах с 1857 г., и «Областные ведомости», выходившие в 1860-90-е гг. и в центрах об-

ластей (Чите, Якутске, Хабаровске, Омске). Они содержат материалы официального характера, среди которых можно обнаружить и данные о немцах. Например, в Тобольских губернских ведомостях 1860 г. находим корреспонденцию «Обед в честь Густава Христофоровича Гасфорда... и речи, сказанные в его честь» (№ 45); в Акмолинских областных ведомостях 1878 г. «Материалы для истории Сибирского казачьего войска» генерал-поручика Шпрингера и «Речь преподавателя Омской гимназии В.М. Краузе», прочитанную им на гимназическом вечере 13 ноября 1881 г.

Другую группу источников составляют периодические издания экономического направления. Среди них, прежде всего, заслуживают упоминания те, которые имели сельскохозяйственный уклон и так или иначе обращали внимание на немцев, колонистов или частных землевладельцев и арендаторов. Это «Сибирские вопросы», «Сибирский хозяин», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский земледелец и садовод», «Сибирское сельское хозяйство», «Алтайский крестьянин», «Канский сельскохозяйственный вестник» и др. Эти журналы широко освещали ход и результаты переселения российских крестьян за Урал, распространяли сельскохозяйственные знания, рекламировали новую технику, давали информацию с мест об урожае, о ценах на хлеб, о деятельности маслодельных, кредитных и иных товариществ и кооперативов, приводили подробные описания лучших хозяйств. Находим здесь и информацию из немецких колоний, а также описания лучших частновладельческих хозяйств, в том числе Филиппа Филипповича Штумпфа.

Заслуживают особого внимания издания Ф.Ф.Штумпфа, этого замечательного немца, сына саратовского колониста, одного из «отцов» города Омска начала нынешнего столетия. В отличие от автора биографического очерка о Штумпфе, И.П.Шихатова [10], изучавшего архивные документы, нам помогло выйти на Ф.Ф. Штумпфа фронтальное исследование сибирской сельскохозяйственной периодики. Ф.Ф.Штумпф был бессменным ответственным редактором двух омских журналов: «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и «Сельскохозяйственная жизнь» (до 1915 г. — газета). Оба журнала, первый — ежемесячный, второй — двухнедельный, с тиражом соответственно 2 тыс. и 2,5 тыс. экз., выходили в 1913-1917 гг. и являлись изданиями Омского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). История этого общества в Омске также достойна пристального внимания, поскольку 00 МОСХ был своеобразным немецким оазисом на сибирской земле. Он был учрежден в 1899 г. 12-ю ли-

цами, служащими Управления Государственных имуществ, Переселенческого Управления и Войскового хозяйственного правления для распространения теоретических и практических сведений по сельскому хозяйству, содействия его развитию, сбыту продуктов, внедрению новой техники и технологии, пропаганде передового опыта и т.п. ф.Ф.Штумпф, бывший в числе учредителей, стал товарищем председателя ОО МОСХ, А.А.Станкевича. Крупный предприниматель, имевший мощное хозяйство на арендованных у Сибирского Казачьего войска землях, Штумпф был и известным общественным деятелем. Вице-президент Омского общества поощрения конезаводства, Председатель Биржевого Комитета и Попечительского Совета Омского коммерческого училища, организатор разнообразных сельскохозяйственных выставок и непреременный их участник и победитель, Штумпф сумел привлечь в общество своих соплеменников, специалистов агрономов и ветеринаров, представителей общественных учреждений, кредитных предприятий, фирм, лучших сельских хозяев, которые активно участвовали и в его изданиях.

Изучение этих изданий, а также «Журналов заседаний съезда деятелей сельского хозяйства» [11] дало возможность установить, что в разные годы членами ОО МОСХ были: Ю.И. Теккер, директор Омской ветеринарно-фельдшерской школы; И.М.Карзин, агроном с высшим образованием, землевладелец-предприниматель, имевший образцовое хозяйство в Омском уезде (оба являлись членами редакционного комитета); Ник. Рихард. Кабль, управляющий Крестьянским земельным банком; Б.В. Трувеллер, председатель ОО МОСХ с 1912 г.; Г.И.Шварц, Н.Я.Шварц, А.Д.Зейферт, Р.Г.Шпехт, В.К.Дитрих, Г.К.Даутрих, А.Г.Франк, А.С.Перах, Г.Я.Райзер, Я.Я.Гильдебранд, В.С.Коган, В.Р.Штейнгель, И.П.Изаак, А.Н.Шнабель, Влад. Людвиг. Бурштейн (ученый лесовод), А.А.Гехтер, Ю.А.Генниг, И.М.Кауль, Э.К.Штиглиц, Н.Ф.Штанин, т.е. вся омская сельскохозяйственная элита.

В журналах Штумпфа широко освещалась экономическая и агрономическая деятельность местных общественных и государственных организаций, в том числе и ОО МОСХ, публиковались многочисленные оригинальные статьи по различным сельскохозяйственным и техническим вопросам, пропагандировавшие рациональные методы ведения хозяйства и оказывавшие огромную практическую помощь сельским хозяевам (в опытном деле, агрономии, в вопросах улучшения пород скота, молочного хозяйства, пчеловодства, распространения сельскохозяйственных машин и орудий, кредитования). Штумпф по-

сгоянно обсуждал на страницах журналов вопросы кооперативного строительства, обобщал материалы сельскохозяйственной печати, помещал хроники и корреспонденции с мест, обзоры хлебных и масляных рынков, пел оживленный диалог с читателями. Без преувеличения можно сказать, что журналы Штумпфа были лучшими сельскохозяйственными журналами региона. Они несомненно сыграли свою роль в тех успехах, которых достигло сельское хозяйство Сибири в первое десятилетие XX в.

Темпы развития сельского хозяйства (примерно 25% в год) обеспечили высокий спрос на сельскохозяйственную технику, и международное производство сельскохозяйственных машин нашло в Сибири обширный и выгодный рынок — например, американцы ежегодно сбывали здесь в указанные годы машин на сумму более 10 мил. руб. В одном только Омске действовало около 30 компаний, отдельных предпринимателей и комиссионеров по сбыту сельскохозяйственного инвентаря [12]. Имели здесь свои представительства и немцы, владельцы предприятий сельскохозяйственного машиностроения новороссийского юга. Сельскохозяйственную технику широко рекламировал в своих журналах и Ф.Ф.Штумпф.

В этих успехах была и известная доля труда немецких поселян. Только одно кредитное товарищество поселка Александро-Невского Каинского уезда сдало в 1915 г. губернской организации 6000 пудов пшеницы [13]. Среди победителей ежегодных животноводческих выставок в Омске большинство — немцы. Так, по итогам 5-й очередной выставки лошадей 1913 г. золотые, серебряные, бронзовые медали получили Штумпф, Ковлер, Шелль, Матис, Изаак, Лехнер, Беккер, Миттель, Шенгальбс и др., по итогам 8-й выставки в 1916 г. — Геннинг, Штумпф, Ковлер, Шелль, Матис, Шарф, Фриц, Швабенланд, Гольф, Гехт, Дрейлинг, Динер, Майер и еще добрый десяток немецких хозяев. [14]

Периодические издания являются главным источником и для изучения кадров сибирской промышленности, в том числе основной ее отрасли, возникшей еще в начале XVIII в. — промышленности горнорудной и металлургической. Уже в XVIII в. Алтайский и Нерчинский горные округа, находившиеся в ведении Кабинета Е.И.В., являлись едва ли не главными в России поставщиками цветных и драгоценных металлов. В XIX в. в Сибири действовало свыше десятка горных округов, в которых шла разработка полезных ископаемых. Управление и обслуживание горнорудной и металлургической промышленности Сибири, как, собственно, и всей России, традиционно нахо-

дилось в руках немецких специалистов. На немецком языке издавалась в XVIII в. и частично в XIX, не только за рубежом, но и в самой России, вся специальная литература по данной теме, а горные инженеры, даже русские по происхождению, писали свои отчеты и другие труды на немецком языке. Немецкой по своему происхождению была и вся специальная терминология.

Из немцев формировался не только высший слой специалистов-управленцев (обербергмейстеры, обергютенфервалтеры, управляющие отдельными рудниками и заводами, каменноугольными копиями и т.п.), но и средний слой (гютенфервалтеры, бергмейстеры, шихт- и унтершихтмейстеры, берггешворены, штейгеры, маркшейдеры, пробиреры, бухгалтеры и т.п.). Имена многих сибирских специалистов горного дела — Андреаса Беэра, Иоганна Улиха, Германа Качки, Федора Бегера, Филиппа Риддера, Абрама Гериха — теперь хорошо известны. Некоторые из них красовались когда-то на географических картах (Риддеровский рудник, город Риддер), о них писали исследователи-краеведы. Однако, эта известность коснулась лишь специалистов XVIII в., история же горнорудной и металлургической промышленности Сибири в XIX в. оказалась абсолютно безымянной, хотя в сравнении с XVIII в. в отношении ее кадров почти ничего не изменилось. О том свидетельствуют «Списки горным инженерам», периодически издававшиеся в России высшим горным ведомством в течение всей второй половины XIX и начала XX вв. Они воссоздают весьма впечатляющую картину немецкого присутствия в горном деле России и дают солидный материал для суждений о его кадрах.

Ценные дополнения к «Спискам...» содержат общероссийский, издававшийся с 1825 г. «Горный журнал», а также журнал Томского горного управления «Горные и золотопромышленные известия», выходящий с 1903 г. В них помимо статей специального характера, отчетов горных инженеров о деятельности поисковых партий, публиковались некрологи, материалы биографического характера. Десятки выявленных в этих источниках имен российских немцев достойны войти в энциклопедию [15].

Материалы указанных источников еще подлежат осмыслению. В частности, необходимо искать ответ на вопрос о причинах столь ярких немецких приоритетов в Сибири, окраинной части Российской империи. Необходимо сравнение с Европейской частью страны. Тщательному анализу должны быть подвергнуты также материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., которые характеризуют

население России по важным для изучения данной темы параметрам: родному языку, вероисповеданию, грамотности, занятиям. Некоторые выводы можно делать уже при первом их рассмотрении: в Сибири среди городского населения почти не было немцев-католиков; гораздо полнее немцы были представлены в среде православного населения. Большинство немцев (по языку) — протестанты, выходцы из западных губерний России, прежде всего, прибалтийских, охотно делавших в Сибири свою военную или гражданскую карьеру. У протестантов же отмечается традиционно более высокий уровень грамотности, чем у представителей других конфессий (по отдельным губерниям до 70%), значительно больше получивших образование выше начального, а также и доля грамотных по-русски. Не случайно большинство их заняты в учебной, врачебной, воспитательной сферах деятельности или имеют другие интеллигентские профессии. Очевидно, заслуживает внимания исследователей система образования у протестантов.

Источники не обнаруживают ни одной чисто национальной организации или объединения немцев вплоть до февраля 1917 г., поставившего на повестку дня вопрос о национально-культурной автономии. Единственным учреждением такого рода можно считать «Немецкий ресторан» Петра Меллера, «место встречи немцев», как гласила реклама, который располагался в самом центре Владивостока, напротив офиса знаменитой фирмы «Кунст и Альберс», и где имела место русская и германская кухня и подавали не только местное пиво, но и заграничное «из бочки». В нем помимо «карамболь-биллиарда», кабинетов и веранды «с чудным видом на бухту «Золотой Рог», находилось и «помещение для частных собраний» [16]. Это описание относится к 1909 г., когда генерал-губернатором Приморья был Павел Федорович Унтербергер, его помощником Николай Николаевич Мартос, военным губернатором Василий Егорович Флуг, комендантом крепости Владимир Александрович Ирман, а городским головой Иван Иннокентьевич Циммерман.

Можно думать, что российские немцы в Сибири, пользуясь правами культурно-национальной автономии, главным из которых было право свободного выбора (языка, конфессии, рода занятий, круга общения и т.п.), высоко ценили свою принадлежность к российскому подданству. Они входили в объединения и корпорации по конфессиональному, сословному или профессиональному принципу, принцип же национальной принадлежности стоял для них на последнем месте. То есть, они ощущали себя в первую очередь россиянами, во вторую —

католиками, лютеранами, реформаторами, л третью — дворянами, мещанами, в четвертую — чиновниками, педагогами, учеными, инженерами, врачами, и лишь в пятую — немцами.

Примечания

1. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. СПб., 1895; Вольский. Вся Сибирь. Справочная книга. СПб., 1908; Город Томск. Томск, 1912; Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 и 1879 г. / Составитель Круссер; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., 1851; Иванов Н.А. Торгово-промышленный путеводитель и адресный календарь Акмолинской области. Омск, 1911; Памятная книжка лицам, служащим по разным ведомствам Томской губернии на 1866 г.; Богданов Д. Путеводитель по Владивостоку и промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1909 и др.
2. Краткий историко-статистический очерк города Омска. Омск, 1911. С. 47.
3. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875. СПб., 1916. С. 6.
4. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений, с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учебу, числа учащихся и личного состава служащих на 1897 год. Томск, 1897. С. 29-31.
5. Там же. С.196, 198.
6. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1906. С. 53.
7. Настольная книга по народному образованию / Составители Г.Фальборк и В.Чарнолуский. СПб., 1906. Т. 3. С. 2189, 2190, 2439.
8. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 368-369.
9. Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813-1913. М., 1915.
10. Шихатов И.П. Филипп Штумпф (биографический очерк) // Немцы Сибири. История и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 1995. Ч. 2. С. 67-71.
11. Журнал заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1-12 августа 1911 г. в городе Омске. Омск, 1912.
12. Журнал Общества Сибирских инженеров. Томск. 1910. № 3. С. 114, 143.
13. Каинский сельскохозяйственный вестник. Издание Каннского Общества сельского хозяйства. 15 июля 1916 г.. № 9 и 10. С. 7.
14. Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск. 1913. №4. С. 20-21; 1916. № 4. С. 40.
15. См.: Памятная книжка для русских горных людей на 1862 (и другие) год. СПб., 1862.
16. См.: Богданов Д. Указ. соч. — Реклама.

НЕМЦЫ — ДЕЯТЕЛИ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ XIX В. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕНТАЛИТЕТА И СТРАТИФИКАЦИИ*

Н. П. Матханова

Очевидно, что немцы играли заметную роль в управлении Российской империей. По данным П.А.Зайончковского, в 1853 г. число немцев (точнее, лютеран) достигало 16,3% (9 из 55) в Государственном совете, 11,1% (2 из 18) в Комитете министров, 10,6% (12 из 113) в Сенате, 18,7% (9 из 48) в губернаторском корпусе [1]. Весьма значительным было число немцев и в составе администрации Восточной Сибири. Термин «администрация», по нашему мнению, более точен в данном случае, так как для России XIX в. вообще была характерна милитаризованность управления, а роль военных в управлении Восточной Сибирью в связи с продолжающимся процессом военно-административной колонизации, была еще большей.

В то же время, за исключением нескольких биографических очерков [2], нет ни одной работы, исследующей участие немцев в процессе управления и их место среди других участников этого процесса. Остается неясным, составляли ли они особую группу в управленческом корпусе, осознавали ли сами немцы и окружающие их отличие от остальных.

Неоднородность чиновничества общепризнанна. Обычно выделяют три слоя: высшее, среднее и низшее. В основе этого деления находятся такие официально признанные и законодательно фиксировавшиеся критерии, как чин и должность. К высшему слою относятся лица, имевшие чины с 1 по 5 класс, в провинции это были генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор, председатели губернских палат, в Сибири — и начальник штаба. К высшей администрации принадле-

* Подготовлено при финансовом содействии РГНФ (проект № 96-01-00145)

жали также чиновники особых поручений и адъютанты генерал-губернатора, чей официальный статус, казалось бы, не давал оснований для включения их в слой высшего чиновничества. Но эти люди были сильны своей близостью к начальству, которое имело право делегировать им часть своих полномочий для выполнения дававшихся им поручений. Вместе с тем, существовала и стратификация по неофициальным критериям. В соответствии с нею в составе высшей провинциальной администрации выделялись малые социальные группы. Их отличали, главным образом, принятые их членами системы норм и ценностей, характерные для них интересы, привычные занятия в неслужебное время, родственные и дружеские связи и т.п. Важно отметить, что это были не условно выделяемые исследователями, а существовавшие в действительности группы. Они находились в определенном иерархическом соотношении: могли иметь более или менее высокий или же равный ранг по отношению друг к другу. Принадлежность чиновника к определенной группе во многом обуславливала его положение не только в обществе, но и в неофициальной, негласной, но реально существовавшей иерархической системе [3].

Источниковая база достаточна для того, чтобы выявить немцев в составе администрации Восточной Сибири и установить их принадлежность к той или иной малой социальной группе. Для этого необходимо выяснить взгляды, интересы, особенности образа жизни, основные ценностные ориентации и установки, приятельские и союзнические отношения немцев — деятелей администрации.

Источники, используемые для решения этих задач, могут быть разделены на две большие группы: официально-документальные материалы и источники личного происхождения. Первую группу составляют формулярные и послужные списки, губернаторские отчеты и жандармские донесения, адрес-календари, памятные книжки и иные справочники. Важнейшим из источников справочного характера является «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве», издававшийся с 1768 г. Хотя на деле в «Адрес-календари» включались далеко не все чиновники, состав высших должностных лиц гражданского ведомства отражен в них довольно полно. Квартирные расписания войск позволяют установить фамилии, чины и должности служивших в Сибири офицеров. В печатавшихся почти ежегодно списках штаб-офицеров по старшинству указывались также имя и отчество, время вступления в службу, награды, год производства в последний чин. Памятные книжки отдельных губерний начали издаваться позже и выходили с меньшей регулярностью. Первой в Сибири была «Па-

мятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год». Памятные книжки содержали перечень всех лиц различных ведомств, служивших в данной губернии, с обозначением их чина, должности, в некоторых случаях — наград. От адрес-календарей они выгодно отличались тем, что печатали сведения не только о служащих гражданского и военного ведомств, но и о тех, кто не состоял на коронной службе, но играл важную роль в управлении — о городских головах, членах органов сословного самоуправления и попечительных советов благотворительных учреждений.

Все эти издания для установления национальности служащих дают только одно и не очень надежное основание — фамилию, имя, отчество. Более точные и значительно более подробные сведения можно почерпнуть из формулярных и послужных списков. Они составлялись на каждого чиновника и офицера и хранились в Инспекторских департаментах МВД и Военного министерства. В них, кроме фамилии, имени и отчества, указывались возраст, вероисповедание, сословное происхождение, образование, имущественное положение (наличие недвижимой собственности), награды, а также прохождение службы. Как известно, национальность в Российской империи в документах не фиксировалась, поэтому ее определение возможно лишь по указанию на вероисповедание. Но вероисповедание отнюдь не всегда однозначно указывало на национальность. Среди немцев были и лютеране, и католики, и православные — как известно, дети от смешанных браков, если один из родителей принадлежал к господствующей религии, обязательно обращались в православие. С другой стороны, лютеранами были и немцы, и шведы, и голландцы, и финны, и эстонцы и пр. Изредка в формулярных списках национальность все же указывалась. Так, о генерал-губернаторе Восточной Сибири В.Я.Руперте было прямо сказано: происхождение — «из голландских дворян» [4]. Иногда национальность указывалась в графе «образование». Так, в послужном списке гвардии капитана барона Э.Е.Сильвергельма сказано: «знает шведский (природный), российский и французский языки» [5]. Формуляр может также содержать косвенные, но достаточно надежные указания на национальность: в графе «происхождение» старшего советника Забайкальского областного правления Ф.В.Флюхрата записано — «из прусских подданных» [6], в формуляре члена Совета Главного управления Восточной Сибири Х.Глейма — «рожден в российском подданстве от иностранца, не бывшего в подушном окладе. ... В службе с 1809 г. в Саратовской конторе опекунов иностранных поселенцев» [7]. И все же во многих случаях ни справочники, ни форму-

ляры не гарантируют от ошибки. Так, один из самых способных и энергичных сотрудников генерал-губернатора Н.И.Муравьева-Амурского член Совета Главного управления Восточной Сибири А.О.Стадлер хлопотал в 1858 г. о своем переводе в Министерство иностранных дел и в связи с этим писал Е.П.Ковалевскому: «Моя немецкая фамилия, лютеранская вера и французское происхождение были бы полезны в русском дипломатическом агенте» [8].

Таким образом, уже на первичной стадии исследования необходимо использование, наряду с официальными документами, и источников личного происхождения. Только комплексное использование различных источников позволяет с достаточно высокой степенью надежности установить число и персональный состав немцев — деятелей администрации Восточной Сибири.

Первое же обращение к источникам дало, как и следовало ожидать, весьма впечатляющие результаты. Немцы занимали высокие и значительные должности: генерал-губернаторов, управлявших огромным отдаленным краем (И.Б.Пестель в 1806-1819 гг., П.А.Фредерикс в 1873—1879 гг., А.Н.Корф в 1884-1893 гг.), военных и гражданских губернаторов (Н.В.Буссе и А.А.Офеибург в Амурской области, К.К. фон Венцель и И.Б.Цейдлер в Иркутской губернии, П.Ф.Унтербергер в Приамурской и И.В.Фуругельм в Приморской областях, Н.П. фон Дитмар в Забайкальской, Ю.И.Штубендорф в Якутской областях и т.д.). Немцами были председатели губернских и областных правлений, казенных палат, судов (В.В.Гаупт, Е.В.Пфаффиус, Н.Р.Ребиндер, Б.В.Струве, Ф.К.Флюхрат и др.), штаб-офицеры, игравшие видную роль в управлении (Г.К.Калмберг, Н.П. фон Моллер, Э.Р.Рейн, О.Ф.Рейнгардт, Г.А.Тимрот, Н.Г.Шульман и др.).

Источники официально-документального характера дают также возможность для получения некоторых сведений о привычках, взглядах, дружеских связях, особенностях образа жизни многих деятелей администрации. Весьма полезными в этом отношении оказываются даже издания справочного характера. Например, из них видно, что Н.Г.Шульман окончил Пажеский корпус (то же учебное заведение, что и генерал-губернатор Н.Н.Муравьев), служил в лейб-гвардии Семеновском полку (там же, где и преемник Муравьева М.С.Корсаков), в 1860 г., когда вопрос о назначении Корсакова на место Муравьева был практически решен, Шульман перевелся в Восточную Сибирь офицером для особых поручений при генерал-губернаторе, а в 1865 г. стал окружным интендантом. Эти данные, в сочетании с информацией о двух старших братьях Н.Г.Шульмана, бывших к 1863 г. генерал-май-

орами (один из них командовал Первой гвардейской артиллерийской бригадой, другой вочлавллял артиллерию Кубанского казачьего войска) [9], уже позволяют сделать некоторые предположения о его возможных привычках и дружеских связях.

Особенно ценным в этом отношении является такой специфический источник, как жандармские донесения, содержавшие характеристики «лиц, обращающих на себя почему-либо внимание правительства». О том же Н.Г.Шульмане в донесении иркутского жандармского штаб-офицера говорилось: «Пользуется особенным расположением генерал-губернатора,... в настоящей должности занимается весьма деятельно», а те, кому он покровительствует, «всегда имеют большой вес и опору, хотя и не заслуживают того внимания, которым пользуются весьма несправедливо» [10]. Порой жандармские донесения были психологически выразительными и образными. Например, о председателе енисейского губернского правления В.В.Гаупте жандарм писал: «Скромный, трудолюбивый, точный и аккуратный до педантизма. В служебной деятельности его иногда замечается угодливость перед властью старших и доброхотство к некоторым частным лицам, впрочем, умеряемые боязнию личной ответственности» [11]. Инспектор же иркутской врачебной управы К.В.Кинаст характеризовался следующим образом: «Прекрасный, умный, честный человек, занимается своей обязанностью весьма усердно, бескорыстный и готов помогать всякому бедному, страждущему, пользуется общею прекрасною репутациею» [12].

Из официально-документальных материалов могут быть также использованы всеподданнейшие отчеты губернаторов и других официальных лиц. Не всегда, но в некоторых случаях они несут отпечаток интересов и представлений авторов — разумеется, если ими были подписывавшие отчеты лица. Так, первый кяхтинский градоначальник Н.Р.Ребиндер описывал в своем отчете усилия по «восстановлению достоинства русского правительства и русского имени», пресечению высокомерных притязаний китайских купцов, их «наглых и обидных для русских» выходок [13].

И все же для изучения проблем менталитета и стратификации по социокультурным основаниям главными являются источники личного происхождения — дневники, мемуары, письма современников, как самих немцев, так и их друзей и недругов, сослуживцев, начальников, подчиненных и просто знакомых. Часть из них нами обследована. Это довольно обширный массив относящихся в основном к середине XIX в. дневников и мемуаров В.И.Вагина, Н.А. фон Глена, И.В.Ефимова,

М.С. Корсакова, А.М.Линдена, Б.А.Милютина, Г.И.Радде, Б.В.Струве, П.В.Шумахера и др. — всего около 50. В различных архивохранилищу сохранились также весьма значительные эпистолярные комплексы, отложившиеся в фондах генерал-губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова, приморского губернатора П.В.Казакевича, чиновников М.С.Волконского и Н.Д.Свербеева, врача Н.А.Белоголового и других — всего более тысячи единиц хранения в ГА РФ, РГА ВМФ, ЦИА г.Москвы, ГАИО, ОР РГБ, ОР ИРЛИ.

В мемуарах более или менее подробно рассказывается о группах, существовавших среди деятелей администрации Восточной Сибири того времени, о взглядах и принципах, характерных для их членов. Так, Б.В.Струве в «Воспоминаниях о Сибири» описал так называемый «наш круг» — группу наиболее близких к Н.Н.Муравьеву молодых чиновников и офицеров. Он перечислил членов этой группы, охарактеризовал некоторые принятые в их кругу правила поведения в служебное и неслужебное время [14]. Информацию подобного типа об этой и других группах можно почерпнуть из остальных упоминавшихся мемуаров. Говорится в них и об отношениях между различными группами. Полученные сведения могут быть дополнены и уточнены на основании анализа источников эпистолярного характера.

Учитывая значительное число немцев в составе администрации, естественно было бы предположить существование объединявшей их особой социокультурной группы. Однако источники не подтверждают этой гипотезы. Более того, их изучение приводит к мысли о том, что деятели восточносибирской администрации — немцы были представлены в различных существовавших в крае социокультурных группах. Как уже отмечалось, Б.В.Струве входил в «наш круг». Группа состояла из молодых людей, окончивших привилегированные учебные заведения и приехавших в Сибирь вместе с Муравьевым. В этом кругу культивировались бескорыстие, борьба с злоупотреблениями, защита интересов государства, преданность делу, попечение о народе, строгие и даже жесткие меры по отношению к старым чиновникам, купцам и золотопромышленникам. Для них были характерны готовность к трудным и дальним путешествиям, пренебрежительное отношение к законам и «формальностям», высоко ценились исполнительность и усердие, ни во что не ставилась «канцелярщина». В быту члены «нашего круга» соблюдали привычные светские нормы и обычаи, вне службы среди них не было начальников и подчиненных.

Своим среди «дельцов старого времени» — чиновников, оставшихся со времен прежних генерал-губернаторов, был Н.К.Эрн. Члены этой

группы, большей частью уроженцы Сибири, были связаны с местным купечеством родственными и дружескими отношениями, общностью интересов, в том числе и материальных, привычек, образа жизни. Их сила заключалась в знании канцелярских форм и тонкостей делопроизводства. Обвинение во взяточничестве, убийственное для членов «нашего круга», для «дельцов старого времени» было опасным лишь тогда, когда грозило расследованием и судом [15].

В.Н. фон Клингенберг принадлежал к группе новых для Сибири и для России молодых чиновников с университетским образованием и либеральными воззрениями. Они отличались готовностью решительно заступаться за простой народ и отстаивать его интересы и от богатей, и от власти, верой в целительную силу просвещения и стремлением к его распространению. Энергичная и бескомпромиссная борьба со злоупотреблениями местных чиновников привела к крушению карьеры В.Н. фон Клингенберга, несмотря на его родство с новым генерал-губернатором М.С.Корсаковым [16].

Таким образом, анализ мемуаров и писем позволяет заметить, что находившиеся в составе администрации Восточной Сибири немцы не воспринимались как некая особая общность, объединенная именно по этническому признаку, и, вероятно, таковой не представляли. Более тесное общение между отдельными немцами объяснялось чаще всего родственными отношениями, давним знакомством и другими факторами неэтнического характера. Одним из них было отправление религиозных обрядов, объединявших всех верующих лютеранского вероисповедания. Частота упоминания в переписке, оценки и характеристики деятелей администрации — немцев и представителей других национальностей зависят не от этнической принадлежности, а от положения, личных симпатий и других факторов.

Заметно отличаются в этом отношении воспоминания натуралиста и путешественника Г.И.Радде. Он не только назвал в числе первых 12-ти своих сибирских знакомых 8 немцев, но и прямо указал на предпочтительность для себя немецкого общества. «Из числа тогдашних моих знакомых назову еще двух, по происхождению немцев, доктора Кинаста, медицинского инспектора гражданского ведомства, и директора мужской гимназии Геака. Впоследствии мне приходилось встречаться еще со Штубендорфом... В таком обществе мне жилось в Иркутске отлично», [17] — писал он. Эта особая позиция Радде вполне объяснима: в отличие от остальных немцев, он лишь за несколько лет до описываемых в мемуарах событий приехал в Россию из Данцига. В Сибири Г.И.Радде находился с 1855

по 1860 г., гам он принял российское подданство, а летом 1858 г. возглавлял на Амуре работы целого батальона казаков-переселенцев, сохраняя при этом прежний формальный статус члена научной экспедиции. Из всех немцев, находившихся тогда в крае, он был, вероятно, наименее обрусевшим.

Таким образом, отнюдь не все немцы, находившиеся в Восточной Сибири, не проявляли в быту и в общении очевидных этнических предпочтений. Характерно и единственное в мемуаристике упоминание о некоем «немецком кружке» в дневнике князя П.А.Кропоткина. Известно, что именно в годы сибирской службы знаменитого анархиста и географа у него особенно очевидно проявился интерес к науке. В Иркутске он стал членом Императорского Русского географического общества и активно участвовал в работе его Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела. В одной из первых дневниковых записей сибирских лет П.А.Кропоткин упомянул о том, что порядочных людей здесь можно встретить только в «верхних кругах, в кругу людей, занимающихся наукой», и в «немецком кружке» [18]. Кружок ученых и немецкий кружок поставлены П.А.Кропоткиным рядом скорее всего потому, что среди членов и сотрудников Восточно-Сибирского отдела ИРГО было довольно много немцев. Но это были уже не деятели администрации, а учителя, врачи, горные инженеры, участники научных экспедиций. Сюжет, таким образом, выходит за рамки заявленной темы.

Мемуары и письма являются также богатейшим, а порой и уникальным источником для изучения взглядов, настроений, интересов, привычек — всего того, что характеризует ментальность. Наибольший интерес и ценность для нашей темы имеют письма к М.С.Корсакову его сибирских сослуживцев. Среди них были и немцы: военный губернатор Амурской области, товарищ М.С.Корсакова по Семеновскому полку Н.В.Буссе, офицер для особых поручений при генерал-губернаторе, а затем окружной интендант Н.Г.Шульман, первый правитель дел Восточно-Сибирского отдела ИРГО, ставший затем якутским губернатором Ю.И.Штубендорф, председатель Енисейского губернского правления В.В.Гаупт, минусинский окружной исправник В.Н. фон Клингенберг и другие. В их письмах затрагиваются и вопросы, связанные с административной деятельностью, и семейные темы, и этические проблемы, и события обыденной жизни.

Анализ писем Н.В.Буссе [19] позволяет сделать существенные для изучаемой темы наблюдения. Понятно, что Буссе осознавал себя немцем, но этническая составляющая не могла в то время доминировать в его мироощущении. Иерархия самохарактеристик строилась в ином

порядке. Прежде всего он ощущал себя подданным Российской империи, осознавал свою принадлежность к определенной сословной, профессиональной, социокультурной группе, и лишь затем свою этническую принадлежность (русский офицер, дворянин, доверенное лицо генерал-губернатора Н.Н.Муравьева-Амурского, немец). Для большинства немцев — чиновников и офицеров, прослуживших по несколько лет в Сибири, был характерен не только российский патриотизм, но и сибирский. Показательно письмо уже вышедшего в отставку Ю.И.Штубендорфа: «Я в Германии, юношеские мечтания мои сбылись. Здесь очень хорошо, во многих отношениях лучше, чем у нас в России, но очень часто чувствую, что я здесь в гостях, а не дома» [20]. Насколько можно судить на основании изучения других эпистолярных комплексов, подобное самоощущение было достаточно типичным.

Таким образом, имеющаяся источниковая база позволяет изучать различные аспекты поставленной темы: выявить все или большинство существовавших в административных кругах социокультурных групп, установить персональный состав служивших в крае немцев и их распределение по социокультурным группам, определить основные особенности присущих им представлений, привычек, норм и ценностей, образа жизни и т.п. Следует отметить также, что эти же источники дают возможность поставить и исследовать другую, важную и все еще малоизученную тему — вклад российских немцев в изучение, освоение и развитие Сибири.

Примечания

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978. С. 130, 135, 138, 152.
2. Вибе П.П. «Ученый генерал» (генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х.Гасфорд) // Омская старина. 1993. № 2. С. 83-90; Матханова Н.П. Чиновник и мемуарист Бернгард Васильевич Струве // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск. 1995. № 1. С. 37-43.
3. Матханова Н.П. Стратификация восточносибирского чиновничества в середине XIX в. (Смена поведенческих стереотипов на сломе эпох) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Ч. 1. М., 1994. С.327-336.
4. РГИА. Ф.1349. Оп.4, 1845 г. Д.475. Л.1--18.
5. РГВИА. Ф.395. Оп.148.Д.207. Л.3-20.
6. РГИА. Ф.1349. Оп.5. Д.8941. Л. 129-144.
7. Там же. Оп.4, 1844 г. Д.566. Л.29-36.
8. Там же. Ф.366. Оп.1. Д.332. Л.1об.
9. Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. СПб., 1883. Прил., С. 19; Список генералам по старшинству на 1863 год.
10. ГА РФ. Ф.109, 1 эксп., 1866. Д.7. Ч.15. Л.49-49об.

11. Там же. Ф.109, Эксп., 1844. Д.247. Ч.14. Л. 14 об.
12. Там же. 4.15. Л.29.
13. РГИА. Ф.1265. Оп.1. Д.88. Л.3 об. 4.
14. Струне Б.В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 150; № 10. С. 109-111.
15. ГАИО. Ф.162. Оп.1. Д.27. Вагин В.И. Старые сибиряки.
16. РГБ. Ф.137. Оп.94. Д.59. Письма В.Н. фон Клингенберга к М.С.Корсакову.
17. Радде Г.И. Автобиография // Коллекция Кавказского музея. Т.6. Ч.1. Тифлис, 1912. Авторизованный перевод с немецкого А.Г.Валлинга. С.13-15.
18. Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992. С. 64.
19. РГБ. Ф.137, 73.24-73.32. Письма Н.В.Буссе к М.С.Корсакову за 1849-1866 гг.
20. РГБ. Ф.137. Оп.127. Д.15. Л.11.

ЖАНДАРМСКИЕ АРХИВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ «НЕМЦЫ В СИБИРИ»

Н. В. Греков

Одним из наиболее информативных и одновременно малоиспользуемых по сей день источников являются архивы жандармских управлений. Содержащиеся в них документы способны осветить практически все значимые вопросы внутривнутриполитической жизни дореволюционной России, в том числе и многие аспекты истории российских немцев, особенно их положение накануне и в период мировой войны (1909-1917 гг.).

Большую ценность представляют документы, хранящиеся в фондах Омского жандармского управления (Государственный архив Омской области. Ф. 270), Томского и Омского жандармско-полицейских управлений железных дорог (Государственный архив Омской области. Ф. 271, 272). Фонды этих архивов насчитывают более двух с половиной тысяч дел. Самые различные по тематике материалы объединены в папки под стандартными заголовками: «Наблюдение за иностранцами», «Переписка с канцелярией генерал-губернатора» и т.д. Поэтому, чтобы найти документы, относящиеся к истории российских немцев, необходим фронтальный просмотр материалов.

Архивные источники позволяют выделить пять основных групп жандармских документов, затрагивающих вопросы правового и экономического положения немцев в Сибири. Это, прежде всего, сведения о германских подданных, проживавших на территории Сибири, результаты тайного просмотра почты немцев, секретные циркуляры военных и жандармских властей, переписка жандармов с местными государственными учреждениями, документы, касающиеся надзора за германскими военнопленными и немцами-колонистами.

С 1909 г. жандармские управления вели особый учет германских подданных, проживавших в городах и уездах Сибири [1]. Следует отметить, что многие из них родились в России и никогда не выезжали за ее пределы, но формально сохраняли германское подданство. Полицейские фиксировали всякое передвижение «иностранцев» по территории Сибири. Поэтому жандармские управления располагали точными сведениями не только о числе германских подданных, проживавших в подведомственных им районах, но и о роде занятий, составе семьи, образовании и даже состоянии здоровья каждого. В соответствии с этими списками уже в первые дни августа 1914 г. были арестованы все военнообязанные германцы. Ход арестов и высылку военнообязанных в северные области Сибири также контролировали жандармы, что детально зафиксировано в их рапортах [2].

Поток документов, освещающих положение немцев в Сибири, резко увеличился с началом войны. Возникла и разрослась переписка жандармских, военных и гражданских властей по поводу расквартирования и надзора за немецкими военнопленными. Анализ этих документов ставит под сомнение укоренившуюся в литературе версию преступного отношения русских властей к пленным. Жандармские документы — ежемесячные сводки, копии приказов воинских начальников, рапорты жандармских унтер-офицеров — позволяют определить численность бежавших из плена германцев, формы побегов, степень участия в их подготовке сибирских немцев-колонистов. По требованию военного командования жандармы устанавливали слежку за пленными германскими офицерами, имевшими право свободного выхода в город, выявляя их связи с местными жителями, как поляками, так и немцами.

В 1914 г. из Пруссии в Сибирь были вывезены заложники. Большинство из них составляли женщины и старики. В жандармских архивах сохранились списки этих людей. Помимо обычных данных (фамилия, возраст), жандармы нередко фиксировали информацию о степени адаптации немцев к сибирским условиям, о заработках или иных средствах существования. Учет этой категории гражданских пленных власти вели с большой тщательностью, поскольку периодически германские и русские военные обменивались партиями заложников [3].

Особо следует выделить группу документов, содержащих информацию, добытую секретными осведомителями и чиновниками цензурных комиссий. Письма военнопленных и немцев-колонистов периодически просматривала полиция. Был установлен жесткий контроль за всей корреспонденцией, направляемой немцами в адрес иностран-

ных консульств и представителей Красного Креста в России. Немцы — гражданские пленные обращались в консульства за помощью. В письмах жаловались на тяжкие условия жизни, обвиняли в коррупции русских чиновников [4]. Сибирские жандармы тайно просматривали письма, адресованные консулам, снимали копии, а затем самостоятельно, без указаний столичного командования, начинали выяснять степень достоверности изложенных в жалобах фактов. Отчеты о ходе этих негласных расследований дают возможность подробно изучить положение сосланных немцев, отношение к ним местных чиновников [5].

Немцы, имевшие российское подданство, также не были обделены вниманием политической полиции. Волна военного психоза повлекла за собой множество доносов на российских немцев. Большинство подобных сообщений полиция тщательно проверяла. Детали следствия, протоколы свидетельских опросов способны передать реальную атмосферу, царившую в обществе, обрисовать характер взаимоотношений между представителями не только различных национальностей, но и социальных слоев.

Циркуляры Министерства внутренних дел, распоряжения губернаторов, адресованные жандармским офицерам, позволяют проследить зарождение, развитие и чиновное стимулирование антинемецких настроений в стране. Жандармы через секретную агентуру выясняли реакцию населения на эту пропаганду. Любопытны материалы, свидетельствующие о негативном отношении части русского общества к официальной антинемецкой политике тыловых «патриотов».

Архивы сибирских жандармских управлений представляют собой, пожалуй, один из тех немногих источников, которые способны дать исследователям в целом объективную информацию. Однако при анализе материалов жандармского ведомства необходимо учитывать, что объем документации, которую вел каждый начальник отделения, был велик — до 200 текущих дел, в которые регулярно нужно было подшивать сводки, отчеты, еженедельные рапорты и т.д. Обычный смертный явно не в силах был выполнить всю эту работу, поэтому офицеры перепоручали ее писарям и не глядя подписывали готовые бумаги, что порой приводило к курьезам. Тем не менее наиболее важные документы, составленные офицерами и предназначенные для информирования командования корпуса, отличались высокой степенью точности изложения фактов. Достоверность информации, предоставляемой начальнику, была главным условием успешной карьеры жандармского офицера.

Существовало и еще одно обстоятельство, повышающее ценность жандармских архивов как исторического источника. Жандармские управления, особенно железнодорожные, были относительно независимы от местных военных и гражданских властей, а потому оставляли за собой право трезво оценивать эффективность их действий как в отчетах столичному начальству, так и во внутренней ведомственной переписке.

Примечания

1. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 270. Оп. 1. Д. 641. Л. 90.
2. ГАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 248. Л.120-129; Ф. 270. Оп. 1. Д. 443. Л. 63, 64.
3. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 613. Л. 411-489.
4. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 653. Л. 103-115.
5. ГАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 214. Л. 235, 236, 239.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

П. П. Вибе

Процесс формирования немецкого населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. всецело связан с крестьянской колонизацией восточных окраин России. Принятие в 1889 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», а также строительство Транссибирской магистрали сделали доступными плодородные сибирские земли для миллионов российских крестьян. Особенно интенсивно переселение осуществлялось в годы столыпинской аграрной реформы. В общероссийском миграционном потоке направились в Сибирь и немцы, оставив свои колонии на Волге, Украине, Северном Кавказе, в Крыму и других районах Европейской России. Таким образом, конец XIX — начало XX в. можно считать периодом зарождения немецкой диаспоры в Сибири, главной отличительной чертой которого была добровольность переселения. Основными районами колонизации российских немцев в Сибири были Алтай, Степной край и Тобольская губерния.

Всю массу источников, характеризующих процесс формирования немецкого населения в Западной Сибири можно разделить на следующие группы: 1) статистика, которая, в свою очередь, подразделяется на геодемографическую и социально-экономическую; 2) делопроизводственная документация; 3) документы личного происхождения; 4) периодическая печать.

Статистика является одним из наиболее важных источников. По мнению современного английского историка А. Коббэна, «имеется много исторических проблем, по которым страница статистики стоит

целого тома рассуждений» [1]. К таким смело можно отнести и проблему формирования немецкого населения в Западной Сибири. *Геодемографическая статистика*, к которой относятся материалы демографических переписей 1897 и 1920 годов, списки населенных мест, демографические таблицы обзоров губерний и областей и отчетов о состоянии сибирского казачьего войска позволяют проследить динамику роста немецкого населения в Сибири, его расселение по уездам, волостям и даже отдельным населенным пунктам. В этих источниках имеются также сведения о половозрастной структуре немецкого населения, степени его грамотности, районах выхода из Европейской России и другая информация. Серьезно дополняют эти достаточно достоверные источники статистические сведения о немецком населении, специально собранные губернскими властями в 1910-1916 гг., в период активизации борьбы с так называемым «немецким засильем». Особенно интересны данные 1915 г., когда на учет было взято едва ли не поголовно все немецкое население Западной Сибири. Материалы эти не были опубликованы, но достаточно полно отложились в архивохранилищах С.-Петербурга (РГИА. Ф. 391 — Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия), Алматы (ЦГАРК. Ф. 64 — Канцелярия Степного генерал-губернатора), Омска (ГАОО. Ф. 67 — Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска), Томска (ГАТО. Ф. 3 — Томское губернское управление), Тобольска (ТФ ГАТО. Ф. 335 — Отделение по крестьянским делам Тобольского губернского правления).

Социально-экономическая статистика, относящаяся к данной проблеме, представлена прежде всего материалами обследований переселенческих хозяйств. В материалах, собранных экспедицией по исследованию Степных областей в 1901-1902 гг., наряду со статистическими сведениями, имеются историко-хозяйственные очерки о начальном этапе становления первых немецких колоний в Сибири. Особый интерес представляют статистические данные об экономическом положении переселенцев на Алтае и в Степном крае, собранные в 1911 г. под руководством В.Я.Нагнибеды и В.К.Кузнецова. В этих работах мы находим материалы о названиях переселенческих участков и селений, а также о времени их образования и местоположении, сведения о составе населения, об обеспеченности хозяйств постройками, скотом, инвентарем, землей и другую информацию. Это позволяет провести сравнительный анализ хозяйственного состояния разных переселенческих поселков.

Делопроизводственная документация представлена циркулярами местных и центральных правительственных органов; отчетами чиновни-

коп, изучавших переселенческое дело в Сибири; служебной перепиской; протоколами различных заседаний и т.д. Эти материалы позволяют более конкретно представить переселенческую политику правительства и отношение местных властей к немцам-колонистам. Вместе с тем, в них имеется большой фактический материал о жизни переселенцев. Большой интерес вызывают, например, отчеты чиновников Сосиовского о поселении немцев в Тарских урманах [2] и Сувчинского о национальной розни в Акмолинской области [3], журнал общего присутствия Томского губернского управления за 17 июня 1916 г. с характеристикой немцев Томской губернии [4], переписка генерал-губернатора Степного края с вышестоящими инстанциями о недопущении немецкого землевладения на землях Сибирского казачьего войска [5] и т.д.

Документы личного происхождения представлены в основном различными прошениями, ходатайствами, жалобами крестьян. В них колонисты описывали те трудности, с которыми сталкивались в Сибири. Эти документы могут быть использованы при изучении причин обратных и вторичных миграций, взаимоотношений переселенцев со старожилами, экономического положения новоселов. Однако они требуют к себе критического подхода, так как нежелание администрации вникнуть в проблемы крестьян вынуждало последних в своих прошениях иногда сгущать краски.

В качестве вспомогательного источника при изучении проблемы формирования немецкого населения в Западной Сибири вполне оправдано использование *периодической печати*. По мере нарастания переселенческого потока в Сибирь на страницах сибирских и центральных газет и журналов все чаще появляются заметки, а порой и объемные материалы о немцах-колонидах. Подобные материалы встречаются в журналах «Сибирские вопросы» и «Вопросы колонизации», газетах «Омский вестник», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и других. В 1910-1915 гг. целый ряд публикаций о «немецком засилье» появился в центральной периодической печати шовинистического толка. Несмотря на откровенно политическую направленность этих статей, некоторые из них все же достаточно информативны. Так, например, в статье А.Папкова (побывавшего в Сибири в составе сенаторской ревизии) «Немецкое царство Западной Сибири на развалинах казацкого владения» [6], впервые была опубликована карта немецких поселений по трассе железной дороги между Омском и Исилькулем.

Завершая этот обзор, хочется отметить, что выявление источников, характеризующих процесс переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце XIX— начале XX в. затруднено в силу того, что переселен-

ческие и губернские органы вплоть до 1910 г., как правило, не выделяли немецкие поселения по национальному признаку. Порой приходится осуществлять сплошной просмотр огромных массивов архивных документов. Нередко небольшой блок информации о немцах-колонистах обнаруживается в объемном документе общего характера. И все же можно констатировать, что охарактеризованные выше источники в целом позволяют анализировать закономерности и особенности начального процесса формирования немецкого населения в Западной Сибири.

Примечания

1. Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография. М., 1984. С. 34.
2. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 408.
3. Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 286.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
5. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316.
6. Объединение. 1910. № 21-22.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫСЛОВ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

А.Р.Бетхер

Изучение материальной культуры, в частности хозяйственных занятий, является одной из важных составных частей этнографического исследования любого народа. Изучение традиционного хозяйства и промыслов российских немцев Западной Сибири имеет особый интерес. За короткий промежуток времени — на протяжении 150-200 лет — российские немцы в связи с миграциями три-четыре раза меняли место проживания, а следовательно, и среду обитания. При этом резко менялись природно-географические, климатические, экономические, социально-политические условия жизнедеятельности, что не могло не сказаться на формах хозяйствования: исчезли или трансформировались традиционные, возникали новые. Поэтому изучение, анализ развития форм хозяйствования немцев в Сибири, особенно в сравнении с состоянием этих форм в местах первоначального их поселения в России, а до этого в Германии, позволило бы выявить механизм адаптации традиционного хозяйства и промыслов немцев к сибирским условиям.

Хозяйственные занятия немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX в. остаются малоизученной темой в отечественной истории и этнографии. Проблемы развития сельского хозяйства у немецкого населения Сибири в 1920-х гг. отражены только в работах Л.В.Малиновского [1]. При работе с источниками по изучению традиционных хозяйственных занятий немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX в. нам будут важны не столько количественные показатели развития хозяйства, сколько качественные изменения в способах возделывания сельскохозяйственных культур, в содержа-

нии скота, в ведении несельскохозяйственных занятий немецкими переселенцами в условиях Западной Сибири. Для изучения данной темы могут быть привлечены различные виды источников.

Во-первых, это различного рода путевые заметки чиновников и путешественников по местам переселения немцев в Сибири. Здесь можно назвать работу А. Морозова «Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г.», изданную в 1900 г. в Омске. Автор рассматривает условия поселения и хозяйствования в селах переселенцев, основанных в 1893-1896 гг. под Омском, в том числе и немецких — Александровке, Привальном, Поповке, Сосновке, Красноярке, Новинке. Сообщается также о системе землевладения и землепользования, об основных выращиваемых культурах и севообороте, способах обработки земли, о количестве содержащегося скота, о несельскохозяйственных занятиях немецких переселенцев в этих селениях. Автор описывает льготный порядок уплаты оброчной подати при наделении переселенцев землей: первые три года «земля остается свободной от обложения, следующие же три года податъ уплачивается в половинном размере, т.е. 7 1/2 коп. с десятины, и только по истечении шести лет несет полный оклад в 15 коп. с десятины» [2]. Несмотря на небольшую площадь запашки (из-за недавности переселения), население с. Александровки «пришло уже к мысли о необходимости нормировать пользование землей» [3] и приняло приговор, запрещающий распашку свыше 5 десятин на душу в течение одного года. Сенокосные угодья в Александровке были поделены между «десятками», на которые было разбито население (по дворам), а «десяток» производил раздел угодий уже среди своих членов. Но в других деревнях такая система землепользования отсутствовала, можно было пахать где угодно и сколько угодно. Переселенцы в первое время оказались не готовы к суровым климатическим сибирским условиям: поздние посевы привели к недороду зерновых, так как урожай вымерз от ранних осенних морозов, и крестьяне были вынуждены «проедать» денежные ссуды на домообзаведение. Урожай же картофеля в немецких селениях был, наоборот, хороший. Немцы привезли с собой с Волги четыре сорта картофеля, которые были лучше, чем местный картофель у казаков. В хозяйстве немцев выращивались также успешно многие овощи, табак. Обработка земли стоила огромного труда переселенцам: чтобы вспахать целину, в один плуг впрягалось 6 лошадей, для этого объединялось до 6 семей, так как у большинства крестьян было по одной лошади в хозяйстве. Кроме того, среди лошадей местной породы, которых переселенцы покупали на ссуды, был большой падеж «от изнурения и неумения

переселенцев обращаться с сибирской лошадей, требующей выстойки» [4]. Среди немцев было много разных ремесленников. Например, в Поповке было развито гончарство, широко распространено производство ткани «сарпинка».

Также можно здесь упомянуть работу «По новым местам переселения в Сибирь в 1913 г. Впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л.Трегубова», вышедшую в 1913 г. в Петербурге. В этой работе описываются селения немцев-меннонитов Кулундинской степи: характер поселения, система и характер землепользования, жилище и внутренний интерьер, условия хозяйствования, взаимоотношения с соседями и т.п. Автор характеризует меннонитские поселения как зажиточные, так как «всюду очень много хлеба» [5]. Поселки и усадьбы меннонитов построены по определенному плану, перед домом всегда оставляется место для цветника или сада. Но автор также сообщает, что местные жители жалуются на отсутствие рынков сбыта для хлеба: пуд пшеницы здесь стоит 25 копеек, а рабочие руки очень дороги, поэтому необходимо скорее провести железнодорожную линию Славгород — Татарск. Автор приводит в своей работе интересный факт: в меннонитских селениях жители старались создать большой запасной земельный фонд (за счет разницы между нарезанными душевыми наделами и наличием реальных мужских душ), который сдается обществом в аренду, на средства от которой образовывался особый запасной капитал. [6]

Во-вторых, это статистические источники в виде различных сводных сборников данных по переселенческим участкам, в которых имеются сведения и по селам немецких переселенцев. Среди них можно назвать «Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г.», изданные в 1899 г. в Омске, где даны сведения о наделении жителей переселенческих поселков землей, а также о количестве скота в этих селениях (табл. 1).

Более подробные данные содержатся в сборнике «Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района», изданном в Омске в 1911 г. В нем имеются сведения о распределении земельных угодий на участках, дается краткое описание участков и селений на них: почвы, растительность, водоснабжение, наличие мельниц, ссудо-сберегательных касс, торговых лавок, ярмарок, базаров, хлебозапасных магазинов, преобладающий тип жилищ. В сборнике приведены данные по следующим селениям Омского уезда, где проживали немцы: Привальный. Александровна, Красноярсское, Поповка, Сосновка, Новинка, Розовка, Звонарев Кут, Князе-

Таблица I. Сведения о состоянии переселенческих поселков Алекеиндровской
 полости Омского уезда Акмолинской области an 1899 г. [7]

Селение	На какое количество душ образован участок	Число водворенных	Количество скота		
			Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец
Привальное	120	47	82	101	32
Красноярка	115	49			12
Александрока	295	83			128
Поповкино	182	61	112	128	13
Новинка	102	44			19
Сосновка	249	94	."	158	32

Трубецкое, Цветнополе, Побочное, Пришиб, Сереброполе, Новоскатовка, Новокрасновское (Муртук), Зеленополе, Сладководское, Золотухино. Так, по данным сборника, крестьянам старейшего немецкого села на территории Омского уезда Александровки, образованного в 1893 г., было наделено 4476,42 десятин земли, из них степи и годной для пашни земли 3854,83 десятин, леса 375,04 десятин, под усадьбами 12,5 десятин, неудобной (солонцы, болота, дороги) 34,45 десятин, всего душевых долей (по 15 десятин) 296. Участок, на котором располагалась деревня, был «лесостепного характера, лес дровяной, березовый, в возрасте 15-30 лет, околки его чередуются со значительными площадями прогалин. Почва черноземная, с мощностью почвенного горизонта до 8 вершков, подпочва глинистая. Грунтовой водой участок обеспечен, имеется оз. Кос-Куль глубиной до 1,5 аршина, вода слегка солоноватая» [8]. В селе имелись общественный хлебозапасный магазин емкостью в 4 тыс. пудов, построенный на средства общества, 2 мельницы, зерно на которые возили с округи в 20-30 верст, размол с пуда на них стоил в среднем 10 копеек. Раз в неделю проводился базарный день, кроме того существовало 4 торговые лавки. Дома в Александровке были в основном деревянные (стоимостью около 750 руб.) и саманные (400 руб.), а годовая плата за аренду избы составляла 100-120 руб. (что значительно превышало расценки в соседних деревнях).

К статистическим данным можно отнести материалы сельскохозяйственной переписи 1916-1917 гг. по Томской губернии и Акмолинской области. Материалы этой переписи в виде анкет и поселенных

списков, которые содержат сведения по хозяйствам о составе семьи, месте выхода из Европейской России, размерах посевов, количестве скота и сельскохозяйственного инвентаря, хранятся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО. Ф. 146), Государственном архиве Алтайского края (ГААК. Ф. 233), Государственном архиве Омской области (ГАОО. Ф. 33). В фонде 33 ГАОО хранятся также подворные карточки по Омской губернии Всеобщей переписи 1920 г.

Третья группа источников — это архивные документы различного характера. Важные материалы об условиях и формах хозяйствования содержат воспоминания немцев-жителей Купинского, Татарского и других районов Новосибирской области, собранные в 1963 г. Л.В.Малиновским и хранящиеся в ГАНО (Ф. 537). Эти воспоминания содержат сведения по системе землевладения и землепользования, о наличии скота и сельхозмашин, о процессах социальной дифференциации в немецких селах на территории Новосибирской области и Алтайского края. Данные этого фонда уже публиковались [9], прежде всего для изучения социально-экономических процессов в сибирской немецкой деревне 1920-х гг., но они являются также интересным источником и для изучения традиционных хозяйственных занятий немцев.

Сведения о развитии хозяйства в немецких поселениях Сибири содержатся в различных отчетах, хранящихся в архивных фондах, например отчет г-на Эртова о посещении в 1905 г. сел Александровской и Борисовской волостей Омского уезда Акмолинской области «Описание поселков Омского уезда 2 участка» (ГАОО. Ф. 14. «Духовная Консистерия»), В нем даются сведения о наличии хлебных магазинов, гидротехнических сооружений, о характере построек, количестве скота, земледельческих машин, о ценах на сельхозпродукты, о посевах, ремесленном и кустарном производстве в осмотренных поселках, в том числе и немецких: Поповке, Александровке, Привальном, Новинке. Например, по Александровке в этом отчете приводятся следующие сведения: хозяйств — 104, хлебный магазин на 2 тыс. пудов, в момент обследования хранилось 1500 пудов, количество крупного рогатого скота — 750 голов, мелкого — 1200, железных плугов — 80, прочих машин — 120, засеяно всего в 1905 г. более тыс. десятин (на 100 десятин больше, чем в предыдущем), цена пуда пшеницы — 55 коп., овса — 50; 1 лавка, 4 ветряные мельницы, 2 маслобойных завода, много разных мастеров». [10]

Сведения об условиях развития хозяйства немцев-переселенцев содержатся в ГАОО (Ф. 67 «Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска»). В отчетах об осмотре хозяйств, арендую-

щих землю у Сибирского казачьего войска, помимо данных о распределении посевных площадей, видах выращиваемых культур, количестве скота, наличии сельхозинвентаря, об оборудовании мельниц, маслоделен и других заведений, имеются сведения о проведении опытов по улучшению сельскохозяйственных культур, пород скота, о различных новшествах и «хитростях», применявшихся и хозяйствах немецких арендаторов. Например, в отчете об осмотре долгосрочных арендных участков за 1903 г. приводятся сведения о хозяйстве братьев Г. и Я.Шварц. В их владении находилось два участка в 1155 и 3212 десятин земли. В упомянутом хозяйстве имелись: искусственный пруд-снежник, садовые посадки — 1 дес, огород, на котором выращивались культуры «от картофеля и капусты до баклажанов и бухарских дынь» [11], было посеяно 450 десятин пшеницы, овса, льна, подсолнуха, горчицы, проса. Для обработки выращиваемой продукции использовались паровая мельница и круподерка, паровая маслобойка для выработки различных масел и жмыха: горчицы, льна и подсолнуха. Масло через Кенигсберг вывозилось за границу. Мельница и маслобойка приводились в действие локобилем, который также использовался для молотильно-сортировочной машины. Кроме того, содержалось 30 голов лошадей (некоторые полукровки: помесь арабских с английскими), 17 коров для домашнего потребления, 36 рабочих волов, до 100 голов овец, 70 свиней, разная птица. Уже в 1905 г. в хозяйстве братьев Шварц содержалось 69 коров (из них 8 метисов от смешения местной и симментальской пород), молоко от которых перерабатывалось на построенном в хозяйстве маслодельном заводе, 71 бык (в том числе и волю), 20 рабочих лошадей, 100 овцематок русской породы и 3 барана бухарской породы, 140 свиней, 2 йоркширских кнур и 250 поросят. В хозяйстве работали 5 срочных рабочих (с весны по октябрь-ноябрь), 150 поденных, штатные рабочие-специалисты: кучер, машинист, мастер по маслоделию, приказчик, мельник, маслобойный мастер. На имеющихся в хозяйстве мельнице, круподерке, маслобойке перерабатывалось как свое сырье, так и окружающего населения. Помимо льняного, конопляного, горчичного, делалось рыжиковое и сурепное масло. Кроме того, в хозяйстве варился спирт, который через Исилькуль сбывался в Петропавловск [12]. В своих хозяйствах немцы пытались внедрять более передовые методы работы, новые породы скота и сельскохозяйственных культур. Так, в хозяйстве Ф.Ф.Штумпфа проводилось для улучшения местных пород скрещивание местных коров с производителями симментальской и холмогорской пород, простых русских овец — с английской мясо-шерстной породой «Саудок»,

лошадей киргизской породы — с производителями рысистой породы. Кроме того, проводился сравнительный посев хлеба (пшеница «кубанка» и «белоколоска») в разброс и рядами [13]. Генерал Катанаев, возглавлявший Войсковое хозяйственное управление Сибирского Казачьего войска, при осмотре участка арендатора Петкау назвал хозяина «хитрым немцем» за то, что тот соединил приводным ремнем конную молотилку с веялкой и сортировкой, тем самым выполняя сразу те же работы, что и паровая молотилка. Одобрение генерала Катанаева также заслужил арендатор Вид, устроивший в своем хозяйстве колодец в сенях с насосом, используя для него ветряной двигатель» [14].

Четвертая группа источников — это полевые материалы этнографической экспедиции Омского госуниверситета, хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ (Ф.1 «Этнография»). Эти документы охватывают широкий круг вопросов по традиционному хозяйству и промыслам немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX вв.: способы обработки земли, возделывания и уборки выращиваемых культур, земледельческие орудия труда, способы содержания скота, заготовка кормов, переработка продуктов сельхозпроизводства, несельскохозяйственные занятия и др. В настоящее время имеются материалы по Азовскому немецкому национальному, Исилькульскому, Любинскому районам Омской области, Благовещенскому, Верх-Суетскому, Немецкому национальному и Табунскому районам Алтайского края.

Каждая группа источников отражает тот или иной аспект развития хозяйства у немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX вв. Только всесторонний анализ названных источников, с привлечением данных по истории и этнографии российских немцев, позволит более полно представить тот хозяйственно-культурный комплекс, который сформировался у немцев Западной Сибири к периоду массовой коллективизации, выявить различия в развитии хозяйства, в условиях адаптации к сибирским условиям между немцами — выходцами с Поволжья, Украины и Волыни, между меннонитами и остальными немцами, между немцами, жившими в разных районах Западной Сибири.

Примечания

1. Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 202-213.
2. Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. Омск, 1900. С. 3.
3. Там же. С. 7
4. Там же. С. 12.

5. По новым местам переселения в Сибирь в 1913 г. Впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л.Трегубова. СПб., 1913. С. 28.
6. Там же. С. 36.
7. Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г. Омск, 1899. С. 3.
8. Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района. Омск, 1911. С. 2-5.
9. См.: Малиновский Л.В. Указ. соч.
10. ГАОО. Ф. 14. Оп. 1.Д. 1159. Л. 63.
11. Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Л. 7.
12. Там же. Д. 2092. Л. 72-87.
13. Там же. Д. 2289. Л. 1-3.
14. Там же. Д. 2022. Л. 311.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1917 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЯ

В. Н. Шайдуров

В начале XX в. Россия продолжала оставаться аграрной страной, и перепись 1917 г., по сути, определила достижения аграрной эволюции в стране за 50 с небольшим лет капитализма.

В целом рассматриваемое статистическое обследование «57 губерний и областей России», по мнению многих исследователей, было уникальным в своем роде, что выражалось в соединении в нем сельскохозяйственного и поземельного учета. Для нас ценность переписи заключается еще и в том, что это одно из немногих стационарных обследований накануне Октября 1917 г., которое наиболее полно представляет хозяйственную жизнь немецких крестьян на территории Алтайского округа (с июня 1917 г. — губернии). Если в прочих регионах России немецкие колонисты могли попасть в поле зрения земских статистиков, как например в Херсонской губернии» [1], то на Алтае, как и на территории Сибири в целом, земства не было вплоть до лета 1917 г.

Цель переписи, «согласно журнального постановления Совета Министров от 5 мая 1917 года» [2], — сбор «материалов для построения, во-первых, общего продовольственного плана на 1917-18 год, а во-вторых — плана аграрной реформы» [3]. То есть уже изначально предполагалось собрать максимальную информацию о хозяйственной жизни российского крестьянства.

Учетная карточка представляла собой опросный лист, состоящий более чем из 160 вопросов, подавляющая часть которых касалась хозяйственной характеристики дворов. Они включали структуру населения с подробной характеристикой каждой семьи, землепользование, состав угодий и посева в плане их использования, количество скота и

сельхозинвентаря, занятость в промыслах, участие в кооперации и т.д. Но ключевыми, по наш взгляд, являются два блока вопросов, ответы на которые содержат информацию о количестве рабочего и продуктивного скота и составе угодий. Наличие этих данных позволяет несколько иначе взглянуть на проблемы уровня капитализации немецкой деревни на примере алтайских поселков накануне Октябрьских событий 1917 г., на путь ее развития, т.е. по какому пути она шла — юнкерскому (прусскому) или фермерскому (американскому), и вывести таким образом несколько нестандартный метод исследования процессов, происходивших в ней.

При обследовании крестьянского хозяйства на рубеже прошлого и нынешнего веков, в период развития капиталистических отношений и их все более активного проникновения в деревню прежде всего встает вопрос о том, какие признаки должны быть положены в основу группировки изучаемых объектов. В данном случае можно оперировать сведениями как дореволюционной, так и статистики новейшего времени.

Примером группировки крестьянских дворов в дореволюционных статистических исследованиях может служить классификация, предложенная В.Я.Нагнибедой. В сборнике статистических данных, вышедшем в свет в 1910 г., обследуемые хозяйства были разделены лишь по экономическому фактору. Так, к группе «А» им были отнесены беспосевные дворы, к группе «Б» — с посевом до 1 дес, к группе «В» — хозяйства, засевавшие на момент исследования от 3 до 9 дес, а крестьянские дворы с посевом в 9 и более дес. относились к группе «Д» [4]. Если несколько продолжить подобную классификацию, то в социальном плане она выглядела бы следующим образом: хозяйства группы «А» — пролетариат, «Б» — близкие к пролетариату, «В» — близкие к середнякам, «Г» — середняки, «Д» — сельская буржуазия.

Однако В.Я.Нагнибеда не представил более подробной характеристики крестьянских хозяйств в социальном аспекте.

Подобные схемы применялись фактически во всех дореволюционных работах экономического плана.

В советской исторической науке достаточно прочно в течение последних десятилетий укоренилась система трехзрядного членения крестьянских дворов, которая в свое время была апробирована В.И.Лениным в его работе «Развитие капитализма в России» [5]. Используя новую методику, в основу которой был заложен размер и тип хозяйства, Ленин показал «коренное разрушение старого пат-

риархального крестьянства и создание новых типов сельского населения» [5.С. 165] — сельской буржуазии, середнячества и пролетариата. Однако, в свою очередь, ленинская методика может быть подвергнута критике: ее автор, в принципе, не отошел от «метода средних цифр». Он просто несколько раздвинул его рамки, ибо распределение сельского населения России всего по трем категориям есть, на наш взгляд, не что иное, как усреднение статистических данных, правда, в несколько ином измерении. Еще одним недостатком ленинской методики исследования является, по нашему мнению, и то, что ее применение позволяет зафиксировать во времени изменения, происходящие в среде «старого патриархального крестьянства», но не дает возможности получить более отчетливый одномоментный срез, который бы позволил более подробно рассмотреть процессы, которые происходят в среде сельского населения Российской империи на определенном этапе. Однако в последнее время наметился некоторый пересмотр методов исторического исследования в аграрной истории России. Так, например, несколько иной подход виден в кандидатской диссертации П.Ф.Никулина [6], который попытался показать уровень капиталистического развития сибирской деревни через привлечение новой методики при обработке данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Стремясь «осуществить структурный подход», он считает, что «необходимо подобрать формально-логический анализ (математическую модель) структуры взаимосвязей крестьянского хозяйства» [7]. То есть он предлагает несколько модернизированную систему: деление крестьянских хозяйств на крупнокрестьянское, или чисто капиталистическое, зажиточного крестьянина, зажиточного середняка, середняка и бедняка.

До сих пор нерешенным остается вопрос о том, какие показатели должны быть положены в основу группировки. Так, Ленин в своих работах относил к низшей группе дворы с запашкой до 5 дес. Этим «ленинским положением» пользовались многие, но не все. Часть историков использует деление крестьянских хозяйств, принятое в 20-е гг. нашего века. Тем самым они причисляют к беднякам те дворы, которые имели до 4 дес. посева [8]. Другие историки, например Н.М.Шорников в своей монографии «Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции» [9] предложил несколько иной вариант группировки крестьянских хозяйств по посеву. Основываясь на результатах, полученных при обследовании 22 деревень Барнаульской волости, которое было проведено в 1905 г., он к первой группе относил дворы без посева и с посевом до

4 дес Ко второй группе — с посевом от 4 до 6 дес Обе группы определялись им как бедняцкие. К середнякам, по его мнению, можно было относить крестьянские дворы, засевавшие 6–20 дес. Прочие же хозяйства рассматривались им как кулацкие или буржуазные по своему характеру [10]. Однако Шорников не претендует на то, что данная группировка является правильной, ибо он заявляет, что «материалы обследования не позволяют точно установить группы крестьян... Но они все же показывают глубокий процесс социальной дифференциации деревни» [11]. Историки-сибиреведы в свое время несколько трансформировали ленинскую систему, приспособив ее к сибирским особенностям [12]. Оставив без изменения верхний предел низшей группы, они тем не менее изменили его для средней группы, увеличив его до 15 дес. против существовавших ранее десяти, — тем самым к зажиточным хозяйствам были отнесены крестьянские хозяйства, которые имели на момент обследования 15 и более дес. посева.

Историку, говорящему о том, что на тот или иной вопрос существует несколько точек зрения, нужно определиться с собственной позицией. В основе предлагаемой нами системы лежит матрица, заполняющаяся на основании двух различных показателей, характеризующих имущественное положение крестьянского хозяйства. Для примера могут быть взяты в качестве группирующих признаков площадь запашки на каждый двор и число голов рабочего или продуктивного скота. По размеру посевной площади обследованные хозяйства были разделены на четыре категории: беспосевные, с посевом до 4, от 4 до 10 и свыше 10 дес, по числу рабочих лошадей или КРС они были разбиты также на четыре группы: без скота, с 1-2, 3-4, 5 и более головами.

	Без скота	1-2	3-4	5	
Беспосевные	1	2	3	6	
До 4-х дес.	2	3	3	4	
4-10 дес.	2	4	4	5	
Св. 10 дес.	5	5	6	7	

Заполняемая таким образом на основе двух признаков таблица и анализ полученных в результате данных дают возможность выделить как минимум семь (вместо трех!) категорий, на которые можно было бы разбить крестьянство.

1. *Сельский пролетариат* — чисто пролетарские хозяйства, у которых нет запашки и собственного скота. Его представители вынуждены продавать свою рабочую силу зажиточным односельчанам. В деревне он играет ведущую роль в формировании внутреннего рынка наемной силы.

Пролетарии нанимаются и немецкой деревне, как правило, на месячный или годовой срок, что для Сибири в целом нехарактерно.

2. Эту группу крестьянских дворов можно определить как *тяготеющую к пролетариату*. Сюда можно отнести хозяйства, имеющие более 4 дес. запашки, с одной стороны, а с другой — без скота либо имеющие 1-2 головы. В численном отношении эта категория несколько превышает сельский пролетариат в чистом виде. Если не слишком отходить от ленинской «трехчленки», то обе вышеназванные группы могут быть объединены в то, что у нас раньше именовалось «беднячеством».

Следующие три категории, выделяемые нами, прежде можно было рассматривать как середнячество. Однако по своему составу эта группа неоднородна, поэтому в ней возможно выделить более мелкие подгруппы. Прежде середняки делились на две части лишь в том случае, если определение принадлежности велось по количеству скота (1-2 головы). Подобная дробность позволяла получить более четкую картину в отношении середнячества. Однако еще большая дробность этой части крестьянства позволяет четче выявить специфику хозяйства.

3. Первую подгруппу можно определить как *тяготеющую к середнякам (I)*. Хозяйства, в нее входящие, занимают промежуточное положение между середняками и пролетариатом, а по тому или иному признаку их можно отнести к середнякам.

4. *Средняки* в чистом виде. Характеристика этой группы совпадает с классической.

5. Последнюю категорию из этого разряда можно определить как *тяготеющую к середнякам (II)*. От вышеназванной (3) она отличается тем, что занимает промежуточное положение между чистыми середняками и такой же сельской буржуазией, но более тяготеет к середнякам.

Следующие два выделяемых типа хозяйств можно по-старому квалифицировать как кулацкие. Однако и эта группа не является однородной по своему составу, что позволяет нам расчленить ее на две части.

6. Следуя аналогии, данный тип имеет смысл определить как *тяготеющий к сельской буржуазии*. Отличие его от предыдущего заключается в том, что доминирующее положение занимают признаки, «тянущие» крестьянское хозяйство к буржуазному или, если говорить о немецкой деревне, к фермерскому.

7. *Сельская буржуазия* в чистом виде. Сюда входят крестьянские дворы, которые по совокупности признаков можно отнести к данной категории.

В целом предложенная система есть не что иное, как углубленная ленинская «трехчленка», в основе которой, правда, лежит не один признак, а два. Она позволяет нам не только классифицировать крестьянские хозяйства по типам, тем самым определяя удельный вес каждого из них, но и выявить специфические черты, им присущие.

Группирование крестьянских хозяйств на основе показателей, полученных при заполнении матрицы, представляет собой одномоментный срез. Раньше для получения более четкого представления о процессах, протекавших в среде сельского населения страны на рубеже XIX и XX вв., необходимы были результаты как минимум двух переписей либо узкоспециальных статистических обследований по одному вопросу. Распределение же дворов по выделяемым нами группам в сочетании с предложенной американскими исследователями гипотезой «социальной лестницы» (суть ее состоит в том, что, во-первых, аренда земли представляет дополнительную возможность занятий сельским хозяйством тем, кто не имеет достаточного капитала, чтобы стать собственником, и, во-вторых — люди передвигаются с одной ступеньки на другую независимо от того, происходит это движение вверх или вниз) [13] позволяет историку делать более конкретные выводы, с одной стороны, а с другой — прогнозировать с большей вероятностью ход социальной дифференциации деревни, в частности немецкой.

Зная существующую раскладку, например на 1917 год, мы можем предположить, что часть крестьян, относящихся к одной социально-экономической группе, откалывается от нее и переходит, как правило, в соседнюю: в случае разорения или некоторого ухудшения материального положения — в нижестоящую, в случае же его улучшения — в вышестоящую. Процесс этот, разумеется, не односторонний, являясь взаимопроницаемым, он связывает тем самым всю систему. В условиях первых лет поселения на новом месте движение это было весьма и весьма активно, что связано было с различными факторами (неурожай, слабое финансовое положение хозяйства и т.д.). (См. табл. 1.)

Таблица 1. Распределение крестьянских дворов на 1900 г. на примере нос. Мариенбург, % [14]

	Без скота	1—2 головы	3—4 головы	5 и более
Без посева	6	4,5	—	—
До 4 дес.	6	53	3	—
4-10 дес.	—	21,5	15	—
св. 10 дес.	—	—	4,5	—

Но с процессом адаптации это движение становится все более замедленным, что позволяет говорить о наступлении стабилизации в немецком сельском обществе, однако стагнации в нем не было (см.

Табл. 2).

Таблица 2. Распределение крестьянских дворов ни 1917 ?.. на примере 4 немецких поселков Подсосновской волости Славгородского уезда Алтайской губернии [15]

	Без скота	1-2г оловы	3-4	Головы	5 и более	голов
Без посева	2,38*; 2,42*	—	—	—	—	—
До 4 дес.	3,57; 1,81	3,57;	5,55	0,59;	—	—
4—10 дес.	4,16; 3,02	16,07;	21,21	7,74;	4,24	—
Си. 10 дес.	— 1,23	4,18;	30,32	29,76;	16,96	27,98; 12,74

* Примечание. 2,38 — группировка «посевная площадь — количество голов рабочего скота»; 2,42 — группировка «посевная площадь - -- количество голов продуктивного скота»

Кроме того, данная классификация крестьянских дворов позволяет делать кое-какие выводы и о специфике хозяйства в рамках группы. Так, например, при группировочных признаках «посевная площадь — количество голов рабочего скота» получаем 57,24% дворов, которые можно отнести к типам «тяготеющий к сельской буржуазии» и «сельская буржуазия», тогда как при классификации «посевная площадь — количество голов продуктивного скота» получаем цифру на те же типы в 29,7%, что позволяет сделать вывод о том, что у домохозяев, относящихся к сельским буржуа, хозяйство зиждется на полеводстве, то есть в нашем случае можно говорить о склонности немецких крестьян к мелко- и среднефермерскому земледельческому хозяйству, тогда как разведение продуктивного скота в них не играет ведущей роли и находится на втором плане. В то же время в середняцких хозяйствах наблюдается совершенно иная картина.

В целом же предлагаемая система метода исторического исследования есть не что иное, как прежняя трехступенчатая система группирования крестьянских хозяйств, однако в более развернутом виде и основанная не на одном, а совокупности двух признаков. Она позволяет применяющему ее не только классифицировать хозяйства по типам, давая тем самым возможность определить их место в капиталистической деревне, но и выявить присущие им специфические черты.

Примечания

1. Падалка Л. Землепладение немцев — бывших колонистов в Херсонской губернии // Сборник Херсонского земства год 24-й. Херсон, 1891. № 6.

2. Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Томск, 1917. С. 1.
3. Там же.
4. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии/ Под ред. В.Я.Нагнибеды. Вып. 1. Уезды Барнаульский, Канский, Томский и Мариинский. Томск, 1910. С. 62.
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 3.
6. Никулин П.Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири // Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1989.
7. Там же. С. 13.
8. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX - XX вв.) Новосибирск, 1967. С. 107; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 147.
9. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.
10. Там же. С. 137.
11. Там же. С. 198.
2. Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1965. С. 14.
- ИЗ. Арендаторы и мелкие фермеры в XIX веке: проблемы роста аренды на Севере // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века. М., 1991. С. 214.
4. Подсчитано по: Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2554. Л. 13-14.
15. Подсчитано по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 799-803, 805, 808, 812, 815.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ О СУДЬБЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В 1920-1950 ГГ.

В.Бруль

В докладе рассматриваются неизвестные и малоизвестные архивные источники периода с 1925 по 1955 г. Ставшие в последнее время достоянием ученых и общественности материалы по истории российских немцев подтверждают многое из того, о чем мы раньше догадывались или знали по рассказам наших отцов и дедов.

Приведем несколько документов из «Особой папки» ГАНО, свидетельствующих о необычайной жестокости, бесчеловечности и бессмысленности проводимых большевиками акций. Так, в разгар коллективизации член партии из Бердска Мальц написал в ЦК ВКП(б) письмо, в котором сообщал, что крестьяне были освидетельствованы в медицинской лаборатории на предмет содержания питательных веществ в желудке! В результате оказалось, что никаких питательных веществ в желудках крестьян нет и в помине. Но несмотря на это весь хлеб, в том числе и бедняцкий фонд, был отправлен на заготовительные пункты [1]. Другие свидетельства — постановления ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1934 г. за подписью Кагановича и от 2 ноября 1934 г. за подписью Сталина. Эти постановления предоставляли секретарю Запсибкрайкома партии Эйхе право, по примеру 1930 г., давать санкцию на применение высшей меры наказания в Сибири в сентябре, октябре и ноябре 1934 г. Эйхе воспользовался этим правом с большим усердием. Только за сентябрь и октябрь он фактически приговорил к расстрелу 201 человека. К 12 ноября это число выросло до 240 [2].

Многие документы подтверждают известный афоризм: меняются люди, времена, а отношение к проблемам остается неизменным. Так, в отчете Немсекции Омского губкома партии за 1924 г. говорится, что

во время партийной конференции немцы стали говорить на немецком языке. Один русский стал кричать: «Если они хотят говорить по-немецки, пусть едут в Германию, там их место». Из выводов по обследованию нацменьшинств Абаканского и Минусинского округов следует, что уполномоченные по хлебозаготовкам Антонов и Дианов запрещали латгальцам и немцам говорить на родном языке [3].

Как известно, наиболее труднодоступными были и еще остаются архивы бывшего КГБ. Передача дел из них в государственные архивы проходит очень медленно, с проволочками. Наиболее удачно эта проблема решена в Алтайском крае, где создан доступный для всех Центр хранения специальной документации. Управление бывшего КГБ по Алтайскому краю передало в ЦХСД личные дела более чем на 50 тысяч человек, репрессированных на Алтае по политическим мотивам. Среди них огромный пласт составляют немцы. Число дел так велико, что даже обычные посетители архива, далекие от истории, удивленно спрашивают, почему они постоянно видят так много немецких фамилий среди репрессированных.

Материалы еще недостаточно обработаны, что создает дополнительные трудности. Но при надлежащем изучении можно получить всю интересующую информацию. Имеются данные о составе семей, их экономическом положении на 1917 и 1929 гг. и на момент раскулачивания. Можно определить социальный и половозрастной состав, мотивы проведения тех или иных репрессивных кампаний, механизмы работы ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ.

Имеются списки почти на 600 участников восстания в Гальбштадте летом 1930 г. Сохранилось следственное дело, по нему можно проследить судьбу этих людей до 1937 и 1938 г., когда практически все они были расстреляны. Сохранились и оперативные сводки ОГПУ, из которых видно, какая работа проводилась спецслужбами в отношении немецкого населения еще до коллективизации, затем в ее ходе и во время подавления эмиграционного движения. Массовое эмиграционное движение и массовые высылки немецких крестьян в районы Севера привели к полному опустошению многих сел Немецкого района и резкому сокращению его населения. Положение было настолько серьезным, что Запсибкрайком партии вынужден был в 1930 г. принять постановление о переселении в Немецкий район немцев из других районов Алтая.

Конечно же, необходимо сказать о печально-трагическом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. «О работе среди немецкого населения», обнаруженном в ГАНО. Этот документ позволил совершенно по-новому подойти к исследованию проблем советских

немцев. И если в целом по стране массовый террор прокатился в 1937 и 1938 гг., то в немецких селах Сибири он начался уже в 1934 и 1935 гг. [4].

Только в ноябре и декабре 1934 г. в ходе реализации этого постановления по сфальсифицированным обвинениям в немецких колониях Сибири было арестовано 577 немцев, 7 из них получили высшую меру наказания. По традиции, больше других пострадал Немецкий район. Здесь проживала четвертая часть немецкого населения Сибири. Но половину всех репрессированных немцев (293) составили жители Немецкого района [5]. Тотальной проверке и обработке было подвергнуто все немецкое население. Немцы из числа красноармейцев были уволены из войсковых частей. По нескольку раз проводились чистки партийных организаций и трудовых коллективов. Людей заставляли писать открытые письма протеста в адрес Германии. Их можно прочитать в немецкоязычных и русскоязычных газетах того времени. Целая подборка таких писем хранится и в Центре документации новейшей истории Омской области [6].

Изучение материалов 1937 и 1938 гг. показывает на непомерно высокую долю национальных меньшинств как коренных, так и пришлых, среди репрессированных. Так, 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило НКВД «продолжить до 15.04.1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, немцев...» Всего перечислялось 12 национальностей [7]. Но и на этом фоне репрессии против немцев носили просто тотальный характер. Имеющиеся документы ЦХСД подтверждают, что из Москвы поступали приказы о поголовном уничтожении мужчин немцев в возрасте от 18 до 55 лет. Приказы эти выполнялись. Так, в селе Барском из 100 мужчин в живых осталось двое. Только в одну ночь 22 января 1938 г. в Слав - городской
цами [8]. Когда для разнарядки не хватало мужчин немцев, арестовывали женщин и ребят моложе 18 лет. Имел место случай, когда пьяные работники НКВД для выполнения разнарядки расстреляли, не разобравшись, вместе с немцами нескольких русских. Чтобы замять дело, оформили всех немцами и забросали в овраге земель. Из некоторых материалов в ответ на требование репрессировать еще столько-то немцев узнаем буквально следующее: арестовывать больше некого, потому что в селах таких-то не осталось ни одного мужчины немца, все арестованы. Потрясают письма обреченных людей родственникам, когда за несколько дней или часов до расстрела они с криком души писали женам, детям и родителям.

Приведу еще пример, свидетельствующий о дикости происходившего и подтверждающий, что тройки выносили приговоры, не вникая в дела. Шенкель Иосиф Петрович умер в Славгородской тюрьме 10 августа 1938 г., а решение о его расстреле было принято 14 октября 1938 г., то есть он был приговорен к расстрелу через 65 дней после своей смерти [9].

Подводя черту под периодом 20-х и 30-х гг., следует выделить два момента. Первое. В Сибири репрессивные меры в отношении немцев были наиболее интенсивными и жестокими в местах их компактного проживания и там, где были административные формирования. Второе. Сплошной просчет списков репрессированных, изучение значительного числа личных дел в Центре хранения специальной документации Алтайского края показали, что на Алтае доля репрессированных среди немецкого населения страны была в 3-4 раза выше, чем у русских.

В целом же политику против сибирских немцев в 1934-1938 гг. нельзя назвать ничем иным, как этнической чисткой. К подобному выводу пришли также, независимо друг от друга, профессор Л.Белковец и доцент О.Гербер.

На этом фоне уже не вызывает особого удивления то, что случилось с советскими немцами в 1941 г. Сибирский регион был вторым после Казахстана местом по количеству принятых депортированных немцев. Всего в Западную Сибирь было депортировано около 400 тысяч немцев. Их расселили дисперсно, почти всех в сельской местности. Запрещено было расселять немцев в городах, имевших оборонные заводы, предприятия химической и нефтеперерабатывающей промышленности. Немцам нельзя было работать в местах, связанных с оружием и боеприпасами. Увольняли лесничих, егерей и членов охотничьих артелей из числа сибирских немцев. Они были уволены из Красной Армии, а также из НКВД и вневедомственной военизированной охраны.

Эта информация взята из архивов краевых и областных управлений МВД. Они наиболее полно отражают положение депортированных немцев и других репрессированных в годы войны народов. В них имеются эшелонные списки, карточки персонального учета, личные дела депортированных с фотографиями, описанием внешности, отпечатками пальцев, росписями о ежемесячных отметках в спецкомендатуре. Велись поквартальные, полугодовые и годовые формы отчетности. Они дают возможность, при надлежащей аналитической работе, получить всю интересующую информацию, начиная с рождаемости,

смертности, передвижения и заканчивая агентурной-осведомительной и оперативной работой среди депортированных.

В Докладной записке Омского управления НКВД о трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев есть такие разделы: 1) прием, расселение, переселение, с разбивкой по полу и возрасту; 2) мобилизовано немцев в трудовые колонны; 3) выдача паспортов; 4) отношение к работе; 5) хозяйственное устройство; 6) реализация квитанций за сданное имущество; 7) медико-санитарное обслуживание; 8) школьное обучение; 9) политико-моральное состояние и взаимоотношения с местным населением; 10) работа по предотвращению побегов [10]. После войны появился раздел «Работа по соединению разрозненных семей». Есть сведения о поэтапном снятии немцев со спецучета и их реакции на эти мероприятия.

Много любопытного содержится в приказах и инструкциях Наркома НКВД-МГБ Л.Берии и его заместителей. Они позволяют увидеть механизм мероприятий, проводившихся среди немцев и других депортированных народов. Можно проанализировать уровень смертности по отдельным регионам. Нашли свое документальное подтверждение и факты надругательств над немецкими девушками и женщинами, склонение их силой к сожительству, в первую очередь со стороны работников НКВД. В Новосибирской области при выдаче паспортов и других документов немцам без их согласия вписывали русские имена и фамилии, а в графе «национальность» записывали как русских. Только по городу Новосибирску в ходе проверки было изъято более тысячи паспортов, что составило 10 процентов от всех выданных паспортов — то есть явление это носило достаточно массовый характер [11]. Есть и протоколы допросов, из которых видно, каким образом немцев превращали в русских.

Материалы «Особых папок» обкомов и крайкомов партии раскрывают завесу таинственности по многим моментам, в том числе и по использованию немцев на принудительных работах в трудармии. В архивах Омска и Новосибирска имеется богатый материал о повторной депортации немцев в районы Нарыма и Крайнего Севера. Раньше эти факты не были известны. В архиве Кемеровской области сохранились инструкции, приказы по использованию депортированных немцев, военнопленных и интернированных. Они позволяют провести сравнительный анализ, который приводит к очень грустным выводам в отношении советских немцев.

Приведем несколько примеров, показывающих, в каких непростых условиях приходилось жить и работать советским немцам, отношение

к ним в военные и послевоенные годы. 11 ноября 1942 г. Наркомат угольной промышленности СССР и НКВД издали инструкцию «По использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев». Инструкция состояла из 15 разделов и 100 пунктов. Она подробнейшим образом расписывала жизнь немцев в течение суток. Только в девяти из 100 пунктов речь шла о том, что немцам разрешалось, все остальные пункты имели запретительный характер. В частности, немцам разрешалось заниматься гимнастикой и другими видами спорта, передвигаться внутри зоны. Общаться же с русским населением трудармейцам запрещалось, совместная работа немцев-трудармейцев и русских шахтеров также не допускалась. [12]

В 1945 г. по инициативе районного руководства были разогнаны 11 немецких колхозов Андреевского района и 5 колхозов Чистоозерного района Новосибирской области. Новосибирский обком партии такую инициативу поддержал, а Совнарком СССР утвердил решение. В этих колхозах проживали немцы, поселившиеся в Сибири в период реформ Столыпина, к депортированным немцам они отношения не имели. Но поскольку они были немцами, к ним применили сибирский вариант депортации. Люди были изгнаны из собственных домов и пущены по миру, а их дома вместе с имуществом заняли русские жители окрестных сел. Несколькими компактными пунктами проживания немцев стало меньше. [13]

В Абакумовском лесокомбинате Кемеровской области в феврале 1947 г. немцы все еще жили в бараках без стекол, многие работали в морозы в резиновых сапогах. В формах отчетности о выполнении норм в угольной промышленности советские немцы проходят вместе с влазовцами. [14]

Особо следует выделить источники по репатриантам. Эта группа советских немцев в наибольшей степени подверглась влиянию войны, они были окутаны еще большей тайной, чем другие категории немцев. В годы войны около 400 тысяч советских немцев, главным образом с территории Украины, были депортированы войсками вермахта в Чехословакию, Польшу и Германию. Многие получили гражданство Германии, часть мужчин служила в германской армии и принимала участие в боевых действиях против СССР. После капитуляции фашистской Германии более 200 тысяч советских немцев были репатриированы в СССР. Им было обещано возвращение в родные места. Но на самом деле всех расселили в Сибири, Казахстане и на Севере. В Алтайском крае оказалось 13 841 репатриант, в Новосибирской области — 13 262, Омской — 1869, Томской — 5830, Кеме-

рокской области — 4888. Их расселили достаточно большими группами в шахтерских городах Кемеровской области, в местах бывших трудовых лагерей, в отдельных городских районах (Западный поселок в Барнауле, Кировский район Новосибирска), а также в ряде колхозов и совхозов.

Все репатрианты прошли тщательнейшую проверку в фильтрационных лагерях в Германии, Австрии, Польше и Чехословакии. Мужчины, служившие в вермахте, были осуждены. Материалы на репатриантов отложились в Омском архиве Федеральной службы безопасности, в ГАНО и в ЦХСД Алтайского края. Широкое распространение среди репатриантов получили фанатичные религиозные секты. Следует подчеркнуть, что по сравнению с другими группами немецкого населения к репатриантам были применены самые суровые меры надзора и контроля. По отчетам краевых и областных Управлений МВД, репатрианты проходили отдельной строкой с детальной разбивкой по полу, возрасту, сфере трудовой деятельности. Среди них была создана самая разветвленная и насыщенная агентурно-осведомительная сеть. Дети из семей репатриантов еще в большей мере испытали на себе дискриминацию. Эмигрантские настроения все послевоенные десятилетия были наиболее сильны среди репатриантов. Они и эмигрировали первыми, выполнив функцию тех камней, которые вызвали снежный обвал эмиграции.

Как лица, побывавшие за границей, принимавшие германское подданство, подвергшиеся обработке западной пропаганды, репатрианты находились на спецучете и в разработке органов КГБ, по крайней мере, до августа 1991 г., а возможно, и позднее.

В ЦХСД Алтайского края и ГАНО имеется большое количество личных дел репатриантов. Они сильно перлюстрированы. Например, в деле одного репатрианта в ЦХСД из имевшихся 114 листов осталось только 14. Но при внимательном изучении можно найти много интересного и важного, выявить определенные закономерности. Каково же содержание этих личных дел? Начинаются они с постановления оперуполномоченного о заведении агентурной разработки на конкретного репатрианта и регистрации его в отделе «А» Управления МГБ по краю или области. Разработки утверждались вышестоящим начальством, и механизм запускался в действие. Проверялись виновность или невиновность репатриантов, их сотрудничество с фашистской Германией. Делались запросы в места их довоенного проживания, собирались агентурные данные, допрашивались свидетели. В случае доказательства вины дело передавали в суд. В противном случае по-

дозреваемый оставался на учете и в разработке, В личных делах хранятся документы, подтверждающие прием гражданства Германии в годы войны, сами аусвайсы, другие документы. Имеется перечень бытовой утвари, постельных принадлежностей, посуды, которую выдавали советским немцам под роспись по прибытии в Германию.

В архивах Западной Сибири имеются материалы и по гражданам Германии и Австрии, оказавшимся в регионе вследствие мировых войн. Достаточно много гражданских лиц было интернировано из Германии в СССР после войны, и часть из них использовалась в Сибири, особенно в Кузбассе, где некоторые находились до последнего времени.

Характерно для всех вышеназванных источников то, что они совершенно определенно опровергают обвинения, выдвинутые против советских немцев в 30-40 гг.

Говоря о жизни депортированных немцев в Сибири в период 1941-1955 гг., важно отметить следующее. Степень приспособляемости к новой среде и условиям обитания, а следовательно, и степень выживаемости у немцев оказались на несколько порядков выше, чем у других репрессированных народов. По другим репрессированным народам принимались решения центральных партийных и правительственных органов о выделении им помощи скотом, деньгами, продуктами, ссудами. Во время депортации немцам также было обещано правительством, что в новых местах расселения им компенсируют в денежной или натуральной форме оставленное имущество. Отдельным семьям удалось в Сибири получить выбракованный скот. Но в целом по региону не были выполнены решения о компенсации немцам имущества и живности, оставленных в местах выселения. Немцы стали проявлять недовольство, что побудило сибирское начальство обратиться за разъяснениями в Москву. Вопрос был закрыт в «лучших традициях» советского государства. 18 мая 1943 г. Нарком заготовок СССР К.Субботин дал на места директиву, согласно которой распоряжение номер 11-73 от 11 ноября 1941 г. о приеме и возврате зерна немцам Поволжья утратило силу за давностью сроков переселения [15]. В период 1943-1955 гг. не удалось обнаружить партийных или правительственных решений по поддержке депортированных немцев, как это было сделано в отношении других депортированных народов.

Примечания

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 5. Оп. 109. Д. 3. Л. 3.
2. Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643а. Л. 1,5, 114 116.
3. Там же. Ф. 2. Оп. 2-1. Д. 339. Л. 23; Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164.Л.106.

4. Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 14, 14а (Особая папка),
5. Там же. Л. 85.
6. Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 415. Оп. 1. Д. 311.
7. Московские новости, 1992, 21 июня.
8. Центр хранения специальной документации Алтайского края. Ф. р-2. Д. 5609.
9. Архив Управления КГБ по Алтайскому краю. Д. 3708. П. 6036.
10. Информационный центр Управления МВД Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3.
11. ИЦ Управления МВД Новосибирской области. Ф. 8. Оп. 12. Д. 3. Л. 101.
12. Государственный архив Кемеровской области. Ф. р. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 1-10.
13. ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 233. Л. 162-165.
14. ГАКО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 201. Л. 19, 31, 135.
15. ИЦ УВД Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Л. 69.

«РАСКУЛАЧИВАНИЕ» НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. 1928-1934 ГГ. ИСТОЧНИКИ И СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

О.А.Гербер

Вовлечение в научный оборот архивных документов позволяет реконструировать «раскулачивание» крестьян в немецких колониях Сибири.

В 1924 г. на страницах газеты «Беднота» развернулась дискуссия на тему «Кого считать кулаком, кого — тружеником?», которая в середине 20-х гг. получила дальнейшее развитие в литературе и на партийных форумах [1]. В ходе дискуссии об определении социальной классификации крестьянства отмечалось, что зачисление в категорию «кулаков» нередко происходило не по социально-экономическим, а по моральным признакам. Произвольно избираемые критерии давали самые различные определения количества кулацких хозяйств, после XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), принявшего курс на усиление наступления на кулачество, образ кулака был превращен в массовую политическую категорию «классового врага» [2].

Российское «кулачество» представляло собой формирующийся особый слой внутри крестьянства. Он был связан с крестьянской средой бытовым укладом, личным физическим трудом в своем хозяйстве. В немецкой деревне Западной Сибири границы, разделявшие социальные слои крестьянства, особенно из-за постоянно перемещавшихся между ними переходных слоев и групп, были очень размытыми.

Усиление наступления на кулачество, переросшее в его ликвидацию, началось в 1928-1929 гг. и в основном связано с хлебозаготовительными «кризисами». Были окончательно отброшены экономические ме-

годы регулирования рынка. Основными методами, посредством которых государство достигало своих целей, стали административное принуждение и репрессии.

Прямым прологом ликвидации крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, стало постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (21 мая 1929 г.) [3]. Широкий и неточный перечень признаков давал возможность причислить к кулацким хозяйства бедняков и середняков.

Принятие постановления о признаках кулацких хозяйств вело фактически к немедленному раскулачиванию или самораскулачиванию. Основанием для экспроприации отдельных групп крестьянства стало постановление ВЦИК и СНК «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» (28 июня 1929 г.) [4]. Именно хозяйства, официально объявленные кулацкими, становились главным объектом разорительного индивидуального обложения, им в первую очередь давались «твердые задания» по хлебозаготовкам, невыполнение которых предоставляло право местным Советам в административном порядке увеличивать эти задания в пятикратном размере, что приводило к полной ликвидации крестьянских хозяйств.

Летом и осенью 1929 г. в немецких селениях Сибири была проведена кампания по «выявлению кулацких хозяйств». По данным архивных документов, в Омском округе к «кулацким» было отнесено 9% крестьянских хозяйств, в Барабинском — 4,8% (Купинский район), в Славгородском округе — от 5,4% в Немецком районе до 12,8% в отдельных лютеранских селениях Славгородского района, в меннонитских колониях того же района доля хозяйств, названных «кулацкими», составила 18,2%. [5] Это было значительно выше, чем в целом по Сибири. Для сравнения, в 1929 г., по данным Сибкрайисполкома, в Сибирском крае «кулаки» составляли 4,7% крестьянских хозяйств [6]. Чем же объясняется столь высокий процент немецких крестьянских хозяйств и прежде всего меннонитских, отнесенных к «кулацким»? Немецкие колонии отличались относительно высоким уровнем развития хозяйства, однако местные власти не учитывали, что в ходе подготовки к эмиграции весной и летом 1929 г. многие крестьянские хозяйства самоликвидировались. В Сибири среди немецких колоний лютеран, католиков и меннонитов последние отличались более высокой агрокультурой. В связи с этим, а также в силу ряда других причин (приверженности к религии, языку, высокой организованности), они создавали большие трудности для местных

органов власти в ходе проведения ими различных мероприятий. Вероятно, власть учитывала и тот факт, что именно меннониты являлись инициаторами эмиграционного движения. Высокий процент «выявленных кулаков» объясняется конфронтацией местных органов власти и немецкоязычных колоний, стремлением усилить экономическое давление на них.

В работах по истории немцев Сибири проблема раскулачивания не являлась предметом специального исследования. Отдельные сюжеты раскулачивания немецкой деревни рассмотрены в трудах Л.В.Малиновского и В.И.Бруля [7]. Исключение составляет монография Л.П.Белковец «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х - 1930-е годы)», третья глава которой посвящена вопросам коллективизации и репрессий [8]. Однако проблема раскулачивания еще не исчерпана и остается актуальной.

В российской историографии хронологические рамки раскулачивания определяются периодом 1928-1933 гг. Представляется, что раскулачивание немецкой деревни в Западной Сибири хронологически сдвигается до конца 1934 — начала 1935 гг., что можно объяснить репрессивными акциями, в ходе которых осуществлялась «чистка» различных органов, предприятий и организаций, колхозов и совхозов от так называемых «чуждых кулацких элементов». В 1934 г. в ходе избирательной кампании в местные советские органы продолжалось «выявление» и «довыявление» несуществующих кулаков-немцев.

Наряду с уже введенными в научный оборот ранее засекреченными документальными материалами, основными источниками изучения проблемы раскулачивания немецкой деревни в Западной Сибири являются ныне уже доступные для исследователей документы архивных фондов партийных и советских органов. Значительный массив документов, который отложился в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Алтайского края (ГААК), Государственном архиве Омской области (ГАОО) и Центре документации новейшей истории Омской области (ЦДНННО), дает представление о политике государства в целом и местных органов власти, в частности, в отношении крестьянских хозяйств, экономических, социальных и психологических целях конфискационной политики, методах раскулачивания, о времени фактической ликвидации кулацких хозяйств в немецких деревнях и этапах официальной кампании по раскулачиванию, формах сопротивления крестьян репрессиям.

Архивные источники условно можно разделить на две группы: директивные материалы и делопроизводственная документация. Доку-

менты директивного характера представлены постановлениями партийных и советских органов, решениями и циркулярами Сибкрайисполкома.

Постановление Бюро Омского окружкома ВКП(б) «О работе среди немецкого населения» (9 августа 1929 г.) свидетельствует, что в качестве меры усиления наступления на «кулака» планировалась «чистка колхозов», т.е. исключение «кулацких» хозяйств [9]. Аналогичная директива в отношении кулачества Сибирского края в целом была дана Сибкрайкомом ВКП(б) лишь 30 декабря 1929 г. (Постановление «О чистке колхозов и сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов») [10]. Таким образом, проведение акций по «чистке колхозов» в немецких селах планировалось значительно раньше, чем в крае в целом. Вступление кулаков в колхозы рассматривалось как уголовно наказуемое деяние, а созданные с их участием колхозы квалифицировались как лжеколхозы.

Резолюция Бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О работе в немецких колониях» (6 ноября 1929 г.) показывает, что одним из инструментов «раскулачивания» являлось кратирование «твердых заданий» по хлебозаготовкам. Она рекомендовала окружкомам применение репрессий за задержку хлеба допускать лишь к кулацким хозяйствам, обеспечив в каждом отдельном случае активную поддержку репрессивным мероприятиям со стороны бедняcko-средняцких масс» [11]. Закрытое письмо секретаря Славгородского ОК ВКП(б) Конончука «О недопустимости применения административных мер к середняцким массам крестьянства по хлебозаготовкам» (10 ноября 1929 г.), как и резолюция Сибкрайкома партии, создавали видимость защиты интересов бедняcko-средняцкой части немецких колоний и вовлечения низов в процесс раскулачивания [12]. В действительности репрессивные меры проводились под жестким контролем властных структур с опорой на карательный аппарат.

Впервые курс на ликвидацию кулачества как класса, без обсуждения в партийных органах, был дан И.Сталиным в докладе на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 г.). Речь шла о том, чтобы «сломить кулачество», «ударить по кулачеству... так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...» [13] Это означало уничтожение индивидуального крестьянского хозяйства. Сталинский курс на ликвидацию кулачества как класса был закреплен в качестве партийной директивы в постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» (5 января 1930 г.) [14]. Оно не содержало никаких разъяснений и лишь

подтвердило «недопустимое!!», приема кулаков в колхозы» [15]. Вопрос о том, как проводить раскулачивание и что делать с раскулаченными, оставался нерешенным. Характерный для сталинского руководства момент: политика провозглашается, и лишь позднее выясняется, как и кем она будет осуществляться. Конкретные мероприятия по осуществлению политического, по своей сути, лозунга «ликвидации кулачества как класса» были намечены лишь в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. и инструкции от 4 февраля 1930 г. [16]

Официальная кампания по «раскулачиванию», развернувшаяся в Сибири на основе постановления крайкома партии «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и ликвидации кулачества как класса» (2 февраля 1930 г.), в котором указывалось, что «экспроприации подлежат все кулацкие хозяйства данного села или района, перешедшего к сплошной коллективизации», была направлена не на действительные, а на бывшие «кулацкие» хозяйства [17]. В целях придания экспроприации крестьянства «законной» формы Сибкрайисполком принял постановление «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» (12 февраля 1930 г.) [18]. Оно определяло «порядок экспроприации кулацких хозяйств». Кулацкие хозяйства, «подлежащие ликвидации», подразделялись на две группы: первая группа — «кулацкий актив из наиболее богатых кулаков, которые подлежат высылке в отдаленные местности», ко второй группе — «все остальные кулацкие хозяйства, оставляемые в пределах районов данного округа и расселяемые на новых отведенных им за пределами колхозов участках».

В постановлении не упоминалась так называемая первая категория «кулаков», или «контрреволюционный актив». Первая группа в постановлении — это так называемая вторая категория, «выселяемые», а вторая группа — третья категория «расселяемые». Произвольное выделение этих групп изначально создавало широкие возможности для произвола на местах. Постановление предписывало при конфискации имущества оставлять «кулакам» минимум элементарных средств производства, продовольствия и денежных средств не более 500 руб. на семью. На практике «раскулачивание» носило не характер экспроприации основных средств производства, а конфискации всего имущества, в том числе и предметов быта. Циркулярное письмо СКИКа (1 марта 1930 г.) разъясняло: «Не подлежат конфискации и переселению хозяйства и семьи... немцев... если эти села и районы полностью еще не перешли к сплошной коллективизации» [19]. Архивные доку-

менты не оставляют сомнений в том, что данная директива нарушалась.

В решениях партийных и советских органов постоянно подчеркивалось, что «раскулачивание» должно осуществляться на базе сплошной коллективизации. Однако «раскулачивание» проводилось повсеместно и использовалось как средство активизации коллективизации.

Процесс «ликвидации кулачества как класса» постоянно инициировался сверху директивами партийных и советских органов и имел свои переломные этапы. Так, первый этап официальной кампании осуществлялся в течение 1930 г. Весной и летом 1931 г. в связи с замедлением темпов колхозного строительства власти организовали второй этап «ликвидации кулачества» — новую массовую репрессивную акцию. В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) и меморандумом ОГПУ (15 марта 1931 г.) Запсибкрайком принял постановление «О ликвидации кулачества как класса» (27 апреля 1931 г.). (Аналогичное постановление Запсибкрайисполком принял 5 мая 1931 г.) Оба постановления в корне изменили директиву СКИКа от 1 марта 1930 г. Крайком ВКП(б) и Крайисполком поставили задачу: «Экспроприации и выселению подвергнуть все твердоустановленные кулацкие хозяйства» и особо подчеркнули: «кулаки-немцы подлежат выселению» [20]. Речь шла уже об экспроприации «бывших кулаков» — «кулаков», ранее экспроприированных или распродавших свое имущество и работающих в колхозах и совхозах, в различных предприятиях и учреждениях. Деление «кулаков» на категории отсутствовало. В постановлениях ключевую роль играл военный термин «ликвидация», механизм осуществления которой укладывался в два слагаемых: конфискация имущества и высылка.

В 1931-1932 гг. партийные и советские органы периодически давали директивы местным Советам «самостоятельно устанавливать дополнительные признаки кулацких хозяйств применительно к местным условиям», финансовым органам «выявлять» и «довыявлять» кулацкие хозяйства для индивидуального обложения их. С этой целью рекомендовалось организовывать «чистки колхозов», использовать списки самоликвидировавшихся крестьянских хозяйств. Многочисленные постановления краевых и районных органов власти свидетельствуют об усилении административного нажима, ужесточении репрессивных мер против немецких крестьян в ходе хлебозаготовок 1932-1934 гг. [21] В них нет даже намек на какое-либо экономическое регулирование. Иллюстрацией того, что судебнo-карательная политика была основным средством проведения хлебозаготовок, является и совместное по-

становление Запсибкрайкома ВКП(б) и Запсибкрайисполкома «О ходе хлебозаготовок по Немецкому району» (22 октября 1934 г.) [22]. Оно стало ответной реакцией партийных и советских органов на телеграмму серии «Г» (сверхсекретная), отправленную 31 августа 1934 г. в Новосибирск секретарю Западно-Сибирского крайкома Р.И.Эйхе и председателю Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П.Грядинскому. Телеграмма была подписана Сталиным и Молотовым, которые от имени СНК и ЦК потребовали «немедленно определить отстающие районы... Принять необходимые меры воздействия по отношению к партийному и советскому руководящему составу в тех районах, совхозах и колхозах, где плохо поставлена работа по уборке, обмолоту и хлебозаготовкам...», «принять все предусмотренные законами меры воздействия на неплательщиков хлеба... а по отношению к единоличникам — штрафы до пятикратного размера с рыночной стоимости невыполненной части обязательств по хлебосдаче с привлечением к судебной ответственности по статье 61 УК» [23]. Как следует из текста телеграммы, выкачивание хлеба было головной болью для коммунистической власти. Насаждение колхозов не решило автоматически проблему хлебозаготовок. Продолжалась прежняя практика административного нажима и прямого насилия со стороны государства при полном отсутствии экономического регулирования.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация, в составе которой можно выделить переписку Запсибкрайисполкома со ВЦИКом, органов ОГПУ с окрисполкомами, прокуратуры и суда с крайкомами ВКП(б) и личные дела крестьян-«лишенцев».

Отчеты комиссий окрисполкомов и окружкомов ВКП(б) по обследованию крестьянских хозяйств характеризуют социальный состав и экономическое положение немецкого крестьянства и позволяют сделать вывод о причинах невыполнения ими заданий по хлебозаготовкам (искусственное завышение планов для районов с немецким населением, составление их без учета сокращения посевных площадей и урожайности, «разверстывание планов» по отдельным хозяйствам в «рабочем порядке», трех-пятикратное повышение планов для отдельных немецких сельсоветов Славгородского и Омского округов) [24]. Это было связано с установкой ряда руководителей партийных и советских органов на то, что «все немецкие крестьяне являются кулаками», «немецкое крестьянство сплошь контрреволюционно» [25]. Спецсообщения, сводки, справки начальников окружных отделов ОГПУ содержат сведения о привлечении крестьян, не выполнивших «твер-

дых заданий» по хлебозаготовкам, к судебной ответственности по ст. 61, 107, 167, 169 УК РСФСР; о численности кулацких хозяйств в немецких колониях, количестве раскулаченных и самоликвидировавшихся крестьянских хозяйств [26]. По данным Славгородского окружного отдела ОПТУ, к концу 1929 — началу 1930 г. из числа «выявленных» «кулацких» хозяйств в Андреевском районе было «раскулачено» и самоликвидировалось 95,8%, Немецком — 95,7%, Знаменском — 98,0%, в Славгородском и Благовенском районах — 100%. Во второй половине 1929 г. в Немецком районе из 168 «кулацких» хозяйств 67 (39,8%) самоликвидировалось, а 94 хозяйства было «раскулачено», из них 37 (22%) в результате пятикратного обложения, 17 (10,1%) глав «кулацких» семей привлечены к уголовной ответственности по статье 61 части 2 и 3 УК РСФСР, 9 (5,3%) осуждено по статьям 79 и 169 УК, 16 (9,6%) крестьян осуждено по другим статьям с конфискацией имущества и 15 (8,9%) были «раскулачены» в ходе следственных мероприятий [27].

Докладная записка председателя ЗСКИКа (13 октября 1930 г.) подтверждала сообщения ОГПУ, что фактически «раскулачивание немецкой деревни состоялось в 1929 г. во время хлебозаготовок» [28].

В «Сводке террористических выступлений кулачества при проведении хозяйственно-политических кампаний» (15 сентября 1930 г.) прокурора Сибирского края Бурмистрова, в «Обзорах политических событий, зарегистрированных по материалам административных органов края» (август — декабрь 1929 г.) находим информацию о формах сопротивления крестьян «раскулачиванию» и выселению (эмиграция, массовые женские протесты, поджоги, террористические акты, восстание 2 июля 1930 г.), которое Славгородский окружком ВКП(б) оценил как «открытое враждебное контрреволюционное выступление кулачества и антисоветских элементов» [29].

Архивные документы дают противоречивые сведения о времени начала осуществления политического лозунга «ликвидации кулачества как класса» в немецкой деревне. Согласно докладной записке Славгородского окружкома ВКП(б) от 11 мая 1930 г. [30], в немецких колониях начали пили к изъятию кулаков I категории [30]. В докладе окрисполкома (5 мая 1930 г.) утверждается, что «раскулачивание не производилось» [31].

В докладной записке Омского ОК ВКП(б) «О работе среди немецкого населения» (10 марта 1930 г.) приводятся данные о численности «раскулаченных» хозяйств и принудительно выселенных в необжитые районы Сибирского края [32]. Поскольку в ряде немецких колоний «ликвидация кулацких хозяйств» проводилась уже в январе — феврале 1930 г., местные органы, вторя телеграмме ЦК ВКП(б) от 4 февра-

ля, осуждали торопливость в деле «ликвидации кулачества» вне всякой связи с темпами коллективизации [33]. То, что и докладных записках, отчетах партийных и советских руководителей называлось «ошибками» и «перегибами», было прямым насилием над крестьянством. Насильственное выселение отдельных групп немецких крестьянских хозяйств как «кулацких» проводилось и в последующие годы, особенно в связи с трудностями хлебозаготовок в 1931-1934 гг. Об этом свидетельствуют информационный доклад Западно-Сибирской краевой комиссии ВКП(б) (14 февраля 1931 г.), информация прокурора края «О перегибах в хлебозаготовках в Немецком районе и... в колхозах Славгородского района» (29 января 1932 г.) [34] и другие документы, в том числе личные дела крестьян-лишенцев [35]. Они приводят к выводу о том, что практически все крестьяне-лишенцы характеризовались властью как «кулаки», что не соответствовало действительному положению. По обстоятельствам лишения избирательных прав выделяются две категории крестьян: «раскулаченные» и лишенные избирательных прав в связи с неуплатой налога. Личные дела крестьян-лишенцев дают представление о судьбах спецпереселенцев.

Архивные документы приводят к выводу, что кампания по «раскулачиванию» имела конфискационно-репрессивные приоритеты. Конфискационная политика преследовала несколько целей. Экономическая цель заключалась в создании за счет конфискованного имущества крестьян стартовых условий для развития материально-технической базы колхозов. Цель социальная — уничтожить эффективные крестьянские хозяйства как альтернативу колхозам, цель психологическая — показать, что альтернативой вступлению крестьян в колхозы может быть только раскулачивание и высылка на Север. Фактически ликвидация «кулацких» хозяйств в немецких деревнях была осуществлена во второй половине 1929 — начале 1930 гг. Официальная кампания по «раскулачиванию» в Сибири, проводимая с 1930 г., несмотря на оговорки краевых органов, в отношении немецких крестьян осуществлялась в то же самое время и в немецких колониях и закончилась лишь в конце 1934 — начале 1935 гг.

Примечания

1. Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 85-97.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов... М., 1984. Т. 4. С. 295.
3. Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1929. № 34. Ст. 301. С. 641.

4. Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в Сибирской деревне (1926-1933 гг.). Новосибирск, 1972. С. 206.
5. Подсчитано по данным: ГАНС). Ф. 47. Оп. 1. Д. 997. Л. 90 об; ГАЛК. Ф. П-38. Оп. 7. Д. 34. Л. 16; Д. 41. Л. 114; Оп. 5. Д. 119. Л. 1, 2 об, 30; ЦДНННОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 53. Л. 511.
6. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1167. Л. 30.
7. Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995.
8. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х—1930-е годы). М., 1995.
9. ЦДНННОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 10. Л. 30.
10. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937). Документы и материалы. Томск, 1977. С. 16.
11. ЦДНННОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 135. Л. 7.
12. ГААК. Ф. П-38. Оп. 6. Д. 28. Л. 26-27 об.
13. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 166-168.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов... М., 1984. Т. 5. С. 72.
15. Там же. С. 74.
16. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 20-25; Правда, 1988, 16 сентября.
17. Ивницкий Н.И. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С. 109, ПО.
18. ГАИО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 111. Л. 56-60; Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 — весна 1931 г. С. 39-42.
19. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 111. Л. 54, 55.
20. Там же. Д. 121. Л. 25-28, 36-37 об; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 94-101.
21. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1329. Л. 2, 3.
22. Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 595. Л. 3.
23. Павлова И.В. Хлебозаготовительная кампания в 1934 г. в Западносибирском крае // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 39-40.
24. ГААК. Ф. П-38. Оп. 4. Д. 75. Л. И, 12, 15, 20; Оп. 5. Д. 119. Л. 1-6; Оп. 7. Д. 41. Л. 197; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 347.
25. ЦДНННОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 384. Л. 42.
26. ГААК. Ф. П-38. Оп. 6. Д. 28. Л. 233; Оп. 7. Д. 34. Л. 16.
27. Там же. Оп. 7. Д. 34. Л. 16.
28. ГАИО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1408. Л. 214 об.
29. Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 107. Л. 44; Ф. 47. Оп. 5. Д. 76. Л. 15-16, 18 об; Д. 95. Л. 171, 173 об.; ГААК. Ф. П-38. Оп. 7. Д. 13. Л. 44.
30. ГААК. Ф. П-38. Оп. 7. Д. 13. Л. 27.
31. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 203 об.
32. ЦДНННОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 53. Л. 511.
33. ГААК. Ф. П-38. Оп. 7. Д. 13. Л. 30.
34. ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 40. Л. 12 об, 13; Ф. П-3. Оп. 5. Д. 378. Л. 291-292 об.
35. Там же. Ф. 47. Оп. 3. Д. 221, 226, 664, 961, 962, 1103, 1104, 1111-1114 и др.

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НЕМЦЕВ СИБИРИ

С.А. Рублевская, Т.Б. Смирнова,

Развитие современной этнографии, накопление полевого материала, расширение этнографической проблематики поставило на повестку дня вопрос о специфике этнографических источников. Этнография, основываясь на собственных источниках, не претендует на то, что анализ этнографических источников — дело одних только этнографов. Прежде всего потому, что эти источники представляют весьма большой интерес и для историков. Необходимо отметить, что под этнографическим источником, в отличие от всего комплекса источников, используемых в этнографии, мы подразумеваем материал, собранный в полевых условиях.

Полевая этнографическая работа с целью поиска и фиксации бытовых форм и явлений, сохранившихся в нашей жизни как реликты, как напоминание об отдаленных временах, весьма полезна для реконструкции прошлого, а значит, для познания истории в целом, выявления путей эволюции культуры народа. История народа сохраняется не только в письменных данных, но и в его представлениях об окружающем мире и верованиях, традициях и обычаях, орудиях труда, пище, одежде и жилище — то есть во всем комплексе культуры, созданном данным этносом и отличающем его от других. Только этнографическими методами можно по этим следам восстановить путь, пройденный народом. Однако для историка письменные источники являются основным, а подчас и единственным средством реконструкции прошлого. На практике это ведет к искусственно создаваемым информационным ограничениям. Из области этнографии историк может почерпнуть ценный фактический материал, отсутствующий в тра-

диционных исторических письменных источниках. С ее помощью исследователь в состоянии усовершенствовать средства исторического анализа.

Изучая этническую специфику жизни современных народов, этнографы отмечают, что важнейшей тенденцией исторического развития является прогрессирующее исчезновение архаики. Отсюда одна из их важнейших задач в настоящее время и на ближайшее будущее — фиксация еще сохранившихся архаических явлений.

С этой точки зрения особое значение этнографические источники имеют при изучении локальных особенностей культуры групп некоренного населения, проживающих за пределами основной территории расселения этноса, в иноэтничном и иноконфессиональном окружении. Классическим примером такой группы являются немцы России и их территориальные группы, например немцы Сибири.

Немцы Сибири — уникальный объект для этнографического исследования. С одной стороны, это самая крупная компактно проживающая группа российских немцев. Практически нигде больше в России невозможно комплексное исследование традиционной немецкой культуры такими специфическими этнографическими методами, как картографирование элементов культуры, метод непосредственного наблюдения, беседа с информаторами, анкетирование и др.

С другой стороны, проживание в условиях изоляции от метрополии привело к сохранению в культуре немцев Сибири архаичных элементов, без изучения которых невозможен ретроспективный анализ истории народа. При переселении в Сибирь немцы селились компактными группами чересполосно с русскими, украинцами, казахами. Несмотря на то, что зоны этнических контактов немцев с представителями других национальностей были достаточно широки, значительного влияния на традиционную культуру немецкого населения эти контакты не оказали. И исследователь архаики в культуре российских немцев вплоть до настоящего времени имеет возможность пополнить свою источниковую базу объективными достоверными материалами, которыми могут пользоваться и историки, как дополнительными данными, помогающими раскрыть те или иные положения.

В этнографическом исследовании можно выделить следующие основные разделы: этногенез и этническая история, основные занятия и социальная организация, культура, семья и семейно-брачные отношения.

Этнография имеет немало точек соприкосновения с общей гражданской историей в изучении процессов формирования современных

этнических общностей. Этногенез и этническая история дают возможность решить вопрос о происхождении этнической общности, ее изменениях, проследить процессы и результаты межэтнических отношений. Исследования в данной области помогают определить место немецких территориальных групп (российских, сибирских, алтайских, поволжских и др.) в иерархии этнических общностей.

Совпадение многих теоретических и методологических посылок истории и этнографии отмечают и историки и этнографы Германии. Они указывают на то, что, по крайней мере, в отдельных областях обеих дисциплин имеются родственные темы, вопросы, методы и исследовательская техника, которые зачастую пересекаются [1]. В данном случае следует подчеркнуть тесную связь этнической истории с социальной. Подход к социальной истории как к антропологически ориентированному исследованию, при котором человек перестал бы быть «бесконечно малой величиной исторического процесса», невозможен без использования этнографических источников [2].

Этнографические материалы, зафиксированные в форме рассказов информаторов о тех или иных событиях в их жизни, в форме бесед с местными жителями по тем или иным вопросам, характеризующим традиционно-бытовую культуру, содержат факты, установить которые другим путем невозможно в принципе; Очевидно, что каждое крупное событие складывается из огромного числа микрособытий, которые не всегда находят отражение в традиционных исторических письменных источниках.

Полевые исследования, являясь методом накопления источников этнографии со своей методикой получения необходимых сведений, помогают решить многие трудноразрешимые другим путем проблемы.

Перспективным представляется нам изучение основных занятий и социальной организации, что отвечает на вопрос о характере производства этноса и особенностях, возникающих на его основе производственных отношений и различных общественных структур. Полевые этнографические источники могут быть с успехом применены при изучении земледелия и животноводства, сельскохозяйственного опыта в целом (агропланировки, форм землепользования, аграрного календаря, обрядов и обычаев, связанных с сельскохозяйственной деятельностью). Привлечение полевых источников при изучении трудовых операций по обработке почвы, уборке и обмолоту урожая позволяет историку вдохнуть в исследования конкретность, которой невозможно добиться при использовании только письменных источников. С этой точки зрения наибольшую ценность представляет этнографическое

изучение календарной обрядности и аграрных культов. В частности, в ходе сбора материала в этнографических экспедициях нас особенно интересовали архаические элементы в календарной обрядности немцев Сибири. Наличие большого количества архаичных элементов свидетельствует о консерватизме общинной жизни, о том, что иноэтническое окружение способствует консервации традиционных форм культуры.

Вплоть до недавнего времени у немцев Сибири сохранялись (а некоторые из них бытуют и до сих пор) такие архаичные аграрно-магические элементы, как проращивание зерен на Пасху, установление майского дерева, купальская обрядность, плетение жатвенных венков и многое другое. Эти обряды и действия, уходящие корнями в далекое дохристианское прошлое, имели определенный, достаточно большой смысл для земледельца. Например, проращивание зерен на Пасху должно способствовать плодородию, хорошему урожаю. Стремление узаконить потребление собранного урожая и оказать влияние на урожай будущего года нашло выражение в плетении жатвенных (уборочных) венков из последних колосьев. С последними колосьями немцы связывали представления о «духе зерна». Венок из них освящали в церкви и хранили на чердаке дома вплоть до нового урожая. Широко отмечали они и праздник окончания уборки. Это был (а во многих селах он существует и до сих пор) единственный праздник с общесельской коллективной трапезой, также имеющей корни в язычестве.

В купальской обрядности немцев Сибири сохраняются следы прежнего почитания солнца. Однако основной ее смысл — вера в возможность достижения хозяйственного благополучия, плодородия через очищение огнем. Вместо установления одного майского дерева в центре деревни у немцев в Сибири распространение получила традиция устанавливать на Троицу майские деревца перед домом любимой девушки. Таким образом, на первый план выходят любовно-магические приемы. Однако опыт сравнительной этнографии позволяет считать эти деревья также символами плодородия. До последнего времени у сибирских немцев существовали магические приемы вызывания дождя в случае засухи. С этой целью шли на кладбище, читали молитву и «кропили» над могилой утопленника. Таким образом, несмотря на высокий уровень развития сельскохозяйственного производства в сибирской немецкой деревне, свое хозяйственное благополучие, объем урожая немцы связывали с архаическими аграрно-магическими приемами.

Актуальным также представляется исследование традиционной немецкой общины и ее роли в воспроизводстве этнической общности. Традиционная община немцев относится к числу социальных групп, достаточно глубоко подчинивших себе личность. Выступая в качестве определенного социального института, община посредством общественного мнения и принуждения регулировала поведение в соответствии с традицией. Подобная функция общины, ее роль в повседневной жизни немецкого крестьянина практически не находит отражения в письменных источниках. А между тем жизнь крестьянина складывается не только из доходов и повинностей, на которых акцентируют внимание историки. При исследовании положения немецкого крестьянина в Сибири нужно выйти за рамки изучения исключительно материальных условий его существования, расширить их за счет анализа быта, образа жизни, трудовых и бытовых традиций. В частности, этнографические источники дают возможность изучить внутриобщинный и внутрисемейный уклад, больше узнать о положении женщины в семье, о воспитании детей, о половозрастной регламентации труда, о внутрисемейном и внутриобщинном этикете.

Для функционирования немецких общин в Сибири были характерны преобладающие процессы консолидации. Если в новом селении объединялись разрозненные семьи переселенцев или разные группы их, то в рамках новой территориальной общины в первую очередь шла консолидация пришлых элементов, закрепление и видоизменение принесенных обычаев.

Но наиболее обширной областью применения этнографических источников является сфера культуры. В этнографической науке понятие «культура» употребляется в узком, традиционном значении этого слова и условно делится на три подсистемы: материальную, духовную и соционормативную.

Особую категорию источников составляют предметы материальной культуры этнической общности (поселения, жилища, одежда, пища).

Прежде всего это поселения, включающие в себя как площадки для жилья, так и окружающие хозяйственные территории. При изучении жилища наиболее важным представляется определение его структуры и типа (Haufendorf, Zeilendorf, Angedorf, Reihendorf).

Несмотря на государственную регламентацию, сохраняются определенные специфические черты, стойкость которых можно объяснить лишь традицией. Тип поселений (многодворный, малодворный, хуторской) определяется формами землевладения и землепользования, ти-

пом хозяйства. Для Сибири были характерны хуторские и малодворные типы поселений. В связи с коллективизацией и укрупнением колхозов появились многодворные поселения, созданные из хуторов и малодворных поселков. Несмотря на насильственное изменение формы поселения сибирских немцев, этнограф может найти немало традиционных черт немецкого поселения, восходящих к областным особенностям поселения в Германии. Например, планировка поселения, ориентировка по отношению к дорогам, водоемам, сторонам света, расположение домов и усадеб по отношению к улице и друг к другу.

Самым долговечным элементом материальной культуры является жилище. Это подтверждается сосуществованием зданий, построенных в настоящее время, с теми, которые были возведены на протяжении предшествующих десятилетий и даже непосредственно после переселения. С постепенными изменениями хозяйственно-бытового уклада и образа жизни происходила медленная трансформация жилища, которое приспособлялось к этим изменениям.

Жилищем для первых переселенцев в Сибирь служили землянки и полуземлянки. Позднее появились дома, которые вместе с хозяйственными постройками (сарай, амбар, хлев, летняя кухня, коптильня, баня и др.) образуют подворье. Немецкий крестьянский двор благодаря целесообразности и эстетическим параметрам своего внешнего и внутреннего строения, а также качеству постройки представляет одно из наиболее впечатляющих творческих достижений в области традиционной материальной народной культуры. Полевые исследования традиционного немецкого жилища выявили множество его локальных типов: 1) при дихотомическом принципе типологизации выявлено большинство форм с несущей стеной над каркасными формами; 2) при структурной классификации выявлены жилища с поперечным и продольным делением (преимущественно от двух до четырех секций), а также комплексные строения (единый дом с жилыми и складскими помещениями и скотным двором).

В отличие от жилища, традиционная одежда (костюм) немецких переселенцев практически не сохранилась и подлежит реконструкции. В настоящее время она может быть реконструирована на основе воспоминаний информаторов и старых фотографий, собранных в ходе полевых этнографических экспедиций. Значимым является то, что, кроме утилитарного назначения, традиционная одежда обладает также сигнификативными и ритуальными функциями. В ходе полевых исследований нами выявлено, что основными процессами в функционировании народного

костюма были процессы адаптации к местным природным и климатическим условиям. Так, для немецкого народного костюма в Сибири характерно сочетание стиля «модерн» с меховыми, шерстяными изделиями кустарного производства. По имеющимся материалам можно выделить повседневную, праздничную и обрядовую одежду. С этнографической точки зрения особенно интересна обрядовая одежда, в частности погребальный и свадебный костюмы. Такие элементы обрядовой одежды, как свадебный венок в форме короны, гирлянды из восковых цветов, имеют, несомненно, древние корни.

Наибольшую сохранность в сфере материальной культуры играет пища. Характер и состав пищи, способы ее получения являются основными параметрами, определяющими хозяйственно-культурный тип этнической общности. Специфика традиционной пищи воспринимается как символ этничности. Пища бывает ритуальная, праздничная, похоронно-поминальная, престижная, будничная и др.

Для этнографа важен не только способ приготовления того или иного блюда, его материальный состав, но и форма бытования этого блюда, его социальное функционирование. Приверженность к традиционной национальной пище есть один из этнических признаков, как и запреты или ограничения в отношении других видов пищи. И то и другое слушат связующим звеном для членов данной этнической группы, одновременно противопоставляя ее другим группам, другими словами, «этнографа вещи интересуют не сами по себе, а в их отношении к людям» [3].

В этом смысле пища в системе жизнеобеспечения этноса, кроме утилитарной, выполняет символическую функцию, играет огромную знаковую роль. Особенно ярко символическая роль пищи проявляется в календарных и семейных обрядах. Доказательством этому может служить то, что названия некоторых праздников связаны с продуктами питания. Например, чистый четверг перед Пасхой носит у немцев название «зеленый» четверг, потому что вечером в этот день обязательно употребляют блюдо из зелени.

Символизм свойственен свадебной и поминальной трапезам, родильному обряду. Так, например, на родине роженице несли нудель-суп не с домашней лапшей, а с «бутерклейстом» из сухого белого хлеба с маслом и яйцами, что должно было обеспечить здоровье. На свадебном столе обязательно присутствовала свинина, символизирующая богатство, достаток.

Поминальная трапеза — это акт, связывающий воедино умершего и его потомков, жизнь и смерть. Пища в обрядовой поминальной тра-

пезе выступает в роли жертвы, а сама трапеза, по сути дела, является жертвоприношением.

Кроме перечисленного, материальная культура включает в себя орудия труда, предметы быта и интерьера, изобразительные материалы, орнамент, средства транспорта и т.д. Описание стационарных материальных элементов и истории культуры в целом не только доказывает самоценность этих объектов, но и подчеркивает их фундаментальное значение в жизни человечества и составляющих его отдельных этносов. Познавательная ценность таких фактов состоит в том, что посредством их изучения удастся выяснить уровень развития культуры, характер социальных отношений, овеществленный в культурных памятниках, меру этнической специфичности и межэтнических взаимодействий и многое другое.

Сфера духовной культуры также дает ценнейший материал для анализа этнической культуры. Она выражается в народных знаниях, верованиях, народном творчестве и фольклоре, календарных и семейных обрядах и обычаях.

Учитывая невозможность осветить в данном докладе весь обширный материал, собранный по духовной культуре немцев Сибири, остановимся лишь на двух аспектах, играющих, на наш взгляд, решающую роль в изучении культуры: языке и религии.

Исследования составных этнографии осуществляются на фоне определения языковых особенностей каждого этноса, так как язык является и средством общения объединенных в этнос людей, и существенной частью этнической культуры. Именно язык наряду с традиционно-бытовой культурой выполняет, с одной стороны, функцию объединения всех членов этноса, а с другой — отграничения их от представителей других подобных общностей. При сборе этнографических материалов необходимо учитывать огромное языковое разнообразие немцев Сибири, наличие большого числа диалектов. Одной из основных задач этнографических экспедиций в настоящее время является пополнение диалектологических словарей. Это дает возможность не только более полно изучить культуру конкретной группы немцев, но и проследить процессы ассимиляции и консолидации, протекающие в данных группах.

Все исследователи, затрагивающие те или иные вопросы истории немецких крестьян в России, отмечают огромную роль, которую в их жизни играла религия. Однако исследователь религии, опираясь исключительно на письменные источники, не в состоянии дать ни характеристики современного конфессионального состава, ни особенно-

стей различных религиозных течений в среде сибирских немцев. Такие данные можно почерпнуть лишь из полевых этнографических источников. В ходе этнографических экспедиций нами ведется работа как по уточнению конфессионального состава, так и по анализу религиозной жизни каждого немецкого села, в котором нам удалось побывать. Только после проведения подобных исследований может быть решена проблема переплетения религии с этническими обычаями.

Наиболее ярким примером является переход меннонитов Сибири в другие конфессии, преимущественно в баптизм. Большинство же исследователей, основываясь на письменных источниках, по традиции считают их меннонитами в религиозном отношении, хотя в настоящее время они являются меннонитами только по происхождению.

Таким образом, круг этнографических источников весьма широк и разнообразен. В связи с этим всесторонняя характеристика этноса может быть осуществлена лишь на основе специального исследования всех его компонентов, в которых проявляется этническая специфика. При этом особое значение приобретает комплексный подход к предмету исследования. В полевых условиях целесообразно комплексное изучение как бытующих, так и исчезающих явлений культуры.

Об актуальности использования этнографических источников в исторических исследованиях, посвященных немцам России, свидетельствует большое количество историко-этнографических экспедиций, проводимых в последнее время в разных регионах страны. Не секрет, однако, что профессиональных этнографов готовит ограниченное число вузов. Этим во многом объясняются недостаточно высокие темпы и уровень формирования базы этнографических источников. В профессиональной подготовке историка и этнографа имеется принципиальная разница: мы, этнографы, по словам Д.К. Зеленина, «идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого» [4], то есть наиболее часто этнограф применяет ретроспективный метод изучения, при котором исследователь движется не в привычном для историка направлении хронологической последовательности событий, а исходит из современной картины и стремится уяснить процесс ее формирования, двигаясь шаг за шагом в глубь прошлого. Даже анализируя историю, этнограф применяет иные приемы, чем историк, использующий письменные источники. Только в отношении к людям вещи интересуют этнографа. Материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее отношения к человеку — тому, кто ее создал и тому, кто ею пользовался. Это в полной мере относится к сбору этнографических коллекций по культуре российских немцев, который

принял в последнее время массовый характер. Часто собирается большое количество предметов без всякой информации о месте сбора и бытования, о социальном положении тех, кто их изготовлял и употреблял, об их назначении, технологии изготовления и т.д. Кроме того, историкам, использующим в своей работе музейные этнографические коллекции, следует помнить, что они обычно не отражают существующую в жизни пропорцию между отдельными отраслями производства и быта. Поэтому историку, использующему этнографические источники, необходимо непосредственно принимать участие в полевых этнографических экспедициях.

До сих пор бытует мнение, что этнография является вспомогательной исторической дисциплиной, и многие ученые отождествляют исторические исследования с этнографическими. Между тем этнография имеет свой собственный объект, предмет, методы и инструментарий исследования, а также исследовательские зоны, выходящие за рамки собственно исторической науки. Так, в процессе изучения свадебного обряда этнограф, используя разные теоретические и технические подходы, может изучать и собственно «ткань» обряда, и меру его знания респондентами, и характер соблюдения обряда, и, наконец, отношение к нему респондентов.

То же самое можно сказать и по отношению к методике сбора и анализа этнографических источников. Так, широко применяемый в мировой этнографии и достаточно перспективный картографический метод не только далеко не полно используется в исторической науке, но порой и неизвестен широкому кругу исследователей.

Таким образом, этнографические и исторические источники отражают разные стороны единого исторического процесса. Использование полевых этнографических источников дает возможность ликвидировать белые пятна в источниковедческом базисе. Основываясь на этнографических источниках, историк имеет уникальную возможность проверить данные письменных источников и свои выводы в целом.

Примечания

1. Любайт В. Этнография и история // Советская этнография. 1986. № 3. С. 79.
2. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С. 17.
3. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3.
4. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916. С. 16.2.

УКРАИНА

ДОКЛАДНЫЕ РЕГИСТРЫ И МЕМОРИИ КОНТОРЫ ОПЕКУНСТВА НОВОРОССИЙСКИХ ИНОСТРАННЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЮГА РОССИИ 1800-1810 ГГ.

Плеская-Зебольд Э. Г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О «БЕСПОРЯДКАХ» И ХИЩЕНИЯХ В ОПЕКУНСКИХ КОНТОРАХ НОВОРОССИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОГО КРАЯ РОССИИ В 1800-1820 ГГ.

Кановалова О. В.

ПИСЬМА ГЕРЦОГА ДЕ РИШЕЛЬЕ К С.Х. КОНТЕНИУСУ (1803-1811 ГГ.) КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА КОЛОНИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

Чепцов В. В.

ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 20-30-Е ГОДЫ

ДОКЛАДНЫЕ РЕГИСТРЫ И МЕМОРИИ КОНТОРЫ ОПЕКУНСТВА НОВОРОССИЙСКИХ ИНОСТРАННЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЮГА РОССИИ 1800-1810 ГГ.

Д.Ю.Мешков

Первое десятилетие XIX в. было, пожалуй, временем наиболее интенсивного заселения иностранными выходцами территории трех новороссийских губерний. К моменту создания в 1800 г. Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев здесь проживали 2336 немцев и шведов, а к 1810 г. немецкое население трех губерний увеличилось более чем в 4 раза и составляло уже около 10 тысяч человек [1]. Именно за это десятилетие к уже существовавшим колониям в районе Хортицы, вблизи Екатеринослава, Данцигской и Шведской добавились многочисленные поселения вблизи Одессы, в Крыму, на реках Молочной и Березани, появились новые поселения в Шведской и Хортицкой колониях.

Большие планы по привлечению иностранцев в Новороссию, а затем быстрый рост колонистского населения порождали множество проблем, вызывали потребность в совершенствовании государственной политики по управлению колонизацией. Поэтому в начале XIX в. разрабатываются и выходят в свет новые законодательные акты, создаются новые опекунские учреждения. 26 июля 1800 г. была создана Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев, в задачи которой входило управлять «...всеми колониями иностранных в Новороссийской губернии состоящих, иметь надлежащее по опеке попечение и присмотр и заниматься хозяйственными распоряжениями к настоящей их пользе и к сельской экономике относящимися» [2]. Контора находилась в Екатеринославе и была подведомственна Экс-

педии государственного хозяйства. В течение всего времени существования Конторы руководил ее работой главный судья С.Х.Контениус.

Основными законодательными документами, которыми руководствовалась в своей деятельности Контора, были Инструкция Конторе опекунства иностранных поселенцев, высочайше утвержденная 26 июля 1800 г., и Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний от 16 мая 1801 г. [3] Их анализ — предмет особого исследования, однако знакомство с ними приводит к выводу, что Контора была наделена достаточно большими полномочиями по организации и управлению жизнью колоний. Это позволило ее чиновникам во главе с С.Х.Контениусом проделать огромную работу по устройству и «поправлению» жизни колонистов.

Документы этого периода сохранились частично и хранятся сейчас в фондах Днепропетровского и Одесского областных архивов. Одним из важнейших источников по истории первых лет колонизации края в целом и по истории и роли опекунских учреждений в этот период в частности являются докладные регистры и мемории, отложившиеся среди документов фонда Конторы, который хранится сейчас в госархиве Днепропетровской области (Ф. № 134).

Докладные регистры и мемории — это книги с записями о всех бумагах, поступающих в Контору, и о делах, решенных во время ежедневных заседаний. В докладных регистрах записи о рассмотренных делах возобновлялись каждый день, подшивались и откладывались помесечно. В левый столбец заносилось краткое изложение сути каждого входящего документа, будь то прошение колониста или предписание министра внутренних дел, а в правом записывалась резолюция Конторы, причем в первые годы это нередко делал собственноручно главный судья. Оба столбца в первые годы подписывались: левый — секретарем Конторы или лицом, его замещающим, под решением же ставили свою подпись главный судья или его товарищ.

В 1803 г. появляются мемории как форма отчетности о деятельности Конторы. Их появление было связано с реформами в Министерстве внутренних дел, начавшимися в этот период, и с введением новых форм делопроизводства. И несмотря на то, что уже тогда форма мемории была признана министром В.П.Кочубеем слишком громоздкой, они сохранялись вплоть до конца XIX в. [4]. В 1803 г. в Конторе велись и регистры, и мемории. Их сравнение позволяет заметить, что мемории, составившие прежде всего для представления в Министерство внутренних дел, имеют форму протоколов и более лаконичны по

форме, тогда как регистры, представлявшие собой регистрационные книги для внутреннего пользования, содержат пространные справки по тому или иному делу, что является характерной чертой старой приказной, «столбцовой» формы делопроизводства. В Конторе также велись журналы, откладывавшиеся за каждую треть года [5]. За рассматриваемый период они не сохранились. Это обстоятельство еще более увеличивает ценность хранящихся в фонде докладных регистров и меморий. Благодаря тому, что часть регистров и меморий сохранилась в виде черновиков и содержит исправления, пометки, становится возможным проследить ход и мотивы принятия того или иного решения в Конторе.

Мемории составлялись понедельно и содержат, кроме записей о решенных делах, также сведения о количестве присутственных и выходных дней, о том, кто из членов Конторы руководил заседаниями, а кто и по какой причине отсутствовал. Мемории составлялись в четырех экземплярах и представлялись в Министерство внутренних дел, херсонскому военному губернатору Ришелье и главному судье, если он по какой-либо причине отсутствовал в Екатеринославе.

С каждым годом количество дел, рассмотренных и решенных членами Конторы, вслед за увеличением числа колонистов возрастало. Так, например, в регистрах за 1801 г., отложившихся за 8 месяцев, сохранилось около 400 записей, за 1802 г. — 412, за 1803 г. — около 400; в мемориях за 1804 г. — 540, за 1805 г. (сохранились за июнь — декабрь) — около 700, за 1806 г. — 1000-1100, за 1807 г. — более 1000 записей, за 1808 г. — около 1500 записей и т.д.

Таким образом, можно предположить, что регистры и меморий, сохранившиеся за этот период довольно полно, содержат в себе большое количество исторической информации. Знакомство с содержанием рассмотренных в Конторе дел показывает, что в среднем более половины вопросов прямо или косвенно было связано с жизнью немецких, меннонитских, а также шведских колоний, причем со временем их доля несколько уменьшилась, так как после начала массового переселения евреев и крестьян из внутренних губерний доля немцев среди всего колонистского населения края сократилась. Необходимо также учитывать, что с 1805 г. в Одессе постоянно находился кто-то из членов Конторы, и многие вопросы касательно устройства приодесских колоний решались на месте. Это было связано с большой удаленностью столь крупного колонистского района от Екатеринослава и привело к тому, что в мемориях история колоний в районе Одессы освещена более скупо. В целом же за первые 10 лет прошлого столетия в Конторе было рассмот-

рено около 10 тысяч документов, около половины из которых либо была прислана из немецких колоний, либо как-то иначе касалась их жизни. Записи о них содержат интереснейшую информацию о жизни, повседневных нуждах немецких колонистов в этот период. Именно они станут предметом нашего рассмотрения.

Документы, поступавшие в Контору, можно разделить на несколько групп.

1. Бумаги, присланные из Министерства внутренних дел, из Экспедиции государственного хозяйства. Они в основной своей части касаются общих вопросов колонизационной политики, выделения государственной помощи переселяющимся, отвода земли под поселение и т.д. Такие распоряжения принимались Конторой к исполнению или к сведению.

2. Распоряжения херсонского военного губернатора Ришелье, отношения губернаторов, а также губернских учреждений — правлений, казенных палат. Эти отношения и письма охватывают широкий спектр вопросов, связанных с конкретным осуществлением колонизационной политики царского правительства.

3. Отношения, представления, отзывы других учреждений и должностных лиц — судов, городничих, ратуш, карантинных и таможенных инспекторов по шелководству, других учреждений, должностных лиц, которые по роду своей деятельности тем или иным образом сталкивались с подведомственным опекунской Конторе населением.

4. Рапорты смотрителей колоний, шульцев сельских и окружных приказов.

5. Жалобы и прошения колонистов.

6. Решения Конторы по вопросам, которые ставила сама Контора без каких-либо входящих бумаг, а также отношения и доклады чиновников Конторы с мест во время их поездок по местам водворения переселенцев или инспектирования уже существовавших колоний.

Документы, содержание которых изложено в мемориях и регистрах, касаются самых разных сторон жизни колоний и их жителей.

Большая группа поступающих в Контору документов посвящена подготовке к водворению новых колонистов и содержит сведения о выделении государством денег на кормовые и дорожные расходы, о раздаче ссуд на обзаведение хозяйством, о выборе и покупке государством участков земли для прибывающих колонистов, сведения о количестве и качестве земли под отдельными колониями, о присвоении названий вновь образованным поселениям. В регистрах и мемориях за 1800-1810 гг. имеются многочисленные сведения о численности от-

дельных партий колонистов и времени их прибытия в Одессу, Тираспольский уезд, об отдельных группах прибывавших в Гродно меннонитов, следовавших на Молочные Воды. Эти записи помогают уточнить маршруты движения партий переселенцев, их материальное положение, места зимовок, порядок снабжения их строительным материалом и ссудами [6].

Вопрос о предпосылках быстрого экономического развития колоний до сих пор привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Поэтому так интересны сведения о материальном состоянии переселенцев, об их первых предприятиях, об общественных и частных капиталах и об источниках их пополнения, об отношении переселенцев к занятиям сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, — словом, о многих факторах, которые в условиях мощной государственной поддержки стали предпосылками для быстрого экономического развития большинства колоний.

Некоторым из иммигрантов, как, например, меннонитским старшинам Винцу и Варкентину, обладавшим значительными состояниями, было предложено занять по два земельных участка, а фактически у них в пользовании уже в первые годы после переселения оказалось гораздо больше земли [7]. Имеющиеся в мемориях и регистрах записи позволяют дополнить наши представления о колонистах — владельцах крупных капиталов и об их торговых и промышленных предприятиях. Несколько состоятельных меннонитов поселились в первые годы прошлого столетия в Екатеринославе, где сразу же основали собственные предприятия. Некоторые из них, такие как мельница Тиссена, просуществовали более 100 лет и были широко известны в России и за ее пределами.

Наряду с частными капиталами за счет откупа винной продажи, пристаней и пастбищ, а также за счет использования сиротских капиталов растут общественные накопления [8]. На средства колонистских обществ строятся многочисленные мелкие предприятия, из этих средств ссужаются владельцы мелких заведений, ремесленники и торговцы. В 1808 г., например, общество колонии Гальбштадт начинает строительство пивоварни и винокурни, с 1806 г. в Хортицкой колонии действует гончарная мастерская Ф.Дика и многие другие мелкие мастерские, получившие поддержку. Некоторые же, как, например, салфеточный мастер Абр.Нейфельдт, просят ссуду для открытия своих предприятий у казны [9].

Малоизвестным до сих пор оставался и тот факт, что весной 1806 г. на Хортице, в Кичкасе, меннонитами во главе с Виллемсом было окон-

чено строительство судна класса «река — море». На нем меннониты спускались вниз по Днепру и везли свои товары в Херсон, Крым и Одессу. Но не всегда торговля шла успешно. Так, например, Г. Дик и его два товарища не смогли продать свой товар в Херсоне и вынуждены были просить разрешения отправиться в Крым. Примерно в этот же период в Хортицкой колонии были учреждены сезонные ярмарки [10].

Конечно, отнюдь не все переселенцы имели сколько-нибудь значительные средства, и, очевидно, многие из них далеко не сразу нашли себя в новой обстановке, терпели беды и лишения, особенно в первые годы. Так, например, часть меннонитов, прибывших в 1803-1805 гг. на Молочные Воды, не имели лошадей и повозок, а некоторые были поселены в бывших крестьянских мазанках, которые, как сообщалось чиновниками Конторы, были совершенно не пригодны для жизни [11]. Часто встречаются жалобы вновь прибывших на нехватку выделявшихся кормовых денег. В 1807 г., спустя несколько лет после прибытия в Россию, многие колонисты в Крыму и на Молочных Водах жили подаванием [12].

Интересны сведения о первых шагах развития овцеводства, оказавшего большое влияние на экономическое развитие колоний в первой половине XIX в. На средства казны в 1808 г. Контора закупает у заводчика Миллера вблизи Одессы 130 голов породистых мериносов и маток для колоний, поручив их ввиду дороговизны на попечение благонадежнейших хозяев. Туда же, на завод Миллера, по настоянию Конторы отправлялись колонистские сыновья для обучения овцеводству. Но первые испанские овцы появились в Молочанской колонии еще раньше, в 1805 г. Позднее на заводе Миллера покупали породистый скот и для поволжских колоний [13].

Государство было заинтересовано, а Контора прикладывала немало усилий для развития в колониях садоводства, шелководства и виноградарства. Рапорты шульцев и смотрителей, другие документы содержат интересный материал о хозяйственном положении колоний: в них имеются сведения об успехах колонистов в занятиях сельским хозяйством и ремеслом, торговлей, овцеводством, о стихийных бедствиях, о строительстве мельниц, винокурен и овчарен.

Интересны также сведения о деятельности Конторы в направлении стимулирования, а иногда и принуждения колонистов к занятию сельским хозяйством, ремеслом и к рачительному ведению хозяйств. Успехи переселенцев в ведении своих хозяйств были для Конторы главным критерием при разделении колонистов на «добропорядочных» и «нерадивых», требующих к себе большего внимания и дополнитель-

ных воспитательных мер. Как следует из документов, Контора видела в «добропорядочном хозяине» свою опору наряду с шульцами и бейзицерами; его социальный статус в колониетском обществе — чрезвычайно интересная проблема, ждущая своего исследователя.

Сведения о духовной жизни в колониях, может быть, не так многочисленны, но от этого не менее интересны. В архивных записях находим, например, упоминание о приказе Конторы от 20.12.1801 г. № 816 о заведении в каждой колонии Иозефстальского приказа школы, который в оригинале пока не обнаружен. Имеются сведения о выборах шульмейстеров в колониях, в частности, в Молочанском колониетском округе в 1807 г. [14] По распоряжению Конторы некоторые дети колониетов отправлялись в Екатеринослав и Александровск для обучения русскому языку [15].

Религиозная жизнь меннонитов в силу ее закрытости освещена в документах очень скупо, однако есть некоторые сведения об исключении из общества одного из первых меннонитских депутатов Я.Геппнера, о приеме в братство новых членов. По некоторым косвенным сведениям можно судить о существовании определенных трений между меннонитами фризского и фламандского течений. В 1808-1809 гг. молочанским меннонитам по личному распоряжению дюка де Ришелье из казны было выделено 6 тысяч рублей на строительство молитвенных домов. Существовавший до 1806 г. меннонитский молитвенный дом, построенный в колонии Пришиб, перед этим был разрушен ураганным ветром [16]. Из меморий несколько неожиданно узнаем имя автора проекта первой лютеранской церкви на Молочной. Им был чиновник Конторы Соболев [17].

В рассматриваемый нами период религиозные обряды среди католиков и лютеран по всей территории Новороссии выполняли два священника — патер Маевский из католического Ямбурга и пастор Биллер из лютеранского Иозефсталя. Сведения об их регулярных объездах колоний сохранились также только в мемориях. Как известно, в годы переселения католики и лютеране нередко селились смешанно. Позднее, как это было в 1807 г., в селениях Шведской колонии Клостердорф и Шлангендорф посредством обмена хозяйствами была установлена конфессиональная однородность колоний [18].

Нередко деньги на ремонт и строительство церквей и школ выделялись колониетскими обществами. Так, например, было в католической колонии Ямбург в 1808 г., в меннонитской колонии Шенвизе в 1807 г. [19]. А для ремонта Иозефстальской лютеранской церкви сна-

чала привлекались меннониты, а потом были вызваны мастера из-за рубежа. [20] ;

Ценность информации, Содержащейся в мемориях и регистрах, заключается прежде всего в том, что она помогает избежать чрезмерной схематичности и обобщенности при изучении истории немецкой колонизации, представить ее в самых разных проявлениях, противоречивости событий. Благодаря этим сведениям за безликим понятием «немецкие колонисты» удастся разглядеть судьбы, интересы отдельных людей и групп.

Действительно, переселенцы из немецких земель нередко отличались друг от друга по конфессиональной принадлежности, материальному положению, да и мотивы, цели переселения у каждого были свои. Не лишним будет вспомнить, что и сроки пребывания в России разных групп немцев порой существенно отличались. Среди них были и такие, как «орельские» колонисты, которые прибыли в Россию по приглашению князя Прозоровского почти в середине XVIII в., и те «немецкие колонисты», которые до переселения в Россию много лет прожили в Польше или Венгрии. Последние, по наблюдению одного из чиновников, были хоть и беднее, зато много трудолюбивее немцев, прибывших непосредственно из Германии.

Жители одной из старейших немецких колоний на юге Украины, Данцигской, в первые десятилетия после водворения наполовину разбрелись, некоторые даже попали в крепостную зависимость. Из-за отсутствия в этот период систематической помощи государства, неустроенности, бедственного положения среди переселенцев часто возникали споры и конфликты [21]. Так было и в Крыму, где колонисты в силу многих причин, в том числе большой удаленности колоний от Екатеринослава, оказывались нередко как бы за пределами внимания чиновников Конторы, оставаясь со своими проблемами один на один. Здесь долгое время продолжался конфликт между колонистским обществом и смотрителем, в результате чего последний был вынужден подать в отставку [22].

К объективным причинам, объяснявшим причины различий в экономическом положении разных колоний, следует добавить и субъективные. Так, например, главный судья Контениус среди всех категорий колонистов отдавал явное предпочтение меннонитам, в особенности хортицким [23].

Очевидно, что в этот период, возможно, самый сложный из всей истории российских немцев, наиболее отчетливо проявилось то, насколько оправдались ожидания от переселения немцев в Россию, как госу-

дарства, так и самих колонистов. «Мы не затем в Россию пришли, чтобы бить нас палками», — заявляет один из колонистов по поводу наказания своего соплеменника. [24]. Часть иммигрантов не была удовлетворена статусом и привилегиями колониста и стремилась вернуться на родину, часть оставалась в России, выйдя из «колонистского звания».

С другой стороны, надеждам правительства о скорейшем приведении края в цветущее состояние с помощью иностранных переселенцев не суждено было сбыться. Контингент переселенцев, особенно в первые годы массовой иммиграции, был далек от желаемого, и потребовалось много времени и средств для надлежащего устройства новых поселений, принуждения новых переселенцев, многие из которых были просто не способны к занятиям земледелием, нерадивы или ленивы, к прилежному ведению своих хозяйств. Главный судья Контениус постепенно приходит к выводу, что «... колонисты, к праздности склонные, умеющие несколько писать, нередко употребляют перо на представление разных вымышленных надобностей и под сим предлогом стараются выманывать от казны денежное пособие, которое иногда ими употребляется на прихоти... Чем далее казна их подкрепляет разными пособиями, тем более дается нерадивым колонистам повод к продолжению лености, который порок не иначе у них истребится, как чувствованием тех нужд, до коих беспечность и праздность неминуемо доводит...»[25].

Сведения, почерпнутые из меморий за этот период (речь сейчас идет прежде всего о рапортах смотрителей и шульцев, прошениях и жалобах самих колонистов), позволяют историку проникнуть в такую труднодоступную сферу жизни человека, как семейные, межличностные отношения, взаимоотношения между разными группами людей. Здесь можно найти интересные, порой очень яркие и емкие характеристики колонистов в столь непростой для них период адаптации к новым условиям жизни.

Семейные отношения основывались на принципе неделимости колонистского хозяйства, на большинстве из которых числился крупный долг государству. Это побуждало Контору активно вмешиваться в эту сферу, контролировать переход хозяйств из рук в руки, следить за судьбой хозяйств умерших колонистов. Браки заключались после утверждения в Конторе. В случае смерти кормильца Контора рекомендует вдове найти себе жениха, следит за тем, чтобы до этого хозяйство находилось под надежной опекой. Иногда Контора оказывается в шекотливом положении, например, когда вдов из-за их преклонного возраста никто не хочет брать замуж или, наоборот, жених оказывался

слишком молодым [26]. Несанкционированные браки считались недействительными, а причастные к их заключению строго наказывались. Так, за самовольный брак крымский колонист Г.Ширник был наказан тремя днями общественных работ. А вот колонист Я.Бухер в 1806 г. собирался жениться, а потом передумал. Контора распорядилась найти его и при всем обществе объявить ему выговор за этот «обманчивый и обидный поступок» [27].

Конторе приходилось вмешиваться и в жизнь неблагополучных семей. Известны были случаи жестоких избиений жен мужьями, например колонистами Шефером, Кильманном и др. [28]

Были среди колонистов неисправимые нарушители порядка — М.Нейбауер в Шведской колонии, Гиршвелт из Иозефсталя, А.Делгай в Крыму, высланный в конце концов из колонии за границу в 40-х гг. XIX в. [29] Нередки были случаи неподчинения колонистской администрации, причиной и поводом для которых, очевидно, были не только объективные трудности первого этапа колонизации, но и просто отношения между людьми. Рыбальский колонист М.Шпуринг был наказан 25 ударами за причиненную шульцу П.Моору обиду бранью, рванием за волосы, «деланием на лице знака». Упоминавшийся уже крымский смотритель Гастфер (см. [22]) также в своих донесениях жалуется на рукоприкладство по отношению к нему со стороны колонистов. Конфликты не всегда принимали крайние формы и выходили за пределы общества. Так, шенвизскому меннониту М.Винсу общество отказывает в ссуде просто потому, что «он с соседями своими весьма худо обходится» [30]. Тот же Хортицкий окружной приказ считает, что по причине своего флегматического характера меннонит Я.Фогт не может как следует вести свое хозяйство [31].

Примером для нарушителей порядка, нерадивых, ленивых колонистов и просто не желающих заниматься хозяйством должны были, по мнению конторских чиновников, служить добропорядочные хозяева. Обер-шульц Ринкер из Крыма «исправил собратию свою хорошим поведением в лучшее состояние, да и далее... надеяться можно, что колонисты переменят свой нрав и качества» [32].

Чрезвычайно интересны отдельные сведения об отношениях переселенцев со своими соседями. Особенно ярко это проявилось на примере екатеринославских меннонитов, которые с первых дней оказались в окружении разношерстного городского населения. В первые годы им пришлось пережить период неприятия со стороны местного населения, выразившегося в поджогах и грабежах. Достаточно трудно складывались их отношения с мещанами-евреями, чей быт и нра-

вы, по высказыванию меннонита И.Виллера, «меннонитской жизни и религии противны» [33]. В другом случае виной осложнений были сами колонисты: в 1807 г. колонист М.Бислингер был уличен в краже в городе Бериславе. Из донесения окружного приказа следовало, что «...все общество колонистов чрез подобные преступления посрамлено, так что честной колонист не смеет даже показаться в городе Бериславе, в котором они всегда дело имеют...» [34]

Сведения об отдельных событиях одинаково интересны историку, был ли это сильный град, лишивший целые селения значительной части урожая (так было в Блуменорте, Розенорте и Тиге в 1807 г., в Молочной летом 1808 г.), или это был случай, когда бешеный волк ворвался в дер. Монтале, зарезал несколько голов скота и собак, сильно искусал трех колонистов [35]. А замечания о том, что шведские колонисты не разлучаются со своими курительными трубками, данцигские — много пьют в долг, так же как и информация об архитектурных особенностях колонистских построек, о насаждении в колониях дубовых, каштановых, тополиных рощ [36], позволяют воссоздать уникальные картины быта, нравов, почувствовать атмосферу, царившую в новых поселениях.

При изучении данного вида документов следует учитывать, что все записи велись в Конторе ее чиновниками, а процессы и отдельные события, происходившие в колониях и вокруг них и отраженные в документах, поданы сквозь призму их собственных представлений. Поэтому изучение этого вида источников в отрыве от других может привести к несколько одностороннему взгляду на исследуемый период. В то же время дальнейшее изучение такого труднозаменимого, а нередко и единственного источника, каким являются мемории и регистры Конторы, в комплексе с другими имеющимися в нашем распоряжении источниками, позволит предпринимать плодотворные исследования разных аспектов истории немецких колоний в Новороссийском крае. В частности, это даст возможность исследователю проникать в «структуры повседневности» в том смысле, какой вкладывал в это понятие Ф.Бродель, когда писал в своей известной работе: «...Повседневность — это мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве; чем более вы сужаете поле наблюдения, тем больше у вас шансов оказаться в окружении материальной жизни... Событие должно быть уникальным и единственным: любой факт повторяется и, повторяясь, приобретает обобщенный характер или, еще лучше, становится структурой... Воссоздать такие картины — захватывающая игра, и я не считаю ее напрасным занятием...» [37].

Примечания

1. Государственный архив Днепропетровской области (далее — ГАДО). Ф. 134. Оп. I. Д. 245.
2. ПСЗ Российской империи. Т. 26. № 19492.
3. Там же. №№ 19492, 19873.
4. О громоздкой и неудобной форме меморий говорится в частности в одном законодательном документе, посвященном реформе в Министерстве внутренних дел. См.: ПСЗ Российской Империи. Т. 27. № 20852. С. 780.
5. Начавшееся в Саратове издание журналов Саратовской Конторы опекунства иностранных в очередной раз доказывает необходимость и перспективность изучения делопроизводственной документации опекунских контор. См.: Журнал заседаний общего присутствия Саратовской Конторы опекунства иностранных / Под ред. И.Р.Плеве. Т. 1. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1995.
6. ГАДО. Ф. 134. Оп. I. Д. 150. Л. 123-а; Д. 151. Л. 124, 320; Д. 168. Л. 232, 243.
7. Там же. Д. 187. Л. НО.
8. Иозефталский окружной приказ, состоявший из 4 колоний, например, получил в 1808 г. за откуп винной продажи и лесной пристани более 800 руб. См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. I. Д. 187. Л. 243 об.-244.
9. Там же. Д. 150. Л. 19; Д. 151. Л. 130 об.; Д. 168. Л. 542 об.; Д. 187. Л. 277 об. . . .
10. Там же. Д. 150. Л. 44, 61; Д. 151. Л. 147, 164, 172 об., 280; Д. 168. Л. 213 об.
- П. Там же. Д. 99. Л. 98 об.
12. Там же. Д. 168. Л. 227 об.- 228; Д. 223. Л. 57 об.
13. Там же. Д. 150. Л. 55; Д. 187. Л. 240 об.; Д. 187. Л. 87 об., 128 об.
14. Там же. Д. 93. Л. 39; Д. 168. Л. 537.
15. Там же. Д. 168. Л. 93, 329.
16. Там же. Д. 151. Л. 282; Д. 187. Л. 296 об.; Д. 223. Л. 8.
17. Там же. Д. 168. Л. 378; Д. 187. Л. 48 об.
18. Там же. Д. 151. Л. 422.
19. Там же. Д. 168. Л. 552 об.
20. Там же. Ф. 134. Оп. I. Д. 223. Л. 77 об.
21. Контениус в одном из своих писем в Контору писал, что в Данцигскую колонию необходимо было бы определить смотрителя, «дабы преградить разврат и ослушание некоторых хозяев, там живущих...». Однако это было невозможно ввиду ее немногочисленности. См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. I. Д. 150. Л. 135.
22. В мемориях сохранилось несколько упоминаний о прошениях об отставке, поданных смотрителем Гастфером, «дабы удалиться от злонравных людей, каковы тамошние колонисты, которые посягают даже на его жизнь...». Некоторое время он не мог выполнять свои обязанности по болезни после буйств жителей колонии Нейзац А.Боза, Ф.Вурстера, Я.Нибеля, Л.Витмана, И.Мейера и др. См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. I. Д. 187. Л. 41 об, 49 об., 60 об., 121 об., 196 об., 310 об.
23. Об этом свидетельствует, в частности, пометка на полях регистра, сделанная рукой главного судьи: «Я верю в Хортицу!», и некоторые другие факты. См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. I. Д. 88. Л. 22 об.; Д. 168. Л. 179.
24. Там же. Д. 151. Л. 418.
25. Там же. Д. 150. Л. 92, 144 об. Именно С.Х.Контениус, неутомимый, порой жесткий, но очень авторитетный среди колонистов, сделал очень многое для преодоления пороков в колониях, способствовал улучшению нравов и процветанию колоний.

26. 22-летний пасынок колониста И.Миллера объявил о своем желании жениться на вдове Штейборн, 36 лет, имевшей уже 4 сыновей. Контора колебалась: «Не должно ли сомневаться, чтобы при таком неравенстве лет не последовало в жизни и согласии их неприятного последствия...» См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 168. Л. 305; Д. 80. Л. «2; Д. УЗ. Л. 69.
27. Там же. Д. 151. Л. 298.
28. Там же. Д. 168. Л. 6 об., 14 об., 452 об.
29. М.Нейбаур в мемориях характеризуется как «неспокойный, дерзкий и упрямый», был наказан как инициатор дерзкого письма в адрес Конторы с выражением недоверия чиновникам. Общество колонистов жаловалось на него, что он называл колонистов глупыми, не желал жить в колонии. См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 151. Л. 325; Д. 168, Л. 161, 201, 208 -209.
30. Там же. Д. 151. Л. 297 об.
31. Там же. Д. 168. Л. 76.
32. Там же. Л. 8, И об.
33. Там же. Д. 151. Л. 313 об.; Д.168. Л. 41 об', 400об.
34. Там же. Д.168. Л. 160.
35. Там же. Д. 168. Л. 93; Д. 187. Л. 280.
36. Там же. Д. 187. Л. 250 об.; Д. 168. Л. 246; Д. 151. Л. 317; Д. 150. Л. 64 об.
37. Цит. по украинскому переводу: Бродель Ф. Материальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV-XVIII ст. Т. 1. Структури повсякденності: можливе і неможливе. Київ, 1995. С. 12.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О «БЕСПОРЯДКАХ» И ХИЩЕНИЯХ В ОПЕКУНСКИХ КОНТОРАХ НОВОРОССИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОГО КРАЯ РОССИИ В 1800-1820 ГГ.

Э. Г. Плеская-Зебольд

Основной целью иностранной колонизации Новороссии было заселение и экономическое освоение огромных пустынных степных земель, присоединенных к России в конце XVIII — начале XIX вв.

Масштабность задач, поставленных перед колонистами, требовала соответствующей системы управления колониями, которая должна была обеспечить их выполнение. С этой целью была образована Контора Опекунства новороссийских иностранных поселенцев (Новороссийская Контора Опекунства иностранных поселенцев).

В обязанности Конторы входило принятие переселенцев в число русских подданных, охрана их прав, льгот и привилегий, обеспечение колонистов строительными материалами, различными семенами и саженцами с наставлением, что и как сажать; надзор за исполнением обязательств, которые колонисты взяли на себя перед русским правительством.

В связи с увеличением количества иностранных поселенцев управление новороссийскими колониями было реорганизовано, и в 1818 г. был учрежден Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, в состав которого входили Екатеринославская, Одесская и Бессарабская Конторы иностранных поселенцев Южного края России, размещенные соответственно в Екатеринославе, Одессе и Кишиневе. Местом пребывания Попечительного Комитета был вначале Екатеринослав, затем Кишинев, а с 1833 г. — Одесса.

Все три конторы были закрыты в 1833 г., Попечительный Комитет — в 1871 г.

Деятельность Новороссийской Конторы опекунства иностранных поселенцев, а затем и Попечительного комитета неоднократно освещалась в научных публикациях [1], однако не нашла достаточного отражения.

Полную и объективную картину условий и обстоятельств, в которых переселенцы должны были начинать освоение земель, роль попечительных органов, созданных для оказания содействия им в этом трудном и длительном процессе, могут дать только архивные источники.

Документы Попечительного Комитета в Государственном архиве Одесской области (Ф. 6. 1800-1876 гг.) насчитывают около 15 тыс. дел. Это копии императорских манифестов, Указов Правительствующего Сената, циркулярные приказы и инструкции по различным вопросам, Ведомости благосостояния колоний, обозрения их состояния, написанные служащими Попечительного комитета, их отчеты, формулярные списки; рапорты сельских шульцев и обер-шульцев; переписка Новороссийской Конторы опекунства иностранных поселенцев, а затем и Попечительного комитета с Департаментом государственного хозяйства и публичных зданий при Министерстве внутренних дел, с подведомственными ему конторами, губернскими правлениями, военными и гражданскими губернаторами, смотрителями колоний, сельскими приказами; черновики определений Попечительного Комитета по различным вопросам и др.

Большой интерес для исследователей представляет группа документов, которая дает возможность сделать вывод о том, что сами попечительные органы долгие годы действовали в условиях бесконтрольности. Это Указы Правительствующего Сената, постановления палаты Херсонского уголовного суда, переписка Попечительного комитета с Департаментом государственного хозяйства, губернаторами, конторами. Они дают возможность увидеть, что сопутствующим и довольно стабильным фактором в деятельности подведомственных ему Екатеринославской, Одесской и Бессарабской Контор были «беспорядки», выразившиеся в систематических финансовых хищениях. Знакомство с этими документами позволит исследователям найти объяснение причин многочисленных конфликтов между колонистами и попечительными органами.

В 1814 г. были обнаружены финансовые и другие злоупотребления в канцелярии Одесского водворения Екатеринославской опекунской конторы, которой с 1808 г. управлял помощник главного судьи коллежский советник Андрей Розенкамф [2].

Началось с того, что стало известно о получении Розенкамфом от болгарских колонистов 12 561 руб. в уплату казенного долга, ко-

торые не были проведены по бухгалтерии. Военный губернатор трех Новороссийских губерний, одесский градоначальник Ришелье немедленно распорядился пронести ревизию всех дел по отделению Одесского водворения как по части письмоводительства, так и по бухгалтерии. До выяснения дела Розенкампф от должности был отстранен и все дела должен был сдать статскому советнику Лашкареву. Однако дела «порядком» сданы не были, а среди сданных отсутствовали отчеты о находящихся в его распоряжении суммах.

Ревизия обнаружила отсутствие документов обо всех суммах на водворение, которые ежегодно присылались в Одесскую канцелярию. Зафиксирован беспорядок в ведении всех дел «по счетной части» с 1802 по 1808 г. За этот же период отсутствовали все описи и долговые книги колонистов. Не значились в приходе ассигнованные для них в 1812 г. 50 тыс. руб., зарегистрированные в Херсонской казенной палате, хотя Розенкампф уведомил министра финансов об их получении в том же 1812 г.

Были выявлены нарушения и нехватка строительных материалов при строительстве пасторатов и церквей в колониях Зельц, Ландау и Рорбах. С 1810 по 1814 г. по книгам и другим счетам найдены записи о расходе 5 992 руб. 55 коп., на которые не оказалось документов.

Имели место и подложные контракты. После словесной договоренности с немецкими ремесленниками на немецком языке контракт составлялся на русском, который значительно расходился с устным немецким вариантом, особенно в указании выплаченных за работу сумм.

Во время дознания Розенкампф скончался. Тотчас же было сделано распоряжение о повсеместном запрещении на его имение «к обеспечению казны». Дело было передано для рассмотрения Херсонской палате уголовного суда.

Следствие велось несколько лет. За это время было продано с публичного торга имение Розенкампфа, в том числе и каменная мельница о трех ходах в Малом Либентале, а деньги обращены в Приказ общественного призрения «для приращения» процентов. В течение нескольких лет Попечительный комитет разыскивал его многочисленных должников, обнаруженных по сохранившимся долговым обязательствам.

В 1821 г. выяснилось, что Розенкампф продал 93 тома энциклопедии Крионца, которая была выписана для колониального управления Южного края России и беспощинно пропущена за черту порто-франко. Энциклопедия содержала много полезных экономических сведений, необходимых для управления колониями. Розенкампф продал ее одесскому гофмаклеру Андре за 300 руб., хотя специалисты Ришельевского лицея

оценили ее в 1000-1200. Все деньги были востребованы и также обращены в Приказ общественного призрения. [3]

«Прикосновенными» к делу Розенкампа были признаны либентальский обер-шульц Бритнер и одесские ремесленники Петр Гейнц и Филипп Гис. [4]

В связи с делом Розенкампа архивные документы подтверждают полное доверие императора России Александра I главному судье Опекунской конторы Самуилу Контениусу, добросовестность, честность и усердие которого давно были ему известны. После обнаружения растраты в Одесской конторе Ришелье в своем отношении к министру внутренних дел предложил отозвать Контениуса. Однако император Александр I велел передать Ришелье, «дабы он, военный губернатор, успокоил сего человека (Контениуса. — Э.П.) и уверил его, что сделанное в небытность его в конторе не может быть отнесено к вине его, и что по дознанному усердию его к службе Государь Император не сомневается, что он не составил бы беспорядков исправить, буде бы ведал об оных, или обнаружить вредного человека и содействовать к удалению его» [5].

В 1815 г., через год после основания, начались беспорядки в бессарабских колониях, вызванные воровством денег, предназначенных для ссуд колонистам, поставкой им непригодных продуктов, воровством предназначенных для них строительных материалов. Для усмирения колонистов было откомандировано два батальона Охотского полка, которыми руководил управляющий Бессарабской областью Гартинг. Достаточно подробно эти события описаны в книге Дружининой Е.И. «Южная Украина 1800-1825 гг.» [6].

Однако недовольство колонистов продолжалось. В немалой степени оно было вызвано действиями чиновников Бессарабской конторы, особенно ее старшего члена, коллежского советника Миллера.

Даже через 5 лет после водворения колонисты бессарабских колоний, по свидетельству пастора второго прихода Вильямса, жили в землянках и в бедности, жаловались на притеснения и угнетения. В связи с этим член Попечительного комитета князь Багратион сделал циркулярное предписание для всех колоний, чтобы те письменно объявили о своих жалобах. Миллер, которого пастор бессарабских колоний Шнабель характеризовал как человека злобного и мстительного, не довел до сведения колонистов предписание Багратиона и докладывал в Попечительный комитет, что письменных жалоб нет [7].

Колонисты не доверяли конторе, и не беспричинно. В том же 1820 г. в ней было обнаружено хищение «немалой суммы». [8]

Обнаружились беспорядки и в Новороссийской конторе, размещенной и Екатеринославе, выразившиеся также в хищении «в значительном количестве» разного рода сумм [9]. Злоупотребления были раскрыты новыми членами конторы Лановым и фон Лау. Виновным в хищении был бухгалтер конторы Гзель. Хищения начались в 1805 г. в размере 4 руб. 30 коп., а к 1811 г. составили 62 454 руб. Это были суммы, взысканные с хортицких меннонитов в уплату поземельных податей, долга и сумм на содержание присутственных мест; деньги из общественных сумм шведских, молочанских и данцигской колоний; на водворение евреев; за проданный лес, оставшийся при разбитии плотов в 1805 г., сплавляемый для молочанских колонистов «для построения домов», и др. Хищение «в значительном количестве» денег стало возможным потому, что вместо обязательного ежемесячного освидетельствования бухгалтерских счетов, они не освидетельствовались годами.

Екатеринославская палата уголовного суда вынесла приговор взыскать похищенную сумму с членов конторы бывшего помощника главного судьи Чуйко и Диздарева, а также секретаря Евлашева в соответствии с их жалованием. Гзель к моменту следствия скончался. Диздарев был признан виновным «в послаблениях и упущениях в должности», так как его обязанностью было «наблюдать за устройством счетной части и хранением сумм». Он был отстранен от должности, имение его описано и взято под секвестр, самому ему предложили внести расхищенную сумму в казну, в противном случае, как несостоятельного плательщика, решено было взять его под стражу, лишить чинов и дворянства и сослать в работу. В любом случае, впредь его ни к каким делам «от короны» и по выборам не определяли. По ходатайству императора, от взыскания освобожден бывший главный судья Контениус, так как по должности своей в конторе не сидел и часто находился в отлучках. Его часть была принята на счет казны. 31 августа 1820 г. Правительствующий Сенат утвердил решение суда.

Неудовлетворительным было и управление колониями. В 1817 г. товарищ главного судьи Новороссийской конторы опекунства иностранных поселенцев Андрей Михайлович Фадеев обследовал крымские колонии и признал управление ими неудовлетворительным. По его мнению, неудачно было выбрано место пребывания смотрителя — Карасубазар, который находился очень далеко от колоний и Симферопольского и Феодосийского уездов. Это приводило к его отсутствию на месте от двух недель до одного месяца, если он выезжал в колонии. В течение этого времени лежали без движения документы, присылаемые как из конторы опекунства, так и из сельских приказов.

Очень много времени уходило на получение разрешения на передачу хозяйства, иногда более года. Представление приказов на передачу хозяйств или на бракосочетание писалось на немецком языке, затем переводилось на русский, писалось донесение в контору опекунства, после получения разрешения опять переводили на немецкий и отправляли в сельские приказы. Поселенцы часто жаловались на происходящие «от медлительности в делах невзгоды».

И здесь Фадеев обнаружил запутанность в счетах. Кроме того, из-за отсутствия казначейства в Карасубазаре деньги находились у смотрителя, никем не охраняемые и поэтому не защищенные от растраты.

Фадеев предложил «уничтожить» смотрителя и его канцелярию и передать управление колониями Нейзацкому и Цюрихстальскому приказам, которые должны были представлять в Контору все донесения, ведомости, табели, вести учет поземельных платежей, а деньги сдавать в казначейство с подписью в шнуровых книгах. [10]

В 1821 г. Екатеринославская Контора сообщала, что подведомственные ей колонии «рассеяны на пространстве губерний Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Черниговской в различном отдалении от конторы, и некоторые на 500 и 600 верст». По этой причине сношения с местным колониальным начальством и уездными присутственными местами лишали контору «вести ход дел и доставлять удовлетворение подведомственным ей поселенцам при сделках, исках и жалобах столь поспешно, как бы желательно было». Переписка с присутственными местами занимала 4–5 месяцев. Потребовался Указ Правительствующего Сената о том, чтобы уездные и губернские присутственные места оказывали содействие Попечительному комитету и конторам по делам колоний.

При знакомстве и анализе этих документов возникает очень много вопросов, ответы на которые могут дать более глубокие и детальные исследования.

Примечания

1. Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 15-18; Keller C. Die deutschen Kolonien in Sudrussland. Odessa, 1914; Штак Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. Москва, 1916. С. 47-69.
2. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 936.
3. Там же. Д. 1475.
4. Там же. Д. 1479. Л. 120.
5. Там же. Д. 1403. Л. 3 об.
6. Дружинина Е.И. Южная Украина 1800-1825 гг. М.: Наука, 1970. С. 141.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1378.
8. Там же. Д. 1378.
9. Там же. Д. 1403.
10. Там же. Д. 1112.

ПИСЬМА ГЕРЦОГА ДЕ РИШЕЛЬЕ К С.Х. КОНТЕНИУСУ (1803-1811 ГГ.) КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА КОЛОНИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

О.В. Коновалова

Изучая историю колонизации в России, мы исследуем и рассматриваем отдельные проблемы, слагающие этот сложный, многообразный и длительный процесс, при этом зачастую забывая, что за всяким событием стоят люди, что процесс этот не шел сам собою, а осуществлялся посредством их целенаправленных действий.

Русские, немцы, французы, поляки, итальянцы, швейцарцы и др., аристократы, сановники и рядовые чиновники, военные и священнослужители, негоцианты и мещане стояли у истоков колонизации, а затем продолжили это дело, но их имена незаслуженно забыты или обойдены вниманием.

Среди них имена Э.О. Ришелье и С.Х. Контениуса. И сочетание это не случайно.

Выходец из старинного французского аристократического рода Арман-Эммануил Дюплесси герцог де Ришелье (Эммануил Осипович, «дюк») (1766-1822), поступив на русскую службу, в 1803 г. становится градоначальником г. Одессы, в 1805 г. он назначается Херсонским военным губернатором и управляющим гражданской частью в Екатеринославской и Таврической губерниях, а также начальником войск крымской инспекции (Новороссийским генерал-губернатором). С этого времени Одесса фактически стала правительственным центром края, а деятельность Э.О. Ришелье распространилась от Днестра до Кубани.

О герцоге Ришелье написано достаточно много. Причем, он является человеком, о котором все источники отзываются с единодушным одобрением, по крайней мере, о том периоде его жизни, который он прожил в России. Однако характеристика его деятельности сводится

к тому, что, став наместником императора в полуденной России, он воюет на юге, покоряет татарские племена, борется против эпидемии чумы, заканчивает постройку портов и крепостей в Херсоне, Кинбурне, Севастополе, строит Одессу, которую за 11 лет своего управления превращает из приморского местечка в богатый и цветущий центр промышленной, торговой и духовной жизни на юге России. О роли же Э.О. Ришелье в проведении колонизации — лишь общие сведения и упоминания о возникших «в его бытность» болгарских, немецких и других поселениях.

А ведь герцог был наделен обширными полномочиями, в том числе Высочайшим Указом 23 февраля 1804 г. ему было поручено Главное управление по делам переселенцев в Новороссии. Этим во многом и объясняется его повышенный интерес и внимание к колонизации во вверенном ему крае. И, соответственно, история заселения юга России с 1803 по 1814 гг. неразрывно связана с именем этого государственного деятеля.

Сведения о жизни и деятельности Самуила Христиановича Контениуса весьма немногочисленны. Тому, что о нем известно, мы обязаны нескольким публикациям и воспоминаниям, напечатанным до 1917 г. В последние годы имя С.Х. Контениуса вновь появилось в отечественных и зарубежных исследованиях.

Точная дата и место его рождения не установлены. Это может быть 1748, 1749 или 1750 год. По одним данным он родился в Силезии, по другим — а Вестфалии, [1] в семье пастора. После окончания школы изучал филологические науки в одном из университетов Германии. В возрасте 25 лет приехал в Россию и занимался воспитанием дворянских детей. В 1785 г. поступил на службу почмейстером в г. Симферополь, в 1789 г. принят в штат провиант-поручиком, в 1792 г. — в Глуховский карабинерный полк ротмистром, с 1793 г. — секунд-майор. В 1795 г. уволен от военной службы и определен «к сенатским делам». С 1796 г. — Курляндский губернский стряпчий. В сентябре 1797 г. становится советником в Географическом Департаменте. В 1799 г. по Высочайшему повелению был отправлен в Малороссийскую и Новороссийскую губернии для обозрения колоний иностранных поселенцев и своим точным и основательным исполнением порученного предоставил Экспедиции Государственного Хозяйства сведения об их состоянии. Принимал участие в составлении Инструкции о внутреннем управлении в колониях (1800 г.) и дополнения к ней.

6 апреля 1800 г. в чине коллежского советника был определен Главным Судьей во вновь утвержденную Новороссийскую контору опекунов иностранных поселенцев. В 1817 г. просит уволить его от служ-

бы вовсе, что и произошло 23 марта 1818 г. Однако, по Высочайшему Указу 5 января 1819 г. вновь определен на службу, но уже экстраординарным членом Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России, [2] учрежденного в 1818 г. Остается в этой должности до самой смерти, которая последовала 30 мая 1830 г. [3]

С 1803 г., когда хлынул поток переселенцев на юг России, прием, расселение и устройство колонистов были возложены на С.Х.Контениуса под непосредственным руководством Э.О.Ришелье. С 1803 по 1810 гг. в окрестностях Одессы, на Молочных Водах (Таврия) и в Крыму основано около 60 немецких колоний, (не считая болгарских, еврейских и др.), которые были расположены по планам С.Х.Контениуса. Дома и хозяйственные постройки выстроены, большей частью, под его наблюдением. Его попечением в колониях заведено и распространено садоводство, виноградарство и улучшенное овцеводство.

В 1808 г. С.Х.Контениус просит уволить его по состоянию здоровья от исполнения письменных дел по управлению конторой. Герцог освободил его от бюрократической деятельности в конторе, а управление колониями, устройство переселенцев и распространение среди них новых отраслей хозяйства, могущих дать колониям и краю в целом существенные выгоды, было от ведомства конторы отделено и поручено в непосредственное заведование и управление Главному Судье.

В 1818 г. Александр I, посетивший Новороссийский край и проезжавший через Молочанские колонии, собственноручно возложил на С.Х.Контениуса ленту со звездой Св. Анны I степени за самоотверженное служению делу. С.Х.Контениус, будучи в чине статского советника, удостоился этой награды первым после историка Н.М.Карамзина. [4]

В 80-летнем возрасте, несмотря на болезни, С.Х.Контениус еще объезжал колонии в 1829 г. и оставался в них до осени. Умер в Екатеринославе. Почти все свое небольшое имущество завещал на колониальные школы и церкви. Похоронен в колонии Йозефсталь (возле г. Днепропетровска), где на пожертвования колонистов края был установлен надгробный памятник.

В 1986 г. в Госархиве Одесской области автором было обнаружено несколько десятков ранее неизвестных писем герцога де Ришелье к С.Х.Контениусу. Их оказалось 53 [5], написанных собственноручно Э.О.Ришелье на французском языке с немецким и русским написанием отдельных слов и выражений. Одно из них — полнос-

тью на немецком языке. Первое датировано 9 марта. 1803 г., последнее — 5 января 1810 г. На некоторых сохранилась личная печать герцога.

Зная эти имена, не трудно догадаться, что явилось предметом переписки.

Выяснилось, что в этом же архиве хранятся еще какие-то письма Э.О.Ришелье. Но это оказались копии его 16 писем на французском языке, написанных в период с 19 января 1810 г. по июль 1811 г. все тому же С.Х.Контениусу. [6] При сопоставлении дат стало понятно, что копии являются продолжением 53 писем (второй частью переписки). Причем 11 из них были переведены на русский язык, так как предназначались для напечатания Императорским Одесским обществом истории и древностей, что, в свою очередь, стало известно из письма общества, приложенного к копиям [7].

Почему речь шла о публикации только 11 писем, хотя в деле их 16? Были ли они опубликованы? Где подлинники? Как оригиналы оказались в Одессе, хотя большинство из них адресовано в Екатеринослав, где жил С.Х.Контениус? Возможно, в 1811 г. переписка не прекращалась, так как Э.О.Ришелье покинул Россию только в 1814 г.

В поисках ответов на эти и множество других вопросов удалось установить, что напечатано было лишь одно письмо герцога к С.Х.Контениусу, написанное 18 февраля 1814 г. [8] Это означало — 1811 годом переписка не обрывалась. Письмо было опубликовано в 1905 г. Обществом ревнителей русского исторического просвещения, которому его, в числе 177 документов, вошедших в рукописный сборник «Автографы известных и замечательных людей», предоставил С.Ю.Витте (председатель Кабинета Министров). Этот рукописный сборник хранился в его архиве, а составлен и собран был тайным советником Андреем Михайловичем Фадеевым и продолжен его сыном — Ростиславом Андреевичем Фадеевым — генерал-майором и известным в XIX веке военным писателем [9]. Оказалось, что А.М.Фадеев был дедом по женской линии С.Ю.Витте [10].

Теперь становилось понятно, как письма Э.О.Ришелье могли оказаться в Одессе. Р.А.Фадеев последние годы жизни провел в Одессе, а С.Ю.Витте учился и работал здесь.

Кроме того, именно из воспоминаний А.М.Фадеева стало известно, что С.Х.Контениус был другом герцога де Ришелье и сенатора К.И.Габлица, что переписка Э.О.Ришелье и С.Х.Контениуса «не прерывалась даже в то время, когда герцог правил кормилом государственных дел Франции» [11]. Что «огромные кипы их писем к нему, в

коих много поучительного и интересного», С.Х.Контениус оставил А.М.Фадееву, и они хранились у него. [12]

Еще в молодости А.М.Фадеев проявлял повышенный интерес к старым документам. Будучи в Екатеринославе, не раз посещал дворец князя Г.А.Потемкина, где осматривал княжеский архив, и нашел его в весьма запущенном состоянии. И кто знает, может быть именно тогда несколько документов из потемкинского архива положили начало коллекции А.М.Фадеева.

Письма Э.О.Ришелье — частного характера, но, преимущественно, в них затронут обширный круг вопросов и проблем, связанных с деятельностью герцога и С.Х.Контениуса на поприще колонизации: об основании и благоустройстве немецких, болгарских и других колоний в Либентальском, Кучурганском, Глюкстальском и Березанском округах близ Одессы, на Молочных Водах, в Крыму; о выборе, выделении, покупке, размежевании земель для колоний, финансировании переселения; о состоянии ранее устроенных колоний, строительстве в колониях, развитии овцеводства, шелководства, садоводства и пр.; об управлении колониями и конторой опекунства, о деятельности и нарушениях чиновников; о состоянии колонистов, необходимости священников для колоний и др. Эти сведения перемежаются цифровыми данными.

Период с 1803 по 1809 гг. в истории колонизации южных провинций России характеризуется значительным притоком иностранных переселенцев из Западной Европы. В этих условиях первостепенными задачами, требующими постоянного разрешения, были прием и размещение прибывающих. В 1803 г., ожидая первых переселенцев, герцог Ришелье постарался к их прибытию подготовить все необходимое [13].

Сложности появились с самого начала. Так, количество желавших переселиться в Россию быстро возрастало, не успевали одни колонисты прибыть на места водворения, а в дороге находились другие. Уже в сентябре 1803 г. речь идет о 4-х и более транспортах в район Одессы. [14] Это повлекло за собой проблему катастрофической нехватки земель и вызвало трудности со строительством домов для колонистов.

Э.О.Ришелье начинает энергично действовать, приобретая земли у крупных помещиков: Б.И.Сатова, С. и В.Потоцких, К.Палладио, И.Ф.Катаржи и др., используя помощь правительства и свои возможности [15].

Что же касается строительства жилья, то проблема начиналась с выбора строительного материала, его нехватки и нехватки рабочих рук. Темпы строительства также оставляли желать лучшего. Кроме

того, строительство в колониях велось подрядчиками, которые зачастую просто не выполняли взятых на себя обязательств, что усугубляло сложившееся положение и вызвало новые проблемы, грозившие перейти в разряд неразрешимых в условиях все возрастающей потребности в новых домах. «Харламов абсолютно ничего не делает, — пишет Э.О.Ришелье, — он нас окончательно провел, я принял по отношению к нему самые серьезные меры» [16]. Или: «Я с огорчением сообщаю, что полностью утрачена надежда на выполнение контрактов нашими подрядчиками; мы можем разорить их, но толку от них не будет» [17].

Из переписки видно, какие предпринимаются действия и меры, как развиваются события в этом направлении. В течение 6 лет (1803-1809 гг.) речь заходит о строительстве землянок, глинобитных, землебитных, мазанковых (плетневых), деревянных, каменных домов, постройках типа «фахверк» [18] и «пизе» [19] и, наконец, и кирпичных сооружениях. Гибкость и рационализм, продиктованные экстремальной ситуацией, стали насущной необходимостью в поисках выхода из положения и дали свои результаты. Суждения герцога меняются в зависимости от приобретаемого опыта.

Так, в 1804 г. он считает возможным строить землянки, глинобитные постройки (из утрамбованной земли) и мазанки в силу их экономичности и быстроты строительства, чтобы успеть хоть где-то разместить уже прибывших колонистов. Причем, идею строительства из «утрамбованной земли» («mit gestampfter Erde») (а это могли быть глинобитные, глиномятные, землебитные, саманные или мазанковые постройки — типичные в местностях, имеющих глинистую или суглинистую почву), герцог позаимствовал у немцев, прибывших в июле 1804 г. из Венгрии, которые стали строить свои жилища таким образом и на свои средства.

Землянки же были вынужденной мерой из-за невыполнения подрядчиками контрактов. Кроме того, подходил к концу сентябрь 1804 г., приближалась зима, и герцог принял решение строить землянки, полагая, что «...стоять это будет пустяк, а достаточное количество людей получит теплое и чистое убежище» [20], причем он использовал для этого солдат. Уже в начале октября 1804 г. он отмечал: «Посредством землянок, которые строятся по моему приказу, я смогу дать кров немцам, которые почти полностью им обеспечены» [21].

А в 1806 г. герцог отрицательно высказывается относительно мазанок и деревянных домов: «Смешно строить дома из дерева в крае, где есть камень, и только крайняя необходимость вынудила нас согласиться с мазанками, но на будущее об этом не надо и помышлять» [22].

В 1809 г. он негодует по поводу построек из «утрамбованной земли», увиденных им в колонии Страсбург, вновь отдавая предпочтение каменным постройкам: «Нельзя повсеместно использовать утрамбованную землю, особенно на Кучургане, а то, чем они ее заменяют, вовсе не удовлетворяет меня. Я предпочел бы затратить немного больше денег и времени и строить из камня» [23]. Примерно тогда же Э.О.Ришелье делает замечание по поводу построек типа «пизе» («pise») — также из битой глины (глинобитное или землебитное строение), предупреждая, что их можно и должно вводить, но только с большой осторожностью [24]. Немного позже герцог пишет о строительстве из необожженного кирпича, который изготавливают колонисты в Канделе и Зельце, считая такое строительство доступным и выгодным: «Этот тип строительства мог бы быть употреблен для постройки больших зданий, а именно, для церквей и пасторатов, теперешняя стоимость которых меня ужасает» [25].

Еще в 1803 г. предметом его забот является закупка и доставка строительного леса, что было оправданным для молочанских колоний, но никак не для одесских. Поняв это, Э.О.Ришелье приказывает болгарским и немецким колонистам «ломать камень» (добывать) на месте, тем самым упредив предписания министра на этот счет. [26] Имеется в виду камень-ракушечник (известняк), которого было много в окрестностях Одессы и который использовался для строительства в городе.

Письма изобилуют цифрами, в том числе о количестве построек в колониях и их стоимости. Так, например, летом 1804 г. говорится о 300 домах для немцев в Большом и Малом Либентале [27]. А к концу года, по подсчетам герцога, в окрестностях Одессы необходимо было построить от 1000 до 1200 домов для болгар и немцев. [28]

Совсем не случайно тема строительства звучит в каждом из писем, написанных в 1804 г. (12 писем), но и на протяжении всей переписки она возникает с завидным постоянством.

Письма дают представление о том, с чего все начиналось, скольких средств и усилий стоило, какими изобиловало проблемами и какими потерями оборачивалось на первых порах.

На протяжении 8 лет состояние здоровья прибывавших и уже поселенных колонистов не раз вызывало у Э.О.Ришелье тревогу и беспокойство. Одним из тяжелых периодов в его жизни стал 1805 г. В прошлые годы (1804 г.) болезни также не миновали колоний. Да и колонисты прибывали на места водворения не в лучшем виде, так как грязь в дороге, неумеренное употребление фруктов вызывали «...большое число смертей и прикованных к постели болезнью» [29]. И герцог при-

нимал все возможные меры для облегчения страданий больных, против распространения болезней и для сокращения смертности. [30] Он постоянно просил С.Х.Контениуса не пренебрегать ни малейшей возможностью для изменения ситуации в лучшую сторону.

Надо сказать, что на первых порах из-за нехватки жилищ Э.О.Ришелье временно разместил колонистов в овидиопольских казармах [31]. Во время эпидемии в 1805 г. здесь и в Либентальских колониях разыгралась трагедия. Гнев, отчаяние и душевные страдания водили пером герцога, когда он описывал картину, увиденную им в Овидиополе весной 1805 г.: «Не могу передать вам до какой степени кровоточило мое сердце, когда я увидел, в каком положении находятся колонисты в Овидиополе. Это какое-то стечение глупостей, начиная с той, которую я совершил, доверив их этому безумцу Бему, и которая стоила жизни такому большому количеству несчастных... Мне кажется, что эти скоты, служащие в Овидиополе, погубили их преднамеренно... Надеюсь, что благодаря принятым мною мерам, это вскорости закончится, надо только изолировать больных от здоровых, чего не позволили сделать чиновничьи препоны...» [32].

Летом 1805 г. состояние немецких колонистов улучшилось. Неплохой урожай этого года вселял надежды. Несмотря на проблемы, продвигалось строительство домов. Однако относительное благополучие продолжалось недолго. Плохие известия застали Э.О.Ришелье в Екатеринославе в сентябре 1805 г.: что среди немецких колонистов в окрестностях Одессы вновь возрастает число больных. Учитывая печальный опыт прошлого, герцог просит С.Х.Контениуса, находящегося в Одессе, принять действенные меры, чтобы предупредить беды, которые он предвидит. Такими мерами должны были стать: введение постоянной должности лекаря и хирурга в немецких колониях, обеспечение поставки леса для изготовления кроватей, чтобы колонисты не спали на земле, приготовление больным питья из вина и полыни и хорошей пищи, использование медикаментов без излишней экономии, а главное — ускорение строительства. «Насколько я знаю о намерениях императора, — писал он, — непринятие всех возможных мер было бы невыполнением его воли» [33].

К концу года болезни в колониях почти полностью отступили, но постоянная угроза их возобновления не давала Э.О.Ришелье покоя. Для него было необъяснимым и парадоксальным то, что в Крыму, где не было ни врачей, ни медикаментов, ни средств, ни особого ухода, не было и болезней и высокой смертности. И в то же время они свирепствовали там, где не жалели ни забот, на расходов, чтобы предупре-

дить и лечить их (в Либентальских колониях) [34]. При этом он был твердо уверен в том, что в борьбе с болезнями пренебрегать не следует ничем и никогда не беречь денег, которые могут спасти людей, называя это плохой экономией [35].

Герцог не раз вспоминал 1805 г., считая, что колонии, опустошенные тогда, болезнями, долгое время будут значительно отставать от других. И в 1809 г., и в 1810 г., когда болезни появились в новых колониях в Кучургане, в Глюкстале и на Молочных Водах, он внушал: «...Ничего не шадите для прикрытия их наготы, чтобы бедность, и, особенно, упадок духа не усугубили их болезней и не сделали их неизлечимыми, так как лекарство есть от всего, кроме смерти...» [36]

Учреждение герцогом Ришелье в г. Екатеринославе «Комитета о распространении прививания коровьей оспы» было продиктовано стремлением уменьшить число умирающих от оспы в крае, в том числе и колонистов. Именно к С.Х.Контениусу герцог обратился за помощью: «Прошу вас, займитесь со рвением и человеколюбием, вам присущим, этим делом, которое может дать хорошие результаты, и, уж во всяком случае, не повредит. Император весьма дорожит успехом дела, которое, в конце концов, очень важно для сего края, так мало заселенного, и где так свирепствует оспа». [37]

История комитета не проста. Еще в 1806 г. Александр I одобрил предложенный Э.О. Ришелье проект. Однако его официальное открытие произошло лишь 20 марта 1809 г. Будучи уверен в одобрении своих действий, герцог поспешил, самолично распорядившись об этом. Но мнение министра внутренних дел князя А.Б.Куракина оказалось противоположным. Все-таки прививочный комитет продолжал работать и, закрытый в 1811 г., тогда же возобновил свою деятельность, но уже как высочайше утвержденный Губернский Комитет о распространении прививания предохранительной оспы.

Говоря о сельском хозяйстве в колониях, нужно отметить, что негативные факты и нарушения имели место и в этой сфере. Так, в декабре 1805 г., говоря о приеме новых колонистов, Э.О.Ришелье пишет о необходимости «...подготовить подходящие сельскохозяйственные инструменты, а не «а ля Бригонци», и подготовить их заранее в очень большом количестве, чтобы люди, прибывая, не имели никакой задержки в полевых работах» [38], понимая, что своевременный сев — залог урожая. Но контора опекунства могла с опозданием прислать в колонии деньги для покупки семян, что делало невозможным своевременный сев. Так произошло в Крыму весной 1806 г., после чего сев яровой пшеницы мог не состояться вовсе. [39]

Следует признать и тот факт, что распространение в колониях шелководства, садоводства и даже улучшенного овцеводства сопровождалось нежеланием и роптанием части колонистов, которые по своему невежеству пренебрегали данной возможностью, особенно, когда осуществление этого требовало времени. Среди колонистов бытовало мнение, что на местах их поселения не могут расти ни плодовые, ни какие-либо другие деревья [40]. Мнение Э.О.Ришелье по этому поводу совпадало с мнением С.Х.Контениуса. В 1808 г. герцог писал: «Я ничего не могу понять ни в том, что вы мне сообщаете об упрямстве меннонитов с Молочных Вод по поводу посадки шелковиц, ни о мнимой невозможности выполнить их без причинения вреда сельскому хозяйству. Мне как и вам кажется, что происходит это от независимого сознания тех, кто обосновался на свои средства. Но если они совсем не получили денег от короны, то, по крайней мере, они получили от нее землю, и мне кажется, что, сделав подобный подарок, правительство имеет право требовать немного послушания и покорности со стороны колонистов, особенно, когда то, что требуют от них, необходимо... для их же пользы» [41].

Вообще, герцог постоянно искал совета, помощи и поддержки со стороны С.Х.Контениуса, способности которого оценил со времени их знакомства в 1803 г. «Надеюсь, — писал он, — вы не сожалеете по поводу того, что мы с вами будем работать еще более тесно... Я этому бесконечно рад... Поверьте, буду счастлив воспользоваться вашим опытом и предвидением...» [42]. Близость и доверие к С.Х.Контениусу побудили герцога, как, впрочем, и самого С.Х.Контениуса, делиться друг с другом своими переживаниями, планами, помыслами, намерениями, многие из которых положены в основу проектов по устройству переселенцев, а впоследствии были осуществлены на деле.

Содержанием писем, нередко напоминающих дневниковые записи, стала информация о текущих общественно-политических, военных событиях в России и за границей, отклики герцога на них, его суждения и комментарии. Вот как высказывается Э.О.Ришелье по поводу приостановления в 1804 г. приема колонистов, уже приготовившихся переселиться в Россию: «Раз уж я более не имею чести быть дипломатом, скажу, что не вижу, какие... неудобства вызвали в Германии дела наших колоний, кроме несчастья — большого и реального, — вызванного обнадешиванием большого количества семей быть принятыми, и в чем теперь мы более не заинтересованы. Я не предвижу больших потрясений в Европе вследствие разочарования выборщиков Баварии и Вюртемберга; и даже ноты, которые их министры вручат нашим...,

не кажутся мне способными смутить спокойствие империи. И только судьба несчастных людей огорчает меня» [43]. Тем более, что в это время герцог считал — нужно «принимать столько, сколько желают сюда приехать» [44].

В 1810 г., когда была прекращена выдача пособий переселяющимся и Э.О.Ришелье оставили без денег, он сообщает С.Х.Контениусу: «Более не желают давать колонистам денежного вспомоществования, или, вернее, не желают более колонистов... Я совершенно не одобряю сей меры... Миллион, который мы ежегодно расходовали, был деньгами отлично употребленными и помещенными под большие проценты, урезка такого сорта по-французски называется грошовой экономией. Мне досадно видеть, что эти господа занимаются подобными мелочами, не такими операциями реставрируют финансы большой империи» [45].

Как было замечено выше, герцог действовал сообразно складывающейся ситуации, порой — методом проб и ошибок. Оттого принимаемые им решения не всегда были верными (как он признавал это сам), а его мнение могло изменяться под влиянием тех или иных обстоятельств. Однако, оптимизм Э.О.Ришелье периодами сменялся приступами черной меланхолии; со временем проявления отчаяния и безысходности усилились. Наряду с этим, моральная поддержка, со стороны герцога является одной из отличительных черт переписки. Тон уважения и почтения к С.Х.Контениусу присущ каждому письму: «Дорогой мой друг, мы во что бы то ни стало должны достичь результата в этом деле; это причинит нам трудности и хлопоты, но, в конце концов, мы сможем осознавать, (особенно вы), что оказали государству большую услугу» [46]. Такого рода рассуждения с целью успокоить и вселить оптимизм нередки: «Я с огорчением прочел то, что вы пишете по поводу вашего упадка духа... Это минута слабости, которой невозможно избежать, особенно управляя таким сложным делом... Несомненно то, что вы не должны быть недовольны самим собой, видя успехи ваших дел... Несмотря на наши несчастья на Барабое, в любой другой стране будет трудно отыскать пример колонизации, которая проходит также успешно, как та, которую проводите вы. Сознание причастности к доброму делу является тем, что возмещает неудовлетворенность». [47] «Продолжайте и далее... достойно служить отечеству и человечеству, это самое приятное вознаграждение для такого сердца, как ваше. Я сознаю, с какими трудностями и препятствиями приходится сталкиваться. Но, согласитесь, какое удовольствие видеть процветающими на твоих глазах и твоими заботами такое большое количество семей, кои своим существованием обязаны вам» [48].

Ценность частных писем, помимо всего прочего, состоит в том, что они дают возможность узнать субъективное мнение автора, проследить за ходом его мыслей, изменением суждений, являющихся результатом его личностного восприятия и эмоций, — позволяют проникнуть в его внутренний мир. Несомненно, они требуют тщательного изучения и при этом могут пролить свет на неизвестные факты, а известные сведения дополнить подробностями имевших место событий.

Примечания

Все даты приведены по старому стилю.

1. «Одесский вестник». 1830 г. № 72. 6 сентября. Письмо к издателю А.М. Фадеева; А.М. ... Staatsrat Kontenius, in: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland (Hrsg.) Heimatbuch der Deutschen aus Rußland / 1958.0.0. S. 147.
2. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2477. Л.137-140.
3. «Одесский вестник». № 72.
4. Там же.
5. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 184 а.
6. Там же. Д. 184.
7. Там же. Л. 2.
8. Старина и новизна. Книга 9. СПб., 1905. С. 313-314.
9. Там же. С. 18.
10. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911 гг. М., 1991. С. 5.
11. «Одесский вестник». № 72.
12. Фадеев А.М. Воспоминания. (Отгиск из «Русского архива», 1991). С. 321, 422
13. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 184 а. Л. 2 (12 сентября 1803 г.).
14. Там же. Л. 2, 3 (12 сентября 1803., 28 сентября 1803 г.).
15. Там же. Л. 10 (16 августа 1804 г.); Л. 16 (24 августа 1804 г.); Л. 21 (21 сентября 1804 г.).
16. Там же. Л. 12 об. (16 августа. 1804 г.).
17. Там же. Л. 20(21 сентября 1804 г.).
18. Там же. Л. 24 (14 декабря 1804 г.).
19. Там же. Л. 61 (3 июня 1809 г.).
20. Там же. Л. 20-20 об. (21 сентября 1804г.).
21. Там же. Л. 22 об. (11 октября 1804г.).
22. Там же. Л. 39 (27 января 1806 г.).
23. Там же. Л. 60 (22 мая 1809 г.).
24. Там же. Л. 61 (3 июня 1809 г.).
25. Там же. Л. 71 (4 декабря, 1809 г.).
26. Там же. Л. 8 об. (22июля 1804 г.).
27. Там же. Л. 10 (26 июля 1804 г.).
28. Там же. Л. 24 (14 декабря 1804 г.).
29. Там же. Л. 4 (28 сентября 1803 г.).
30. Там же. Л. 20 об. (21 сентября 1804 г.); Л. 24 об (14 декабря **1804 г.**)
31. Там же. Ф. 1. Оп.220 (1803 г.). Д. 133. Л. 314.
32. Там же. Ф. 93. Оп.1. Д.184 а. Л. 27-27 об (5 апреля 1805 г.).
33. Там же. Л. 32 (10 сентября 1805 г.).
34. Там же. Л. 35 (16 декабря 1805 г.).

35. Там же. Л. 69 (20 ноября 1809 г.).
36. Там же. Л. 71 (4 декабря 1809 г.).
37. Там же. Л. 43-43 об (28 марта 1806 г.).
38. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 184 а. Л. 35-35 об (16 декабря 1805 г.).
39. Там же. Л. 44 (6 апреля 1806 г.).
40. Там же. Ф.6. Оп. 1. Д. 969. Л. 102 об, 103, 108, 109 об.
41. Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 184 а. Л. 54 (19 мая 1808 г.).
42. Там же. Л. 5 (25 октября 1803 г.).
43. Там же. Л. 6 об. (6 июля 1804 г.).
44. Там же. Л. 35 (16 декабря 1805 г.).
45. Там же. Д.184. Л.34-34 об (30 марта 1810 г.).
46. Там же. Д. 184 а. Л. 6 об (6 июля 1804 г.).
47. Там же. Л. 35 об-36 (16 декабря 1805 г.).
48. Там же. Л. 11 (26 июля 1804 г.).

ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 20-30-Е ГОДЫ

В.В. Ченцов

Введение в научный оборот новых массивов источников позволяет расширить представление исследователей об исторических реалиях.

В настоящее время ученые получили доступ к документам, которые ранее хранились в специальных фондах. К таким источникам относятся и материалы советских органов государственной безопасности: Чрезвычайной комиссии, Государственного политического управления, Народного комиссариата внутренних дел и т.д.

Цель данной работы — показать, какую информацию можно извлечь исследователям, занимающимся разработкой проблемы политических репрессий, в том числе против немецкого населения Украины. Автором проанализированы источники, содержащиеся в Государственном архиве Службы безопасности Украины, Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, Центральном государственном архиве органов власти и управления Украины, ряде областных государственных архивов Украины, а также материалы Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Период исследования — 20-30-е гг. XX столетия — период наиболее массовых политических репрессий.

Актуальность работы выражена не только в необходимости теоретического осмысления сущности и проявлений тоталитаризма по отношению к людям различной национальной, конфессиональной при-

надлежности и т.п. Немаловажно довести правдивую информацию до заинтересованных лиц: невинно пострадавших, родственников, знакомых, близких.

На Украине данная работа осуществляется многими государственными ведомствами, в том числе по программе «Реабилитированные истории», утвержденной правительством Украины.

Предлагая схему систематизации и классификации материалов, автор исходил из того, что большинство источников относится к делопроизводственной документации и для источниковедческой характеристики их целесообразно положить в основу общепринятые варианты классификации по функциональной принадлежности документов: организационно-распорядительные (в т.ч. протокольные, текущей переписки), плановые, учетно-контрольные, отчетные, статистические, документы по личному составу.

Однако классификация, построенная по такой схеме, не дает возможности наметить оптимальные пути поиска и отбора информации по определенной проблематике, что столь необходимо для реализации конкретных исторических задач.

Поэтому, на наш взгляд, удачным представляется сочетание первой схемы с вариантом классификации по содержанию источниковой базы. Возможным видится также выделение таких групп источников, как судебно-следственная и оперативная документация.

Анализ документов советских органов государственной безопасности позволяет по-новому подойти к рассмотрению некоторых вопросов заявленной проблематики:

- специфика и этапы политических репрессий против немецкого населения;
- репрессии против немецких колонистов периода коллективизации;
- политические репрессии и эмиграционное движение немцев Украины;
- репрессии в отношении немецких специалистов, иностранных подданных, политэмигрантов;
- преследования немцев по конфессиональной принадлежности;
- трагические судьбы немецкой интеллигенции;
- кампания в СССР по ликвидации «гитлеровской помощи»;
- немцы в политических процессах 30-х годов;
- массовый террор против немецкого населения в пик репрессивной политики 1937-1938 годов;
- политические репрессии конца 30-х годов, депортации немцев Украины.

В представленном докладе содержится попытка раскрыть информационные возможности документов советских органов государственной безопасности, а также отметить специфику политических репрессий против немецкого населения в определенный исторический отрезок, который не нашел достаточного освещения в исследованиях. Речь идет о событиях 1934-1936 гг., времени, когда складывались предпосылки для развязывания тотального террора в СССР.

Анализируя причины, ход и масштабы репрессий, исследователи обращают внимание на их спад в 1934 г., объясняя это реорганизацией репрессивного механизма, необходимостью политического и юридического обоснования дальнейших репрессий.

В то же время документы органов безопасности 1934 г. не подтверждают данных о смягчении репрессивной политики в отношении немецкого населения. Причем фактически не прослеживается различий в работе ГПУ и органов безопасности в составе НКВД, образованного в июле 1934 г.

Как бы подводя итоги своего существования, в июне 1934 г. ГПУ УССР направило в Москву «сведения по ликвидированным немецким делам». Из отчета следует, что в течение 6 месяцев в 240 немецких населенных пунктах органы безопасности «вскрыли» 85 «фашистских организаций», арестовав более 250 человек, осудив 150 немцев. В число руководителей организаций включили немцев, находящихся на партийной и советской работе: Ганауша, Вольфа, Чапека. Проводниками пангерманского влияния названы духовенство и учительство. В тюрьмы бросили пробстов Бирта, Милера и других.

В немецких Зельцском и Спартакоском районах (Одессина) ГПУ ликвидировало более 40 «фашистских» ячеек. Это значит, что арестовали ПО немцев, 56 из них осудили на различные сроки заключения, в том числе Роттенера — экономиста Госплана Украины, бывшего видного деятеля немецкой националистической организации «Сонемкол», преподавателей харьковских институтов Шмидта Ф., Шмидта П. Им инкриминировали «внедрение фашистских идей и подготовку повстанческих кадров на случай интервенции Германии». В качестве легальной базы оружия следствием рассматривался союз охотников, членами которого состояли некоторые обвиняемые. Десять преподавателей немецких школ во главе о сотрудником Лингвистического института С.Шульцем, якобы создавшим боевые штурмовые отряды из немецкой молодежи, осудили по делу «Союз молодых боевых немцев на Киевщине». В середине 1934 г. был вынесен приговор 24 немцам, служившим в представительствах фирмы «Контроль-КО». Их обвинили

в диверсионном акте на заводе им. Марти в Николаеве, где изготавливались подводные лодки. 18 немцев признали виновными в передаче германской разведке сведений о производственных мощностях Крамашстроля, планов на мобилизационный период предприятий Донбасса. [1]

В г. Николаеве и Карл-Либкнехтовском районе сотрудники ГПУ выявили «диверсионные ячейки» на заводах им. Марти и «61», артиллерийских складах 15-й стрелковой дивизии, минных складах Черноморского флота. По делу осудили 30 человек, включая технического руководителя рудоэкспорта Шаффа, инженеров Фрейлиха и Келлера. За сбор секретных сведений о Днепрогэсе, авиазаводе №29, заводе «Коммунар» вынесли обвинительные приговоры в отношении 34 немцев.

В процессе следствия находилось дело о «контрреволюционной фашистской организации», охватившей Днепропетровскую, Одесскую, Донецкую, Харьковскую области и осуществлявшей деятельность «под прикрытием немецких газет». К июню в тюрьмах оказалось 15 подозреваемых, в том числе бывшие политэмигранты Ступим, Гоккель, Моллер, Радешток, Компфгаузен, Завадский, Билик, Гетлер, Бен.

По мнению ГПУ, организация делилась на отраслевые исполкомы («аусшусы»). Только в Харькове их насчитали шесть. Культурно-пропагандистский, в который входили Шварц, Кнорре, Шелленберг, занимался распространением контрреволюционной литературы; технический (Гогеман, Штраллер) — вредительской и разведывательной деятельностью в промышленности. Представители экономического исполкома (инженер Флеминг и другие) осуществляли экономический шпионаж. «Разлагающую работу» среди рабочих проводили немецко-подданные Краузе, Ступин, на селе — Фихтнер, в области научно-исследовательской деятельности — Вайсберг, Плячек, Штепель. Политическую платформу организации органы безопасности определили веско — фашизм. В качестве доказательств практической работы членов организации по «укреплению фашистских идей» приводились следующие факты: 1) создание «народного университета», который получал литературу из Германии; 2) извращение выступлений вождей партии в различных немецких изданиях, что оценивалось как «вредительская работа на языковедческом фронте». Агитация против применения тракторов в сельском хозяйстве рассматривалась следствием как попытка «порчи земли», стремление сорвать полевые работы. В вину немцам, трудившимся на Харьковском тракторном заводе, шахтах Донбасса вменяли вывод из строя нескольких импортных машин. Обвинение в подготовке организации к биологической войне строи-

лось на предположении о причастности немца Киршнера, работавшего в системе общественного питания, к массовым желудочным заболеваниям на Харьковском электромеханическом заводе [2].

Для придания масштабности деятельности «Фашистской партии Украины» (так стали именовать организацию) ГПУ выявляло ее многочисленные филиалы в Одессе (Педагогический институт), Киеве (Лингвистический институт: профессор немецкого языка Меер Ф.Л., преподаватели Эрнст, Ансон, Шепе, Лапке, Гаусман, Денс). Утверждение следствия о том, что партия опиралась на обкомы, райкомы, созданные по территориальному принципу, независимо от национального признака, оправдывало включение в организацию русских, украинцев и т.д.. Так, Судебная тройка при Коллегии ГПУ УССР в марте 1934 г. по делу «о диверсионно-разведывательной деятельности немецко-фашистов на Украине» осудила 32 человека. Наряду с германско-подданными Г.В.Карллом, австрийско-подданными И.М.Вайнцетелем, служителями культа Ф.И.Пфултом, советскими немцами А.Ф.Шеффером, Ю.А.Гуммертом, О.А.Фогелем, М.Ф.Шнайдером, А.В.Штурмом, Ф.Ф.Шаффом, Э.Г.Танку, В.А.Миллером, А.К.Вагнером, Г.Г.Кливером, И.Д.Фризенем, к уголовной ответственности привлекли русского Г.И.Горовенко, украинца И.И.Плохого, грека Н.В.Баева и др. Не случайны указания местным ГПУ «взять на учет всех лиц, связанных с немцами» [3].

Кроме вышеперечисленных крупных процессов, сотрудники ГПУ возбуждали десятки уголовных дел на немцев.

В Виннице кистера Г.Э.Кинцеля и германско-подданного Ф.Рика осудили за обработку населения в националистическом духе; учителя Эмиля Гольца и пастора Дерингера — по обвинению в организации повстанческих ячеек, кистера Друзе Эвальда — «за отрыв населения от советской действительности». Репрессированы были сыновья кулаков Э.Ф.Фолькман, И.П.Драузе, колонист Эмиль Том, помогавший скрыться детям раскулаченного Р.Избрехта. В Мархлевском районе ГПУ разоблачило «контрреволюционную группу» в немецкой школе и арестовало Эмиля Вертмана и Адольфа Гмезера. [4]

С образованием НКВД, принятием новых законодательных актов, преследующих цель с помощью террора окончательно сломить оппозицию режиму в любой форме, начинается новый виток репрессивной политики, в том числе по отношению к немецкому населению.

На всех проходивших политических процессах обвиняемым инкриминировали связь с фашистской Германией, фашистскими организациями.

Дело облегалось тем, что с 1933 г. в связи с массовым голодом в СССР Германия через различные организации и банки стала оказывать материальную помощь «советским» немцам.

В Германии были созданы общества и комитеты по оказанию помощи голодающим: «Братья в нужде», «Фаст и Бриллиант», «Комиссия по пересылке пакетов в СССР», «Центральный комитет немцев Черноморья», «Пельфа Помита» и др. Большую работу проводил «Союз зарубежных немцев» (Аусландейче). Помощь направлялась через Торгсин почтовыми переводами по 5-10 марок либо непосредственно конкретному адресату (в конверты вкладывалось по 20-40 марок). Иногда высылались посылки, например, с огородными семенами. Благотворительностью занимались не только специальные фонды, организации, но и частные лица. Данную деятельность успешно пропагандировали выехавшие из СССР профессор Вениамин Унру, балтийский проповедник Мюллер, протестант Шиллинг, пастор Шимке. [5]

Правда, заручиться поддержкой правительства Германии в этом вопросе не удалось. И все же только комитет «Братья в нужде» к августу 1933 г. собрал 500 тыс. рейхсмарок. «Союз помощи» во главе с российскими немцами-эмигрантами пастором Иоганном Бределем и профессором Георгом Ратом составил прошение с 25 тыс. подписей, обращенное к правительству Третьего рейха, о разрешении выезда в Германию всем российским немцам. Доставкой финансовых средств в СССР занималась фирма «Фаст и Бриллиант», которая согласно составленным спискам распределяла помощь между регионами. Так, в Высокопольский район с апреля 1933 по сентябрь 1934 г. включительно для немецкого населения поступило денежных средств на сумму 44 392 руб. в золотом исчислении. 90% всех денег поступало из Германии. По данным ГПУ Украины, размер помощи с апреля 1933 г. по апрель 1934 г. составил 487 825 рублей золотом. В отдельных национальных районах помощь получали от 40 до 60 % немцев. В первую очередь получателями состояли раскулаченные, семьи репрессированных, хотя очевидцы свидетельствовали, что «даже полуторамесячный ребенок и то не забывается — получает перевод на пеленки» [6].

В докладной записке, подготовленной специальной комиссией, которая изучала положение дел в немецких районах Украины для последующего вынесения вопроса на рассмотрение политбюро ЦК КП(б)У, в сентябре 1933 г. указывалось на то, что так называемая «гитлеровская помощь» поступала не только из Германии, но и из Америки, Ватикана. Так, в Люксембургском районе этой помощью было охвачено до 30% колхозов и 10-20% колхозников. Помощь направля-

лась не только населению немецких, но и смешанных национальных районов. [7]

Безусловно, политические круги фашистской Германии стремились использовать данную акцию в своих интересах, что тем не менее не может снизить значимость ее для граждан СССР, очернить проявление человеколюбия со стороны народа Германии.

Вначале советскому руководству было выгодно пополнять таким образом валютные запасы. Секретарь ЦК ВКП(б) Л.М.Каганович предложил организовать на местах «добровольный» отказ немцев от пожертвований из-за границы в пользу МОПРа. Индивидуальная работа проводилась с каждым колонистом — получателем помощи. Однако немцы часто не поддавались на уговоры. Как вспоминают современники, «слишком ведь велико было искушение — в Торгсине так ослепительно белела мука крупчатка, так аппетитно пахли дунайские сельди, а дома у колхозника и кукурузной-то муки в ту пору не было». Сотрудники Киевского и Харьковского немецких консульств практиковали личные выезды в немецкие колонии для раздачи помощи. Консульства принимали ежедневно по 50-60 немцев, просивших о материальной поддержке [8].

Советским немцам предлагалось обратиться письмами к благотворительным организациям в Германии. Адреса немцы узнавали в представительствах Германии, от других корреспондентов, специальных распространителей из числа активистов, священнослужителей. [9]

Довольно терпимое отношение властей к получателям помощи из Германии в конце 1933 г. резко изменилось. Развернулась кампания по борьбе с «гитлеровской помощью, подрывающей авторитет социалистического государства». Получатели посылок и марок, которые не хотели сдавать их в фонд Международной организации помощи борцам революции, объявлялись контрреволюционерами и агентами германского фашизма.

Генеральный секретарь ЦК КП(б)У С.Косиор в письме к Сталину интересовался, не согласится ли генсек на применение дополнительных санкций для «решения вопроса». Вероятно, ЦК ВКП(б) согласился с мнением украинских коммунистов, так как по линии Народного комиссариата иностранных дел на места пришли указания «запретить всякого рода выезды представителей консульств в села для раздачи помощи и проведения провокационной работы» [10]. К июню 1934 г. было арестовано 100 организаторов «гитлеровской помощи», преимущественно пасторов, сектантских проповедников, лиц из церковного актива, кулаков.-За пределы Союза выдворили секретаря германско-

го консульства в Одессе Ганна, представителей германского транспортного общества «Дейтше-Левант Лиине». Власти запретили деятельность в пределах СССР организаций «Братья в нужде», «Фаст и Бриллиант», «Свет с Востока» и др.. Консульства Германии официально объявили о том, что советское правительство запретило им оказывать материальную помощь немецким колонистам. Деньги стали поступать из Канады, Швеции, Швейцарии, Франции [11]. Увеличилось количество денежных переводов от имени частных лиц. Поступала валюта советским немцам непосредственно из банков — «Рейхсшунденфер Вельтунг», «Дойче банк» и других. [12]

Дело в том, что в 1918 г. во время пребывания на Украине австро-германской армии среди немцев-колонистов проводилась большая работа по распространению германского военного займа. Зажиточные немцы приобрели облигации на различные суммы. Так, Тропман И. купил ценных бумаг на 13 тыс. марок. Получение выплат процентов по вкладам, которые осуществляли немецкие банки, также считалось контрреволюционным преступлением [13]. Официальные власти карали всех, кто получал помощь Германии, так как рассматривали получение денежных средств как «оплату работы фашистской агентуры и привлечение контрреволюционных кадров». НКВД бросило в тюрьмы так называемых распространителей адресов благотворительных организаций, в том числе колонистов Бошмана, у которого обнаружили свыше 200 адресов из Германии, Фаска (40), Унру (20) и многих других. [14]

Значительная часть писем колонистов за рубеж перехватывалась НКВД, а те, которые доходили до адресата, в дальнейшем изымались, использовались как неопровержимые свидетельства связи с фашистами. Содержание писем расценивалось как «провокационное», а выезд для получения денег в города, где располагались помещения Торгсина, — как «гитлеровская помощь», направленная на «срыв хозяйственных и политических кампаний на селе». За получением переводов люди, бросая работу, выезжали в город, «тратя на одну поездку по 2 дня». Их обвиняли в том, что это «очень вредно отражается на работе». [15]

Так, спецколлегия Днепропетровского областного суда 15 апреля 1935 г. приговорила к лишению свободы на срок 6 лет с поражением в правах и конфискацией имущества Эйтенеера Я.Ф. Он был признан виновным в том, что в 1933 г. у пастора Клюдта получил адрес «фашистской германской благотворительной организации и направил письмо контрреволюционного содержания, компрометирующее совет-

скую власть». В результате Эйтенеер получил два денежных перевода и стал «снабжать» односельчан подобными адресами. «Преступная» деятельность бывшего председателя религиозной общины Янцена И. Д. заключалась в том, что бывая в домах колхозников, он предлагал написать письма в комитеты помощи Германии, Голландии, Швейцарии такого содержания: «Я, Шульц Эмилия, живу в колонии Каменное Поле, по национальности немка, держу лютеранскую веру, вдова, осталась без мужа, имею 3-х детей, один из них калека». Янцену как человеку, который «может взбудоражить других людей, даже незаметно для окружающих», дали 5 лет ИТЛ «без конфискации имущества за неимением такового» [16].

Кепле Эрнеста, Роберта и Луизу Бибердорфов осудили за составление коллективных заявлений об оказании помощи, в которых «жизнь в немецких колониях рисуется в самых мрачных красках». И.К. Дей-Левемаш Адольберт пострадал только за то, что стгоряча послал в газету письма, где «провокационно» утверждал: «Советская печать нагло лжет, отрицая голод среди немецкого населения. Немцы обречены на голодную смерть, и германские национал-социалисты поступают совершенно правильно, объявляя кампанию помощи голодающим немцам». [17]

Обосновывая репрессии, руководитель НКВД Украины В.Балицкий в докладной записке в ЦК КП(б)У указывал, что «консульская агентура и фашистские элементы на основе материальной помощи немецкому населению ведут широкую агитацию по срыву хозяйственно-политических кампаний на селе, невступлению в колхозы, отказу от землепользования, развитию переселенческих тенденций и вредительству» [18].

5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в колониях», обязавшее местные органы «принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». НКВД, суд и прокуратура ориентировались на быстрое рассмотрение дел на «фашистский саботажный и прочий контрреволюционный элемент в немецких колхозах». К организаторам и распространителям «гитлеровской» помощи предлагалось применять «особо суровые меры социальной защиты». Советское правительство фактически отказывалось от обязательств 1930 г. перед Германией о лояльном отношении к гражданам этой страны.

В ноябре 1934 г. НКВД Украины, отметив успехи оперативного удара по наиболее активным фашистским элементам в апреле — июле 1934 г., наметил основные направления дальнейшей работы. Предполагалось «вскрыть организующую роль немецкого руководства в проводимой контрреволюционной работе»; обратить особое внимание на немецкое учительство, представляющее «базу для фашистской деятельности»; разгромить радиокружки, «создаваемые для распространения фашистских идей», спиритические общества, «объединяющие фанатические элементы». Возглавлявший НКВД Украины Балицкий, приказал подчиненным принять репрессивные меры по отношению к активным контрреволюционным и антисоветски настроенным элементам, подвергая их арестам и высылке, а в отношении наиболее злостных добиваться вынесения приговоров о расстреле; выслать из пределов Союза специалистов Германии, «проявляющих недовольство жизнью в СССР». Народный комиссар предупреждал о том, что работа по «изъятию фашистского и антисоветского элемента» ни в коем случае не является какой-либо одноразовой кампанией, с этого времени в аппарате НКВД выделялось специальное направление в работе по немцам. В национальных немецких районах Украины вводились должности уполномоченных НКВД, подбирались кандидатуры оперативных работников, знающих немецкий язык.

Во второй половине 1934 г. усилились репрессии против иностранных подданных, политэмигрантов. Власти арестовали председателя сельсовета Вальгуни; австрийского подданного, заведующего отделом народного образования Спартаковского района политэмигранта Мауэра, отказавшегося выехать в район для проведения разъяснительной работы, направленной против «гитлеровской помощи»; редактора местной газеты в Зельцком районе политэмигранта Дунаца за связь с осужденным в Одессе по немецкому делу «профессором-фашистом» Штремом; заведующего школой политэмигранта Гаугера; германского подданного директора Пришибского агротехикума Компфгаузена и т.д. Данную категорию немцев рассматривали в качестве руководителей различных фашистских организаций. Так, в досье на Герберта Карловича Ступина, 1905 г. рождения, уроженца Дрездена, значилось, что он прибыл в СССР в 1931 г. в качестве политэмигранта, зарегистрировался как германско-подданный на основании справки ЦК МОПРа. Учился в школе профдвижения, по совместительству работал в Инбюро ВЦСПС. В 1932 г. переехал в Харьков. Устроился техником-консультантом на электромеханический завод, затем занимал должность заведующего агитмассовой работой в немецком рабочем

клубе, руководил интернациональным батальоном. За «искривления» в работе его сняли с должности и 1933 г., обвинив и том, что ввел в состав батальона иноспецов Штраллера, Кюршнера, редактора журнала «Нойланд» Гоккеля (позднее арестованных); использовал возможности клуба для проведения фашистской обработки населения; распространял фашистскую литературу; поддерживал связь с консульством в Харькове. Подобный криминал послужил основанием для ареста политэмигранта [20].

Убийство С.М.Кирова в ноябре 1934 г., по выражению известного историка Р.Конквеста, «стало фундаментом всего исполинского здания террора и насилия...» [21].

1 декабря 1934 г. по инициативе И.В.Сталина путем опроса членов политбюро было принято постановление ЦИК СССР, которое обязало следствие вести дела по подготовке и осуществлению террористических актов ускоренным порядком, судебные органы лишались права принимать к рассмотрению ходатайства о помиловании. Органы НКВД приводили в исполнение приговоры о высшей мере наказания немедленно. 10 декабря были введены в действие статьи уголовно-процессуального кодекса, отражавшие новое постановление. [22]

Одновременно в стране развернулась общегосударственная шовинистическая кампания разгрома «национализма», которая нашла выражение в постановлениях ЦК КП(б)У «О немецких районах» (декабрь 1934 г.), «О Мархлевском и Пулинском районах» (август 1935 г.). [23]

Проверки и чистки затронули все учреждения немецких национальных районов. В.Балицкий констатировал, что в Карл-Либкнехтовском районе практически все хозяйственные и советские руководители были разоблачены в 1935 г. как «фашистские пособники» [24].

20 декабря 1934 г. ЦК КП(б)У принял постановление «О переселении из приграничных районов». Специальные комиссии составляли именные списки антисоветских элементов для высылки в Сибирь. Речь шла о немецком и польском населении. В январе 1935 г. с Украины депортировали 9470 хозяйств (около 40 тыс. человек). [25]

Постановление ЦК КП(б)У «О засоренности классово-враждебными элементами Хортицкого немецкого машиностроительного техникума» (апрель 1935 г.) послужило сигналом к чистке немецкой интеллигенции. НКВД ориентировали на то, что немецкие школы, педагогические и индустриальные техникумы являются базой фашистских организаций.

В список лиц, которые подлежали арестам, был включен М.Г.Билик, директор Хортицкого немецкого педтехникума, член ВКП(б), германско-подданный. До 1927 г. Билик заведовал немецкой партийной

школой в Одессе, затем перешел в Пришибский техникум. Ему вменяли в вину создание контрреволюционной организации на идеологическом фронте, которая в 1933 г. оформилась в «ярковыраженную фашистскую ячейку». Директор якобы вовлек в организацию своего помощника Брюллера Густава, «внедрявшего фашистские идеи среди студенчества», преподавателя биологии Ф.Ф.Фрезе (сына кулака-проповедника, в 1917 г. члена Временного Сибирского правительства, инициатора создания «Живой меннонитской церкви» в Павлограде), преподавателя немецкого языка Чензе Елену, преподавателя истории Фендиса (ранее исключенного из ВКП(б) за сокрытие кулацкого происхождения), заведующего учебной частью Завадского П.П., который вместе с арестованными профессорами Миквицем, Штремом участвовал в составлении «идеологически невыдержанной» программы по немецкому языку.

Сотрудники НКВД собирали компромат на директора Пришибского немецкого зоотехникума Бельмейера, который якобы вместе с преподавателями Бахманом, Вольтером, Радеконом занимался вредительством — уничтожал скот; директора Хортицкого машиностроительного техникума Карла Гоера, заведующего учебной частью Габуша и др. В итоге техникумы закрыли, обвинив преподавателей в «фашистской деятельности». [26]

По распоряжению партийных функционеров развернулась открытая травля сотрудников немецких изданий. Газету «Kollektivwirtschaft», орган Зельцкого районного комитета КП(б)У, назвали фальсификатором действительности за публикации о продовольственных трудностях, «из которых можно сделать вывод о якобы безвыходном положении немецких колхозников в районе». Репрессиям подверглись Э.Х.Шмидт — редактор газеты «Штюрмер», редактор газеты «Дас Нойс Дорф» Мюллер и другие. НКВД использовал малейшую зацепку для возбуждения уголовных дел. Этнографические экспедиции профессоров А.Штрема, В.Жирмундского по обследованию немецких сельскохозяйственных колоний Волыни и Днепропетровщины послужили поводом к аресту инспектора немецких школ при Наркомпросе Украины А.И.Патака, организовавшего и субсидирующего поездку Жирмундского по Украине, «под видом сбора старых песен в немецких колониях, в действительности же для проведения контрреволюционной работы», учителя школы Цебриковского района Г.И.Бахмана и др. [27].

На Донбассе были арестованы члены спиритического кружка за то, что «вызвали дух», который «проповедовал идею террора против тов. Сталина». [28]

Дела о террористах с 1934 г. стали в НКВД наиболее распространенными. Особенно часто они возбуждались против членов партийной оппозиции, в том числе лиц немецкой национальности.

В декабре 1934 г. ЦК КП(б)У разослал закрытое письмо по всем партийным организациям «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова». В письме содержался призыв выявлять, исключать и арестовывать всех бывших членов оппозиции, еще оставшихся в партии. Провоцировался поток огульных доносов. Выводы ЦК ВКП(б) стали «боевой программой действия для органов НКВД». Народный комиссар внутренних дел Г.Ягода напоминал об ответственности НКВД перед партией «за своевременное подавление в корне всех контрреволюционных попыток борьбы с советской властью...» [29].

18 января 1935 г. ЦК партии выпустил новое «закрытое письмо» о бдительности. Разразилась очередная волна арестов, охватившая десятки тысяч людей. Статистика свидетельствует о том, что во второй половине 1935 г. в сравнении с первым полугодием этого же года количество дел, рассмотренных следколлегиями областных судов, увеличилось на 95,9%. Традиционным стало обвинение осужденных в «контрреволюционной и троцкистской агитации». [30]

19 мая 1935 г. ЦК КП(б)У дублировал постановление центра о выявлении «врагов партии», еще оставшихся в ее рядах, а 27 мая приказом НКВД СССР в НКВД—УНКВД республик, краев и областей, подчиненных непосредственно Центру, были организованы «тройки» НКВД, на которые распространялись права Особого совещания. В них входили: председатель — начальник УНКВД или его заместитель, члены — начальник управления милиции и начальник отдела, расследовавшего дело, которое разбиралось «тройкой». Участие прокурора в заседаниях было обязательным. Тройка принимала решение о высылке, ссылке или заключении в лагерях на срок до 5 лет. [31]

Используя все возможные способы давления на «врагов народа», ЦК партии постановлением от 7 апреля 1935 г. распространил все виды наказания, включая смертную казнь, на детей с 12-летнего возраста. Впервые законодательно дети стали заложниками системы.

В 1935 и 1936 гг. основным удар пришелся на разгром бывших оппозиционеров: «троцкистов, зиновьевцев», членов «рабочей оппозиции». Организовывались показательные судилища. 11 августа было опубликовано постановление, которое восстанавливало практику открытых судебных процессов, разрешало участие адвокатов в суде и давало возможность осужденным обращаться с просьбами о помиловании [32].

Получив соответствующие указания, органы НКВД стали усиленно проводить «разработку» бывших троцкистов, как находящихся на свободе, так и отбывающих заключение или ссылку. 9 февраля 1936 г. заместитель наркома внутренних дел Г.Е.Прокофьев направил местным органам НКВД директиву, в которой ставилась задача ликвидации «без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья».

31 марта политбюро ЦК вынесло решение: «всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 01.12.1934 г. расстрела» [33].

Одновременно с «партийными» процессами фабриковались дела о вредителях и диверсантах. Официальное определение вредительства было расширено, наказания за него устанавливались более жестокие. 29 ноября 1936 г. Генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский распорядился в месячный срок истребовать и изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью «выявления контрреволюционной вредительской подоплеки этих дел» и привлечения виновных к более строгой ответственности.

Практика выполнения производственных заданий любой ценой вынуждала руководителей пренебрегать соблюдением мер технической безопасности. Перебои в работе и даже тяжелые катастрофы стали системой. Отсюда и неиссякаемый источник для органов НКВД в выявлении так называемых вредителей и диверсантов. [34]

В сентябре 1936 г. экономическое управление НКВД Украины ликвидировало «немецкую контрреволюционную диверсионно-повстанческую организацию». Ячейки организации были «вскрыты» на оборонных предприятиях гг. Константиновки, Краматорска, Славянска, Артемовска, Днепропетровска, в немецких колониях Донецкой и Днепропетровской областей. В обвинительном заключении НКВД указывалось, что организация сформировалась еще в 1931 г. из немцев, бывших помещиков, крупных кулаков, участников карательных отрядов, бывших белых, репрессированных, бывших участников разгромленных контрреволюционных организаций «Союз голландских выходцев» и Всесоюзный центр немцев-баптистов. В руководящее ядро организации сотрудники НКВД включили Г.Г.Шимке, подданного Германии, выехавшего на родину в 1936 г.; Г.Г.Вальтера, активиста эмиграционного движения в 1929 г.; Д.Д.Брукса, члена «Союза голландских выходцев»; С.Я.Прицкау, выходца из кулацкой семьи; Г.И.Прицкау, добровольца белой армии. [35]

В Донецкой, Запорожской, Днепропетровской областях раскрыли десятки «контрреволюционных фашистских групп» в зерновых и животноводческих совхозах. Из обвинительных заключений следует, что их члены «устраивали сборища под видом совершения религиозных обрядов, восхваляли фашизм в Германии, доказывали преимущества военной техники в империалистических государствах и неизбежность поражения СССР в случае войны». Контрреволюционеры «организовывали среди рабочих саботаж» и давали задания проводить недоброкачественный ремонт и умышленно выводить из строя сельскохозяйственные машины. Приводились такие факты: по заданию Крауса трактористы Гербер и Бауль «выпустили из ремонта трактор с разбитым блоком мотора»; член группы Шамнэ «умышленно отбил поршень трактора меньшего диаметра, чем надо, в результате чего трактор выбыл из строя» и т.п. [36]

Поднаторев в фабрикациях дел по террористам, вредителям, диверсантам, антисоветчикам, сотрудники НКВД практиковались в обвинениях по «оказанию каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности» [37].

Немцев, болгар, поляков, людей других национальностей рассматривали в качестве «базы для формирования различных националистических групп и организаций». В НКВД накапливались компрометирующие материалы, систематически составлялись «спецдоклады по национальным колониям, иностранным специалистам, политэмигрантам и перебежчикам, по культурной связи с заграницей» и т.п. В них концентрировались сведения о деятельности лютеранского и католического духовенства, о влиянии сектантов на население немецких колоний, разнообразных контактах немецкого населения с иностранцами, сотрудниками иностранных представительств, иноспециалистами. Фиксировались все заграничные поездки и командировки, разрабатывались «все связи с прибывающими в СССР иностранными научными деятелями, делегациями, гостями, туристами, транзитниками и проч.» В нужный момент собранная информация использовалась как обличительный материал. [38]

Гаак Г.Г. неосмотрительно вел переписку с иностранцем, работавшим на заводе в г. Днепропетровске. После отъезда последнего за гра-

ницу Гаак «выполнял поручения по реставрации могил иностранных граждан», за что и получил 6 лет ИТЛ. В качестве вещественных доказательств к делу прилагалась переписка — техническая документация по одному из поставленных станков на завод. Все шло впрок, текст конфискованной документации даже не переводился с немецкого языка. [39]

Адам К.Ю. и Граф И.Я. поддерживали связь с иностранным консульством, «собирали у немцев-переселенцев деньги к немецкому консулу» и были осуждены в 1936 г. соответственно на 4 и 3 года ИТЛ с конфискацией имущества.

Немцам-переселенцам из Ленинграда инкриминировали «сочинение и распевание песен контрреволюционного содержания»:

1. Мы здесь в чужой стране, далеко от наших родственников оторваны, за нашу родину жаль и горе в наших сердцах горит.

2. Да, мы очень много страдали, никто нас не защищал, никто нам помощи не дал.

3. Когда нас транспортировали, как преступников, никто не имел права протестовать.

4. В тюрьмах мы сидели много и по несколько раз. Хлеба и воды нам не давали.

5. Сорок километров пешком без всякой еды нельзя забыть,

7. Здесь за нами тайно следят. Нас преследуют, мы все под подозрением.

9. Все наши письма к любимым цензура вскрывает, если хоть одно слово написано лишнее — письмо на родину не дойдет.

10. Нашу веру нам запрещают.

12. И так мы живем в страхе каждый день.

14. Кто виноват во всех этих мучениях?

15. Мы ждем то время, когда нас освободят.

17. Какое великое счастье будет вернуться на родину» [40].

(ПереводснемецкогосделанвНКВД.Стилистикасохранена.Авт.)

Лейпи Г.О. осудили за распространение стихотворения собственного сочинения: «...С раннего утра до позднего вечера немец работает, как скотина, а государство не ценит наш труд. Восемнадцать лет прожито, а не видел и одного счастливого часа, кроме страданий и нужды» [41]. (Перевод НКВД. Стилистика сохранена. — Авт.).

Немецкое население проявляло большой интерес ко всему, что делалось в Германии. Вопреки запрету тайно прослушивались немецкие радиостанции, коллективно обсуждалось услышанное. Пен-

мер Д.Ф. и 1933 г. создал кружок радиолобителей. Раза 2-3 в неделю односельчане слушали радио, в том числе речи Гитлера, Геббельса, говорили о том, что Гитлер решил ликвидировать безработицу, взял курс на создание крепких единоличных хозяйств, на освобождение от обязательств Версальского договора, рассуждали о преимуществах национал-социализма перед коммунизмом. «Наслушавшись» радиопередач, стали думать о том, как принять в колхоз священнослужителя Пеннера В.Г. Выполняя «установку» проповедника, «во что бы то ни стало взять под свое влияние детей школьного возраста, не дать им возможности заразиться коммунистическим влиянием в школе, завербовали через родителей 12 детей таким образом, что дети бросили школу и по воскресеньям собирались и пели религиозные песни.»

Чтобы не умереть с голода, колхозники избрали своим председателем меннонита Функа А.Е., не вели точного учета отходов зерна из-под молотилки, а раздавали неочищенное зерно нуждающимся. За подобные «преступления» и главным образом «за моральную поддержку гитлеровского строя в Германии» Пеннера Д.Ф. приговорили к 5 годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года. Верховный Суд УССР кассационную жалобу осужденного оставил без удовлетворения. [42]

Упорно следователи пытались создать аналогичную контрреволюционную группу из дела Моора А.Ф. Однако последний напрочь забыл, кто приходил к нему слушать радио, какие передачи удавалось ему «поймать». Единственный названный при допросе Лепольд Х.В. был осужден к 3 годам ИТЛ за прослушивание радиопередач, несмотря на то, что был глухой [43].

За малейшее проявление сочувствия к Германии или людям, которые каким-либо образом выражали поддержку этой стране, следовало неминуемое наказание. Гейн Г.И. работал обществоведом в школе. В марте 1935 г. ученик шестой группы Эсац Генрих написал на доске о том, что Саарская область перешла к Германии. По сообщению информатора, в конце надписи стоял восклицательный знак, «что говорит о радости», «а Гейн не реагировал, как должен был реагировать коммунист». В мае другой осведомитель на дверях школы увидел наклеенную бумажку с нарисованной пушкой и человеком с фашистской свастикой. Под рисунком стояла надпись «Германия, Германия над всем». Гейн взял бумажку, спрятал в карман и никому не показывал. Он не дал ученика исключить из школы. Кроме того, дети периодически на спине и рукаве рисовали мелом друг другу свастику. Подобное поведение Гейна следователь квалифицировал так: «Не ре-

агировал на моменты открытых выступлений школьников против существующего строя».

Чувствуя, что судебное заседание может выглядеть посмешищем, принимается решение сделать его закрытым, вызвать трех свидетелей, а от вызова остальных отказаться, «так как они ничего существенного показать не могут». На суде Гейну приписали еще несколько Преступлений, в том числе и то, что в своей квартире он «передерживал» кулачку Балис, и приговорили к 6 годам лишения свободы [44]. Учителя Графа осудили по обвинению в том, что он «дал задание воспитывать детей в школе таким образом, чтобы избежать преподавания русского и украинского языков, усилив контрреволюционную националистическую пропаганду среди детей с целью воспитания в них чувств германского патриотизма и ненависти к советской власти» [45].

В 1935 г. НКВД ликвидировал «Немецкую фашистскую организацию», якобы созданную сотрудниками германского консульства. В ее состав включили группу литературоведов и искусствоведов. По данным следствия, деятельность организации заключалась в «пропаганде идей фашизма, вербовке членов фашистских ячеек, организации фашистских групп, шпионаже в пользу Германии, подготовке террористических актов». В циркуляре НКВД особо подчеркивалась связь организации с сотрудниками германского консульства, утверждалось, что через лютеранский «Высший церковный совет» производилась оплата лиц, принимавших участие в шпионской деятельности, а также оказывалась помощь немцам, осужденным за контрреволюционную деятельность. Вывод делался однозначный: «Дело фашистской контрреволюционной организации свидетельствует о широкой работе немцев в СССР. Работа направлена на создание широких массовых организаций с вовлечением немцев — граждан СССР, а также русских, причем немцы в этой работе играют организующую роль». [46]

Продолжались репрессии против священнослужителей. 10 мая 1935 г. народный комиссар внутренних дел Украины В.А.Балицкий доложил ЦК КП(б)У дело «группы немцев-ксендзов, которые проводили в немецких районах и колониях активную фашистскую работу». НКВД предложил руководителю группы прелату Крушинскому (67 лет) и настоятелю католической церкви в Зельце Лорану (63 года) дать 10 лет лагерей. В 20-х числах мая в Карл-Либкнехтовском районе Одесской области состоялось открытое выездное заседание облсуда. Власти организовали присутствие делегаций колхозников, требовавших вынесения сурового приговора. Учитывая преклонный возраст осужденных на 10 лет Крушинского и Лорана, лишение свободы за-

менили высылкой в Казахстан. Остальных обвиняемых — Гофмана и Таубергера осудили к 10 годам лишения свободы.

В Высокопольском районе пастора лютеранского прихода Баумана, Кистера и 4-х церковных старост осудили в общей сложности на 47 лет концентрационных лагерей и 31 год поражения в правах за связь с германскими дипломатическими организациями в СССР. По обвинению в проведении националистической работы в колониях Марьяновка и Потемкино к 43 годам тюремного заключения приговорили 3 человек, в том числе ксендза Вализера.

По аналогичному обвинению были репрессированы 9 меннонитских проповедников. [47]

В 1936 г. НКВД Украины сфабриковал дело о «Национальном союзе немцев Украины», который охватывал Харьковскую, Днепропетровскую, Одесскую, Киевскую области, Крым. Были арестованы немцы, родившиеся на Украине и служившие в царской армии, выходцы из Германии, Австрии, попавшие в плен в 1914—1918 гг. и выразившие желание остаться на Украине, а также граждане Германии, Австрии, приехавшие в республику в поисках работы. Сотрудникам НКВД «удалось установить» связи «фашистов» с московским центром, немцами Поволжья, их «блокирование с ПОВ, УВО и другими антисоветскими формированиями», а также «выходы на канцелярии Розенберга и Геббельса». Военный трибунал Киевского военного округа 16 октября приговорил к расстрелу 7 человек, в том числе Гебгарда И.Ф., заведующего бюро немецкой секции ЦК ВКП(б) и немецкой секции ЦК КП(б)У, Криниченко-Вильбаха П.Ф. — руководителя делегации компартии Западной Украины при ЦК КП(б)У. Членов организации обвинили «в идеологической подготовке немцев Украины к оказанию помощи фашистским войскам, активном шпионаже в пользу Германии, проведении саботажа и диверсионно-террористических актов».

В том же году на Украине были репрессированы руководители немецкого издательства, сотрудники немецкой секции Наркомпроса УССР, редакций газет «Дас Нойс Дорф», «Юнг штурм», 30 человек преподавателей и студентов Одесского педагогического техникума.

В одном Высокопольском районе число репрессированных составило в 1934 г. — 35, 1935 — 34, 1936 — 26 человек. Так, по делу учителя Г.Ф.Коффинга, обвиняемого в пересылке за рубеж писем провокационного содержания, арестовали 4 колонистов. Гугенгеймер, Фрешер и Миллер получили разные сроки тюремного заключения за противодействие выполнению сельхозкампаний в колхозе им. Ленина. 5 че-

ловек, в том числе Абенда, Дерксена, репрессировали по обвинению в проведении фашистской работы в колониях Мировка, Озеровка, Пригорье, Алексаидровка. В колхозе «Прогресс» НКВД ликвидировал группу в количестве 11 человек во главе с П.Ф.Энсом, которого приговорили к расстрелу. Четверо колонистов, в том числе Фрейнд, Вернер, пострадали как получатели «гитлеровской помощи». «Восхваление режима гитлеровской Германии» дорого обошлось Я.Я.Гадреру и Я.Я.Дику. Я.В.Журбасу вменили в вину высказывания о том, что «колхозная система поработает народ. Советская власть над крестьянством издевается». Спецколлегия областного суда в июне 1936 г. вынесла решение по делу контрреволюционной фашистской группировки, «охватившей немецкие колонии Мировку и Потемкино». Ф.П.Клагсена, в прошлом активного деятеля немецкого отряда «кулацкой самообороны», Д.Д.Гедерта, меннонитского проповедника, И.Л.Мумбера, участника эмиграционного движения обвинили в подготовке восстания, «клевете на руководителей партии и советского правительства в самой похабной форме». [48]

Итак, в преддверии террора 1937-1938 гг. закладывалась солидная база для массовых репрессий. Партийные решения, ужесточение законодательных норм, реорганизация карательных органов способствовали целенаправленной расправе с неудобной частью немецкого населения. Репрессиям подверглись немцы, поддерживавшие какие-либо связи с Германией (получатели так называемой «гитлеровской помощи», корреспонденты немецких газет, лица, состоявшие в переписке с жителями Германии и т.д.) и даже просто высказавшие доброе отношение к этой стране. Отличительной особенностью периода является широкомасштабное применение политических репрессий против представителей немецкой интеллигенции. Многие крупные дела, сфабрикованные в середине 30-х гг., имели чудовищное завершение в пик репрессий.

В целом, анализируя архивные документы советских органов госбезопасности на Украине в 1920-1930 гг., можно прийти к следующим выводам.

Эти источники обладают большими информационными возможностями, благодаря тому, что спецслужбы выполняли задачи информационного обеспечения партийных и государственных структур всех уровней. В функции ЧК — ГПУ — НКВД входил контроль за разными сферами общественной жизни: экономикой, политикой, идеологией, культурой, религией, а также выявление и наказание противников режима. Это привело к сосредоточению в архивах ведомства разноплановых сведений.

Уникальность материалов заключается в концентрации в них информации, собранной официальным и негласным путями. В документах накапливались сведения, которые больше не отложились нигде: о реагировании различных слоев населения на те или иные события, о подлинном отношении людей к власти предрержащим, осуществляемой ими политике.

Сопоставление документов органов безопасности с материалами партийных и советских инстанций, организаций и ведомств способствует критическому подходу к оценке информации, дает возможность составить общее представление, насколько она полна, надежна, достоверна.

Исследуемый комплекс документов имеет репрезентативный характер, так как представляет собой целую серию однородно-массовых источников, равномерно отражающих различные стороны процесса в его многообразии и непрерывности. Составленные по единым правилам, предусмотренным законодательными и ведомственными нормами, материалы воссоздают типичную картину процессов, происходящих в разных административных единицах Украины.

Комплексное изучение документов ЧК — ГПУ — НКВД помогает установить данные о количественном составе репрессированных, их социальной, политической, религиозной принадлежности; понять механизм фабрикации уголовных дел, технологию репрессий; проследить жизненный путь людей, в том числе немцев, оказавшихся жертвами трагических событий сталинской эпохи.

1. Государственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБ Украины). Фонд печатных изданий. Д. 416. Т. 1. Л. 173, 174.
2. См. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ Российской Федерации).
3. ГАСБ Украины. Фонд печатных изданий. Д. 416. Т. 1. Л. 185.
4. См.: ЦАФСБ Российской Федерации.
5. Там же.
6. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 85. Л. 45.
7. Марочко В. Хунгер — значить голод // ВІСН. 1993. №8. С. 144; Німці вУкраїні 20-30-і рр. XX ст. / Збірник документів державних архівів України. Київ, 1994. С. 177.
8. Сергийчук В. От голодного рта — в котел мирового гегемона // Независимость. 1995. 17 февраля. С. 4.
9. См.: ЦАФСБ Российской Федерации.
10. Панчук М., Польовий Л. Під пресою тоталітарного режиму: німці вУкраїні радянський період // Полпика 1 час. 1992. № 9-10, С. 62.

11. ГЛСБ Украины. Фонд печатных изданий. Д. 416. Т. 1. Л. 178.
12. Там же. Д. П-24379. Л. 52.
13. Там же. Д. П-23789. Л. 286.
14. См.: ЦАФСБ Российской Федерации.
15. ГАСБ Украины. Д. П-24328. Л. 85,
16. Там же. Д. П-24142. Л. 83; Д. П-24323. Л. 32, 86.
17. Там же. Д. 416. Т. 1. Л. 214, 313.
18. Панчук М., Польовый Л. Указ. соч. С. 64.
19. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-е— 1930-е годы). М., 1995. С. 178-179.
20. ГАСБ Украины. Фонд печатных изданий. Д. 276. Л. 95-100; Д. 46. Т. 1. Л. 213.
21. Волкогоно Д. Триумф и трагедия. Кн. 1. М., 1989. С. 90.
22. Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 81; Историки спорят. М., 1988. С. 287-289.
23. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 132.
24. Кравченко М.Л. Доля німців в Україні // Трибуна. 1993. С. 24.
25. Панчук М., Польовый Л. Указ. соч. С. 64.
26. ГАСБ Украины. Фонд печатных изданий. Д. 120. Л. 89.
27. Там же. Д. 416. Т. 1. Л. 214, 223.
28. Там же. Д. 276. Л. 12.
29. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.
30. Страницы истории Компартии Украины. Вопросы и ответы. Киев, 1990. С. 182.
31. Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.
32. Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 10. С. 141.
33. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 176, 177.
34. ГАСБ Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8, 9, 10.
35. Там же. Д. П-24518. Т. 1-4.
36. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 22, 23.
37. СЗ. 1934. №49. Ст. 330.
38. ГАСБ Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 89; Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
39. Там же. Д. П-19544. Л. 73.
40. Там же. П-20799. Л. 124.
41. Там же. Д. П-18778. Л.82.
42. Там же. Д. П-24290. Л. 94.
43. Там же. Д. П-24115. Л. 49.
44. Там же. Д. П-23898. Л. 105.
45. Там же. Д. П-21786. Л. 14.
46. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
47. Центральный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2739. Л. 49,50.
48. ГАДО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 85. Л. 179-182.

НАШИ АВТОРЫ

- Алиев Немал* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории АНА, г. Баку (Азербайджан).
- Барбашина Эльвира Рудольфовна* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного университета, директор Немецкого исследовательского центра при НГУ, г. Новосибирск (Россия).
- Белковец Лариса Прокопьевна* — доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск (Россия).
- Бетхер Александр Райнгартович* — аспирант кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета, г. Омск (Россия).
- Бруль Виктор Иванович* — доктор, Институт германских и восточно-европейских исследований, г. Гёттинген (Германия).
- Вашкау Нина Эмильевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (Россия).
- Вибе Петр Петрович* — кандидат исторических наук, доцент, директор Омского государственного историко-краеведческого музея, г. Омск (Россия).
- Гербер Ольга Александровна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Сибирской коммерческой академии, г. Новосибирск (Россия).
- Герман Аркадий Адольфович* — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры СВВКУ, г. Саратов (Россия).
- Горобцова Елена Анатольевна* — заместитель директора Саратовского областного музея краеведения, г. Саратов (Россия).

- Греков Николай Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент Омской государственной академии путей сообщения, г. Омск (Россия).
- Русакова Зон Емельяновна* — заведующая отделом публикации и использования документов госархива Саратовской области, г. Саратов (Россия).
- Дубинин Сергей Иванович* — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Самарского государственного университета, г. Самара (Россия).
- Ерина Елизавета Моисеевна* — директор Энгельсского филиала Государственного архива Саратовской области, г. Саратов (Россия).
- Иларионова Татьяна Семеновна* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой журналистики и информационной политики Российской академии государственной службы при Президенте РФ, г. Москва (Россия).
- Коновалова Ольга Владимировна* — заведующая отделом НСА Государственного архива Одесской области, г. Одесса (Украина).
- Кулинич Иван Маркович* — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Украины, главный научный сотрудник Института истории Украины НАНУ, г. Киев (Украина).
- Курочкин Александр Николаевич* — преподаватель СВВКУ, г. Саратов (Россия).
- Малиновский Лев Викторович* — доктор исторических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета, г. Барнаул (Россия).
- Малова Наталья Анатольевна* — научный сотрудник Саратовского краеведческого музея, г. Саратов (Россия).
- Матханова Наталья Петровна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (сектор археографии и источниковедения) Института истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск (Россия).
- Мешков Дмитрий Юрьевич* — сотрудник Государственного областного архива, г. Днепропетровск (Украина).
- Нелинович Сергей Геннадьевич* — кандидат исторических наук, заведующий отделом микрофотокопирования Российского государственного военно—исторического архива, г. Москва (Россия).
- Петров Юрий Александрович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва (Россия).
- Плеве Игорь Рудольфович* — кандидат исторических наук, докторант СГЭА, г. Саратов (Россия).
- Плесская—Зебольт Эльвира Германовна* — директор Центра историко—архивных исследований при Одесском немецком обществе «Видергербурт», г. Одесса (Украина).

- Плохотнюк Татьяна Николаевна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Ставропольского государственного университета, г. Ставрополь (Россия).
- Рублевская Светлана Александровна* — ассистент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета, г. Омск (Россия).
- Смирнова Татьяна Борисовна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета, г. Омск (Россия).
- Чеботарева Валентина Георгиевна* — доктор исторических наук, профессор, главный специалист Миннаца РФ, г. Москва (Россия).
- Чепцов Виктор Васильевич* — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного архива службы безопасности Украины, г. Днепрпетровск (Украина).
- Шадт Александр Александрович* — аспирант Новосибирского государственного университета, г. Чулым (Россия).
- Шайдуров Владимир Николаевич* — студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул (Россия).
- Шваб Александр* — доктор, научный сотрудник Института немецкой музыки на Востоке, г. Бергиш-Гладбах (Германия).
- Шрадер Татьяна Алексеевна* — кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), г. С.-Петербург (Россия).
- Энгель—Брауншмидт Аннелоре* — профессор Университета, г. Киль (Германия).

Научное издание

**Российскиенемцы.
Историография и источниковедение**

Материалы международной
научной конференции

Редакторы *И.Плеве, А.Герман*
Корректурa *М. Сергиенко*
Верстка *И. Сорокин*

Изд. лиц. № 064634 от 13.06.96.
Подписано в печать 10.09.97. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
23,25 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «ГОТИКА», 107370, Москва, ул. Бойцовая, 14-6-38.
Тел.: (095) 169-96-58, факс: (095) 169-97-58
Типография № 3 РАН, Москва, Открытое ш., 28.